

АВГУСТЪ 1916 ПТРГ.

ЪТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ. ♦ ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга. ♦ М. ЧЕРНОКОВЪ. Бурый. ♦ ИВ. БУНИНЪ. Стихотворенія. ♦ ПЪЕРЪ МИЛЛЬ. Монархъ. ♦ Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. ♦ К. З. Современная Польша. ♦ П. ЮШКЕВИЧЪ. Принципъ относительности и новое учение о времени. ♦ К. ТИМИРЯЗЕВЪ. Памяти друга. ♦ И. ДАВИДЗОНЪ. О спекуляци. ♦ П. СУРОЖСКІЙ. По Маринскому водному пути. ♦ В. ВОЛГИНЪ. Изъ иностранной хроники. ♦ М. СМИТЪ. Факты английской общественности. ♦ Н. ЕГОРОВЪ. Письмо изъ Франци. ♦ АД. БЪЛЬСКІЙ. Жизнь „Ивана“. ♦ В. ВОДОВОЗОВЪ. Къ отставкѣ Сазонова. ♦ М. ПЕТРОВЪ. По поводу предстоящей реформы земства. ♦ А. НИКИТСКІЙ. Война и биржа. ♦ Н. ОСИНСКІЙ. Твердыя цѣны и аграрныя вождельнія. ♦ БИБЛЮГРАФІЯ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА, имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ
„TABACS et CIGARETTES de LUXE“
Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAVANE — importation directe.

ПАПРΟΣЫ:

„ЛМЛ“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„САФО“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„BARLING“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 50 к.

„АДА“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

„ДЯДЯ КОСТЯ“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва.

Т-во Н. Н. Богдановъ и Ко.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

Петроградъ, Бол. Монетная, 18, кв. 4.

Поступилъ въ продажу

Сборникъ армянской литературы

подъ редакціей **М. Горькаго.**

Цѣна 2 рубля.

Лица, выписывающія книгу непосредственно отъ издательства
«ПАРУСЪ», за пересылку не платятъ.

АВТОПИСЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ

№ 8

АВГУСТЪ

1916

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ	5
II. ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Тайга	28
III. М. ЧЕРНОКОВЪ. Бурый	68
IV. ИВ. БУНИНЪ. Стихотворенія	86
V. ПЬЕРЪ МИЛЛЬ. Монархъ. Авт. пер. Н. Тасина .	89
VI. Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ. Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна. Авт. пер. М. Ликиардопуло	126
VII. К. З. Современная Польша	168
VIII. П. ЮШКЕВИЧЪ. Принципъ относительности и но- вое ученіе о времени	190
IX. К. ТИМИРЯЗЕВЪ. Памяти друга. (Изъ воспоми- наній о М. Ковалевскомъ).	211
X. И. ДАВИДЗОНЪ. О спекуляціи	226
XI. ПО РОССИИ. П. СУРОЖСКІЙ. По Маринскому водному пути	235
XII. ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. В. ВОЛГИНЪ. Изъ иностранной хроники. М. СМИТЪ. Факты англій- ской общественности. Н. ЕГОРОВЪ. Письмо изъ Франціи	249
XIII. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. Ад. БЪЛЬ- СКІЙ. Жизнь «Ивана»	271
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. ВОДОВО- ЗОВЪ. Къ отставкѣ Сазонова. М. ПЕТРОВЪ. По поводу предстоящей реформы земства. А. НИКИТ- СКІЙ. Война и биржа. Н. ОСИНСКІЙ. Твердыя цѣны и аграрныя вожделѣнія	279
XV. БИБЛІОГРАФІЯ.	
Н. ВЕНГРОВЪ. Т. Ефименко. «Жадное сердце».	
Д. ВЫГОДСКІЙ. Франсуа Війонъ. «Отрывки изъ «Большого завѣщанія». Д. ВЫГОДСКІЙ. Д. Дар-	

евн. «Радость земли». РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ. Н. Кар-	
занскій. «Парлакъ». ВЯЧ. П. С. Золотаревъ.	
«Синхронистическая диаграмма по исторіи русской	
литературы». Р. АРСКІЙ. В. Майскій. «Германія	
и война». П. ЮШКЕВИЧЪ. Б. Л. Богаевскій.	
«Земледѣльческая религія Аонія». А. НИКИТСКІЙ.	
Проф. В. Н. Твердохлѣбовъ. «Финансовые	
очерки»	307
XVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	319

Статья А. Лозовскаго «Еще о будущемъ мирѣ» (Письмо изъ Парижа), не могла быть помѣщена по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря—по понедельникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

ТИПОГРАФІЯ

Акціонернаго О-ва Издательск. Дѣла
«КОПЪИКА»
Петроградъ, Сайкинъ пер., б, собствен. домъ

*Перепечатка воспрещается. Право
на переводъ принадлежитъ автору.*

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

(Продолженіе). *

ХІІ.

Позднею осенью, когда рейсы парохода кончились, я поступилъ ученикомъ въ мастерскую иконописи, но, черезъ день, хозяйка моя, мягкая и пьяненькая старушка, объявила мнѣ владимірскимъ говоромъ:

— Дни теперь коротенькіе, вечера длинные, такъ ты съ утра будешь въ лавку ходить, мальчикомъ при лавкѣ постоишь, а вечерами—учись!

И отдала меня во власть маленькаго, быстроногаго приказчика, молодого парня съ красивенькимъ, приторнымъ лицомъ. По утрамъ, въ холодномъ сумракѣ разсвѣта, я иду съ нимъ черезъ весь городъ по сонной, купеческой улицѣ Ильинкѣ на Нижній базаръ; тамъ, во второмъ этажѣ Гостинаго двора, помѣщается лавка. Приспособленная изъ кладовой, темная, съ желѣзною дверью и однимъ маленькимъ окномъ на террасу, крытую желѣзомъ, лавка была тѣсно набита иконами разныхъ размѣровъ, кіотами, гладкими и съ «виноградомъ», книгами церковно-славянской печати, въ переплетахъ желтой кожи. Рядомъ съ нашей лавкой помѣщалась другая, въ ней торговалъ тоже иконами и книгами чернобородый купецъ, родственникъ старовѣрческаго начетчика, извѣстнаго за Волгой, въ Керженскихъ краяхъ; при купцѣ—сухонькій и бойкій сынъ, моего возраста, съ маленькимъ сѣрымъ личикомъ старика, съ безпокойными глазами мышенка.

Открывъ лавку, я долженъ былъ сбѣгать за кипяткомъ въ трактиръ; напившись чаю — прибрать лавку, стереть пыль съ товара и потомъ — торчать на террасѣ, зорко слѣдя, чтобы покупатели не заходили въ лавку сосѣда.

— Покупатель — дуракъ, — увѣренно говорилъ мнѣ

* См. «Лѣтопись» №№ I—VII за 1916 г.

приказчикъ. — Ему все едино, гдѣ купить, лишь бы — дешево, а въ товарѣ онъ не понимаетъ!

Быстро щелкая дощечками иконъ, хвастаясь тонкимъ знаніемъ дѣла, онъ поучалъ меня:

— Мастерской работы — товаръ дешевый, три вершка на четыре — себѣ стоитъ... шесть вершковъ на семь — себѣ стоитъ... Святыхъ знаешь? Запомни: Вонифатій — отъ запоя; Варвара Великомученица — отъ зубной боли, нечаянная смерти; Василий Блаженный — отъ лихорадки, горячки... Богородицъ знаешь? Гляди: Скорбящая, Троеручица, Абаляцкая-Знаменіе. Не рыдай мене Мати, Утоли моя печали, Казанская, Покрова, Семистрѣльная...

Я быстро запомнилъ цѣны иконъ по размѣрамъ и работѣ, запомнилъ различія въ иконахъ Богородицъ, но запомнить значеніе святыхъ было нелегко.

Задумаешься, бывало, о чемъ-нибудь, стоя у двери лавки, а приказчикъ вдругъ начнетъ провѣрять мои знанія:

— Трудныхъ родовъ разрѣшитель — кто будетъ?

Если я ошибаюсь, онъ презрительно спрашиваетъ:

— Для чего у тебя голова?

Еще труднѣе было зазывать покупателей; уродливо написанныя иконы не нравились мнѣ, продавать ихъ было неловко. По разговорамъ бабушки, я представлялъ себѣ Богородицу молодой, красивой, доброй; — такую Она была и на картинкахъ журналовъ, а иконы изображали Ее старой, строгой, съ длиннымъ, кривымъ носомъ и деревянными ручками.

Въ базарные дни, среду и пятницу, торговля шла бойко, на террасѣ то и дѣло появлялись мужики и старухи, иногда цѣлыя семьи, все — старообрядцы изъ Заволжья, недовѣрчивый и угрюмый лѣсной народъ. Увидишь, бывало, какъ медленно, точно боясь провалиться, шагаетъ по галлерей тяжелый человѣкъ, закутанный въ овчину и толстое, дома валенное сукно, — становится неловко передъ нимъ, стыдно. Съ великимъ усиленіемъ встанешь на дорогѣ ему, вертишься подъ его ногами въ пудовыхъ сапогахъ, и натужно, комаромъ поешь:

— Что вамъ угодно, почтенный? Псалтири слѣдованные и толковые, Ефрема Сирина книги, Кирилловы, Уставы, Часословы — пожалуйста, взгляните! Иконы всѣ, какія желаете, на разныя цѣны, лучшей работы, темныхъ красокъ! На заказъ пишемъ кого угодно, всѣхъ святыхъ и Богоро-

диць! Имянную, можетъ, желаете заказать, семейную? Лучшая мастерская въ Россіи! Первая торговля въ городѣ!

Непроницаемый и непонятный покупатель долго молчитъ, глядя на меня, какъ на собаку, и вдругъ, отодвинувъ меня въ сторону деревянной рукою, идетъ въ лавку сосѣда, а приказчикъ мой, потирая большія уши, сердито ворчитъ:

— Упустилъ, тор-рговецъ...

Въ лавкѣ сосѣда гудитъ мягкій, сладкій голосъ, течетъ одуряющая рѣчь:

— Мы, родимый, не овчиной торгуемъ, не сапогомъ, а — Божьей благодатию, которая превыше сребра-злата, и нѣтъ ей никакой цѣны...

— Ч-чортъ! — шепчетъ мой приказчикъ съ завистью и восхищеніемъ: — Здорово заливаешь глаза мужику! Учись! Учись!

Я учился добросовѣстно — всякое дѣло надо дѣлать хорошо, коли взялся за него. Но я плохо преуспѣвалъ въ заманиваніи покупателей и въ торговлѣ; — эти угрюмые мужики, скупые на слова, старухи, похожія на крысь, всегда чѣмъ-то испуганныя, поникшія, вызывали у меня жалость къ нимъ, хотѣлось сказать тихонько покупателю настоящую цѣну иконы, не запрашивая лишняго двугривеннаго. Всѣ они казались мнѣ бѣдными, голодными, и было странно видѣть, что эти люди платятъ по три рубля съ полтиной за Псалтирь — книгу, которую они покупали чаще другихъ.

Они удивляли меня своимъ знаніемъ книгъ, достоинствъ письма на иконахъ, а однажды, сѣденькій старичекъ, котораго я загонялъ въ лавку, кротко сказалъ мнѣ:

— Неправда это будетъ, малый, что ваша мастерская по иконамъ самолучшая въ Россіи, самолучшая-то — Рогожина, въ Москвѣ!..

Смутясь, я посторонился, а онъ тихонько пошелъ дальше, не зайдя и въ лавку сосѣда.

— Съѣлъ? — ехидно спросилъ меня приказчикъ.

— Вы мнѣ не говорили про мастерскую Рогожина...

Онъ началъ ругаться:

— Шляются вотъ эдакія тихони и все знаютъ, анаемы, все понимаютъ, старые псы...

Красивенькій, сытый и самолюбивый, онъ ненавидѣлъ мужиковъ и въ добрыя минуты жаловался мнѣ:

— Я — умный, я чистоту люблю, хорошіе запахи —

ладонь, одеколонъ, а при такомъ моемъ достоинствѣ долженъ вонючему мужику въ поясъ кланяться, чтобъ онъ хозйкъ пятакъ барыша далъ! Хорошо это мнѣ? Что такое мужикъ? Кислая шерсть, вошь земная, а между тѣмъ...

Онъ огорченно умолкалъ.

Мнѣ мужики нравились, въ каждомъ изъ нихъ чувствовалось нѣчто таинственное, какъ въ Яковѣ.

Бывало — влѣзетъ въ лавку грузная фигура въ чапанѣ, надѣтомъ сверху полушубка, сниметъ мохнатую шапку, перекрестится двумя перстами, глядя въ уголь, гдѣ мерцаетъ лампада и, стараясь не задѣвать глазами неосвященныхъ иконъ, потомъ — молча пощупаетъ взглядомъ вокругъ себя и скажетъ:

— Да-ко-сь Псалтирь толковую!

Засучивъ рукава чапана, онъ долго читаетъ выходной листъ, шевеля землистыми, до крови потрескавшимися губами.

— Подревнѣе — нѣтъ?

— Древнѣе — тысячи цѣлковыхъ стоятъ, какъ вы знаете...

— Знаемъ.

Помусливъ палецъ, мужикъ перевертываетъ страницу, — тамъ, гдѣ онъ коснулся ея, остается темный снимокъ съ пальца. Приказчикъ, глядя въ темя покупателя злымъ взглядомъ, говоритъ:

— Священное писаніе все одной древности, Господь слова своего не измѣнялъ...

— Знаемъ, слышали! Господь не измѣнялъ, да Никонъ измѣнилъ.

И, закрывъ книгу, покупатель молча уходитъ.

Иногда эти лѣсные люди спорили съ приказчикомъ и мнѣ было ясно, что они знаютъ писаніе лучше, чѣмъ онъ.

— Язычники болотные, — ворчалъ приказчикъ.

Я видѣлъ также, что хотя новая книга и не по сердцу мужику, онъ смотритъ на нее съ уваженіемъ, прикасается къ ней осторожно, словно книга способна вылетѣть птицей изъ рукъ его. Это было очень пріятно видѣть, потому что и для меня книга — чудо, въ ней заключена душа написавшаго ее, открывъ книгу, я освобождаю эту душу, и она таинственно говорить со мною.

Весьма часто старики и старухи приносили продавать

древне-печатныя книги до Никоновскихъ временъ или списки такихъ книгъ, красиво сдѣланныя скитницами на Иргизѣ и Керженцѣ; списки Миней, не правленныхъ Дмитриемъ Ростовскимъ; древняго письма иконы, кресты и мѣдные складни съ финифтью, поморскаго литья, серебряныя ковши, даренныя московскими князьями кабацкимъ цѣловальникамъ; все это предлагалось таинственно, съ оглядкой, изъ-подъ полы.

И мой приказчикъ, и нашъ сосѣдъ очень зорко слѣдили за такими продавцами, стараясь перехватить ихъ другъ у друга; — покупая древности за рубли и десятки рублей, они продавали ихъ на ярмаркѣ богатымъ старообрдцамъ за оотни.

Приказчикъ поучалъ меня:

— Ты слѣди за этими лѣшими, за колдуньями, во всѣ глаза слѣди! Они счастье съ собой приносятъ.

Когда являлся такой продавецъ, приказчикъ посылалъ меня за начетчикомъ Петромъ Васильичемъ, знатокомъ старопечатныхъ книгъ, иконъ и всякихъ древностей.

Это былъ высокій старикъ, съ длинной бородою Василія Блаженнаго, съ умными глазами на пріятномъ лицѣ. Плюсна одной ноги у него была отрублена, онъ ходилъ прихрамывая, съ длинной палкой въ рукѣ, зиму и лѣто въ легкой, тонкой поддевкѣ, похожей на рясу, въ бархатномъ картузѣ странной формы, похожемъ на кастрюлю. Бодрый, прямой, онъ, входя въ лавку, олускалъ плечи, изгибалъ спину, охалъ тихонько, часто крестился двумя перстами и все время бормоталъ молитвы, псалмы. Это благочестіе и старческая слабость — сразу внушали продавцу довѣріе къ начетчику.

— Въ чемъ дѣла-то, выпачканы у васъ? — спрашивалъ старикъ.

— Вотъ, икона продается, принесть человѣкъ, говорить — строгановская.

— Чего?

— Строгановская.

— Ага... Плохо слышу, заградилъ Господь ухо мое отъ мерзости словесъ никоніанскихъ...

Снявъ картузъ, онъ держитъ икону горизонтально, смотритъ вдоль письма, сбоку, прямо, смотритъ на шпонку въ доскѣ, щуря глаза и мурлыча:

— Безбожники никоніане, любовь нашу къ древнему

благообразію замѣта и діаволомъ научаемы преехидно фальшамъ разнымъ — нынѣ и святыя образа поддѣлываютъ ловко, ой, ловко! Съ виду-те образъ будто и впрямь строга-новскихъ али устюжскихъ писемъ, а то — суздальскихъ, ну, а взглядишь окомъ внутреннимъ — фальша!

Если онъ говоритъ «фальша», значить, — икона дорогая и рѣдкая. Рядъ условныхъ выраженій указываетъ приказчику, сколько можно дать за икону, за книгу; я знаю, что слова «уныніе и скорбь» значать — десять рублей, «Никонъ — тигръ» — двадцать пять; мнѣ стыдно видѣть, какъ обманываютъ продавца, но ловкая игра начетчика увлекаетъ меня.

— Никониане-то, черныя дѣти Никона-тигра, все могутъ едѣлать, бѣсомъ руководимы, — вотъ и левкасъ будто настоящій, и доличное одной рукой написано, а ликъ-то, гляди, — не та кисть, не та! Старые-то мастера, какъ Пимень Ушаковъ, — хоть онъ еретикъ былъ — самъ весь образъ писалъ и доличное, и ликъ, самъ и чку строгаль, и левкасъ наводилъ, а нашихъ дней богомерзкіе людишки этого не могутъ! Раньше-то иконопись святымъ дѣломъ была, а нынѣ — художество одно, такъ-то, Боговы!

Наконецъ, онъ осторожно кладетъ икону на прилавокъ и, надѣвъ картузь, говоритъ:

— Грѣхи.

Это значить — покупай!

Утопленный въ рѣкѣ сладкихъ ему словъ, пораженный знаніями старика, покупатель уважительно спрашиваетъ:

— Какъ же, почтенный, икона-то?

— Икона — никошанской руки.

— Быть того не можетъ! На нее дѣды, прадѣды молились...

— Никонъ-оть пораньше прадѣда твоего жилъ.

Старикъ подноситъ икону къ лицу продавца и уже строго внушаетъ:

— Ты гляди, какая она веселая, али это икона? Это — картина, слѣпое художество, никонианская забава — въ этой вещи духа нѣтъ! Буду ли я не право говорить? Я — человекъ старый, за правду гонимый, мнѣ скоро до Бога идти, мнѣ душой кривить — расчета нѣтъ!

Онъ выходитъ изъ лавки на террасу, умирающій отъ старческой слабости, обиженный недовѣріемъ къ его

оцѣнкѣ. Приказчикъ платитъ за икону нѣсколько рублей, продавецъ уходитъ, низко поклонясь Петру Васильичу; меня посылаютъ въ трактиръ за кипяткомъ для чая; возвратясь, я застаю начетчика бодрымъ, веселымъ, любовно разглядывая покупку, онъ учитъ приказчика:

— Гляди: икона — строгая, писана тонко, со страхомъ Божиимъ, человѣче — отринута въ ней...

— А чье письмо? — спрашиваетъ приказчикъ, сияя и подпрыгивая.

— Это тебѣ рано знать.

— А сколько дадутъ знатоки?

— Это мнѣ не извѣстно. Давай, кое-кому покажу...

— Охъ, Петръ Васильичъ...

— А если продамъ — тебѣ полсотни, а что сверхъ того — мое!

— Охъ...

— Да ты не охай...

Они пьютъ чай, безстыдно торгуясь, глядя другъ на друга глазами жуликовъ. Приказчикъ весь въ рукахъ старика, это ясно; а когда старикъ уйдетъ, онъ скажетъ мнѣ:

— Ты, смотри, не болтай хозяйкѣ про эту покупку!

Условившись о продажѣ иконы, приказчикъ спрашиваетъ:

— А что новенькаго въ городѣ, Петръ Васильичъ?

Расправивъ бороду желтой рукой, обнаживъ масляныя губы, старикъ рассказываетъ о жизни богатыхъ купцовъ: о торговыхъ удачахъ, о кутежахъ, о болѣзняхъ, свадьбахъ, объ измѣнахъ женъ и мужей. Онъ печетъ эти жирные рассказы быстро и ловко, какъ хорошая кухарка блины, и поливаетъ ихъ шипящимъ смѣхомъ. Кругленькое лицо приказчика бурѣетъ отъ зависти и восторга, глаза подернуты мечтательной дымкой; вздыхая, онъ жалобно говоритъ:

— Живутъ люди! А я, вотъ...

— У всякаго своя судьба, — гудитъ басокъ начетчика. — Одному судьбу ангелы куютъ серебряными молоточками, а другому — бѣсъ, обухомъ топора...

Этотъ крѣпкій, жилистый старикъ — все знаетъ, всю жизнь города, всѣ тайны купцовъ, чиновниковъ, поповъ, мѣщанъ. Онъ зорокъ, точно хищная птица, въ немъ смѣшалось что-то волчье и лисье; мнѣ всегда хочется разсердить его, но онъ смотритъ на меня издали и словно сквозь ту-

мань. Онъ кажется мнѣ окруженнымъ бездонною пустотой; если подойти къ нему ближе — куда-то провалишься. И я чувствую въ немъ что-то родственное кочегару Шумову.

Хотя приказчикъ въ глаза и за глаза восхищается его умомъ, но есть минуты, когда ему такъ же, какъ и мнѣ, хочется разозлить, обидѣть старика.

— А вѣдь обманщикъ ты для людей, — вдругъ говоритъ онъ, задорно глядя въ лицо старика.

Старикъ, лѣниво усмѣхаясь, отзывается:

— Одинъ Господь безъ обмана, а мы — въ дуракахъ живемъ; ежели дурака не обмануть — какая отъ него польза?

Приказчикъ горячится:

— Не всѣ же мужики — дураки, вѣдь купцы-то изъ мужиковъ выходятъ!

— Мы не про купцовъ бесѣду ведемъ. Дураки жуликами не живутъ. Дуракъ — святъ, въ немъ мозги спятъ...

Старикъ говоритъ все болѣе лѣниво, и это очень раздражаетъ. Мнѣ кажется, что онъ стоитъ на кочкѣ, а вокругъ него — трясина. Разсердить его нельзя, онъ недосыгаемъ гнѣву или умѣетъ глубоко прятать его.

Но часто бывало, что онъ самъ начиналъ привязываться ко мнѣ — подойдетъ вплотъ и, усмѣхаясь въ бороду, спросить:

— Какъ ты французскаго-то сочинителя зовешь — Понось?

Меня отчаянно сердитъ эта дрянная манера коверкать имени, но, сдерживаясь до времени, я отвѣчаю:

— Понсонъ-де-Террайль.

— Гдѣ теряетъ?

— А вы не дурите, вы не маленькій.

— Вѣрно, не маленькій. Ты чего читаешь?

— Ефрема Сирина.

— А кто лучше пишетъ: гражданскіе твои, али этотъ?

Я молчу.

— Гражданскіе-то о чемъ больше пишутъ? — не отста-етъ онъ.

— Обо всемъ, что въ жизни случается.

— Стало быть, о собакахъ, о лошадяхъ, — что они слу-чаютъ.

Приказчикъ хохочетъ, я злюсь. Мнѣ очень тяжело, неприятно, но, если я сдѣлаю попытку уйти отъ нихъ, приказчикъ остановитъ:

— Куда?

А старикъ пытается меня:

— Ну-ко, грамотникъ, разгрызи задачу: стоятъ передъ тобой тыща голыхъ людей, пятьсотъ бабъ, пятьсотъ мужиковъ, а между ними Адамъ, Ева, какъ ты найдешь Адамъ-Еву?

Онъ долго допрашиваетъ меня и, наконецъ, съ торжествомъ объявляетъ:

— Дурачекъ, они вѣдь, не родились, а созданы, значить, — у нихъ пупковъ нѣтъ!

Старикъ знаетъ безчисленное множество такихъ «задачъ», онъ можетъ замучить ими.

Первое время дежурствъ въ лавкѣ я рассказывалъ приказчику содержание нѣсколькихъ книгъ, прочитанныхъ мною, теперь эти рассказы обратились во зло мнѣ: приказчикъ передавалъ ихъ Петру Васильевичу, нарочито перевирая, грязно искажая. Старикъ ловко помогалъ ему въ этомъ безстыдными вопросами; ихъ липкіе языки забрасывали хламомъ постыдныхъ словъ Евгению Гранде, Людмилу, Генриха IV-го.

Я понималъ, что они дѣлаютъ это не со зла, а со скуки, но мнѣ отъ этого было не легче. Сотворивъ грязь, они рылись къ ней, какъ свиньи, и хрюкали отъ наслажденія марать и пачкать красивое, — чужое, непонятное и смѣшное имъ.

Весь Гостиный дворъ, все населеніе его, купцы и приказчики, жили странной жизнью, полною глуповатыхъ подѣтски, но всегда злыхъ забавъ. Если пріѣзжій мужикъ спрашивалъ, какъ ближе пройти въ то или иное мѣсто города, ему всегда указывали невѣрное направленіе, это до такой степени вошло у всѣхъ въ привычку, что уже не доставляло удовольствія обманщикамъ. Поймавъ пару крысъ, связывали ихъ хвостами, пускали на дорогу и любовались тѣмъ, какъ онѣ рвутся въ разныя стороны, кусаютъ другъ друга, а иногда обольютъ крысу керосиномъ и — зажгутъ ее. Навязывали на хвостъ собакѣ разбитое желѣзное ведро; собака въ дикомъ испугѣ, съ визгомъ и грохотомъ мчалась куда-то, люди смотрѣли и хохотали.

Было много подобныхъ развлеченій, казалось, что всѣ люди, — деревенскіе въ особенности, — существуютъ исключительно для забавъ Гостинаго двора. Въ отношеніи къ человѣку чувствовалось постоянное желаніе посмѣяться

надъ нимъ, сдѣлать ему больно, неловко. И было странно, что книги, прочитанныя мною, молчатъ объ этомъ постоянно, напряженномъ стремленіи людей издѣваться другъ надъ другомъ.

Одна изъ такихъ забавъ Гостиного двора казалась мнѣ особенно обидной и противной.

Внизу, подъ нашей лавкой, у торговца шерстью и валежными сапогами былъ приказчикъ, удивлявшій весь Нижній базаръ своимъ обжорствомъ, его хозяинъ хвастался этой способностью работника, какъ хвастаются злобой собаки или силою лошади. Нерѣдко онъ вызывалъ сосѣдей по торговлѣ на пари:

— Кто идетъ на десять цѣлковыхъ? Стою на томъ, что Мишка сожретъ въ два часа времени десять фунтовъ окорока!

Но всѣ знали, что Мишка способенъ сдѣлать это, и говорили:

— Паря не держимъ, а ветчины можно купить, пускай жретъ, мы поглядимъ.

— Только, — чтобы чистаго мяса дать, безъ костей!

Поспорять немного и лѣнливо, и вотъ изъ темной кладовой выльзаетъ тощій, безбородый, скуластый парень въ длинномъ драповомъ пальто, подпоясанный краснымъ кушакомъ, весь облѣпленный клочьями шерсти. Почтительно снявъ картузь съ маленькой головы, онъ молча смотритъ мутнымъ взглядомъ глубоко ввалившихся глазъ въ круглое лицо хозяина, налитое багровой кровью, обросшее толстымъ, жесткимъ волосомъ.

— Батманъ окорока сожрешь?

— Въ какое время-съ? — тонкимъ голосомъ дѣловито спрашиваетъ Мишка.

— Въ два часа.

— Трудно-съ!

— Чего тамъ — трудно!

— Позвольте парочку пива-съ!

— Валяй, — говоритъ хозяинъ и хвастается: — Вы не думайте, что онъ натошакъ, нѣтъ, онъ поутру фунта два калача смялъ, да въ полдень обѣдалъ, какъ полагается...

Приносятъ ветчину, собираются зрители, все матерые купцы, туго закутанные въ тяжелыя шубы, похожіе на

огромныя гири; люди съ большими животами, а глаза у всѣхъ маленькіе, въ жировыхъ опухоляхъ и подернуты сонной дымкой неизбывной скуки.

Тѣснымъ кольцомъ, засунувъ руки въ рукава, они окружаютъ ѣдока, вооруженнаго ножомъ и большой краюхой ржаного хлѣба; онъ истово крестится, садится на куль шерсти, кладетъ окорокъ на ящикъ, рядомъ съ собою, измѣряетъ его пустыми глазами.

Отрѣзавъ тонкій ломоть хлѣба и толстый мяса, ѣдокъ аккуратно складываетъ ихъ вмѣстѣ, обѣими руками подноситъ ко рту, — губы его дрожатъ, онъ облизываетъ ихъ тонкимъ и длиннымъ собачьимъ языкомъ, видны мелкіе острые зубы — и собачьей хваткой наклоняетъ морду надъ мясомъ.

— Началь!

— Смотрите на часы!

Всѣ глаза дѣловито направлены на лицо ѣдока, на его нижнюю челюсть, на круглые желваки около ушей; смотрятъ, какъ острый подбородокъ равномерно падаетъ и поднимается, вяло дѣлятся мыслями:

— Чисто — медвѣдь мнетъ!

— А ты видалъ медвѣдя за ѣдой?

— Али я въ лѣсу живу? Это говорится такъ — жретъ, какъ медвѣдь.

— Говорится, — какъ свинья.

— Свинья свинью не ѣстъ...

Неохотно смѣются и тотчасъ кто-то знающій поправляетъ:

— Свинья все жретъ — и поросятъ, и свою сестру...

Лицо ѣдока постепенно бурфетъ, уши становятся слышными, провалившіеся глаза вылѣзаютъ изъ костяныхъ ямъ, дышетъ онъ тяжело, но его подбородокъ двигается все такъ же равномерно.

— Навались, Михайло, время! — поощряютъ его. Онъ спокойно измѣряетъ глазами остатки мяса, пьетъ пиво и снова чавкаетъ. Публика оживляется, все чаще заглядывая на часы въ рукахъ Мишкина хозяина, люди предупреждаютъ другъ друга:

— Не перевелъ бы часы-то онъ назадъ — возьмите у него!

— За Мишкой слѣди: не спускалъ бы въ рукава кусковъ!

— Не сожреть въ срокъ!

Мишкинъ хозяинъ задорно кричитъ:

— Держу четвертной билетъ! Мишка, не выдай!

Публика задорить хозяина, но никто не принимаетъ пари.

А Мишка все жуесть, жуесть, лицо его стало похоже на ветчину, острый, хрящеватый носъ жалобно свистить. Смотрѣть на него страшно, мнѣ кажется, что онъ сейчасъ закричитъ, заплачетъ:

— Помилуйте...

Или — заглотается мясомъ по горло, ткнется головою въ ноги зрителямъ и умереть.

Наконецъ, онъ все съѣлъ, вытаращилъ пьяные глаза и хрипять устало:

— Испить дайте...

А его хозяинъ, глядя на часы, ворчитъ:

— Опоздалъ, подлець, на четыре минуты...

Публика дразнить его:

— Жаль, не шли на споръ съ тобой, проигралъ бы ты!

— А, все-таки, звѣрь-парень!

— Н-да, его-бы въ циркъ...

— Вѣдь, какъ Господь можетъ изуродовать человѣка, а?

— Айдайте чай пить, что ли?

И плывутъ, какъ баржи, въ трактиръ.

Я хочу понять, что сгрудило этихъ тяжелыхъ, чугуновыхъ людей вокругъ несчастнаго парня, почему его болѣзненное обжорство забавляетъ ихъ?

Сумрачно и скучно въ узкой галлерей, тѣсно заваленной шерстью, овчинами, пенькой, канатомъ, валянымъ сапогомъ, шорнымъ товаромъ. Отъ панели ее отдѣляютъ колонны изъ кирпича; неуклюже толстые, онѣ обглоданы временемъ, обрызганы грязью улицы. Всѣ кирпичи и щели между ними, всѣ язвы отвалившейся извести, навѣрное, мысленно пересчитаны тысячи разъ и навсегда легли въ памяти тяжкой сѣтью своихъ уродливыхъ узоровъ.

По панели не спѣша идутъ пѣшеходы, по улицѣ не торопясь двигаются извозчики, сани съ товаромъ; за улицей, въ красномъ кирпичномъ квадратѣ двухъ-этажныхъ лавокъ — площадь, заваленная ящиками, соломой, мятой оберточной бумагой, покрытая грязнымъ, истоптаннымъ снѣгомъ.

Все это, вмѣстѣ съ людьми, лошадьми, несмотря на движение, кажется неподвижнымъ, лѣниво кружится на одномъ мѣстѣ, прикрѣпленное къ нему невидимыми цѣпями. Вдругъ почувствуешь, что эта жизнь — почти беззвучна, до нѣмоты бѣдна звуками. Скрипятъ полозья саней, хлопаютъ двери магазиновъ, кричатъ торговцы пирогами, сбитнемъ, но голоса людей звучатъ невесело, нехотя, они однообразны, къ нимъ быстро привыкаешь и перестаешь замѣчать ихъ.

Похоронно гудятъ колокола церковей, — этотъ унылый звонъ всегда въ памяти уха. Кажется, что онъ плаваетъ въ воздухѣ надъ базаромъ непрерывно, съ утра до ночи, онъ прославиваетъ всѣ мысли, чувства, ложится пригнетающимъ мѣднымъ осадкомъ поверхъ всѣхъ впечатлѣннй.

Скука, холодная и нудная, дышетъ отовсюду: отъ земли, прикрытой грязнымъ снѣгомъ, отъ сѣрыхъ сугробовъ на крышахъ, отъ мясного кирпича зданій; скука поднимается изъ трубъ сѣрымъ дымомъ и ползетъ въ сѣренькое, низкое, пустое небо; скукой дыматся лошади, дышатъ люди. Она имѣетъ свой запахъ, — тяжелый и тупой запахъ пота, жира, коноплянаго масла, подовыхъ пироговъ и дыма; этотъ запахъ жметъ голову, какъ теплая тѣсная шапка, и, просачиваясь въ грудь, вызываетъ странное опьянение, темное желаніе закрыть глаза, отчаянно заорать и бѣжать куда-то, и удариться головой съ разбѣга о первую стѣну.

Я всматриваюсь въ лица купцовъ, откормленныхъ, туго налитыя густой, жирной кровью, нащипанные морозомъ и неподвижныя, какъ во снѣ. Люди часто зѣваютъ, расширяя рты, точно рыбы, выкинутыя на сухой песокъ.

Зимую торговля слабая, и въ глазахъ торгашей нѣтъ того настороженнаго, хищнаго блеска, который нѣсколько красить, оживляетъ ихъ лѣтомъ. Тяжелыя шубы, стѣсняя движения, пригибаютъ людей къ землѣ; говорятъ купцы лѣниво, а когда сердятся — спорятъ; я думаю, что они дѣлаютъ это нарочно, лишь бы показать другъ другу, мы — живы!

Мнѣ очень ясно, что скука давитъ ихъ, убиваетъ, и только безуспѣшной борьбой противъ ея всепоглощающей силы я могу объяснить себѣ жестокия и неумныя забавы людей.

Иногда я бесѣдую объ этомъ съ Петромъ Васильевичемъ. Хотя, вообще, онъ относится ко мнѣ насмѣшливо, съ издѣвкой, но ему нравится мое пристрастіе къ книгамъ, и

порою онъ разрѣшаетъ себѣ говорить со мною поучительно, серьезно.

— Не нравится мнѣ, какъ живутъ купцы, — говорю я. Намотавъ прядь бороды на длинный палецъ, онъ спрашиваетъ:

— А откуда бы тебѣ знать, какъ они живутъ? Али ты въ гости часто ходишь къ нимъ? Здѣсь, парень, улица, а на улицѣ человѣки не живутъ, на улицѣ они торгуютъ, а то — прошелъ по ней скоренько, да и — опять домой! На улицу люди выходятъ одѣтые, а подъ одеждой не знаютъ, каковы они есть; открыто человѣкъ живетъ у себя дома, въ своихъ четырехъ стѣнахъ, а какъ онъ тамъ живетъ — это тебѣ неизвѣстно!

— Да, вѣдь мысли-то у нихъ однѣ, что здѣсь, что дома?

— А кто можетъ знать, какія у сосѣда мысли? — строго округляя глаза, говоритъ старикъ вѣскимъ баскомъ: — Мысли, какъ воши, ихъ не сочтешь, — сказываютъ старики. Можетъ, человѣкъ, придя домой-то, падетъ на колѣни, да и заплачетъ, Бога умоляя: прости, Господи, согрѣшилъ во святой день Твой! Можетъ, домъ-отъ для него — монастырь, и живетъ онъ тамъ только съ Богомъ однимъ? Такъ-то вотъ! Каждый паучокъ знай свой уголокъ, плети паутину, да умѣй понять свой вѣсь, чтобы выдержала тебя...

Когда онъ говоритъ серьезно, голосъ звучитъ еще ниже, басовитѣе, какъ бы сообщая важныя тайны.

— Ты вотъ разсуждаешь, а разсуждать тебѣ — рано, въ твои-то годы не умомъ живутъ, а глазами! Стало быть, гляди, помни, да помалкивай. Разумъ — для дѣла, а для души — вѣра! Что книги читаешь, это хорошо, а во всемъ надо знать мѣру, нѣкоторые зачитываются и до безумства и до безбожія...

Онъ казался мнѣ безсмертнымъ, — трудно было представить, что онъ можетъ постарѣть, измѣниться. Ему нравилось рассказывать исторіи о купцахъ, о разбойникахъ, о фальшивомонетчикахъ, которые становились знаменитыми людьми, я уже много слышалъ такихъ исторій отъ дѣда, и дѣдъ рассказывалъ лучше начетчика. Но смыслъ рассказовъ былъ одинаковъ: богатство всегда добывалось грѣхомъ противъ людей и Бога. Петръ Васильевъ людей не жалѣлъ, а о Богѣ говорилъ съ теплымъ чувствомъ, вздыхая и пряча глаза.

— Такъ вотъ и обманываютъ Бога-то, а Онъ, Батюшко Иисусъ, все видитъ и плачетъ: люди Мои, люди, горестные люди, адъ вамъ уготованъ!

Разъ я осмѣлился напомнить ему:

— Въдь вы тоже обманываете мужиковъ...

Это его не обидѣло.

— Велико ли мое дѣло? — сказалъ онъ. — Слизну трешницу, пятишницу — вотъ и вся недолга!

Заставая меня за чтеніемъ, онъ бралъ изъ моихъ рукъ книгу, придирчиво спрашивалъ о прочитанномъ и, недовѣрчиво удивляясь, говорилъ приказчику:

— Ты гляди-ко, — понимаетъ книги-то, шельмецъ!

И толково, памятно, поучалъ:

— Слушай слова мои, это тебѣ годится! Кирилловъ — двое было, оба — епископы; одинъ — Александриской, другой — Ерусалимской. Первый ратоборствовалъ супротн окаяннаго еретика Несторія, который училъ похабно, что-де Богородица — человѣкъ есть; а посему — не имѣла Бога родить, но родила человѣка же, именемъ и дѣлами Христа, сирѣчь — Спасителя міру, стало быть, надо Ее называть не Богородица, а Христородица — понялъ? Это названо — ересь! Ерусалимской же Кирилль боролся противъ Арія еретика...

Меня очень восхищало его знание церковной истории, а онъ, потрепывая бороду холеной поповской рукой, хватался:

— Я на этомъ дѣлѣ — генераль; я въ Москву, къ Троицѣ ѣздилъ на словесное преніе съ ядовитыми учеными никоніанами, попами и свѣтскими; я, малый, даже съ профессорами бесѣды водилъ, да! Одного попа до того загонялъ словеснымъ-то бичемъ, что у него ажно кровь носомъ пошла — вотъ какъ!

Щеки у него покрывались румянцемъ, глаза расцвѣтали.

Кровотечение изъ носа противника онъ, видимо, считалъ высшимъ пунктомъ своего успѣха, самымъ яркимъ рубиномъ въ золотомъ вѣнцѣ славы своей и рассказывалъ объ этомъ сладострастно:

— Кра-асивый попище, здоровенный! Стоитъ онъ предъ аналоемъ, а изъ носу-то капъ, капъ! И не видитъ сраму своего. Лють былъ попъ, аки левъ пустынный, голосище — колоколь! А я его тихонько, да все въ душу, да между реберъ ей словами-то своими, какъ шильями!.. Онъ же прямо,

какъ печь жаркая, накаляется злобой еретической... Эхъ, бывали дѣла-а!

Нерѣдко приходили еще начетчики: Пахомій, человѣкъ съ большимъ животомъ, въ засаленной поддевкѣ, кривой на одинъ глазъ, обрюзглый и хрюкающій; Лукіанъ, маленький старичекъ, гладкій, какъ мышъ, ласковый и бойкій, а съ нимъ большой, мрачный человѣкъ, похожій на кучера, чернобородый, съ мертвымъ лицомъ, непріятнымъ, но красивымъ, съ неподвижными глазами.

Почти всегда они приносили продавать старинныя книги, иконы, кадилъницы, какія-то чаши; иногда приводили продавцовъ — старуху или старика изъ-за Волги. Кончивъ дѣла, усаживались у прилавка, точно вороны на межѣ, пили чай съ калачами и постнымъ сахаромъ, и разсказывали другъ другу о гоненіяхъ со стороны никоніанской церкви: тамъ — сдѣлали обыскъ, отобрали богослужебныя книги; тутъ — полиція закрыла молельню и привлекла хозяевъ ея къ суду по 103-ей статьѣ. Эта 103-ья статья чаще всего являлась темой ихъ бесѣдъ, но они говорили о ней спокойно, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ, вродѣ морозовъ зимою.

Слова — полиція, обыскъ, тюрьма, судъ, Сибирь, — слова, постоянно звучавшія въ ихъ бесѣдахъ о гоненіи за вѣру, падали на душу мнѣ горячими углями, разжигая симпатію и сочувствіе къ этимъ старикамъ; прочитанныя книги научили меня уважать людей, упорныхъ въ достиженіи своихъ цѣлей, цѣнить духовную стойкость.

Я забывалъ все плохое, что видѣлъ въ этихъ учителяхъ жизни, чувствовалъ только ихъ спокойное упорство, за которымъ, — мнѣ казалось, — скрыта непоколебимая вѣра учителей въ свою правду, готовность принять за правду всѣ муки.

Впослѣдствіи, когда мнѣ удалось видѣть много такихъ и подобныхъ хранителей старой вѣры, и въ народѣ, и въ интеллигенціи, я понималъ, что это упорство — восточная пассивность людей, которымъ некуда идти съ того мѣста, гдѣ они стоятъ, да и не хотятъ они никуда идти, ибо, крѣпко связанные путами старыхъ словъ, изжитыхъ понятій, они остолбенѣли въ этихъ словахъ и понятіяхъ. Ихъ воля неподвижна, не способна развиваться въ направленіи къ будущему, и когда какой-либо ударъ извнѣ сбрасываетъ ихъ съ привычнаго мѣста, они механически и пассивно катятся

внизъ, точно камень съ горы. Они держатся на своихъ постахъ у погоста отжившихъ истинъ, мертвою силою воспоминаній о прошломъ и своей болѣзненной любовью къ страданію, угнетенію, но если отнять у нихъ возможность страданія, они, опустошенные, исчезаютъ, какъ облака въ свѣжій вѣтряный день.

Вѣра, за которую они съ удовольствіемъ и съ великимъ самолюбованіемъ готовы пострадать, это, безспорно, крѣпкая вѣра, но напоминаетъ она заношенную одежду, — промасленная всякой грязью, она только поэтому мало доступна разрушающей работѣ времени. Мысль и чувство привыкли къ тѣсной, тяжелой оболочкѣ предразсудковъ и догматовъ, и хотя обезкрылены, изуродованы, но живутъ уютно, удобно.

Эта вѣра по привычкѣ — одно изъ наиболѣе печальныхъ и вредныхъ явленій нашей жизни; въ области этой вѣры, какъ въ тѣни каменной стѣны, все новое растетъ медленно, искаженно, вырастаетъ худосочнымъ. Въ этой темной вѣрѣ слишкомъ мало лучей любви, слишкомъ много обиды, озлобленія и зависти, всегда дружной съ ненавистью. Огонь этой вѣры — фосфорически блескъ гніенія.

Но для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, мнѣ пришлось пережить много тяжелыхъ лѣтъ, многое сломать въ душѣ своей, выбросить изъ памяти. А въ то время, когда я впервые встрѣтилъ учителей жизни среди скучной и безсовѣстной дѣйствительности — они показались мнѣ людьми великой духовной силы, лучшими людьми земли. Почти каждый изъ нихъ судился, сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ высылаемъ изъ разныхъ городовъ, странствовалъ по этапамъ съ арестантами; всѣ они жили осторожно, всѣ прятались.

Однако, я видѣлъ, что, жалуясь на «утѣсненіе духа» никоніанами, старцы и сами охотно очень, даже съ удовольствіемъ, утѣсняють другъ друга.

Кривой Пахомій, выпивши, любилъ хвастаться своей по истинѣ удивительной памятью, — нѣкоторыя книги онъ зналъ «съ пальца» — какъ еврей ешиботникъ; ткнетъ пальцемъ въ любую страницу и съ того слова, на которомъ остановится палецъ, Пахомій начинаетъ читать дальше наизусть, мягонькимъ, гнусавымъ голоскомъ. Онъ всегда смотритъ въ полъ, и его единственный глазъ бѣгаетъ по полу такъ тревожно, точно ищетъ нѣчто потерянное, очень цѣнное. Чаше всего онъ показывалъ этотъ фокусъ на книгѣ

князя Мышецкаго «Виноградъ Россійскій» — онъ особенно хорошо зналъ «многогериѣливыя и многомужественныя страданія дивныхъ и всехрабрыхъ страдальцевъ», а Петръ Васильевъ все старался поймать его на ошибкахъ.

— Врешь! Это не съ Киприаномъ Благоюродивымъ было, а съ Денисомъ Цѣломудрымъ.

— Какой еще Денисъ? Діонисіи речется...

— Ты за слово не цѣпляйся!

— А ты меня не учи!

Черезъ минуту оба они, раздутые гнѣвомъ, глядя въ упоръ другъ на друга, говорятъ:

— Чревоугодникъ ты, безстыжая рожа, вонъ, какое чрево наѣлъ...

Пахомій отвѣчаетъ, точно на счетахъ считая:

— А ты — любострастникъ, козель, баби прихвостень.

Приказчикъ, спрятавъ руки въ рукава, ехидно улыбается и поощряетъ хранителей древняго благочестія, словно мальчишекъ:

— Та-акъ его! А, ну-ко, еще?

Однажды старцы подрались. Петръ Васильевъ, съ неожиданной ловкостью отшлепавъ товарища по щекамъ, обратилъ его въ бѣгство и, устало отирая потъ съ лица, крикнулъ вслѣдъ бѣгущему:

— Смотри — это на тебя грѣхъ ляжетъ! Ты, окаянный, длань мою во грѣхъ-то ввелъ, тѣфу тебѣ!

Онъ особенно любилъ упрекать всѣхъ товарищей своихъ, что они недостаточно тверды вѣрой и всѣ впадаютъ въ «нѣтовщину».

— Это все Алексаша васъ смущаетъ — какой вѣдь пѣтухъ запѣлъ!

«Нѣтовщина» раздражала и, видимо, пугала его, но на вопросъ: въ чемъ суть того ученія? — онъ отвѣчалъ не очень вразумительно:

— Нѣтовщина — еретичество самое горькое, въ немъ — одинъ разумъ, а Бога нѣтъ! Вонъ, въ козакахъ, чу, ничего ужъ и не почитаютъ, окромѣ Библии, а Библия — это отъ нѣмцевъ саратовскихъ, отъ Лютора, о коемъ сказано: «имя себѣ прилично сочета: во истину бо — Люторъ, иже лють глаголется, люте бо, любо люто!» Называются нѣтовцы шалопутами, а также штундой, и все это — отъ Запада, отъ тамошнихъ еретиковъ.

Притопывая изуродованной ногой, онъ говорилъ, холодно и вѣско:

— Вотъ кого новообрядствующей-то церкви надо гнать, вотъ кого зорить, да жечь! А не насъ, мы — искони Русь, наша вѣра истинная, восточная, корневая русская вѣра, а это все — Западъ, искаженное вольнодумство! Отъ нѣмцевъ, отъ французовъ — какое добро? Вонъ они, въ двѣнадцатомъ-то году...

Увлекаясь, онъ забывалъ, что передъ нимъ мальчишка, крѣпкой рукою бралъ меня за кушакъ и, то подтягивая къ себѣ, то отталкивая, говорилъ красиво, взволнованный, горячо и молодо.

— Блуждаетъ разумъ человѣчъ въ дебряхъ вымысловъ своихъ, подобно лютomu волку блуждаетъ онъ, дѣволу подчиненный, истязуя душеньку человѣчью, Божии даръ! Что выдумали, бѣсовы послушники? Богомилы, черезъ которыхъ вся нѣтовщина пошла, учили: Сатана-де суть сынъ Господень, старшой братъ Исуса Христа — вотъ, куда доходили! Учили также: начальство — не слушать, работу — не работать, женъ, дѣтей — бросить; ничего-де человѣку не надо, никакого порядка, а пускай человѣкъ живетъ, какъ хочетъ, какъ ему бѣсъ укажетъ. Вонъ, опять явился Алексашка этотъ, о, черви...

Случалось, что въ это время приказчикъ заставлялъ меня что-либо дѣлать, я отходилъ отъ старика, но онъ, оставаясь одинъ на галлерей, продолжалъ говорить въ пустоту вокругъ себя:

— О, безкрылыя души, о, котята слѣпорожденные — камо бѣгу отъ васъ?

И потомъ, откинувъ голову, упираясь руками въ колѣни, долго молчалъ, пристально и неподвижно глядя въ зимнее, сѣрое небо.

Онъ сталъ относиться ко мнѣ болѣе внимательно и ласково, заставая меня за книгой, гладилъ по плечу и говорилъ:

— Читай, малый, читай, годится! Умишко у тебя, будто, есть; жаль — старшихъ не уважаешь, со всѣми зубъ за зубъ, ты думаешь — это озорство куда тебя приведетъ? Это, малый, приведетъ тебя никуда иначе, какъ въ арестантскія роты. Книги читай, однако, помни — книга книгой, а своимъ мозгомъ двигай! Вонъ у хлыстовъ былъ наставникъ Данило, такъ онъ дошелъ до мысли, что-де ни старья, ни

новыя книги не нужны, собралъ ихъ въ куль, да — въ воду! Да... Это, конечно, тоже — глупость! Вотъ и Алексаша, песья голова, мутить...

Онъ все чаще вспоминалъ про этого Алексашу и однажды, придя въ лавку озабоченный, суровый, объявилъ приказчику:

— Александра Васильевъ здѣсь, въ городѣ, вчера прибылъ! Искаль, искалъ его — не нашель. Скрывается! Посижу, поди-ка заглянетъ сюда...

Приказчикъ недружелюбно отозвался:

— Я ничего не знаю, никого!

Кивнувъ головою, старикъ сказалъ:

— Такъ и слѣдуетъ: для тебя — всѣ люди-покупатели, да продавцы, а иныхъ нѣтъ! Угости-ко чайкомъ...

Когда я принесъ большой мѣдный чайникъ кипятку, въ лавкѣ оказались гости: старичекъ Лукіанъ, весело улыбавшійся, а за дверью, въ темномъ уголкѣ, сидѣлъ новый человѣкъ, одѣтый въ теплое пальто и высокіе валяные сапоги, подпоясанный зеленымъ кушакомъ, въ шапкѣ, неловко надвинутой на брови. Лицо у него было непримѣтное, онъ казался тихимъ, скромнымъ, былъ похожъ на приказчика, который только что потерялъ мѣсто и очень удрученъ этимъ.

Петръ Васильевъ, не глядя въ его сторону, что-то говорилъ, строго и вѣско, а онъ судорожнымъ движеніемъ правой руки все сдвигалъ шапку: подыметъ руку, точно собираясь перекреститься, и толкнетъ шапку вверхъ, потомъ — еще и еще, а сдвинувъ ее почти до темени, снова туго и неловко натянетъ до бровей. Этотъ судорожный жестъ заставилъ меня вспомнить дурачка Игошу — «смерть въ карманѣ».

— Плаваютъ въ мутной нашей рѣчкѣ разные налимы и все больше мутятъ воду-то, — говорилъ Петръ Васильевъ.

Человѣкъ, похожій на приказчика, тихо и спокойно спросилъ:

— Это ты — про меня, что ли?

— Хоть бы и про тебя...

Тогда человѣкъ еще спросилъ, негромко, но очень задушевно:

— Ну, а про себя какъ ты скажешь, человѣкъ?

— Про себя я только Богу скажу — это мое дѣло...

— Нѣтъ, человѣкъ, и мое тоже, — сказалъ новый, торжественно и сильно. — Не отвращай лица твоего отъ прав-

ды, не ослѣпляй себя самонамѣренно, это есть великій грѣхъ предъ Богомъ и людьми!

Мнѣ нравилось, что онъ называетъ Петра Васильева человѣкомъ и меня волновалъ его тихій, торжественный голосъ. Онъ говорилъ такъ, какъ хорошіе попы читаютъ «Господи, Владыко живота моего», и все наклонялся впередъ, сѣдая со стула, взмахивая рукою предъ своимъ лицомъ.

— Не осуждай меня, я не грязнѣ тебя во грѣхъ...

— Закипѣлъ самоваръ, зафыркалъ, — пренебрежительно выговорилъ старый начетчикъ, а тотъ продолжалъ, не останавливаясь на его словахъ:

— Только Богу извѣстно, кто болѣ мутитъ источники Духа Свята, можетъ, это — вашъ грѣхъ, книжные — бумажные люди, а я — книжный, не бумажный, я — простой, живой человѣкъ...

— Знаю я простоту твою, слыхалъ довольно!

— Это вы путаете людей, вы ломаете прямые-то мысли, вы, книжники и фарисеи... Я — что говорю, скажи?

— Ересь! — сказалъ Петръ Васильевъ, а человѣкъ, двигая ладонью передъ лицомъ своимъ, точно читая написанное на ней, жарко говорилъ:

— Вы думаете: перегнавъ людей изъ одного хлѣва въ другой, — лучше сдѣлаете имъ? А я говорю — нѣтъ! Я говорю — освободись, человѣкъ! Къ чему домъ, жена и все твое передъ Господомъ? Освободись, человѣкъ, ото всего, за что люди бьютъ и рѣжутъ другъ друга, — отъ злата, сребра и всякаго имущества, оно же есть тлѣнь и пакость! Не на поляхъ земныхъ спасеніе души, а въ долинахъ райскихъ! Оторвитесь ото всего, говорю я, порвите всѣ связки, веревки, порушите сѣть міра сего — это плѣтеніе Антихристово... Я иду прямымъ путемъ, я не виляю душой, темнаго міра не приѣмлю...

— А хлѣбъ, воду, одежду — приѣмлешь? Это, вѣдь гляди мірское! — ехидно сказалъ старикъ.

Но и эти слова не коснулись Александра, онъ продолжалъ все болѣе задушевно, и хотя голосъ его звучалъ негромко, казалось, что онъ трубитъ въ мѣдную трубу.

— Что есть дорого тебѣ, человѣкъ? Только Богъ Единъ дорогъ; встань же предъ Нимъ, — чистый ото всего, сорви путы земныя съ души твоей и увидитъ Господь: ты — одинъ, Онъ — Одинъ! Такъ приблизишься Господу, это — единъ путь до Него! Вотъ, въ чемъ спасеніе указано —

отца-мать брось, указано, все брось и даже око, соблазняющее тебя — вырви! Бога ради, истреби себя въ вещахъ и сохрани въ Духъ, и воспылаетъ душа твоя на вѣки и вѣки...

— Ну-ко тебя ко псамъ смердящимъ, — сказала Петръ Васильевъ, вставая. — Я было думаль, что ты съ прошлаго году-то умнѣ сталь, а ты хуже того...

Старикъ, покачиваясь вышелъ изъ лавки на террасу, это встревожило Александра, онъ удивленно и торопливо спросилъ:

— Уходишь? А... какъ же?

Но ласковый Лукіанъ, подмигнувъ успокоительно, проговорилъ:

— Ничего, ничего...

Тогда Александръ опрокинулся на него:

— Вотъ и ты, хлопотунъ наземный, тоже съешь хламныя слова, а — что толку? Ну — трегубая алилуія, ну — сугубая...

Лукіанъ улыбнулся ему и тоже пошелъ на террасу, а онъ, обращаясь къ приказчику, сказалъ увѣренно:

— Не могутъ они терпѣть духа моего, не могутъ! Исчезаютъ, яко дымъ отъ лица огня...

Приказчикъ взглянулъ на него исподлобья и не сразу, сухо замѣтилъ:

— Я въ эти дѣла не вникаю.

Человѣкъ какъ-будто сконфузился, надвинулъ шапку, пробормоталъ:

— Какъ же можно не вникать? Это дѣла такія... они требуютъ, чтобы вникали...

Посидѣлъ съ минуту молча, опустивъ голову; потомъ его позвали старики, и всѣ трое они, не простясь, ушли.

Этотъ человѣкъ вспыхнулъ предо мною, словно костеръ въ ночи, ярко погорѣлъ и угасъ, заставивъ меня почувствовать какую-то правду въ его отрицаніи жизни.

Вечеромъ, выбравъ время, я съ жаромъ рассказалъ о немъ старшему мастеру иконописной, тихому и ласковому Ивану Ларіоновичу, онъ выслушалъ меня и объяснилъ:

— Бѣгунъ, видно, это есть такіе сектари — не признаютъ ничего.

— Какъ же они живутъ?

— Въ бѣгахъ живутъ, все странствуютъ по землѣ, за тѣмъ и дано имъ нарицаніе — бѣгуны. Земля и все прила-

гаемое къ ней — чужое для насъ, говорятъ они, а полиція считаетъ ихъ вредными, ловить...

Хотя мнѣ жилось горько, но я не понималъ: какъ это можно бѣжать ото всего? Въ жизни, окружающей меня тою порой, было много интереснаго, дорогаго мнѣ, и скоро Александръ Васильевъ поблекъ въ моей памяти.

Но время отъ времени, въ тяжелые часы, онъ являлся предо мною: идетъ полемъ, по сѣрой дорогѣ, къ лѣсу, толкаетъ шапку судорожнымъ движеніемъ бѣлой, нерабочей руки и бормочетъ:

— Я иду путемъ правильнымъ, я ничего не приѣмлю! Связки-те порви...

Рядомъ съ нимъ вспоминался отецъ, какъ бабушка видѣла его во снѣ: съ палочкой орѣховой въ рукѣ, а слѣдомъ за нимъ пестрая собака бѣжитъ, трясеть языкомъ...

(Продолжение слѣдуетъ).

М. Горькій.

ТАЙГА.

(Продолжение *).

ГЛАВА V.

Завтра въ Кедровкѣ праздникъ. Каждый годъ въ этотъ день изъ часовенки или, какъ ее называли, полуцеркви, что стояла среди кедровой роши, подымають кресты и всей деревней идутъ въ поле, за поскотину, къ тремъ заповѣднымъ, сухимъ теперь лиственницамъ — служить молебенъ.

Послѣ молебна начиналась попойка, а къ вечеру угаромъ ходилъ по деревнѣ разгуль съ пьяной пѣсней, орлянкой, хороводами. Къ вечеру-же заводились драки— кулаками и чѣмъ попало; доходило дѣло до ножовщины.

Пьянство продолжалось на другой и на третій день. За этотъ праздникъ вина выпивали много. Въ хорошій годъ съ радости: «бѣлка валомъ валить къ намъ въ тайгу»; въ плохой годъ съ горя: «пропивай все къ лѣшевой матери, все одно пропадать».

Вино всѣхъ равняло—и богатыхъ, и бѣдныхъ. У всѣхъ носы разбиты и одурманены головы, всѣ орутъ пѣсни, всѣмъ весело. Будущее, какъ бы оно плохо ни было, уходитъ куда-то далеко, въ тайгу; мысли становятся короткими: граница имъ — блестящій стаканчикъ съ огненной жижицей, пьяныя бороды, горластые бабьи рты. Все застилаетъ сѣрый радостный туманъ, и сквозь него смѣется тайга, смѣется поле, смѣются бѣлки: «бери живьемъ, эй, бери, богатѣй, мужикъ!» И мужикъ бралъ: тянулся къ штофу, бросался къ присядку, махалъ свирѣпо кулаками, вопилъ въ овечьемъ стойлѣ, тронувшись головой въ навозъ: «йэхъ, да какъ ужъ шла-прошла наша гуляя-а-нка!»...

Проходили эти три хмѣльные дня—и все снова начиналось по-старому, вновь наступала сѣрая, унылая жизнь.

* См. «Лѣтопись» № 7, 1916 г.

* * *

Кривая баба Овдоха еще третьяго дня уѣхала за копомъ въ Назимово. вмѣсто колесной дороги туда проложена тайгой верховая тропа съ крутыми подъемами и спусками, съ большими толкими «калтусами», перегороженная зачастую въ три обхвата валежникомъ. Овдоха сама поѣхала на пѣгашкѣ, а подѣ поа взяла стоялаго Федотова жеребца, — попѣ грузный, не всякая лошадь увезетъ.

Ужѣ закатилось солнце, поа все нѣтъ. Народѣ въ бани повалилъ. Бани маленькія, съ крохотнымъ глазкомъ избушечки, всѣ, какъ одна, прокопѣлыя, словно нарочно вычерненные сажей—стояли надѣ самымъ обрывомъ къ рѣчкѣ. Двѣ дѣвахи, Настя съ Варькой, выскочивъ окачиваться на улицу, первыя увидали подѣвзжавшаго поа и, стыдливо прикрываясь шайками, закричали проходившему съ вѣникомъ подѣ мышкой человѣку:

— Дяденька Митри, батя ѣдетъ, попѣ...

— Гдѣ?

— А ишь, — показала Настя шайкой и, вдругѣ спохватившись, вновь суетливо прикрылась:

— Чего ты на меня-то палишься!..

— Ухъ!.. Па-атретики! — осклабясь, ударилъ себя по ляжкамъ Митри и уронилъ вѣникъ, а дѣвушки съ хохотомъ юркнули въ баню.

Попѣ проѣхалъ къ толстобрюхому Федоту, главному въ деревнѣ богатѣю. Криво что-то попѣ въ сѣдлѣ сидитъ.

— Ты, батя, не пей до праздника-то, обожди маломало... — говорили ему, здороваясь и глотая слюни, красные послѣ бани мужики.

Много ихъ набралось къ Федоту, накурили, наплевали, а батя сидѣлъ ужѣ выпивши, ѣлъ со сметаной соленые грибы и, рюмка за рюмкой, пилъ водку.

— А позовите-ка сюда Прова Михайлыча, чего-й-то съ дочкой его стряслось.

— Чего-такое, батя?

Но староста Провѣ ужѣ услыхалъ про Анну отъ Овдохи.

Праздникъ завтра, гулянка, а у Прова въ глазахъ черно.

— Ёзжай скорѣе, Провъ, за дочкой... — охаетъ жена. — Батюшка ты мой, царь небесный...

Провъ долго сопѣлъ носомъ, потомъ, выйдя расхлябанной, чужой походкой въ сѣнцы, захлопнулъ за собой дверь и громко тамъ засморкался. А позднимъ вечеромъ, надѣвъ овчинный пиджакъ, ѣхалъ по тайгѣ на бурой кривой своей лошаденкѣ.

* * *

У всѣхъ печи топятся, бабы снуютъ взадъ да впередъ, взадъ да впередъ, тѣсто заводятъ, куръ колютъ. Гдѣ-то барашекъ заблеялъ-заплакалъ: прощай, жизнь!.. Поросянокъ сумасшедшимъ голосомъ реветъ. Ревѣль-ревѣль, сразу замолкъ, словно обрадовался, что кончилось страшное. Два пѣтуха безголовыхъ пролетѣли поперекъ дороги, двѣ старухи-вѣдьмы гнались за ними съ окровавленными двумя топориками, бѣжали, тяжело сопя и задыхаясь, и сквозь стиснутые гнилые зубы зло посмѣивались:

— А, не любишь? Это тебѣ, Петька, не куръ топтать...

Два кота сидѣли на воротахъ, уткнувъ другъ въ друга лбы, повиливали лѣниво хвостами и лукаво выводили, словно ребята въ люлькѣ гулькали.

Мѣсяцъ, огромный, словно намащенный блинице, однимъ глазомъ выглядывалъ изъ-за темной тайги: а ну-ка поглядимъ, какъ бабы стряпаютъ.

Дымокъ вился изъ трубъ, вкусно попахивало жаренымъ, псы ловили налету подачку или, болѣзненно взвизгнувъ, кубаремъ летѣли отъ пинка.

Дѣвка пѣсню завела, бѣжитъ съ ведромъ къ рѣчкѣ да поетъ.

— Ты сдурѣла? — стыдитъ встрѣчный дѣдъ.

Хохочетъ:

— А чего? Думаешь, грѣхъ?

— Нѣтъ, спасенье...

Старики у часовни сидятъ, хоть не холодно, а въ валенкахъ: удобнѣй. Трубки сосутъ, согнулись вдвое, врутъ другъ другу штуки, разные случаи рассказываютъ: «А эвона, въ тайгѣ-то, иду я этта, иду»... — «Чего въ тайгѣ, со мной ребята, у мельницы случилась оказія». Врутъ да врутъ. Завтра праздникъ, можно и поврать.

Завтра вино будетъ, знай—гуляй! Дымокуры возлѣ нихъ курятся. Митька, парнишка-соплякъ, то гнилушекъ, то назьму охачку, то травы подброситъ: зелеными клубами дымъ пластаеть и гонить комаровъ.

— Попа-то караулять-ли?

— Укараулишь его, чорта.

А батюшка, человекъ ядреный, въ подкахъ, лицо крупное, съ запойнымъ отекомъ, желтое, на приплюснутомъ носу румянецъ. Онъ, дѣйствительно, слово не сдержалъ: «обрей мнѣ полбашки, какъ каторжнику, ежели до праздника упыюсь,» — а самъ еле сидитъ за столомъ, бахвалится:

— Мужичье!... — Но мужиковъ въ избѣ не было, одна бабка Агафья, теща лавочника Федота. — Вы чего понимаете, а?.. Вы какъ обо мнѣ, чалдоны, понимаете? Какъ ваше млѣние будетъ, а?!

.....

Федотъ пришелъ. Старуха ожила:

— Гляди чего говорить! — закричала зятю. — Грива этакая...

— А чего говорю!? — ворчитъ попъ. — Дай-ка водки!

— Нѣту, батя... Завтра... Слушай-ка, чего сейчасъ сказывалъ караульщикъ... Грить, чудится...

— Давай вина.

— Нѣту, батя, все.

Попъ вскочилъ и, держась за столъ, двинулся къ Ѳедоту:

— Я тебѣ покажу—нѣту! Давай!..

* * *

А у завалинки поселенецъ старичишка Безпамятный стоитъ предъ мужиками, отказывается идти караулить ворота въ Назимовской поскотинѣ.

— Вотъ тебѣ Христось, вотъ... Сижу это я, робяты, въ шалашѣ, чую—ко сну клонить, борюсь-борюсь—нѣтъ, а время ка-быть раннее. Сбороло, братцы, меня: какъ сидѣль на дерюгѣ, такъ и заснулъ. Вдругъ слышу—бубенцы, бубенцы, лошади топочуть, ямщикъ гикаетъ. Вотъ тебѣ Христось, вотъ... Ну, думаю, по дорогѣ кто-нибудь съ присковъ катить. Не иначе. «Отворяй, старый чортъ!» — ревуть. Я выскочилъ безъ ума, подбѣжалъ къ воротамъ. Никого. Тутъ у меня и волосъ торчкомъ пошелъ... Вотъ тебѣ Христось, вотъ... Да такъ до трехъ разовъ... Я и побѣгъ безъ оглядки... Сроду теперича не пойду, подохнуть — не пойду.

Старикъ повалился бокомъ на землю, вынулъ кисеть и сталъ закуривать козью ножку, бубня:

— Это не къ добру, вотъ помяни мое слово... Чтонибудь да выйдетъ... Вотъ тебѣ Христось...

Мужики посылать начали того, другого, третьяго — не идутъ: праздникъ завтра. Однако, согласился хромой непьющий паренъ Семка. Пусть ему за это поселенецъ сапоги починить и ремешекъ къ ружью сдѣлаетъ. Поселенецъ радъ. Все въ лучшемъ видѣ выполнить, а зима придетъ—къ валенкамъ подметки кожанья подкинетъ.

— Только съ опаской, Семенушка, иди... Благословясь...

* * *

Мѣсяцъ высоко поднялся. На бугоркѣ сидѣла собачечка пестренькая, смотрѣла на тайгу и, откинувъ назадъ лѣвое ухо, полаивала:

— Гафъ!.. хафхаф...

Взлаетъ такъ и поведетъ ухомъ, дожидаясь.

И въ тайгѣ тихонько откликается: гафхафхаф...

Переступить передними ногами, да опять. А сама о другомъ думаетъ: хорошо бы поросячий бокъ стянуть. Приню-

хивается—пахнетъ отлично, но хозяйинъ ей дома на хвостъ наступилъ, а баба полѣномъ запустила. Послѣ. Вотъ уснуть.

— Гаф!... хафхаф...

Митька-соплякъ тихо крадется къ ней съ дубинкой.

— Гафхафхаф...

Да какъ дастъ собакѣ по башкѣ, Собака съ перепуту не знала, куда и кинуться, забила подѣ амбарѣ, визжитъ — больно.

Митьку мать разыскиваетъ:

— Ты гдѣ, ласкуда, мотаешься?.. Иди Оленку качать!

Да какъ дастъ Митькѣ по башкѣ. Заплакалъ. Больно.

Ночь спускалась, а огни еще не тушили. Свѣтъ изъ оконъ желтыми полосками пересѣкалъ дорогу. А подвыпившему бездомовнику Яшкѣ казалось, что это колодины набросаны: шелъ, пошатываясь, несъ въ обѣихъ рукахъ за горлышко двѣ бутылки вина, и высоко задиралъ ноги предѣ каждой полоской свѣта: какъ-бы не запнуться да бутылки не разбить.

Тише да тише въ деревнѣ становилось, гасли огоньки. Пѣтухи запѣли.

.

Всѣ огни погасли. Только покосившаяся избушка, что на отлетѣ за деревней стоитъ, не хочетъ спать. Единственное оконце, съ коровьимъ пузыремъ вмѣсто стекла, бѣльмасто смотритъ на улицу. Тутъ старуха живетъ, по прозванію Мошна. Виномъ приторговываетъ и сказки складно говоритъ. Одинокая она, земли нѣтъ, коровы нѣтъ, надо какъ-нибудь вѣкъ доживать. Запаслась хмѣльнымъ порядочно, на праздникъ хватить. Старуха пересчитала деньги, велика-ли выручка, — оказалось двадцать два рубля, — спустилась съ лучиной въ подполье, покопалась въ углу, вынула берестяной туесокъ, спрятала въ него деньги, зарыла. Опять выползла оттуда, косматая, жуетъ что-то беззубымъ ртомъ, гаситъ огонекъ въ лохани. Миг-

нуло въ послѣдній разъ бѣльмастое оконце и зашурило. Темно въ избѣ, только лампадка теплится предъ божницей.

Опустилась Мошна на колѣни, стукнулась въ полъ головой и громко, радостно, сказала:

— Слава тебѣ, Микола милосливый, слава тебѣ.

Собаченка пестренькая опять на пригорокъ забралась, опасно полаиваетъ:

— Гаф!... хафхаф...

ГЛАВА VI.

Въ селѣ Назимовѣ въ этотъ предпраздничный кедровскій вечеръ любовница купца Бородулина, гладкая солдатка Дарья, долго прощалась у овиновъ съ своимъ сердечнымъ другомъ уголовнымъ поселенцемъ Феденькой.

— Не обмани, слышь... Окно пріоткрой малость, я и... того, — строго наказываетъ ей коренастый, черномазый ворище Феденька, потирая ладонью щетинистый свой небритый подбородокъ.

Дарья, потупясь, молчитъ и, наконецъ, раздумчиво спрашиваетъ:

— Да ладно-ли, смотри?

— Эхъ ты, дуреха!.. — притворно-весело крикнулъ Феденька и обнялъ Дашу.

— Ну, была не была... — улыбнулась Даша, звонко поцѣловала Феденьку и, шурша кумачнымъ платьемъ, неторопливо пошла вдоль заплота. Оглянулась, махнула бѣлымъ фартукомъ и скрылась въ калитку на задахъ Бородулинскаго двора.

Купецъ Бородулинъ, какъ матерый медвѣдь, расхаживался въ перевалку по большой съ цвѣтами и занавѣсками комнатѣ.

— Оня! — крикнулъ онъ. — Пожрать-бы.

— Чичась-чичась, — откликнулась та изъ кухни.

— «Женюсь, вотъ подохнуть женюсь», — думаетъ купецъ, поскрипывая смазными сапогами. Брови напряженно сдвинуты надъ переносицей, — «мозгами шевелить», — глаза упрямо всматриваются въ будущее, а сердце, наполняясь кровью, бьетъ въ грудь молотомъ: силы въ купеческомъ тѣлѣ много.

— Жену, можетъ, въ породѣ зарѣжутъ... Гдѣ ей перацію вынести!.. А не зарѣжутъ въ больницѣ, такъ...

тогда... Чего, всамдѣль, мнѣ ребенка надо. Десять лѣтъ живу съ бабой—ничего. А Анка дѣвка съ пробой, ребятъ можетъ таскать, да... Фу-у-у, ты... — шумно отдувается купецъ и, взглянувъ смущенно на икону, садится къ столу.

— Здравствуй, — сказала груднымъ низкимъ голосомъ вошедшая солдатка Дарья.

— А гдѣ Анютка? — строго спросилъ купецъ.

— Гдѣ... Я почему знаю... гдѣ... Внизу, гдѣ ей больше-то...

Өенюшка принесла ужинъ.

Дарья выпить любила, но сегодня пила съ оглядкой, а Бородулину подливала не скупясь:

— Пей съ устатку-то... Сказываютъ, долгъ привезъ тебѣ заимочникъ-то?

Она покосилась на письменный столъ, куда Иванъ Степанычъ пряталъ деньги, и сказала, блестя черными, чуть отуманенными виномъ глазами:

— Мнѣ бы далъ десяточку, а я тебѣ ночью сказку разскажу... Ладно? Охъ, и ска-а-зка будетъ... какъ медъ! — придвинулась къ Бородулину, припала румяной полной щекой къ его плечу и снизу вверхъ дразняще заглядывала въ глаза, полуоткрывъ красивыя свои, насмѣшливыя губы. Отъ нея пахло кумачемъ и свѣжимъ сѣномъ.

— Ваня, обними-и-и...

— Ёшь баранину-то, остынетъ: — отодвинулся онъ отъ Даши.

Өеня еще дополнила графинъ. Выпили. Өеня спать ушла.

Купецъ прилежъ на диванъ, жалуется, — жить чего-то трудно стало, — голову на теплыя Дарьины колѣни положилъ. Дарья гладитъ черные, лохматые его волосы, цѣлуетъ въ бѣлый высокій лобъ и, осторожно, выпытывая купеческое сердце, говорить:

— Вотъ, какъ овдовѣешь, женись на мнѣ, Иванъ Степанычъ...

— Дура... А солдатъ-то твой? Мужъ-то?..

Даша тихонько хихикнула:

— Съ твоей мошной все можно...

— Я и безъ тебя знаю, на комъ жениться-то... — осердился Бородулинъ.

Даша, вдругъ сдвинувъ брови, притрозила:

— Ну, гляди, купецъ... — а пальцы, перебиравшіе его волосы, дрогнули и остановились.

— Принеси-ка лучше пивца холодненькаго, — замѣтно ослабѣвшимъ языкомъ сказалъ примиряюще Иванъ Степанычъ и приподнялся.

Пиво скоро сбороло Бородулина. Разуваюсь и разбрасывая сплеча по разнымъ угламъ сапоги и портянки, онъ пьяно бормоталъ:

— Ия все ммогу, Дашка... Вотъ, захочу—шаркну сапогомъ въ раму и къ чорту... Ха!

Кукушка въ часахъ выскочила, прокужовала и захлопулась опять маленькой дверкой.

— Сколько?

— Десять, надо быть...

— Спать пора... Ну-ка, Дашка, подсобляй...

Повела его къ кровати. Легъ.

— И никто мнѣ не указъ, да! Вотъ выскочу изъ окошка, да какъ дамъ бабѣ по виску! Да... Попъ? Попа за бороду... И ничего-о-о... Потому я во всей волости первый... Вѣрно?

— Ну, и спи со Христомъ.

— Ия все ммогу... Поняла? Потому—Бороду-у-уинь!.. Знай!.. — и неожиданно трезвымъ голосомъ добавилъ: — А вотъ Анютку я люблю...

Кошка вскочила на кровать, подъ одѣяло къ нимъ залѣзла.

— Анютка золото... Йэхъ ты, какъ пройдетъ, бывало, по горницѣ: кажина жилка въ ней свою пѣсенку поетъ... Да...

Дарья схватила кошку за заднія ноги и швырнула объ печь. Кошка замяукала.

Купецъ зѣвалъ и крестилъ невѣрной рукой волосатый ротъ.

Дарья стала легонько всхрапывать, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ и нарочно выставивъ изъ-подъ одѣяла свою кривую спину съ круглымъ наливнымъ плечомъ.

— Дашка, спишь? — тихо спросилъ купецъ.

Та похрапывала и стонала.

— Эй, Дарья...

Полумракъ былъ въ комнатѣ, а на улицѣ бѣло. Тикали часы, да гдѣ-то далеко брякалъ колотушкой сторожъ.

Бородулинъ поднялся, спустилъ тихонько съ кровати ноги на оленью шкуру, еще разъ поглядѣлъ на Дарьино

плечо и черныя раскинутыя косы, задернулъ пологъ и, осторожно ступая, пошелъ въ заднюю комнату, гдѣ была лѣстница на низъ.

Лишь ушелъ купецъ—и холодомъ обдало Дарью, и жаромъ охватило, а сердце сжалось. Она вскочила и, крадучись, чтобъ не скрипѣли половицы, побѣжала къ письменному столу. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ Оеня охнула и захрапѣла. Дарья схватилась въ страхъ за щеку и на мигъ замерла, потомъ, быстро обшаривъ столъ, распахнула окно и бросилась къ кровати, держа въ рукѣ пачку денегъ.

* * *

Внизу, куда спустился Бородулинъ, были двѣ большія комнаты, занятыя лавкой съ товаромъ, да третья маленькая: въ ней жила Анна изъ Кедровки.

Подошелъ купецъ на ципочкахъ:

— Аннушка...

Дотронулся до ея колѣна. Въ рубахѣ дѣвушка спала, не прикрывшись: жарко.

Та испуганно вздохнула и открыла глаза.

— Аннушка, милая ты моя Аннушка... — припалъ Бородулинъ лицомъ къ кровати, а дѣвушка прикрылась юбкой и встревожилась.

— Мнѣ чего-то, Иванъ Степанычъ, шибко неможется.

— Родная ты моя... вотъ я, пьяная рожа, пришелъ... вотъ пришелъ... да... — шепталъ Бородулинъ въ волнении. — Аннушка, тяжело... Родимая, тяжело...

Окна завѣшаны, въ комнатѣ полумракъ. Анна повела рѣчь ровнымъ, жалобнымъ голосомъ, временами всхлипывая и вздыхая.

— А къ батькѣ-то съ матушкой не охота... Объ Андрюшѣ гадала, — ворожейка одна есть, — медвѣдь заломалъ его... быдто. Полегчало мнѣ...

— Никакого покою у меня, Аннушка, на душѣ нѣту... Съ супружницей у насъ нелады... А вотъ ты мнѣ шибко поглянулась... Да... Полюбилъ я тебя, Аннушка... Охъ и полюбилъ же..

— Ужъ и не знаю чего... Она ерданскимъ песочкомъ меня поила, да отчитывала. На сердцѣ-то у меня полегче стало... Разъ, два, четыре... а дальше-то позабыла... Вотъ какъ онъ мнѣ, разбойникъ, по виску-то порснулъ... урядникъ-то...

— Чортъ, окаянная сила... Я его еще достану... — тряхнул бородой Иванъ Степанычъ и, грузно шевельнувшись, ласково погладилъ дѣвушку по головѣ: — Миленькая ты моя... Вотъ подумай, Анка, жить будемъ... Женюсь... Бабу свою выгоню... Тебя вылечу, женюсь... Обзолочу, сахаромъ обсыплю...

— Ужъ и не знаю чего... Ишь, разумъ-то у меня коротокъ сталъ... Сама не своя другой разъ... Чего ужъ... Вотъ вернется и...

— Кто, Аннушка, вернется? — глянулъ ей въ глаза.

— Какъ — кто? — сказала жестко, будто топоромъ два раза стукнула по дереву. — Какъ — кто? — приподнялась быстро на кровати, съ силой оттолкнула купца и, вскочивъ, закричала, хватаясь за голову: — Гдѣ Андреюшка мой?!

— Что ты, богова, — отступилъ купецъ отъ высокой грозной Анны.

— Ребеночка убили, Андрюшу выпили!.. — она вскинула вверхъ руки, опрокинулась на кровать, затряслась вся, изогнулась: — Ой! ой! ой!..

— Господи помилуй... Дѣвонька, что ты... — суетился отрезвѣвший купецъ. — Оенька! Дашка! Воды!

А наверху на весь домъ бабій крикъ:

— Караулъ! Караулъ!

— Подай Андреюшку!..

— Что такое?! — купецъ съ толку сбился. — Аннушка, родимая...

— Караул-уль!..

— Ково?! Кто?! — несется купецъ вверхъ, а навстрѣчу въ рубахѣ Дарья, за ней Федосья.

— Живо, толстопятыя, черти... Живо къ Анкѣ!

Тѣ трясутся обѣ, руками на спальню указываютъ, слово выговорить не могутъ.

Купецъ туда. Морда чья-то лохматая, вымазанная сажей, въ окнѣ надъ открытымъ письменнымъ столомъ торчитъ и — лишь вкатился купецъ — вмигъ исчезла.

— Держи!.. — неистово взревѣлъ Бородулинъ, ружье со стѣны сорвалъ — незаряжено, топоръ поймалъ и, въ чемъ быть, загремѣлъ съ лѣстницы.

— Держи, держи!.. — вопилъ онъ и, выдѣлывая по улицѣ кривули, бѣжалъ въ гору, гдѣ дремала въ рошѣ церковь.

— Держи, держи!..

Старый караульщикъ на завалинкѣ у своей избы лежалъ — проснулся, глаза кулакомъ протираетъ, кричить:

— Кто таковъ?! — и хватаетъ за палку...

— Зарублю!.. Держи!..

— Бородулинъ... — шамкаетъ старикъ и стучитъ испуганно въ окошко: — Отопри калитку-то... Эй, бабка!..

Говорить ей во дворъ:

— Съ топоромъ бѣгаетъ... Бородулинъ-то... Еще застрѣлитъ...

— Поди, приснилось?.. — улыбается старуха...

— Како!?. Въ почтаникахъ... Туда!.. Должно опять до чертиковъ...

* * *

А Дарья съ Оенюшкой на хозяйскую кровать забились, сидятъ обѣ рядомъ, одна другой красивѣе, подбородками уперлись въ колѣнки и трясутся. Оеня поворитъ: «Боюсь»... И Даша говоритъ: «Боюсь». Оенюшка по своему, Дарья по другому: въ глазахъ у ней дьяволята шмыгаютъ.

Оеня говоритъ: «Догонить»... Даша: «Нѣтъ, уйdetь» — и, закинувъ руки за голову, сладко потягивается:

— Эхъ, кабы мнѣ денегъ поболѣ.. Ухъ ты, Господи!..

Кукушка опять изъ окошечка выпрыгнула, кукукнула двѣнадцать и ушла спать.

— А ты, дѣвка, сбѣгала бы къ Аннѣ-то... Вѣдь жаль, — сказала Оеня.

— А ну ее, холеру!..

Но Оеня не послушалась, пошла. Бородулинъ все еще по селу леталъ: было слышно, какъ по всѣмъ улицамъ собаки лаяли и выли хоромъ на разные лады.

Оеня вскорѣ вернулась. Опять залѣзла на кровать, задернула красный пологъ и усѣлась бокъ-въ-бокъ съ теплой Дашей:

— А все-таки жаль Анку, надо бы къ фершалу свозить, — вздохнула Оеня, — этакую дѣвку, этакую кралю ворначище какой-то, царевъ преступникъ, могъ присушить!..

— Ты дура, Оенька... Да Андрюша-то, картинка-то писаная!..

— Страсть красивъ: отворотясь не насмотришься!..

— Да я-бъ за нимъ, за соколомъ, на край свѣта: бери!

И Даша, смѣющимся своимъ задорнымъ голосомъ, нараспѣвъ тоненько выводила:

— Вотъ такъ легла бы на крова-а-точку, — и она раскинулась дразняще на перинѣ, — спустила бы съ праваго плеча руба-а-шечку... разметала бы по изголовью бѣлы рученьки.. Бери!..

Федя, сидя, хихикала и баскомъ тянула:

— Ну, и дура-о-о-ха...

— Я-бъ его... Андрюша... Ягодка моя! — тиская подушку, играла Даша голосомъ.

Послышался шорохъ и легкій скрипъ половицъ: будто кто крался. Феня отдернула занавѣску.

— Дарья... батюшки свѣты... — зашептала она. И обѣ онѣ съ изумленіемъ уставились на появившуюся въ дверяхъ Анну. Нагнувшись впередъ и вытянувъ шею, словно прислушиваясь, Анна держалась за косякъ. Волосы ея рассыпались по плечамъ, а глаза жадно обыскивали пологъ. И всѣ три женщины, переплетаясь взоромъ, были недвижимы и перестали дышать. Наконецъ, Анна, все такъ же вытянувъ шею и не разгибаясь, осторожно шагнула къ пологу.

— Ай! — словно птицы отъ выстрѣла, вразъ сорвались Дарья съ Феней и съ дикимъ крикомъ: — Взбѣсилась! Взбѣсилась! — выскочили на улицу.

ГЛАВА VII.

Вотъ и наступилъ въ Кедровкѣ праздникъ.

Утренняя заря какъ-то особо нарядно пала на тихія, еще не пробудившіяся небеса. Востокъ алѣлъ и загорался.

Солнца еще нѣтъ, но и слѣпой, настороживши душу, не ошибется указать, откуда оно, сверкая, покажетъ свое лучистое чело.

Чудилось, что тамъ, на востокѣ, шепчуть стоустую молитву и поютъ радостную пѣснь, которую никто не можетъ услышать, но всякъ чувствуетъ.

Чувствуетъ малиновка, разбуженная лучемъ зари: встрепенулась, открыла глазки и огласила утро трелью. Чувствуетъ сторожевой журавль: стоялъ-стоялъ на одной ногѣ, очнулся, вытянулъ шею, взмахнулъ крыльями и закурлыкалъ. Медвѣдица спала въ обнимку съ медвѣжатами, но холодъ разбудилъ ее, — ага, упрю, — встала, рывкнула, всплыла на дыбы, медвѣжата очухались, посоветовались глазами съ матерью и пошли всѣ въ перевалочку къ ключу умыться. Ярко-золотая полоса востокъ прорѣзала, грядущу-

щему не терпится — надо заглянуть, надо обрадовать — свѣтъ идетъ!

— Свѣтаетъ, — шепчетъ старая Мошна и, шамкая и прожевывая что-то беззубымъ ртомъ, крестится и спускается въ подполье: цѣлы ли двадцать два рубля?

Золотая полоса на востокъ все шире да шире — кто-то преникъ къ ней пламеннымъ окомъ и заглядываетъ на зеленый мѣръ.

Раскачивая ведрами и крестя на ходу сладкій позѣвокъ, идетъ къ рѣчкѣ молодуха. Холодно. Вздрагиваетъ плечами и прибавляетъ ходу.

Гдѣ-то ворота проскрипѣли. Другія. Третьи.

Мычитъ корова. Баранъ проблеялъ, десятокъ откликнулись веселыми, бодро-звучащими по утру голосами.

Столѣтній дѣдушка, въ бѣлой до колѣнъ рубахѣ, шаркая ногами, вышелъ изъ калитки, сдѣлалъ руку козырькомъ и, обратясь серебрянымъ лицомъ своимъ на востокъ, истово закрестился, приговаривая:

— Праздничекъ Христовъ, помилуй насъ.

Молодуха назадъ идетъ:

— Здравствуй, дѣдушка...

— Здорово, бабушка... Кто таковъ?

— Я — Наталья... Не призналъ?

— А-а-а... Ну-ну... Наталья Матреновна. Какъ не признать... Здравствуй, Машенька, здравствуй... Спасеть Господь...

Та улыбается — лицо свѣжее, умылась на рѣчкѣ студеной водой — и, упруго покачиваясь, уходитъ.

Солнце встало. Весь мѣръ свѣтомъ наполнился. Вспыхнули огнемъ окна сѣпившихся другъ съ другомъ, какъ въ хороводѣ дѣвушки, и приросшихъ къ торфъ избушекъ. Повеселѣлъ бархатъ пасмурной тайги. Засеребрился, заискрился крестъ часовни, а ворковавший на немъ бѣлый голубь сталъ розовымъ. Небо, чистое и блѣдное вверху и на востокъ, все еще сѣрѣло мглой на западѣ: туда умчались сраженные свѣтомъ остатки ночныхъ силъ.

Деревня проснулась. Собаченки по дорогѣ носятся, облаивая стадо. Баба помои изъ лохани вылила, сороки тутъ какъ тутъ, скачутъ, вырывая изъ-подъ носу у сонныхъ воронъ самые вкусные куски. Жучка на трехъ лапахъ — четвертую медвѣдь отгрызъ — лаеетъ на сорокъ: сама помои

любить. Но тѣ всѣ вразъ заливаются хохотомъ и, взмахнувъ крыльями, усаживаются на прясло.

Люди во дворахъ, въ избахъ, на улицѣ перекликаются ласковыми голосами: Иванушка, Дуня, братецъ.

Попахиваетъ дегтемъ, навозомъ и гарью. Но вотъ повыше заберется солнце, тогда изъ-за рѣки повѣетъ хвойнымъ, такимъ бодрящимъ, острымъ запахомъ.

Въ логахъ и распадкахъ рѣчки еще стоятъ бѣлыя облака тумана. Раздумываютъ: растаять безслѣдно или спуститься къ водѣ и припасть къ зеленой щеткѣ камыша.

Теплѣй и теплѣй становится. День будетъ жаркій. Солнце все выше забираетъ.

Къ часовнѣ торопится старикъ Устинъ, усердный Господу. Росту онъ маленькаго, лицомъ свѣтелъ, въ сѣденькой бородкѣ, весь обликомъ въ Николу Угодника, и взглядъ голубыхъ глазъ такой же строгій, но милостивый. Сапоги его медвѣжьимъ саломъ смазаны — собаки принохиваются, щетинять спины и отрывисто хамкаютъ, показывая злые зубы. Рубаха на Устинѣ длинная, новая, еще не мытая, топорщится нескладно на сутулой спинѣ, подпоясана тунгусскимъ, шитымъ бисеромъ, поясомъ. Въ гору подымается Устинъ, а сапоги грузные, а въ ногахъ силы мало, натрудилъ, болятъ, трудно идти въ гору. Онъ еле отрываетъ сапоги отъ земли, самъ весь впередъ подался, съ надсадой тащить за собою ноги, какъ ненужную ношу, и кряхтитъ.

— Батю-то будить? — кричитъ ему Федотъ, выставивъ изъ калитки тугой животъ въ жилеткѣ съ цѣпью.

— Буди: вотъ чичасъ ударю... Ужъ время. Энь, гдѣ солнышко-то.

Вскорѣ прозвучалъ первый радостный ударъ небольшого колокола: ударъ за ударомъ лились отъ часовни звуки, катились въ тайгу, а навстрѣчу имъ въ деревню торопливо плыли такіе же, но далекіе и робкіе звоны невѣдомой часовенки, только-что родившейся въ тайгѣ.

Петька, трехъ годовъ парнишка, прижимаясь къ ногамъ вышедшей на улицу матери, удивленно шепталъ, заложивъ въ ротъ кулачекъ:

— Мамынька, это кто звоняетъ? — и кивалъ головой на тайгу, гдѣ была невѣдомая, какъ въ сказкѣ, часовенка.

— Дѣдушка Устинъ.

— Устинъ-то э-э-вотъ... А тамъ — медвѣдь?

Старики и старухи поплелись, часто перебирая ногами и

медленно подвигаясь впередъ. Мужики тоже выходили на улицу и лѣнливо шагали, заложивъ руки назадъ, или усаживались гдѣ-нибудь на завалинкѣ, чтобы въ виду была часовня: пусть Устинъ дергаетъ за веревку, иди что-то не хочется, вотъ батя выйдетъ, да пока еще обрядится, да женщины иконы поднимутъ, съ крестами изъ часовни мимо на пашню пойдутъ — тогда можно и пристать. Вина-то хватить ли, къ Мошнѣ сбѣгать можно, денегъ нѣтъ — ничего, повѣритъ, вотъ бѣлки Богъ пошлетъ... Бомъ-бомъ... Медвѣдь... Вотъ бы штукъ пятокъ промыслить, двѣ красныхъ шкура. Нѣтъ, лучше на приiski идти, тамъ какую копѣйку заработать можно... Въ городъ бы, чего тамъ есть, поглядѣть бы... Тутъ въ тайгѣ умрешь, ничего не увидишь... Какъ бы къ дѣвкамъ не полѣзь... Онъ у насъ проворный, подберетъ полы, да въ присядку... ха-ха... Попъ. Бузуямъ — бродяжнѣ надо скоротъ сдѣлать, лабазы, паршивцы, грабятъ... Пакостники... Бамъ-бамъ... Господи помилуй, праздникъ... Баба на сносяхъ, холера... Вотъ Палагу надо въ сѣноваль затащить, дѣвка добрая, лѣши ее задави... Бамъ... Бамъ... Господи, спаси... Праздникъ... Тьфу ты пропасть, грѣхъ. Никола милосливый...

И лѣзутъ грѣшныя мысли, лѣзутъ. Принюхиваются мужики, пахнетъ хорошо: убойнкой пахнетъ — щи прѣютъ, оладьями пахнетъ. Виномъ по деревнѣ понесло: рано бы, еще вино въ подпольѣ стоитъ, не откупорено, но у мужика въ носу свербитъ, онъ заранѣе охмелѣлъ, веселые бѣсенята въ глазахъ скачутъ, въ ушахъ комариками кто-то попискиваетъ. Глядятъ мужики на Устину, а тотъ все еще за веревку дергаетъ, колоколъ поетъ, а въ тайгѣ откликается зеленая часовенка.

Федотъ прошелъ въ суконномъ пиджакѣ и въ шляпѣ. Народу на горѣ много собралось. Мужики встали съ завалинки, пошли гурьбой къ часовнѣ. Федотъ что-то говорить въ толпѣ, руками размахиваетъ, волосы коровьемъ масломъ смазаны — блестятъ, цѣпъ на брюхѣ блеститъ.

— Вотъ это попъ, — говоритъ Федотъ, — открылъ это я, значитъ, завозню, батя лежитъ вверхъ бородой, мычитъ... Мухи на рыло-то ему насѣли, быдто пчелиное гнѣздо... Что, думаю, такое...

— Надо подымать! — кричитъ Устинъ.

— Подымаль, ругается.

— Иконы подымать, — поправляет Устинь. — Безъ него управимся!

— А батя-то не придетъ? — спрашиваютъ бабы.

— Даже невозможно. Онъ ночью-то, робяты, всталъ, да бражки сладкой съ четверть и ополовинилъ...

Бабы улыбаются. Къ часовнѣ молодяжникъ съ ружьями подходитъ. Бабы прихорашиваются, поджимаютъ попривтливѣй пубы и наполняютъ праздничнымъ смѣхомъ глаза.

Устинь вдругъ изъ звонаря главнымъ человѣкомъ сдѣлался.

— Тимоха, наяривай во вся! — командуетъ онъ. — Ну, женки, да и вы, мужички, которые попоштениѣ, айда, благословясь.

Тимоха, въ розовой рубахѣ парень, весело идетъ къ звонницѣ и, широко улыбаясь, хитро подмигиваетъ дѣвкамъ и начинаетъ радостный трезвонъ.

Изъ часовенки, мѣрно выступая, выходитъ съ образомъ Божьей Матери Ѳедоть. За нимъ, по двѣ въ рядъ, зардѣвшися и сразу похорошѣвшія молодыя бабы. Каждая пара несла икону, убранную крестиками, ленточками и бумажными цвѣтами.

Когда вынесли крестъ и фонарь, вышелъ, держа въ рукѣ курящееся кадило, Устинь, усердный Господу. Народъ съ иконами стоялъ по обѣ стороны крыльца, Ѳедоть съ Казанской на ступеньки забрался, держа на животѣ образъ.

Устинь въ новой своей рубахѣ, обливаясь каплями пота, струившагося съ морщинистаго лба и лысины, низко, по три раза кланяясь, покадилъ сначала Ѳедоту, потомъ каждой иконѣ поочереди и махнулъ свободной рукой въ сторону свирѣпо названивавшаго, все еще улыбавагося придурковатаго Тимохи.

Но тотъ, привставъ на ципочки и яростно перебирая колоколами, не догадывался, что надо кончать: служба начинается.

— Шабашъ! — крикнулъ Устинь, сердито покадивъ въ сторону остановившагося звонаря.

Потомъ одернулъ рубаху, крякнулъ, переложилъ кадило въ лѣвую руку, поправилъ усы и бороду и бараньимъ толоскомъ благоговѣнно началъ:

— Благословенъ Богъ нашъ, робяты, на всегда и внынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

Сказавъ это, Устинъ усердно закрестился, а народъ пропѣлъ: «Аминь».

Тимоха волчкомъ подкатился къ иконамъ — ждять некогда — бухнулъ каждой въ землю, торопливо приложился, чуть образъ у Федота не вышибъ, — тотъ сказалъ ему: «легше!» — и, протолкавшись сквозь толпу, опять всталъ подъ колокола.

Устинъ, воодушевившись, вновь замахалъ кадиломъ и запѣлъ:

— Радуйся, Никола и великій чудотво-о-орець!

Многоголосая толпа подхватила.

— Наддай! — весело крикнулъ Устинъ, подавъ знакъ Тимохѣ.

— Айда, благословясь, робяты... Трогай...

Толпа всколыхнулась и запѣла подъ залихватый, плясовой Тимохинъ трезвонъ.

Но вдругъ, заглушая все, загромыхали выстрѣлы. Ребятенки, взвизгивая и хохоча, били въ ладоши, кувыркались передъ поспѣшно заряжавшими шомпольныя ружья парнями.

— Пли! — неистово кричалъ, задыхаясь отъ радости, парнишка Митька.

Парни палили залпами и въ одиночку.

— А ну, громчѣй! — надсаживался Митька.

Всѣ, предводимые Устиномъ, двинулись впередъ, медленно переступая и вздымая по дорогѣ пыль.

Вспокоенные на веревкахъ псы одурѣло выли, пѣла толпа, трещали всю дорогу выстрѣлы, а вдогонку летѣлъ веселый мѣдный хохоть.

Устинъ чинно шелъ впереди, окруженный безпоясими, чумазыми, поддергивающими штаны босыми мальчишенками, время отъ времени взмахивалъ кадиломъ и заливался высокимъ голосомъ.

Митька раза три забѣгалъ впередъ Устина и, повернувшись къ нему лицомъ, пятился задомъ и нараспѣвъ слезливо просилъ:

— Дѣдушка Устинъ, покади-и-и мнѣ... А, дѣда, покади-и-и...

Но тотъ, весь ушедшій въ небеса, отстранялъ парнишку рукой и выводилъ:

— «Взбранной воевода побѣдительный»...

Митька вновь неотступно вянгалъ:

— Покади-и-и...

— Пшелъ! — шипитъ Устинъ. — Вотъ я те покадю!.. — и, догоняя бабы голоса, подхватываетъ: — «ти рабы твои, Богородицы»...

Вся деревня шла за крестнымъ ходомъ въ поле.

Столѣтній Назаръ далеко отсталъ. Онъ съ горы-то шибко побѣжалъ, дѣвки шутили: «Куда ты, дѣдушка, успѣшь»... Да и теперь, кажется, переставляетъ ноги быстро, локтями сучить старательно, а удивительное дѣло, — отстаетъ. И у дѣда слезы на глазахъ, лицо все въ кулачокъ сморщилось, какъ у малаго ребенка, котораго только что обидѣли большіе.

— Отсталъ, спасибо... — шамкаетъ столѣтній и плачетъ, утираясь подоломъ рубахи. Доплется кое-какъ до своей избы, сѣлъ на луговину и уставился немигающими глазами на высоко поднявшееся солнышко:

— Праздничекъ Христовъ, помилуй насъ.

Крестный ходъ остановился у трехъ заповѣдныхъ древнихъ листовенницъ. Тамъ, на самыхъ полосахъ, стоялъ большой деревянный, еще прадѣдами поставленный крестъ.

Толпа стояла подъ лучами солнца. Было жарко, и всѣмъ хотѣлось попить холодненькаго и поѣсть.

А Устинъ все новое и новое что-то заводитъ. Бабы устало повизгивали, мужики подхватывали сипло и неумѣло.

Красноголовый, весь въ веснушкахъ, дядя Обабокъ, чтобы заглушить куму Маланью, рядомъ съ нимъ ревѣвшую дикимъ голосомъ, оттопыривалъ трубкою губы, выкатывалъ большіе глаза и, подшибаясь каждый разъ рукой, пускалъ мѣстами такую оглушительную, не въ тонъ, завойку, что ребятенки испуганно оглядывались на него и изумленно разѣвали рты, а мужики смѣялись: «Экъ тебя проняло! А ты за Устиномъ трафь... Чередомъ выводи, а не зря»...

Устинъ безъ передыха пѣлъ, перебирая разныя молитвы.

Слова молитвъ были чужія, непонятныя для молящихся, они сухимъ пескомъ ударяли въ уши и отскакивали, какъ горохъ отъ стѣны, не трогая сердца. И только сознание, что сами поютъ и сами служатъ, окрыляло души, и у нѣкоторыхъ глаза были наполнены слезами.

Иногда Устинъ долго мямлилъ, не зная, какъ произнести возгласъ, крякалъ, махалъ усиленно кадилкомъ, громко приговаривая:

— Вотъ, ну... Паки... паки...

Но ничего не выходило.

Пользуясь такой заминкой, лавочникъ Федотъ повернулся къ Устину и произнесъ многолѣтне, послѣ котораго красноголовый Обабокъ такъ хватилъ врозь, что всѣ сбились и засмѣялись, даже строгій Устинъ улыбнулся. Красноголовый сконфузился и, отирая мокрое лицо, протискался въ самый задъ и молча стоялъ на краю, задумчиво обхвативъ руками животъ.

Наконецъ, Устину подсказали:

— Станови народъ на колѣни... Давай свою, хресьянскую...

Тогда Устинъ передернулъ плечами, задралъ вверхъ бороду и громко прокричалъ, подражая священнику:

— Вотъ... ну... Айда на колѣ-е-ни!..

Толпа, словно дождавшись великой радости, многогрудно вздохнула, опустилась на колѣни и дружно приготовилась слушать свою, «хресьянскую».

Устинъ, весь преображенный и налитанный воодушевленіемъ, четкимъ и трогающимъ голосомъ, то повышая, то понижая ноты, началъ:

— Господи, Ты нашъ Батюшка, воистинный Христосъ...

Всѣ еще разъ вздохнули, закрестились, забухали головами въ землю, съ надеждой поглядывая то на безоблачное, ласковое такое небо, то на стоящаго, сѣденькаго, въ розовой новой рубахѣ, лысаго Устина.

А тотъ, все больше и больше воодушевляясь, продолжалъ:

— Вотъ, всей деревней просимъ Тебя, Господи, помози рабамъ своимъ: дождичка намъ пошли ко времени, хлѣбушка хошь какого уроди, пропитай насъ всѣхъ, вѣрныхъ твоихъ хресьянъ...

— Пропитай, Господи, — вторила молитвенно толпа.

— Чтобъ звѣрь лѣсной скотину не пакостилъ, чтобъ бѣлки поболѣ было въ тайгѣ, чтобъ лиса въ кулемки попадалась, чтобъ всѣмъ намъ, хресьянамъ твоимъ вѣрнымъ, въ животѣ и покаяніи скончати... Вотъ... ну... Этово...

— Конопля, прости... Конопля... — глотая слезы, шепчуть бабы.

— Бабамъ! — радостно восклицаетъ Устинъ, потерявши было нить, — бабамъ, вѣрнымъ нашимъ рабамъ, конопля уроди, Боже нашъ: Чтобъ всѣмъ намъ въ согласи

жить, полюбовно, значить, безъ обиды, чтобъ по-божецки... Да...

И Устинъ, уперевъ кулаками въ землю, тяжело поднялся и, еле разгибая спину, закончилъ высокимъ выкрикомъ:

— И во вѣки вѣко-о-овъ!

Многіе изъ молящихся плакали отъ такихъ простыхъ, милыхъ сердцу словъ молитвы.

Вскорѣ все кончилось, и толпа пестрой волной поплыла обратно, въ часовню, гдѣ неугомонный Тимоха такъ яростно набрякивалъ въ колокола, словно желалъ во что бы то ни стало выбить изъ нихъ голосистую душу.

Съ пригорка отъ часовни былъ виденъ кусочекъ сверкавшей на солнцѣ рѣчки и барахтавшееся въ ней большое, желтое бабье тѣло. Это попъ выгонялъ изъ себя хмель, плавалъ, сильно ударяя по водѣ ногами, и гоготалъ на всю деревню.

Посмѣялись крещеные и стали разбредаться со счастливыми лицами по домамъ.

Праздникъ начался хорошо.

ГЛАВА VIII.

Бахнулъ выстрѣлъ.

— Гопъ-го-о-пъ... чуть послышался голосъ.

— Это чалдонъ * реветъ, — сказалъ Лѣхманъ.

— Не чортъ ли, дѣдушка? — прошепталъ Тюля, уперевъ руками въ землю и готовясь вскочить, — у насъ, бывало, въ Расеи...

Свѣтало. Туманомъ заволокло всю тайгу, и бродяги казались другъ другу въ неясной утренней полумтлѣ какими-то сѣрыми, словно пепломъ покрытыми, огромными птицами.

Гдѣ-то тревожно кричитъ кукушка, надъ бродягами бѣлка скачетъ: сухая хвоя полетѣла сверху и густо падаетъ въ бороду Лѣхмана.

— Надо выстрѣлъ дать, — совѣтуетъ онъ Тюлѣ.

Тотъ взялъ ружье, насыпалъ на полочку пороху, досуха вытеръ отсырѣвшій кремень, свѣжій труть положилъ. Курокъ щелкнулъ, но труть не воспламенился, новый вставилъ, не беретъ. Бросилъ. Распялил ротъ до ушей, вложивъ четыре пальца, и такимъ лѣшевымъ свистомъ рѣзанулъ воздухъ, что, показалось Антону, дрогнулъ туманъ. Кукушка

* Чалдонъ—коренной сибирякъ крестьянинъ.

вразъ замолкла, бѣлка оборвалась съ лѣсины въ потухшій костеръ и, взмахнувъ хвостомъ, скрылась.

Бродяги захохотали и другъ смолкли:

— Братцы... Пойдите!..

— Иди-и-и!.. Сюда-а-а!.. — гаркнули бродяги, вразъ поднявшись и повернувшись на голосъ.

Затрещали сучья, зашуршала хвоя, все ближе, ближе, опять послышался крикъ почти рядомъ, и вдругъ, какъ изъ-подъ земли выросъ, всталъ изъ туманной мглы человѣкъ.

— Братцы...

До-нельзя ободранный, высокій и согнувшійся, онъ стоялъ предъ бродягами, покачиваясь и зябко подергивая плечами.

— Братцы...— еще разъ сказалъ, опустился на землю и положилъ возлѣ себя ружье. Плечи его острыми костяками торчали вровень съ макушкой головы. Лицо изможденное, весь колючий, всклокоченный, черный, глаза дикіе.

Ванька испугался глазъ, за Лѣхмана спрятался, а Тюля, засопѣвъ крикнулъ:

— А, ну, перекрестись...

Лѣхманъ зыкнулъ на него:

— Разводи костеръ!

— Дѣдушка...

— Что, сударикъ? Это ты гдѣ такъ себя? — и сѣлъ возлѣ прищельца.

Тотъ схватилъ руку Лѣхмана, уперся въ его плечо лбомъ и отъ сильнаго волненія едва выговорилъ:

— Чуть не сдохъ, братцы... Чуть не пропалъ...

Антонъ на колѣни передъ нимъ опустился и, глядя его по головѣ, душевно говорилъ:

— Ни-и-че-го-о... Ишь ты какъ... а?

Туманъ началъ подбираться, сгущаясь въ рванья, тянувшіяся по низу, плоскія облака. Только въ логахъ, гдѣ мочежины, онъ густо и надолго залежь бѣлымъ молокомъ.

Сквозь сонныя вершины пробрызнули солнечные лучи. Раздвинувъ ласково туманъ, они упали на корявый стволъ распластавшагося надъ бродягами кедра. И полилось, и заструилось небесное золото, закурились хвои, замерцали алмазы ночныхъ росъ. Всѣми очами уставилась тайга въ небо, закинула высоко голову, солнце привѣтствуетъ, тайнымъ шелеститъ зеленымъ шелестомъ, вся въ улыбчивыхъ слезахъ.

Благодать золотая на мѣрь опускается, млѣть тайга. Пойте птицы, выползайте изъ норъ гады ползучіе и кусучіе — грѣйтесь на солнцѣ: солнце пожрало тьму. И ты, медвѣдь-батюшка, иди гулять, иди: вонъ тамъ холодная рѣчка гуторить, вонъ тамъ въ дуплѣ пчела пахучій медъ кладетъ. Пойте птицы, радуйтесь, славьте яркое солнце! Хозяинъ лѣсной, а ты не кручинься, — сгинь, сгинь! — иди въ болото спать, ты не печалуйся: надъ тайгой солнышко подолгу не загасивается.

Предъ сосной, въ тѣни, бьетъ Антонъ земные поклоны, умиленно взглядывая на мѣдный, прислоненный къ стволу образокъ. Лѣхманъ съ Тюлей все еще у ключика полощутся, Ванька чай кипятить.

Всѣ зашевелились, къ котелку примасиваются, расцвѣли всѣ на солнцѣ, зарозовѣли. Ожилъ и пришелецъ. Онъ улыбался, чашку за чашкой пилъ съ сухарями чай: онъ недѣлю ничего не ѣлъ, вотъ бѣлку третьяго дня убилъ, попробовалъ, не вкусно, душа не принимаетъ, порохъ кончился, спички кончились, безъ огня — смерть.

Бродяги его не спрашиваютъ, неловко. Самъ сталъ рассказывать, какъ еще раннею весной изъ дома вышелъ. Онъ въ тайгѣ сколько разъ хаживалъ, тайга ему знакома: то по солнцу идетъ, то по примѣтамъ. На пятнадцатые сутки, когда ужъ хотѣлъ домой идти, сталъ чрезъ рѣчку по буреломинѣ переходить, да и оборвался. Вода сразу обожгла, ножомъ рѣзанула, а ночью холодъ ударилъ, иней палъ. Простымъ, свалился, сколько дней безъ памяти лежалъ — не знаетъ. А пришелъ въ чувство, во всемъ тѣлѣ слабость, и соображеніе измѣнилось, и нюхъ пропалъ сразу какъ-то, вдругъ. Съ этого и началось. Бродилъ, бродилъ — не можетъ какъ слѣдуетъ утрафить, все возлѣ рѣчки кружится. Нашелъ переходъ чрезъ рѣчку, ту самую лѣсину отыскалъ, — переползъ кое-какъ на карачкахъ, шелъ, шелъ, шелъ — тайга. Всѣ мѣста одно съ другимъ схожи до крайности: лиственъ, ель, сосна, кедръ, кедръ — а въ верху — небо съ овчинку. Солнце въ это время не показывалось: цѣлую недѣлю морока стояли, весенніе дожди выпадать начали. Что тутъ дѣлать? Онъ въ одну сторону, онъ въ другую — нѣтъ, чуетъ, что закружился окончательно. Глядитъ: опять къ той — проклятой лѣсинѣ вышелъ. Тѣфу! Сѣлъ подъ елью, съ досады слезы покатались.

— А ты чей же самъ-то будешь, позволь тебя спросить?

— Какъ чей? Свой собственный.

— Я понимаю... Ну, а изъ какихъ? — допытывалъ Лѣхманъ.

Тотъ поглядѣлъ въ упоръ на Лѣхмана, вздохнулъ, откинулъ лѣзшій въ глаза чубъ и отвѣтилъ:

— Да какъ тебѣ сказать... Ну, просто человѣкъ... Ну, вотъ заблудился... Ну... Вотъ...

— Да ты чо! — замахалъ на него рукой Лѣхманъ, — коли трудно, не надо, вотъ чудакъ... Мы ничего... Намъ все едино... Ха! Справникъ я, что ли?..

А Ванька, помѣшивая у костра кашу и шурясь отъ дыма, спросилъ:

— Ну, дыкъ какъ же ты?.. Такъ, значить, и закружился?

— Да. Отчаянье напало, тайга окончательно меня прихлопнула, какъ комара. Жутко сдѣлалось, одиноко, чуть опять не слегъ. А помирать голодной смертью тягостно. Три заряда у меня осталось. Эхъ, думаю, трахну въ ротъ. Представилъ себѣ это: вотъ я молодой, сильный, кругомъ сосны шумять, птицы, цвѣты... и вдругъ... Нѣтъ, думаю... еще рано...

Антонъ, вскинувъ брови, набожно перекрестился и жалбующимъ взглядомъ уставился на пришельца.

Все выше и выше вздымалось солнце. Туманъ исчезъ, и тайга яркозеленымъ живымъ моремъ вновь охватила сидящихъ у костра людей.

Каша упрѣла хорошо, вкусный парокъ изъ котла доносится.

— Вотъ бы винишко-то и пригодилось...—глота слюни, мурлычетъ подъ носъ Ванька и, прищелкнувъ языкомъ, подмигиваетъ Лѣхману.

— Ну, что-жъ, товарищи, какъ?—спросилъ Лѣхманъ, засовывая за голенище бродней тщательно облизанную ложку,—дальше пойдѣмъ, али какъ?

— Я не могу, я очень утомился...

— Ну, такъ чо!—весело воскликнулъ Лѣхманъ.—Тогда, ребята, давай, отдыхать седни... Куда спѣшить? Мы не мериканцы...

Ванька, насвистывая плясовую, на рыбалку отправился. Пришелецъ лежалъ, закинувъ за голову руки, и глядѣлъ въ небо. Дѣдъ корзину изъ молодыхъ вѣтокъ плелъ, Антонъ сидѣлъ возлѣ него и чинилъ шапку.

Тюля такъ налутился каши изъ украденной крупы, что

брюхо у него барабаномъ вздулось. Онъ, самодовольный, подползъ къ прищельцу и ядрено заулыбался:

— А ты, милъ человѣкъ, женатъ?

— Женатъ.

— А ты изъ каковскихъ?

Тотъ покосился на него и сказалъ:

— Я политическій.

Тюля въ отвѣтъ боднулъ головой, вскинулъ брови, крѣпко зажмурилъ глаза-щелочки, пошлепалъ, втягивая воздухъ, толстыми губами и принялся чихать:

— А я... Чихъ! а я... Расейскій... Ачихъ, чихъ! Тьфу!

— Экъ тебя проняло!.. — крикнулъ дѣдъ.

— Ччихъ! Комаръ... Комаръ въ ноздрѣ... Дыкъ спалитическій?

— Да.

— Ну, стало-быть, землякъ... — еле переводя духъ, заключилъ Тюля и вновь, подъ общій смѣхъ, на всѣ лады принялся чихать: онъ ползалъ въ раскарячку по землѣ, неистово трясъ головой, тарачилъ на смѣющагося Лѣхмана глаза и, весь багровый, грозилъ ему веселымъ кулакомъ.

Потомъ вдругъ вскочилъ:

— Ахъ, обить твою мѣдь!! — и, не оглядываясь, бросился въ кусты.

Лѣхманъ, повалившись на бокъ, закатился громкимъ хохотомъ:

— Вотъ такъ это Тюля, вотъ такъ расейскій человѣкъ!

— А гдѣ мы, примѣрно, находимся? Въ какомъ мѣстѣ? — освѣдомился прищелецъ.

— Да, однако, дняхъ въ трехъ-четырехъ отъ Кедровки, — отвѣтилъ Лѣхманъ.

— Что?! — быстро приподнялся тотъ и, уперся о землю локтемъ, — отъ какой Кедровки?

— Отъ какой... Кедровка одна въ этихъ мѣстностяхъ... Отъ Назимовской...

Прищелецъ всталъ, встряхнулъ волосами и во всѣ глаза уставился на Лѣхмана.

— Ухъ, ты, дьяволь! — вдругъ взвился вдали рѣзкій отчаянный Ванькинъ крикъ: — Оле-ле-о-о!.. Ухъ ты! Дѣдка, дѣдъ, ташши ружье!.. Медвѣдь, вотъ те Христось, медвѣдь! Ухъ ты, дьяволь! Оле-ле-о-о!..

Лѣхманъ засуетился, съ ружьемъ, согнувшись, къ Ванькѣ кинулся, а навстрѣчу Тюля изъ кустовъ тешеть:

— Назадъ, дѣдка!.. Вѣдмедь тамъ, вѣдмедь!..

Когда все успокоилось, Тюля развелъ отъ комаровъ курево и принялся врать Антону:

— Я, это, какъ отбился отъ своихъ, отъ расейскихъ самоходовъ, на Амуръ-рѣку ударился. И вели мы тамъ, Антонъ, просѣкъ, чугунку ладили... дыкъ этихъ самыхъ вѣдмедевъ-то, однако, штукъ шестьдесятъ вразъ на деревню выгнали... Ну, мужики тутъ ихъ, голубчиковъ, и умыли. Мужики передомъ на нихъ пруть, а мы, значить, сзади наирамъ... Какъ начали качать, да какъ начали... Ажъ пухъ летить... Кто топоромъ, кто изъ стрелябии... Знашь, така машина анжинерска... какъ порснешь-порснешь...

Андрей-политикъ лежалъ на спинѣ, смотрѣлъ, не мигая, въ небо и прислушивался къ пушистому шелесту хвой:

— Неужели — близко?

Много за это время Андрей передумалъ, много почувствовалъ.

— Анночка, — шепчетъ Андрей, и видитъ голубые глаза своей милой, такіе грустные и укорные, что сердце его глухо замираетъ, а губы отъ волненія дрожать и прыгаютъ.

И опять думаетъ Андрей и не можетъ оторваться отъ думы: колышется возлѣ, шепчетъ, въ даль влечетъ, торопитъ: скорѣй, не медли...

И ужъ кружатся мысли радостныя, радостно въ ладоши бьютъ, звенятъ колокольчиками. Все страшное изжито, впереди радостный трудъ, впереди Аннины лучистые глаза и ея душа особенная, новая, не какъ у всѣхъ, новая Аннина душа.

— Вотъ ты, говоришь, сполитический... А скажи, сдѣлай милость, кто они эти самые сполитики? — подаетъ Лѣхманъ голосъ, — у меня одинъ знакомый такой былъ, вродѣ какъ изъ вашихъ... Что-же у васъ шайка, что-ли, такая?

Андрей не сразу оторвался отъ думъ. На Лѣхмана смотритъ: Лѣхманъ корзину плететъ, Ванька съ Тюлей за грудки другъ друга берутъ, борются.

— За кого они, къ примѣру, стоятъ, въ кого вѣрують?

.
.
.
.
.
.

Солнце спускалось за тайгу. Наплывали сумерки.

А какъ замигала въ небѣ блѣдная звѣзда, повелъ Ванька, лежа на брюхѣ, сказку:

— И вотъ, значить, жила была царица-змѣица, прекрасная королица... И пошелъ къ ней мужикъ, по прозвищу Борма, правду искать... Вотъ ладно... Шель, значить, онъ шель... и вдругъ, какъ выскочить изъ-за кустовъ страшный Оплетай, одна рука, одна нога... — «А-а, правды захотѣль?!» — да какъ вопьется ему въ лень, значить, въ шиворотъ и началъ кровь сосать...

Андрей борется со сномъ, но глаза сами собой смыкаются, все куда-то плыветъ и затихаетъ...

— ...Ты кто таковъ? — Я страшный Оплетай, одна рука, одна нога...

Андрей перевернулся лицомъ къ кедру и крѣпко заснулъ.

ГЛАВА IX.

Староста Провъ Михайлычъ, проѣхавъ версть десять, остановился: стало темнѣть въ тайгѣ, два раза дорогу терялъ. Выбралъ чистую полянку, нарубилъ валежнику, лошадей на приколь привязалъ, четыре большущихъ костра развелъ по бокамъ: медвѣдь огня боится,—пятый въ срединѣ зажегъ, закусили съ собакой Лыской и легли спать. Лыска лежитъ-лежитъ, вскочить, насторожить острия свои, торчкомъ уши, да большой кругъ возлѣ стойбища сдѣлаетъ: нѣтъ-ли неприятеля.

Скоротали кой-какъ ночь, двинулись дальше. Большая роса выпала: будетъ ведро. Къ вечеру надо бы Прову добраться до Назимова.

А съ противоположной стороны, изъ волости, торопился домой къ Назимову верхомъ на лошади Иванъ Степанычъ Бородулинъ. Урядника въ волости не засталъ, уѣхалъ на дальній приискъ три тѣла подымать.

Бородулинъ зналъ, что триста пятьдесятъ рублей кто-нибудь укралъ изъ назимовцевъ, а скорѣй всего — «уголовная шпана». — Онъ также догадывался, что воръ удраля гулять въ Кедровку. Намекали ему объ этомъ и въ волости. Какъ только приѣдетъ домой, коня смѣнить и въ путь. Жуликъ — чортъ! И не отъ скупости это: триста пятьдесятъ рублей — разъ плюнуть, изъ-за нихъ Иванъ Степанычъ не сталъ бы себя тревожить.

Но вотъ вчера, ночуя въ тайгѣ, онъ увидалъ сонъ: явилась Анна во всемъ красномъ и сказала: «деньги найдешь, быть!» А что такое «быть» — не докончила и не разъяснила.

И Бородулинъ всю дорогу думаетъ объ этомъ, никакъ

не можетъ отмахнуться отъ думъ. Все мерещится ему Анна, сильная, ядреная.

Онъ ѣдетъ впередъ, не замѣчая времени, не замѣчая тайги, но вдругъ въ сознаниі всплываетъ, точно изъ омота утопленникъ, его зобастая нелюбимая жена.

— Но, дьяволь! — стегаетъ Бородулинъ лошадь, та храпитъ, а кругомъ вмигъ вырастаетъ стѣной тайга: вотъ сосны, вотъ пень, муравейникъ прижался къ корнямъ темной елки, комары попискиваютъ и жалятъ. А солнце высоко стоитъ и яркимъ полдневнымъ свѣтомъ заликаетъ таежную тропу. Начинаетъ купецъ думать о дѣлахъ: надо въ церкви иконостасъ подновить, надо приказчика съ товаромъ и винномъ послать къ тунгусамъ, да земли прикупить... Но зачѣмъ, куда ему: умереть, кому оставить? «Эхъ, сына бы!»

«Деньги найдешь, — быть»... опять тихонько просачивается въ душу: замелькали голубые, задумчивые Аннины глаза, а тайга вновь стала куда-то уходить, заволакиваться сѣрымъ, исчезли лошадь, солнце, комары. И Бородулинъ, сладко ощущая, какъ у него замираетъ сердце, какъ неотступно стоитъ предъ взоромъ Анна, догадывается и соглашается радостно, что безъ Анны ему не жить.

«А жена? убьешь?»

— Но, дьяволь! — хлещетъ Бородулинъ коня... Тотъ пускается вмахъ, спотыкается, и купецъ кувыркомъ летитъ на землю.

Конь смирный, но, должно быть, учуялъ въ хозяинѣ особое: взглянетъ на него, да ходу.

Бѣгаетъ купецъ, придерживая болтающееся сзади ружье, и почему-то Андрея-политика вспомнилъ:

— Ей Богу бы убилъ, — на ходу бормочетъ. — Только бы встрѣтить... Поперекъ дороги? Нѣтъ врешь... Ей Богу бы убилъ...

«А душа-то?» мелькнуло въ головѣ — «грѣхъ» — и вдругъ засосало подъ ложечкой.

— Ну, дакъ какъ-же?! Ну?! — вызывающе вскинулъ онъ въ небо глаза, но тотчасъ-же оробѣлъ и сталъ быстро крестить бороду, бубня покаянную молитву.

Солнце за полдни перевалило, когда онъ подѣхалъ къ Назимову.

Ѣдетъ трусцой по улицѣ и видитъ народъ бѣжить.

— Куда?

— Ыжай скоряе!.. Анка... Анка...

Бородулинъ вытянулъ коня, и вмахъ понесся къ дому.

А ему вдогонку:

— Анка удавилась... Анка... Анка...

Кубаремъ слетѣлъ съ коня, сшибъ съ ногъ какую-то старуху:

— Прочь! — и, не помня себя, ввалился въ домъ.

Толпится возлѣ кровати народъ. Растолкалъ всѣхъ и метнулъ взглядомъ по блѣдному, съ широко-открытыми, неподвижными глазами, лицу Анны.

— Что ты?! Какъ это?!.. — растерянно сказалъ Бородулинъ и опустился возлѣ нея.

Съ трудомъ высвободивъ руку, она обняла его:

— Иванъ Степанычъ...

— Анютушка! Родимая!..

— Шкура! — сквозь стиснутые зубы буркнула Дарья, и сердито повернулась у кровати взадъ-впередъ на каблучкахъ.

— Ты меня прости, Иванъ Степанычъ... Тяжко мнѣ... Скука грызеть... Прости, голубчикъ...

— Живучая... — прошипѣла вновь Дарья.

— Вонъ, жаба! — вскочилъ Бородулинъ и, размахнувшись, влѣпилъ ей пощечину.

— Ты что это, разбойникъ!

— Вонъ!! вонъ!.. Всѣ вонъ!.. Всѣхъ перекострячу!..

Толпа бросилась кто-куда, Дарья первая. Оенька на глаза попалась. Купецъ размахнулся: разъ!

— Это вы, стервы, съ Дашкой!.. Укараулить не могли... Душу вышибу!..

— Иванъ Степанычъ, — молила Анна.

Бородулинъ, шумно отдуваясь, заперъ всѣ двери на крючекъ и, подойдя къ Аннѣ, грузно сѣлъ на табуретку. Какъ въ лихорадкѣ, стучали его зубы, гудѣло въ головѣ, пресѣкся голосъ, и все было какъ сонъ. Онъ крѣпко сжалъ виски, закрылъ глаза, стараясь овладѣть собой, но вдругъ стала задыхаться: глаза испугались, забѣгали, руки съ широко растопыренными пальцами что-то ловили въ воздухѣ, виски и лобъ дали испарину, а табуретка выскользнула изъ-подъ дрожащихъ ногъ. Онъ ахнулъ, схватился за сердце, уткнулся головой въ колѣни Анны и жутко, со свистомъ застоналъ.

— Иванъ Степанычъ... Богъ съ тобой... — вся въ страхѣ вскочила Анна и начала приподымать Бородулина, а тотъ прыгающимъ шопотомъ твердилъ:

— Жива... Ну, Аннушка... Ну, родимая... — всталъ, шатается, лицо налилось кровью, въ глазахъ удивленье и ра-

дость, будто впервые увидалъ Анну: — Господи, жива... не-
вредима...

Онъ долго умывался, мочилъ голову водой и, шумно
отдуваясь, жаловался:

— Эка, сердце-то... чуть что, и зашлось... Фу-у, ты... Не-
приятности все, ерунда... — Ноги его все еще дрожали и
подгибались въ колѣняхъ.

— Ну, какъ же ты такъ? — успокоившись, подошелъ
онъ къ Аннѣ. — Пошто такъ-то?.. Пакость одна, душевред-
ство. Ну, не понраву тебѣ здѣсь, къ отцу не то поѣдемъ, въ
Кедровку...

— И здѣсь... и туда... — въ раздумьи говорила Анна,
опустивъ голову и разсѣянно посматривая исподлобья на
Бородулина.

— А? Чего?

— А такъ. Что-нибудь... этакое, чтобы... Вотъ Андрей
знаетъ... Больше никому, никому! — Она подняла голову и
пристужнула кулакомъ по колѣну: — никому!

— Чего — никому?

— А такъ ужъ... никому. — Она вздохнула. — Не
вв-ѣ-ѣрю, — растянула Анна и вдругъ улыбнулась:

— Ну, пойдёмъ...

— Пойдёмъ, Аннушка, — обрадовался Иванъ Степа-
нычъ, и они поднялись наверхъ.

— Вотъ, живи здѣсь, распорядься, — любовно ска-
залъ Иванъ Степанычъ, но опять ударила въ его сердце
злорада.

— Водки! — крикнулъ онъ Фенѣ. — Приказчика сюда!
Пришелъ приказчикъ.

— Дашку сюда!

— Чичасъ, — сказалъ тотъ и скрылся.

— Ты не бей ихъ, Иванъ Степанычъ. Неужто не жаль
тебѣ?

Бородулинъ грузно ходилъ по комнатѣ, поскрипывая
сапогами, Анна сидѣла у стола. Она то улыбалась,
словно видѣла кого-то близкаго, то вдругъ становилась за-
думчива, а взгляды дѣлались незрячимъ, будто глаза смотрѣли
внутрь, о чемъ-то вспоминая.

— Привези ты ко мнѣ, ради Бога, матушку... Стоскова-
лась...

— Ладно, Аннушка, привезу, — поспѣшно соглашается
Бородулинъ.

— Поѣзжай скорѣе. Какъ увидишь Андрея — напиши...

— Аннушка... — остановился Бородулинъ.

— Охъ, чегой-то я опять неладно... Голова горить. — Она облокотилась объ столъ и подперла голову рукой. Съ боку въ нее ударили лучи солнца, и Бородулину казалось, что ея поблѣднѣвшее лицо съ крѣпко закрученными вокругъ головы льняными волосами будто въ вѣнцѣ изъ золота.

Анна лѣниво перевела взглядъ на Бородулина и застыла. Глаза ихъ встрѣтились. Бородулинъ попятился и изумленно открылъ ротъ. Ему ясно представилось, что не его видитъ Анна, а что-то другое, чего нѣтъ ни въ немъ, ни за избою, ни въ тайгѣ, во всемъ мѣрѣ нѣтъ... Вотъ глаза ея ширятся, напряженно сдвинулись брови, лобъ — въ складкахъ; вся она какъ-то подалась впередъ и порывисто задышала.

— Аннушка! — шагнулъ къ ней Иванъ Степанычъ. — Анна...

Та вздрогнула, ударившись локтемъ о столъ, и робко улыбнулась.

— Не вспомнить... — протянула она нѣжнымъ, тоскующимъ голосомъ. — Не вспомнить...

— Ты чего это, Аннушка? — тихо сказалъ онъ, стараясь скрыть тревогу, и наклонился къ ней.

— Вотъ сидѣла бы я, да и плакала бы все...

— О чемъ же?..

— А о чемъ — не вспомнить...

Онъ взялъ Анну за плечи, прижалъ ея голову къ своей груди и поцѣловалъ въ гладкий прямой проборъ.

— Миѣ хорошо у тебя, Иванъ Степанычъ, — зашептала Анна. — Только скука беретъ, тоска... — И Бородулинъ увидѣлъ, какъ изъ ея глазъ покатались слезы. Онъ завздохалъ, мысли его безтолково заметались, и онъ не зналъ, что дѣлать.

— Плюнь на это, плюнь!.. — вдругъ радостно сказала Анна. — Сначала потеряла, потомъ нашла... Сожги все. По новому будетъ... Сожги!

Ивану Степанычу вдругъ жутко стало и пріятно. Онъ дрожащей рукой, покрывшейся холоднымъ потомъ, вытиралъ платокъ и началъ бережно вытирать слезы Анны. Ему хотѣлось сказать что-нибудь ласковое, бодрое, чтобъ сразу просвѣтлѣлъ у Анны разумъ. Онъ гладилъ ей голову, плечо, спину и чувствовалъ, что по всему его тѣлу горячей волной полилась жалостливая отеческая къ ней любовь.

— Сожги, сожги! — повторяетъ шепотомъ Анна, но онъ не слышитъ, своимъ полонъ, тайнымъ и радостнымъ.

Онъ теперь знаетъ, онъ рѣшилъ, и это будетъ. Онъ при-

лѣпить къ себѣ Анну, уберезетъ ее отъ лихого глаза, отъ наговора, онъ ее вылечить... «Ребенокъ мой, дитя мое милое... Аннушка»...

— А какъ-же, Иванъ Степанычъ, ребеночекъ-то мой? — будто перехвативъ его мысль, спросила Анна...

— Ну, что-жъ, Аннушка... Объ этомъ не думай... Я ребеночку радъ, выростимъ... Что-жъ такое... Ничего... роди...

Та подумала и сказала:

— Ты хорошій.

Голосъ у ней былъ тихій. Веселость и сила давно исчезли въ немъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу, голубонька моя: ты ни о чемъ не думай, на все плюнь. Андрюшка? Тьфу! Плюнь да ногой разотри. Кабы онъ любилъ тебя, жиганъ такой, нешто сдѣлалъ-бы такъ, нешто ушелъ бы? Паршивецъ, и больше ничего... Подохъ? — туда ему и дорога. Будь онъ, собака, проклятъ... — раздраженно говорилъ Бородулинъ, опять хватаясь за сердце.

Анна слушаетъ, опустивъ низко голову. Купецъ рядомъ съ ней сидитъ на диванѣ.

Мимо оконъ то и дѣло народъ снуеть: возлѣ дома задерживаютъ шагъ, и, пріоткрывая рты, настораживаются. Но купецъ говоритъ тихо, чтобы только Анна слышала.

— А вотъ я управлюсь съ дѣлами, въ Иркутскъ поѣдемъ, къ святителю Иннокентію. Городъ увидишь, людей. Во-о-отъ... Живи и ни объ чемъ, значить, не думай... Да... Угодничекъ Божій исцѣлитъ тебя, какъ не то обрадуетъ... знаешь, какъ поется въ церкви: «радосте нечаянная»... Да-а-а...

Увидя кухарку, купецъ ласково сказалъ:

— Осеюшка... А ты побереги Анку-то... Съ рукъ на руки сдаю. Чуешь? Я тебѣ на платьѣ шерстяного отрѣжу...

Сѣли обѣдать втроемъ. Послѣ двухъ тарелокъ шей Иванъ Степанычъ лѣнливой походкой вышелъ на улицу. Ему нездоровилось. Не отложить-ли поѣздку до завтра? Онъ поглядѣлъ на небо, — вотъ еслибъ дождь, — но небо было голубое и свѣтило солнце.

— Ну, такъ я за матерью, — рѣшительнымъ голосомъ сказалъ онъ Аннѣ и вскочилъ на буланого, статнаго коня.

— Ну, смотри, Илюха... Понялъ? — погрозилъ онъ приказчику большимъ, обросшимъ волосами кулакомъ.

— Съ Богомъ, — сказалъ Илюха, боязливо покосившись на кулакъ.

— До свиданья! — крикнулъ Бородулинъ и стегнулъ лошадь.

Приказчикъ съ Ѳеней пересмѣхнулись, удивленно поглядывая, какъ Анна машетъ фартукомъ и что-то безсвязно говорить.

ГЛАВА X.

Бородулинъ до самой тайги скакалъ во весь духъ.

Послѣ выпитаго за обѣдомъ вина онъ сталъ чувствовать себя бодрѣй. Все мерещилась ему новая жизнь съ Анной.

Самое лучшее ему отъ жены откупиться. Онъ не разъ бивалъ ее по пьяному дѣлу смертнымъ боемъ. Въ прошлую масляницу все село покатывалось надъ тѣмъ, какъ онъ, пьяный, поролъ ременными вожжами охмелѣвшаго дьячка и законную свою супругу, заставъ ихъ въ весьма веселомъ видѣ у просвирни. Дьячекъ безъ шапки удралъ домой, а зобастая Марья Павловна, грузно бѣгая кругомъ большого стола, выкрикивала: «Нѣтъ тебѣ до меня дѣла... Давай мою тыщу, я уйду... Живи со своей Дашкой. Тыщу отдай, варнакъ!»

Все это теперь вспомнилъ Бородулинъ и далъ волю думамъ. Если жену вылечать, онъ вмѣстѣ съ тыщей выбросить ее вонъ. Нѣтъ, зачѣмъ. Онъ разстанется съ ней по хорошему, онъ можетъ ей выстроить домъ тутъ же, въ селѣ, открыть лавочку: торгуй, но не мѣшай ему жить.

Иванъ Степанычъ нерѣшительно улыбнулся однѣми губами и, покрутивъ головой, вздохнулъ.

Лошадь шла рысью, похрапывала и тревожно поводила ушами. Все глуше и безмолвнѣй становилась тайга. Небо только надъ тропой свѣтило блѣдной щелью, и нельзя было угадать, гдѣ солнце.

Въ душу Бородулина какъ-то исподволь, незамѣтно, стала просачиваться грусть. Жена опять вспомнилась, а рядомъ съ ней Анна. Впереди, въ мечтахъ, свобода и новая жизнь безъ Дашки, безъ грѣха, а — странное дѣло — нѣтъ въ сердцѣ радости. Иванъ Степанычъ вяло осмотрѣлся кругомъ и зѣвнулъ. Его баюкали и зыбкая ступь лошади, и молчаливый сумракъ дня. Стало ко сну клонить. Онъ весь усталъ: хорошо бы броситься на мшистый пригорокъ и заснуть. Въ головѣ шумѣло, хотѣлось потянуться, хотѣлось

крикнуть. Хорошо бы кисленькаго выпить, холоднаго. Нешто повернуть коня?

Нѣтъ, начато — кончено. А чтобъ покорить грусть, и сонливость, и молчанье тайги, онъ запоетъ веселую.

Бородулинъ потрепалъ по крутой шеѣ лошадь, откашлялся, расправилъ усы и затянулъ:

«Какъ ы во темной нашей да сторонкѣ
Возрастилась мать—тайга-а-а...
Ты таежная глухая
Сама темна сторона-а-аа»...

Одинокими и чужими летятъ звуки во все стороны.

Бородулинъ смолкъ и прислушался. Пѣсня замирала, пугаясь въ макушкахъ лѣса. Онъ зычно крикнулъ и вновь насторожилъ слухъ. То ли это откликнулось, то ли голосъ позвалъ и захихикалъ. Иванъ Степанычъ остановилъ лошадь. Тихо. Только въ ушахъ гудить, а тоска все еще не бросаетъ сердце.

— Надо бы Ильюху взять... Чортъ... дуракъ...

Онъ стегнулъ коня и съ версту ѣхалъ вскачь. Но лишь пошла лошадь шагомъ, безпокойство опять приступило, вновь что-то померещилось.

— Спотыкайся! — крикнулъ онъ лошади и, чтобы не чувствовать одиночества, онъ то посвистывалъ, то вяло тянулъ-мурлыкалъ безъ словъ пѣсню. Онъ поетъ и тайга поетъ, уныло скулить — поддвываетъ. Онъ оборветъ, и тайга вразъ смолкнетъ, притаится, ждетъ.

— Ну, теперича... тово... — шепчетъ Бородулинъ. Онъ знаетъ, что тайга озорная, пакостливая: только запусти въ душу страхъ, только поддайся ей — крышка.

«Ѣдетъ, ѣдетъ...» — Ну, ѣду. — «Ну, и поѣзжай...» Въ оврагѣ стонъ послышался. По спинѣ Бородулина ползутъ мурашки.

— Господи! — передохнуть онъ, — благозвонный колоколь надо пожертвовать... — и вдругъ порывисто обернулся:

— Господи, — сказалъ кто-то сзади.

Иванъ Степанычъ, надвинувъ на глаза шляпу, круто рванулъ узду и поскакалъ на голосъ, весь дрожа. Нѣтъ никого. Въ оврагѣ пусто, по дну ключикъ бѣжитъ, по берегу въ бѣломъ цвѣту калина.

— Бельно бояливъ. Баба худая... Дуракъ-чортъ... — обругалъ себя Бородулинъ.

Онъ неуклюже, словно разбитый, слѣзъ съ сѣдла и зашатался...

— Ерунда... Чего тамъ... — вновь пристыдилъ себя и, чтобы не упасть, схватился обѣими руками за сѣдло. Въ глазахъ рябило: мелькали и свивались въ кружево какіе-то прутики, шарики, червячки, а стволы деревьевъ перескакивали съ мѣста на мѣсто, словно игру затѣяли.

— Ерунда, — опять сказалъ Иванъ Степанычъ, приподнялъ съ лица сѣтку отъ комаровъ и отхлебнулъ изъ фляги большую порцію коньяку.

— Ну, вотъ... теперича можно, — онъ убавилъ правое стремя, смахнулъ съ брюха бившейся лошади комариный рой, вскочилъ въ сѣдло и повернулъ въ Кедровку.

Отъ крѣпкаго вина стало побордрѣй.

— Анна... — Иванъ Степанычъ закрылъ глаза, чтобы лучше ее представить... — Дѣвка кладъ, — думалъ онъ, — энъ какъ политика полюбила. А силища-то, а красота-то, ухъ, ты, батюшки: разъ взглянетъ, вѣкъ будешь помнить.

Иванъ Степанычъ улыбнулся и облизнулъ пересохшія губы.

— Да, дѣвица дюже хороша, вотъ только лихо прикинулось, прихворнула... Это отъ неприятности больше, отъ заботы... ничего, пройдетъ, отъ хорошей жизни дѣвка оклемается. Вотъ ребеночка родить, — пусть, другого родить, Бородулинскаго. Бородулинъ долго проживетъ, его дѣдъ ста пяти годовъ померъ, а ему только сорокъ шесть.

Кто-то опять застоналъ, закричалъ. Бородулинъ отмахнулся рукой, ему не хотѣлось открывать глаза. Раскачиваясь отъ дремы въ сѣдлѣ, онъ клевалъ носомъ.

— Неожется... свалюсь...

Надвигался вечеръ. Небо посѣрѣло, сумракъ сгущался въ глубинѣ тайги, а изъ низинъ тянуло сырымъ холодомъ. Утомленный конь, спотыкаясь, бѣжалъ усталой рысью.

— Бойся! — вяло крикнулъ онъ и очнулся. — Знобить... Надо поворотить...

Ну, зачѣмъ ему въ Кедровку? Онъ приказчика пошлетъ, Стряпку пошлетъ.

«Деньги найдешь — быть». Чайку съ малиной... въ баню бы, вѣнникомъ похлестаться... «Батюшка, пожалѣй, родимый, пожалѣй»...

— Анка... Аниутушка...

«Подлецъ ты, кровопивецъ...» — «Прочь, харя, прочь!» — «Я тебя знаю, подлеца». — «Кого такое?» — пытается спросить Иванъ Степанычъ. Огненные крупы въ глазахъ рассыпаются искрами, голова совсѣмъ отяжелѣла и гудитъ.

«Уходи, я тебя не звалъ», — шепчетъ Иванъ Степанычъ, — «я за упокой молюсь, за твою душу каждую службу молюсь...» «Молишься?» — шипитъ бродяга, тотъ самый, что сдалъ Бородулину большой самородокъ золота. — «Сожегъ въ банѣ, да молиться началъ?... Ахъ, ты, плутъ»...

Ивана Степаныча вдругъ качнуло, едва въ сѣдлѣ усидѣлъ. Онъ передернулъ плечами и часто закрестился, лугливо косясь на потемнѣвшую стѣну тайги: — «Обѣщаюсь Тебѣ, Господи, благозвонный колоколъ купить,» — озирается назадъ, не гонится-ли кто. — «Ужъ правильно... правильно жить буду... Спаси-помилуй!»

А голова все тяжелѣетъ и тяжелѣетъ, ознобъ вплотную охватилъ его. Тянется опять къ флагѣ съ коньякомъ и жадно пьетъ.

— Убилъ... — «Кого убилъ?» — «Себя убилъ». — Когда? — «А помнишь... Завтра-то...»

— Завтра?... — вздрагиваетъ купецъ и слышитъ: пересмѣхаются тихимъ смѣхомъ обугленные, черные, какъ мохаи въ рясахъ, деревья таежной гари.

— Дуракъ-чортъ! Это онъ... это политикъ все подстраиваетъ... Нехристи, дьяволы...

Мрачнѣй и упрямѣй становится тайга. Конь храпитъ, трясетъ головой, взмахиваетъ хвостомъ, отбиваясь отъ комаровъ.

«Вотъ вытащи изъ болота, тогда дамъ рубль»... — «Ну, и наплевать. И не вытасу» — бредитъ во снѣ Бородулинъ, но чей-то голосъ все громче и увѣреннѣй:

— Эй, помоги, добрый человѣкъ, лошадь завязилъ.

— Ха-ха-ха... Лошадь? — усмѣхается купецъ... — Намнѣ крестъ... Не больно-то возьмешь...

— Помоги, батюшка...

И собачка взлаяла.

— Пшелъ! — кричитъ, пробуждаясь, Бородулинъ и стегаетъ коня, а вслѣдъ ему:

— Стой, стой!... Ради Бога, помоги...

А собачка пуще.

Остановилъ лошадь, оглянулся: сѣрое по дорогѣ отъ болота капится.

— Кто таковъ, что нужно? — спрашиваетъ Бородулинъ, хватаясь за ружье, и видитъ: мужикъ подошелъ съ собачкой.

— Дядя Провъ?!.. — радостно вскрикиваетъ Бородулинъ.

— Я... По дочку мы съ Лысанькой ѣхали, — сказалъ мужикъ, оглаживая собаченку, — да, вишь, лошадь въ болото завязилъ... Ёду я, ёду, да задумался чего-й-то, глядь, а лошадь-то и свернула... Увидала воду, да и... Вотъ и бьюсь сколь времени... Ради Бога, помоги...

Слѣзъ купецъ съ коня. Ноги, какъ чужія. Самъ дрожитъ. Ознобъ всю силу съѣлъ.

— Чего-то неможется, — сказалъ онъ Прову, — вчерась возлѣ рѣчки ночевалъ, въ тайгѣ, простылъ, видно.

Густыя сумерки сѣрѣли на прогалинѣ, а въ тайгѣ изъ трущобъ и падей выростала тьма. Болото, куда направились Провъ и Бородулинъ, курилось бѣлымъ, холоднымъ туманомъ, сквозь который прорывались испуганный храпъ и ржаніе лошади, а въ сторонѣ старательно крякалъ коростель. Набросавъ вокругъ лошади жердей, Бородулинъ за приву, Провъ за хвостъ вытащили ее и вывели на сухое мѣсто.

Провъ боялся самъ завести разговоръ о дочери, опасно и испытующе посматривалъ на купца, стараясь въ его глазахъ вывѣдать нужное.

Бородулинъ почувствовавъ это, сказалъ:

— А дѣвка твоя, слава Богу, ничего...

— Ничего?! — воскликнулъ ликующимъ голосомъ Провъ, — ну-ка, присядемъ на минутку, Иванъ Степанычъ... А какъ-же Овдоха путала...

— Какая Овдоха? — спросилъ купецъ, прикладывая къ вискамъ холодный мохъ.

— Да тутъ.. У насъ на деревнѣ... Баба одна кривая... За попомъ къ вамъ ѣдила. Вотъ она и болтала быдто бы...

— Вретъ, — раздумчиво отвѣтилъ Бородулинъ и умолкъ, а сердце Прова сжалось и сильно застучало.

Бородулинъ хотѣлъ все рассказать отцу Анны, но не зналъ, какъ бы лучше подойти, съ чего-бы начать. Языкъ совсѣмъ потерялъ себя, непослушнымъ сдѣлался, и остановилась мысль, словно зауросившая предъ крутымъ взѣмомъ лошадь.

Наконецъ, собрался съ духомъ:

— Видишь-ли, Провъ Михалычъ... Какія, значить, дѣла-го... Этово... Какъ это... Ну... Словомъ, я долженъ упредить тебя... И все такое...

— Что... — упавшимъ голосомъ, затаивъ дыханіе, спросилъ Провъ.

— Однимъ словомъ, прямо тебѣ скажу, — раздался громкій и рѣшительный голосъ Бородулина, — хошь ругай, хошь нѣтъ, а только что я твою Анку, значить, Анну Прововну, полюбилъ и рассчитываю замѣсто хозяйки ее придѣлать, а съ своей женой развязаться... Да...

— Такъ-такъ-такъ... — скрывая радость, отвѣтилъ равнодушно Провъ, но лѣвая нога его нетерпѣливо задрогала, а рука затеребила бороду.

— За тобой безъ малаго сто рублей долгу... Это съ костей долой... За кобылку тоже скошу... Вродѣ подарка пусть, вродѣ уваженія... Да-а-а...

— Это ничего... На этомъ благодаримъ...

Иванъ Степанычъ тяжело сопѣлъ. Силы опять оставляли его, но онъ, напрягая волю, бралъ себя въ руки.

Онъ, волнуясь, сказалъ:

— Ну, только что видишь-ли какая вещь... Я тебѣ прямо, безъ обиняковъ... Такъ что Анна твоя...

— Что?

— Въ тягостяхъ... Отъ Андрюхи, одного паршивца, политика...

— Ну-у-у?!... — протянулъ Провъ, повертывая голову къ Бородулину, и глаза его сразу вспыхнули зломъ и широко открылись.

— Да, братъ, да...

— Ея воля, — тихо отвѣтилъ Провъ и мучительно вздохнулъ.

Потомъ, будто передумавъ, онъ быстро поднялся, поправилъ кушакъ и зарычалъ, сжимая кулаки:

— Я его надвое разорву!.. У-у-хъ, ты мнѣ!... Ну, держись, дьяволъ!...

И, огромный, пошелъ, ругаясь, къ лошади прижимистой медвѣжьей походкой.

— Стой-ка, ты, стой! — кричитъ Бородулинъ и подымается:

— Нѣтъ вѣдь его... Я бъ его самъ устукалъ... Въ тайгѣ пропалъ... Съ весны еще... Ушелъ да и крышка. Подохъ...

Наступило молчаніе.

— А правда-ли, — крикнуть было Провъ издали и, не докончивъ, остановился...

— А правда-ли Овдоха языкомъ трепала, что Анка не въ себѣ?

— Правда, Провъ Михалычъ, — отвѣтилъ Бородулинъ, — мало-мало есть...

Провъ тихо подошелъ къ купцу и, порывисто дыша, остановился. Въ скобку стриженые, съ густой просѣдью, волосы его разлохматились, суровое лицо какъ-то осѣло сразу, задергалось. Онъ закрылъ его пригоршнями, шагнулъ къ соснѣ, приткнулъ къ ней головою и застоналъ.

— Дядя Провъ, — позвалъ Бородулинъ и двинулся къ нему.

— Вѣдь на всю волость, на всю волость дѣвка-то... Вѣдь она за троихъ мужиковъ сробить... О-о-хъ ты, Боже мой... — задыхаясь, говорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Слушай-ка... Провъ! — обхвативъ Прова за плечи, старался Бородулинъ повернуть его къ себѣ лицомъ, но тотъ трясъ головою и съ болью бросалъ:

— Оставь, оставь... Не трогъ, пожалуйста...

У Бородулина дрожали ноги и отъ болѣзни, и отъ волненія, стучали зубы и горячимъ пескомъ стегало по глазамъ...

А тотъ, опавшимъ и прерывистымъ голосомъ, сморкаясь, твердилъ:

— Ну, чего я теперича старухѣ-то своей скажу, ну, чего? Научи ты меня, ради Господа...

Бородулинъ молчалъ. Голова кружилась, и, чтобъ не упасть, онъ схватился за сосѣднюю рябину.

— И не стыдно тебѣ, Иванъ Степанычъ: не могъ уберечьчи дѣвку-га... Эхъ, ты-ы-ы... лѣшій.

— Дѣло поправимое, — буркнулъ купецъ.

— Поправи-и-имое?!... А кабы твое дите такъ...

— Она рѣдко сбивается-то...

— Рѣ-ѣ-дко?! Эхъ, ты, чо-о-рть...

Бородулину неумоготу стоять. Онъ сначала сѣлъ на землю, потомъ повалился на бокъ:

— Пожалуйста, Провъ Михалычъ... Минѣ бы водички зачерпнуть... Нутро горитъ.

Провъ принесъ ему воды, принесъ его овчиную, привязанную въ торокахъ шубу, разложилъ костеръ, чай вскипятивъ.

Что-то говорилъ купцу, спрашивая и выпытывая, но тотъ плохо соображалъ, невпопадъ давалъ отвѣты и, закутавшись съ головой въ шубу, готовъ былъ заснуть.

... — Застрѣлю, — ловилъ онъ обрывки рѣчей Прова, — только-бы натакаться гдѣ... И робятамъ кедровскимъ скажу: встрѣтишь — бей!...

«Бей не робѣй, бей не робѣй, вѣй, вѣй, бей»... Мелькаетъ въ сознани засыпающаго Бородулина...

... — Такъ по затесу и жарь... Вѣшку поставлю... Ты къ намъ на праздникъ? Долги, говоришь, съ мужиковъ собрать?

— Къ намъ собрать... — бормочетъ Бородулинъ.

«Не робѣй, вѣй, вѣй... Хи-ха-хо... Хи-ха-хо»...

— А? — выставляетъ онъ голову и открываетъ глаза.

Какая-то желтая рожа шипитъ и плюется и пышетъ въ самое лицо огнемъ. Кто-то былъ, кто-то говорилъ съ нимъ. Никого нѣтъ... Кто-же это былъ? Анна? Нѣтъ... Лошадь? нѣтъ... Деньги? А-а-а... Такъ — такъ...

— Деньги!... Украли... У стола...

— У тебя, что-ли? Кто? — чей-то голосъ раздается.

— Отецъ дьяконъ...

— Ну, что ты...

— Отецъ попъ...

— Отецъ попъ? Ха!... Ну, спи со Христомъ... Закутайся, да спи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вяч. Шишковъ.

БУРЫЙ.

Разказъ.

Ерофей Бурый еще не старъ, лицо моложавое, здоровое. Въ большой рыжей бородѣ съ бурымъ отливомъ не замѣтно сѣдого волоса. Высокъ и силенъ, какъ медвѣдь, хорошій былъ охотникъ смолоду, но теперь уже заросли его дальнія тропы въ лѣсу, и спокойно висѣли на стѣнѣ избы ружья, покрытыя пылью.

Послѣ смерти отца Ерофею одному пришлось держать хозяйство, и для охоты уже мало было времени. Соблазнилъ его одинъ человѣкъ заняться торговлей. Имѣя свободныя деньги, онъ накупилъ на озерахъ рыбы, привезъ домой и продалъ съ хорошимъ барышомъ. Мало-по-малу Ерофей втянулся въ торговлю, полюбилъ наживу и бросилъ охоту. Скоро сталъ онъ скупать, кромѣ рыбы, хлѣбъ, мѣха и завелъ знакомство съ дальними купцами.

Жена его умерла рано, оставивъ ему сына Ильюшку. Не женился больше Бурый, зато держалъ красивыхъ работницъ, растилъ и приучалъ сына къ торговлѣ.

Разбогатѣлъ Ерофей и сталъ первымъ человѣкомъ въ селѣ; всѣ шли къ нему: кому надо денегъ, бери у Бураго, сѣна, кожи, рыбы — все можно достать у Бураго.

Народъ дивился предприимчивости и удачливости Ерофея; старики качали головами и говорили: «не къ добру, поперло человѣку», но Бурый все богатѣлъ, только нѣтъ, нѣтъ, да и выкинетъ какую-нибудь штуку, такую, что всѣ ахаютъ отъ удивленія. Привезетъ ведро водки, соберетъ любителей выпить, сядетъ въ тарантасъ и велитъ возить себя. Мужики съ пьянымъ хохотомъ возятъ Бураго до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ всего ведра или не очутятся всѣ въ канавѣ, а то и въ ручьѣ. Однажды Ерофей, ни съ того, ни съ сего, взялъ да и сжегъ свое гумно, а то на годовой праздникъ одѣнетъ шкуру медвѣдя и пойдетъ по селу на четверенькахъ.

Каждую весну Ерофей ѣздилъ на озера закупать рыбу. Въ этотъ годъ онъ взялъ съ собою и сына, чтобы познакомиться съ дѣломъ.

Лежа въ тряской телѣгѣ, Бурый всматривался въ гущу лѣса, красующагося свѣжей зеленью и полного опьяняющаго запаха. Вспомнилась Ерофею молодость, охота, и жаль становилось былой жизни, вольной и веселой.

Ильюшка, двадцатилѣтній парень, похожій на отца лицомъ и фигурою, недовольно думалъ о томъ, что не пришлось погулять на праздникъ въ сосѣдней деревнѣ, искоса посматривалъ на отца и поминутно стегалъ вожжами широкіе бока Бѣлоноски.

— Ты что-то, паренекъ, хмурый сегодня, — замѣтилъ Ерофей сыну, слегка усмѣхнувшись.

— Да такъ... — неохотно отвѣтилъ Ильюшка.

— Знать, миленькія въ головѣ въ чехарду играютъ, такъ, что-ли?

— Что мнѣ миленькія, ни печь, ни жарить...

Бурый снова усмѣхнулся.

— Ни печь, ни жарить, вотъ женю осенью, такъ будешь печь и жарить.

Ильюшка не отвѣтилъ, прикрикнулъ на лошадь.

— Но, ты, поползень! раскачивайся!

«А батько-то хитеръ, — подумалъ Илья.—Бойтся, что у него работницъ отбивать буду. Куда ни шло, посватаю дѣвку у Сажина, да отодрать съ нею тышченку у стараго Шамакши. Тогда я съ деньгой-то изъ-подъ батькина начала выкарабкаюсь».

Къ вечеру пріѣхали въ деревню Чернозерскую прямо къ избѣ Гриши Шлямы. Шляма плелъ бураки для сушеной рыбы. Замѣтивъ гостей, онъ бросилъ работу и торопливо пошелъ навстрѣчу, крикнувъ женѣ, чтобы ставила самоваръ.

— Ерофей Кузьмичъ! Присадилъ опять, Христось ты носи, — говорилъ Шляма, весело потряхивая сѣдѣющей бородой, — да и сынка приволокъ нашихъ овсяныхъ блиновъ попробовать. Да вваливайся въ избу-то, шапку подъ лавку, а сапоги, куда знаете.

— Ну, загалдѣлъ, — замѣтилъ Ерофей, улыбаясь на болтовню хозяина. Пора бы посмирнѣе стать, вонъ борода-то линять стала.

— Да, полиняешь, если Господь сподобитъ съ медвѣдемъ пообниматься.

— Что, нарвался?

— Да, прошлую осень довелось съ нимъ встрѣтиться,

кабы не Оома Ямкинь, такъ отъ Гриши Шлямы однѣ бы рукавицы остались, а то только еще одно ухо на обмѣнъ на его шкуру-то пошло.

— Вижу, вижу, экая жалость! — сочувственно проговорилъ Бурый.

— Да, жалость, а онъ, еретикъ, не жалѣеть, какъ на ура пойдетъ.

Шляма былъ радъ гостямъ, онъ, держа въ рукахъ кигетъ, свертывалъ папиросу, разводилъ руками, сыпалъ на полъ табакъ и снова подбавлялъ его на измятый лоскутъ бумажки.

— Да, помолчи ты, старикъ! — проговорила Карповна, — та-та-та — только тебя и слышно!

— Но, ты, одерь, грѣй знай самоваръ-то, — покосился Шляма на жену.

— Ну, какъ обстоятъ дѣла-то? — спросилъ Бурый.

Карповна поставила на столъ самоваръ и заботливо обтерла его тряпкой.

— Да что, дѣла идутъ, не хромаютъ, лодка завтра готова будетъ.

— Ну, хозяинъ на столъ сердится, — указалъ Шляма на большой никелированный самоваръ. — Давай, дружки, чайкомъ угостимся, зимой я завоевалъ его сіятельство, — Шляма любовно постучалъ концами пальцевъ по самовару.

Ерофей похвалилъ самоваръ и спросилъ про ловъ.

— Ловъ, братъ, нынче такой, что рыба неводъ рветъ, водяной, что-ли, пьянствуетъ да шугаетъ рыбу-то, что — ужъ больно много ее, прямо хоть штанами лови.

— Бабъ-то, навѣрно, замучили съ рыбой, — улыбаясь замѣтилъ Ильющка.

— Вотъ, о чемъ печалиться вздумалъ краснорылко, — отвѣтилъ Шляма, — ты заучи, что тогда баба и человѣкъ есть, если она дѣломъ настоящимъ занята.

Въ избу вошла высокая дѣвушка, пряча что-то подъ передникъ. Перекрестившись на образъ, она изъ-подъ платка оглянула большими бойкими глазами приѣзжихъ и обратилась къ хозяйкѣ:

— Я те, Карповна, долгъ принесла.

— А, Васишка!.. — воскликнулъ Бурый, расправляя бороду. — А мнѣ долгъ принесла? Съ прошлаго года, еретица, поцѣлуй должна.

Васишка засмѣялась.

— Ты памятной, Ерофей Кузьмичь!

— Еще бы... У меня всѣ ваши озерскіе долги въ записной книжкѣ.

Карповна встала изъ-за стола и увела Васишку за печь. Пошептавшись, онѣ вышли, и Бурый поманилъ дѣвушку къ столу.

— Поди-ка, поди сюда, шептунья!

Васишка, улыбаясь красивымъ ртомъ и перебирая передникъ сильными руками, опасливо подвинулась къ столу.

— Не бойся, не бойся, — ободрялъ ее Бурый и, расправивъ бороду, онѣ поднялся съ лавки. — Ну-ко, Господи благослови... Давно ужъ не цѣловался.

Васишка, смѣясь, пятилась назадъ. Шляма на цыпочкахъ зашелъ стороной къ Васишкѣ и хотѣлъ помочь захватить ее, но дѣвушка взвизгнула и бросилась изъ избы.

— Ишь ты, семга шуганая!.. — закричалъ Шляма.

— Ужъ безъ тебя-то дѣло не обойдется тутъ, — проворчала на мужа Карповна.

— Вишь, одеръ-то у меня ревнивой, — подмигнулъ гостямъ Гриша.

Бурый высунулся въ окно и остановилъ проходившую мимо Васишку.

— Слушай, еретица, поѣдемъ ко мнѣ въ гости. Мнѣ въ лодку гребцовъ надо.

— Ты поговори съ батюшкой, — сдерживая улыбку и плутовато взглянувъ въ лицо купцу, отвѣтила Васишка.

— Ладно, зайду... провожая ее взглядомъ, сказалъ Ерофей.

Ильюшка, выпивъ стакана два чая, пошелъ посмотрѣть Бѣлоноска, всыпалъ ему въ колоду овса и вышелъ на деревню. На ровной, широкой улицѣ деревни молодежь играла въ рюхи.

Гулко стучали тяжелыя палки и кричали молодые возбужденные голоса.

Илья подошелъ къ играющимъ и сѣлъ въ сторонѣ на бревно, гдѣ сидѣло около десятка мужиковъ, съ интересомъ наблюдавшихъ за игрой.

— У тебя, Яшка, палка-то щукой все что-то ходитъ, — замѣтилъ одинъ мужикъ.

— А лѣшо-тъ ее знаетъ, — угрюмо отвѣтилъ Яшка, цѣлясь палкой въ далеко лежавшую рюху.

Яшка и другой высокій парень Алеха, въ галошахъ на босыхъ ногахъ, играли партію на пять фунтовъ язей.

— Третью партію проигрываю,хвати ты проваль, — говорилъ Яшка, старательно пуская плавкомъ палку и при этомъ густо загребая песокъ правой ногой.

— Ахъ, ты, гробоздилка, пылишь только, — смѣялся Алеха, — а я чичась остальную выгоню.

— Ну, и лѣшо-тъ съ ней, — проворчалъ Яшка, — давай новую.

Алеха засмѣялся и пошелъ собирать рюхи.

— Ты, Яшуха, на палку поменьше бери, да не горячись, — учили мужики.

Яшка, потный, красный и обезкураженный неудачей, старательно приглаживалъ удары, но все было не то, что у противника, который игралъ, какъ бы шутя и смѣясь надъ Яшкой.

Ильюшкѣ не нравилась насмѣшливая самоувѣренность Алехи и вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось сыграть.

— Вотъ, что, другъ, — проговорилъ онъ, подходя къ Яшкѣ. Ты дай мнѣ разъ сыграть съ твоимъ товарищемъ.

Яшка, было, не соглашался вначалѣ, но мужики сказали, чтобы онъ уступилъ, и парень отдалъ Ильѣ палки.

— Сколько ты проигралъ? — спросилъ тотъ.

— Тридцать фунтовъ.

— Играемъ на всѣ, — обратился Илья къ Алехѣ, пыливо оглядывающему новаго партнера.

— Ну-ко, ну, — зашевелились мужики, — чья-то возьметъ?

— Бей, — коротко сказалъ Илья, окинувъ взглядомъ ряды ровныхъ и крѣпкихъ рюхъ.

— Ну, помоги мнѣ, Микола Дупленской, — ухмыляясь, проговорилъ Алеха, дѣлая замахъ палкой.

— Хорошо, девять ушло, одинъ лежекъ, добро, — похвалили мужики.

Второй ударъ палки былъ не менѣе удачливымъ, и Алеха самодовольно усмѣхнулся.

— Да, не плохо, — спокойно замѣтилъ Ильюшка, берясь за палки.

Всѣ ловили движенія парня, рѣшительныя и увѣренныя въ своей силѣ.

— Ишь вить, точно туча какая налѣзаетъ, — замѣтилъ одинъ голосъ.

— Да-а, туча, а вонъ оно что изъ тучи-то градъ. Да, палка на мѣстѣ, а рюхи, что лѣшій хватилъ, э-вонъ по изгороди, какъ одна заскакала.

Всѣ были поражены, и даже самые равнодушные къ игрѣ покрутили головами. Когда вторая палка оторвала изъ ряда и далеко отбросила болѣе десятка рюхъ, всѣ были увѣрены, что Алеха проигралъ, и онъ самъ сознался въ этомъ, отказавшись продолжать игру.

— Значить, Яшка, отыгрался, — весело улыбаясь, проговорилъ Ильюшка.

Высокій старикъ подошелъ къ нему и дружески похлопалъ его по плечу.

— Молодецъ, по нашему, по старинному играешь, — и старикъ, возбужденный молодой, буйной силой Ильюшки, принялся рассказывать ему про старину и свою молодость.

II.

Чернозерская была необыкновенно оживлена, у каждой избы стояли кучки людей, обсуждавшихъ торговья сдѣлки съ Бурымъ.

— За сушеную-то рыбу онъ что, чертодуй, мало даетъ!.. — кричалъ длинный мужикъ въ прожженномъ полушубкѣ.

— Ты пересушилъ, видно, рыбу-то... — говорилъ другой... Печь-то у тебя жаркая, вишь, какъ полушубокъ-то поджарилъ.

— За щуку-то больше двухъ рублей, хоть самъ засолись, не выпросишь!

Между избами мелькали видныя фигуры Бураго и Ильюшки. Ихъ сопровождала толпа мужиковъ, наперерывъ хвалившихъ свой засоль. Ерофей остановился и проговорилъ тономъ человѣка, не знающаго предѣловъ своихъ благодѣяній.

— Мы, вѣдь, кажись, давно знаемъ другъ дружку. Еще молодымъ я къ вамъ въ гости приходилъ, а съ тѣхъ поръ я денегъ вамъ перевозилъ несчетно. Вѣдь вонъ хоть рубахи на васъ — это мой ситецъ, сапоги, пиджаки, шапки, все у Бураго взято, просто вамъ со мной жить-то, ребята. Вѣдь, правда, Пахомъ?.. — спросилъ Ерофей у старика съ палкой.

Пахомъ развелъ руками.

— Да оно, батюшка, выходитъ такъ и этакъ, съ одной стороны одѣваешь, а съ другой раздѣваешь, дай-же Богъ здоровья.

— Ну, ну, заплелъ!.. — замѣтилъ Бурый, улыбаясь въ бороду, и обратился ко всѣмъ, берясь за шапку.

— Ну, старички, я прибавляю по грошу, такъ будемъ Богу молиться?

— Пошла, Кузьмичъ! — и въ воздухѣ замелькали руки торопливо крестившихся.

— Вози теперъ къ лодкѣ товаръ, будемъ вѣсить и грузить, — махнулъ рукой Ерофей и, приказавъ Ильюшкѣ идти къ лодкѣ, отправился къ Фомѣ Ямкину, отцу Васишки.

Жена Ямкина, сноха и Васишка были заняты въ сѣняхъ чисткой рыбы. Самъ Фома, засучивъ рукава, солилъ ее въ ушатѣ. Замѣтивъ надъ ушатомъ блестящую на солнцѣ плѣшь, Бурый шутливо прикрылъ рукой глаза и проговорилъ:

— Фу-ты, шуть-тя возьми! какъ сверкаетъ, даже глазамъ больно.

Ямкинъ поднялъ улыбающееся лицо.

— Ну да!... — воскликнулъ онъ... — Вотъ чудило... Развѣ отъ того, что вчера спиртикомъ въ банѣ отполировалъ маленько, простуда вишь...

— Ну, ладно, пусть простуда... — согласился Бурый и, заглянувъ въ ушатъ, замѣтилъ:

— Хорошая рыба! для себя навѣрно?

— Угадалъ, угадалъ... Надо же и себѣ харчу малость заготовить, не все тебѣ.

— Да, народу-то у тебя есть... — замѣтилъ Ерофей, оглядывая бабъ.

— Есть этого добра!.. Васишка, можетъ, въ люди уйдетъ, Богъ дастъ.

— Так-а-къ-такъ, — протянулъ Бурый... — Отпусти ее ко мнѣ на лѣто работать, до Богослова, шесть красныхъ дамъ!

Бабы переглянулись. Васишка, наклонивъ голову, старательно чистила рыбу.

Фома, опустивъ покрытыя солью руки, потупившись, подумалъ и обратился къ дочери:

— Пойдешь къ Ерофею Кузьмичу?..

— Все одно, — отвѣтила Васишка.

Бурый вынулъ бумажникъ и подалъ Ямкину три пятерки задатку.

— На тебѣ, плѣшь полировать!

— Экой шутникъ, Ерофей Кузьмичъ, — крутилъ голо-

вой Фома и пригласилъ зайти въ избу, свѣжей щучки попросить, но Бурый отказался и не торопливо пошелъ къ лодкѣ.

Тамъ уже, на берегу, Ильюшка приготовилъ вѣсы, рядомъ толпились мальчишки, возившіеся съ гирями.

Краснощекій мальчуганъ пыхтѣлъ и отдувался, сисясь поднять двухпудовую гирю. Другіе мальчишки съ интересомъ слѣдили за его усиліями.

— Ужо, ужо, — упрямо говорилъ онъ, — я какъ по настоящему-то возьмусь, такъ...

Его меньшей братъ сидѣлъ на корточкахъ и говорилъ, какъ большой:

— Блосъ, Митька!

— Вѣрно... Бросьте-ка, ребята, — проговорилъ Ильюшка, оборачиваясь отъ скалокъ къ ребятишкамъ... — Подите, я лучше васъ свѣшаю... Сколько въ васъ, комарахъ, грузу есть?

Мальчишки обступили Илью.

— Меня, меня! — наперерывъ кричали они.

Ильюшка выбралъ самаго большого, положилъ на скалку, затѣмъ другого, третьяго, какъ котятъ, одинъ на другого навалилъ полную скалку, мальчишки визжали и смѣялись.

— Держись, держись!.. Сейчасъ буду гире класть!.. — кричалъ Ильюшка.

Бурый, заложивъ за спину руки, медленно шелъ отъ деревни на берегъ, очищая съ сапогъ пыль о молодую, мягкую траву.

Ощущая на лицѣ и на плечахъ солнце, Ерофей легко и радостно глядѣлъ на спокойную, ярко-синюю рѣку, нѣжные отливы зелени и цвѣтовъ на берегахъ, слушалъ веселый визгъ ребятъ и звучный голосъ сына:

— Двѣнадцать съ половиной пудовъ говядины!..

— Ладно! — закричалъ Бурый, — по семь гривенъ за пудъ. Тащи, Илюха, бочку, сейчасъ солить будемъ!

Ребятишки съ визгомъ разбѣжались по берегу.

Съ горы потянулись возы съ рыбой.

Вечеромъ изба Гриши Шлямы была полна мужиковъ и бабъ. За столомъ сидѣли Бурый и Ильюшка. Передъ Ерофеемъ лежали пачки кредитокъ, два мѣшечка съ серебромъ и мѣдью. Бабы глядѣли на отца съ сыномъ и тихо говорили при нихъ:

— Вишь сынокъ-то, молодець, весь въ отца!... долетали слова до Бураго.

Ерофей сосалъ трубку и любовно косился на сына

Илюшка держалъ въ рукахъ записную книжку и вызывалъ по-очереди къ столу озеряковъ получать за рыбу деньги. Всѣ почтительно смотрѣли на Бураго, на лачки засаленныхъ бумажекъ, на грязную, большей частью позеленѣвшую мелочь. Ерофей съ равнодушнымъ, почти что съ безразличнымъ видомъ отсчитывалъ деньги, и это равнодушіе купца къ деньгамъ больше всего удивляло озеряковъ.

— Да, братъ! деньги-то для него все равно, что шелуха какая-нибудь, — слышался голосъ.

— Степанъ Обозинъ,—вызывалъ Илюшка.—Получить одиннадцать рублей сорокъ копѣекъ.

Обозинъ протискался къ столу, поглядѣлъ на деньги, отсчитываемыя Бурымъ, и, почесавъ голову, пѣвучимъ голосомъ заговорилъ:

— Это дѣло, Ерофей Кузьмичъ, не прикинешь-ли малость еще? Ужъ больно лещи-то добрые я тебѣ отдалъ. Прямо рыбины, — что твои ворота.

— Вотъ, вотъ... — замѣтилъ рядомъ стоявшій мужикъ, — у самого у гумна воротъ нѣтъ, взялъ бы да и наѣсилъ пару лещей — голова!...

— Да у него на петли денегъ не было! — закричалъ изъ угла хриплый басъ.

— Ну, такъ, Степанъ, вотъ тебѣ на потли и на ворота, — сказалъ Бурый, подвигая ему деньги.

— А хороши лещи, добрые, — твердилъ Степанъ, пряча деньги.

— Антонъ Громогласный! — вызывалъ Илюшка...

III.

Утро было тихое, ясное, на берегу, у лодки Бураго, стояла толпа мужиковъ и бабъ, большинство мужиковъ были съ ружьями. По затѣвѣ Бураго, отѣздъ его съ озера всегда представлялся особой торжественностью. Всѣ принаряжались, украшали лодку Бураго разноцвѣтными лоскутками, и какъ только судно отчаливало, мужики палили изъ ружей.

Гриша Шляма, немного хмѣльной, суетяся около нарядной лодки, старательно прилаживалъ весла и кричалъ:

— Лодка такая, что хоть грузи еще сто пудовъ, подыметъ.

— А какъ насчетъ угощенья, Лукичъ?.. — спросилъ одинъ мужикъ.

— Обѣщаль... Я не упусти!.. — увѣренно отвѣтилъ Шляма. — Вить, я здѣсь воротило и пятило. Бурый что? Бурый ни то, ни се, все Шляма дѣлаеть, лодку наладить, и работницу найдетъ, а Бурый, знай, только ѣзди.

— Это Васишку-то?... сказалъ сильный голосъ... Ой, старый грѣховодникъ, будетъ тебѣ за это на томъ свѣтѣ...

— Пожалуйте, дѣвушки-красоточки! — закричалъ Шляма, завидѣвъ подходившихъ къ лодкѣ нѣсколько дѣвиць, нанятыхъ Ерофеемъ въ гребцы.

— Ты съ нами, Лукичъ, ѣдешь?... — спросила одна.

— Спаси меня Господи, чтобы я съ вами поѣхалъ! Я ужъ давно заклился подходить близко къ вашему брату.

— Зачѣмъ же ты звалъ насъ?..

— Забылъ, забылъ! — отвѣтилъ Шляма, сходя на берегъ. — Вить, вишь, какія вы писанья — обнимаю крайнюю, продолжалъ Гриша.

— Охъ, хитрой, бѣсъ! — проговорила дѣвушка, оттолкнувъ отъ себя Шляму.

Пришла Васишка съ сундукомъ, а вслѣдъ за нею и Бурый, отправившій Ильюшку на лошади по дорогѣ домой.

Озеряки обступили Ерофея, и Шляма спросилъ на угощеніе.

Бурый далъ и обратился къ дѣвицамъ:

— Всѣ собрались?... ну, такъ ѣдемъ.

Нѣсколько мужиковъ бросились отвязывать причалы.

— Ну, ну, забирайся въ лодку-то, красноперья! — покрикивалъ Шляма на дѣвокъ.

Бурый зашелъ въ кормъ на мостикъ и взялся за кормовое весло.

— Благослови, Господь!.. — Работай, голубушки!

Весла протяжно заскрипѣли, и лодка двинулась отъ пристани, въ то время раздался залпъ десятка ружей.

— Ну, ну, пошла, матушка, Христось ты носи! — нѣжно говорилъ Шляма, снимая фуражку. — Запасу-то, запасу-то уйма, слава те Христе!

— Прощай, ребята, живите по-христіански!.. закричалъ Бурый, кивнувъ головой мужикамъ.

Мужики кланялись и просили не оставлять впередъ.

Хорошо идетъ лодка, здорово гребутъ дѣвки... а утро, утро-то какое. Бурый весель и доволенъ, дѣвки смѣются

молодымъ, задорнымъ смѣхомъ. Веселить и ласкаетъ сердце этотъ смѣхъ. А Васишка, какая она на солнцѣ особенная, залюбуешься, солнце завиваетъ пряди волосъ, а зубы блестятъ, какъ струйки пѣны на рѣкѣ.

— Весело вамъ, еретицы? — промко проговорилъ Ерофей, — водяного-то испугаете.

— Вотъ сейчасъ мы его испугаемъ, — сказала Васишка и, остановивъ гребни, запѣла пѣсню. Съ ударомъ весель остальныхъ подхватили.

— Вотъ это хорошо! — похвалилъ Бурый, прислушавшись и покрывъ ихъ голоса своимъ сильнымъ голосомъ. — А хорошо выходить, чортъ возьми!—въ восторгѣ закричалъ Ерофей. — Засыплю пряниками! Пойте хорошенько!

Быстро несется лодка, еще быстрѣе пѣсня, вспугивая стада утокъ, сверкающихъ крыльями надъ водой. Пѣсня росла и падала и снова разливалась надъ ярко-синей рѣкой, надъ крутыми берегами, вышитыми нѣжными узорами цвѣтовъ, и надъ манящими далями, покрытыми сизоватымъ дымкомъ утра. Изъ-за поворота рѣки выплывали деревни со сверкающими стеклами избъ, подъ горой черной, изломанной линией тянулись бани. Въ деревняхъ народъ высыпалъ на улицу и съ любопытствомъ глядѣлъ на лодку, украшенную лоскутками, и на высокую, стоявшую на мостикѣ, фигуру Ерофея. Надъ его бѣлой рубахой ярко выдѣлялась красивая, раздуваемая, вѣтромъ, борода.

— Бурый ѣдетъ, Бурый!... слышался говоръ... Ишь, какимъ богатыремъ стоитъ!

— Охо-хо-хо!... раскатывался по берегамъ могучій голосъ Ерофея...

— Хо... хо!.. гулко вторило эхо.

— Весна матушка-а... Живете, православные, хорошо-ли?

— Всяко бываетъ-еть... Приво-о-ра-чи-ва-а-й!.. кричали съ берега.

— Спасибо-о!... Вотъ вы пристань устройте... Такъ я приверну на иной го-о-дѣ...

Кричали что-то еще съ берега, но Бурый не слушалъ ихъ, запѣвая пѣсню.

IV.

Большой домъ у Бураго обшить тесомъ и выкрашенъ бѣлилами, живетъ Ерофей лишь втроемъ, сынъ и теща, да

вотъ еще Васишка, сразу оживившая молчаливый домъ пѣснями, смѣхомъ и топотомъ босыхъ ногъ.

Бурый сидѣлъ у окна съ трубкой и, улыбаясь въ бороду, слѣдилъ, какъ Васишка рѣзво бѣгала по сѣнямъ, хлопала дверью въ избу, бѣжала мимо оконъ къ колодцу, опиралась колѣномъ о срубъ, обнаживъ до колѣна другую красивую ногу, и торопливо черпала воду.

— Ишь, шубянки, какъ нажаждали!—смѣясь, кричала она на овецъ, обступившихъ колоду съ водой. Изъ-подъ платка, низко опущеннаго на лобъ, весело блестяли бойкіе глаза и бѣлые зубы. Вышелъ на крыльцо Ерофей и, взглянувъ на овецъ, замѣтилъ:

— Обстричь бы надо животинъ-то! Займись-ка, Васиша, какъ-нибудь.

Солнце уходило къ лѣсу, длинныя тѣни стоявшихъ за колодцемъ рябинъ и черемухи падали на крышу бани. На деревнѣ слышалось бляеные овецъ, пѣвучіе голоса бабъ и топотъ лошадей, испуганныхъ мальчишками.

Идетъ пастухъ Никишка и снимаетъ фуражку передъ Бурьемъ.

— Что, суконное ухо, еще моей поляны не скормилъ?

— Еще не дошла очередь... — помаживая длиннымъ рябиновымъ прутомъ, хитро отвѣтилъ Никишка.

— Смотри, береги, на праздники рассчитаюсь.

— Понимаю, Ерофей Кузьмичъ... А, можетъ, задаточекъ чичасъ получить можно?... — заискивающе проговорилъ пастухъ, подвигаясь ближе и все помаживая прутомъ... Во рту все до званья выжгло отъ жары дьявольной.

— Больно ты торопкой, материнъ сынъ!.. Ну, да ладно, подойди къ окну...

Никишка, подмигнувъ, снялъ фуражку, перекрестился и съ благоговѣніемъ глядѣлъ на показавшуюся изъ окна руку Буряго съ большой зеленой рюмкой водки.

— Ой, еретикъ! ко кресту, что-ли, подходишь... — сказала Васишка...

— Не бойся, я къ тебѣ такъ не подойду, а прямо ястребомъ... Цопъ, и моя красоточка!..

Выпивъ рюмку, Никишка подскочилъ къ дѣвкѣ, но та, не допустивъ до себя, быстро вылила на него ведро воды. Парень, озадаченный неожиданностью, мигомъ нашелся и, кланяясь, проговорилъ смѣющимся Васишкѣ и Ерофею:

— Спасибо, дружки, теперь снутри и снаружи прохолодило малость...

Повернувшись, онъ съ разудалымъ видомъ пошелъ, напѣвая пѣсню.

Ильюшка вывелъ изъ конюшни Бѣлоноска, собираясь ѣхать пахать въ ночь, неторопливо запрягалъ и говорилъ:

— Заспался ты совсѣмъ, дурачина! Точно съ похмѣлья...

Бѣлоноско глядѣлъ на Илью сонными глазами, слегка качая головой, и какъ бы говорилъ: «Да, маленько такъ».

Васишка послѣ дневныхъ хлопотъ уходила къ себѣ въ горенку, открывала сундучекъ, вынимала куски матеріи, подаренныя Бурымъ, и любовалась на нихъ. Слышался кашель Ерофея, сидѣвшаго на крыльцѣ. Онъ, покуривая трубку, задумчиво глядѣлъ на сизыя, въ лѣтнемъ сумракѣ, поля и деревни. Иногда на Бурого находило сентиментальное настроеніе, и онъ, оглядывая избы сосѣдей, доброжелательно думалъ о мужикахъ и прощалъ ихъ долги и бѣдность.

— Вотъ богатство, почетъ, здоровье, сила есть, ничѣмъ не обиженъ, — разсуждалъ онъ, — а еще какъ будто чего нѣтъ... Что бы это значило?.. Годы идутъ, а на душѣ съ каждымъ годомъ становится темнѣе... Неужели старость? Нѣтъ, я еще молодой, — отгонялъ Бурый неприятную мысль. — Вотъ, развѣ церковь построить...

Но Ерофей тотъ же мигъ бросалъ эту затѣю... Стоить ли Бога подкупать?... Все не то... Что-то такое есть, что еще надо бы мнѣ сдѣлать... — И никакъ Бурый не могъ додуматься, что ему еще надо сдѣлать.

Сумерки сгущались, и Ерофей шелъ спать, но чаще шелъ къ Васишкѣ. Какъ-то вечеромъ купецъ постучался въ дверь горенки, гдѣ спала работница.

Открой, Васишка! Мнѣ надо ягоды сушенныя взять.

Ягоды лежали высоко на печкѣ. Ерофей не могъ достать ихъ и попросилъ Васишку: ишь, далеко засунуты, я тебя подниму, такъ ты достанешь. Не бойся, не бойся, не ожгетъ... ободрялъ Бурый полураздѣтую дѣвушку.

— Ой, щекотно!... засмѣялась Васишка, извиваясь въ сильныхъ рукахъ купца.

— Плутовка! и горячая же ты!... Достала?...

Ерофей перевернулъ ее на рукахъ лицомъ къ себѣ, и при этомъ кулекъ съ ягодами упалъ на полъ.

— Уронила?.. Ахъ, ты, брусника съ молокомъ! Вотъ тебя за это такъ же надо!

Бурый бросилъ Васишку на кровать и заглушилъ ея смѣхъ поцѣлуемъ... Послѣ этого Бурый часто сталъ заходить въ горенку.

Ильюшка догадывался о связи отца съ работницей, и ему самому очень нравилась быстроглазая дѣвка. Онъ часто вступалъ съ нею въ разговоры, а наединѣ торопился обнять ее, но Васишка вывертывалась и убѣгала. Это злило парня, и онъ рѣшилъ начать съ другой стороны. Подарилъ Васишкѣ золотое кольцо, это подѣйствовало, она уже позволила обнять себя.

Однажды Илья ревниво упрекнулъ Васишку, что она любить отца, а на него и смотрѣть не хочетъ.

— Неужто мнѣ пятерыхъ надо, паренекъ?

— Да не то... Васишка, милая... торопливо шепталъ Илья, хватая ее руки... Ты къ окну меня пусти, выгляни вечеромъ, утѣшь ты меня!...

— Боюсь я, Ерофей узнаетъ, — убьетъ насъ обоихъ!..

— Самъ домовой не узнаетъ!... — воскликнулъ парень... — Вѣдь это что, ты только выгляни въ окно-то....

Вечеромъ Васишка услышала стукъ въ стекло, пріоткрыла окно и увидѣла женскую фигуру.

— Дуняшка... Ты?.. — спросила она, взглядываясь въ лицо.

— Это я, я... — шепталъ Ильюшка, одной рукой подбирая сарафанъ, а другой хватаясь за подоконникъ. Не успѣла Васишка опомниться отъ неожиданности, какъ парень очутился уже въ горенкѣ.

V.

Быль сѣнокось и Бурый рѣже заходилъ къ Васишкѣ. Однажды онъ, подходя къ горенкѣ, услышалъ шопотъ. На стукъ ему тотчасъ же открыла Васишка и Бурый видѣлъ, какъ въ темномъ окнѣ мелькнула женская фигура.

— Это Дуняшка приходитъ, холера, чуть не каждый день.

— Зачѣмъ привадила? — буркнулъ Ерофей.

— Кто ихъ приваживаетъ!... — отвѣтила Васишка, ласкаясь къ нему.

Однако, частое посѣщеніе Дуняшки стало подозрительно Бурому. Одинъ разъ, когда наступила ночь, онъ тихонь-

ко подкрался къ горенкѣ и припалъ къ двери. Слышался шопотъ, прерываемый поцѣлуемъ.

— Чортъ возьми! — Бурый выпрямился и сжалъ кулаки.

Стиснувъ отъ бѣшенства зубы, онъ ухватился за ручку двери и сильно дернулъ. Дверь соскочила съ крючка. Съ кровати спрыгнула большая фигура, неловко поправляя сарафанъ, платокъ, и бросилась къ окну...

— Погоди, погоди... барыня... — съ мрачнымъ спокойствіемъ проговорилъ Бурый, хватая переодѣтаго Ильюшку за руку. Илья выдернулъ руку и ухватился за подоконникъ.

— Да погости, погости, что—ты!.. — и сильныя руки Ерофея крѣпко обхватили сына за плечи. Злобное чувство шевельнулось въ груди Ильюшки, и онъ, вывернувшись въ свою очередь, обхватилъ отца.

Они старались свалить одинъ другого, съ бѣшенствомъ волочили другъ друга по горенкѣ, уронили со стѣны два хомута, дугу. Въ углу зазвенѣли какія-то банки и бутылки. Оба задыхались и молчали, трещали и рвались рубахи. Васишка забилась въ уголь кровати и со страхомъ глядѣла на борьбу. Большія тѣла ударялись о стѣны горенки, стѣны глухо дрожали, съ потолка сыпался песокъ. Васишкѣ казалось, вотъ-вотъ сейчасъ обрушится весь домъ.

Въ дверяхъ горенки показалась старуха, теща Бураго, со свѣчкой въ дрожащихъ рукахъ.

— Господи!... что это такое?... — воскликнула старуха, подступая къ борющимся.

Свѣтъ и голосъ старухи привелъ въ себя обоихъ борцовъ, и они, тяжело дыша, остановились другъ противъ друга. Лица ихъ были красны и злы, и вмѣсто рубашекъ висѣли только клочки. Сарафанъ и платокъ Ильюшки лежали въ углу. Старуха растерянно глядѣла на опрокинутыя вещи и охала.

— Такъ это ты, сынокъ!.. — наконецъ, проговорилъ Ерофей и сѣлъ на подоконникъ. Ильюшка стоялъ опустивъ голову.

— Господи!.. Грѣхъ какой... — шептала старуха.

— Да, грѣхъ!.. — усмѣхнулся Бурый, — вишь, два медвѣдя въ берлогѣ завелось.

Покачиваясь, онъ вышелъ изъ горенки. Старуха, взглянувъ на Ильюшку, укоризненно качнула головой, погрозила кулакомъ Васишкѣ и пошла вслѣдъ за Бурымъ. Въ избѣ ста-

руха подала Ерофею другую рубаху. Переодѣвшись, онъ сѣлъ на лавку, и немного успокоился. Въ душѣ была горечь, въ тѣлѣ ощущалась усталость и ломота.

— Исторіика, да! — проворчалъ Ерофей, — ну, что-жь, молодой парень, ему и чести больше, — спокойно старался разсуждать онъ. Еще въ первый разъ Бурый такъ остро почувствовалъ уходъ молодости, вспомнились прошедшіе годы, полные проявленія буйной силы и удалства. Особенно ярко представились ему годовые праздники села, когда собирались всѣ силачи въ округѣ помѣриться силой. Цѣлые вечера боролся и не зналъ себѣ соперника, — прошло это вѣрно, — Ерофей грустно тряхнулъ головой.

Въ избѣ становилось свѣтло; отъ утренней зари алѣли стѣны избы, и засвѣтился стволъ ружья, стоявшаго въ углу. При взглядѣ на ружье на Бураго нахлынули воспоминанія прежней жизни, охоты, лѣсныя нѣдра, прекрасныя, вѣчно молодыя въ солнечномъ блескѣ. Тишина, нарушаемая хлопаньемъ крыльевъ тетеревей и лаемъ собаки, звонъ своего голоса, пугающаго задремавшаго звѣря.

— Все это такъ, все это было...—прошепталъ Ерофей.— И вотъ, кажись, я укрѣпился хорошо здѣсь. Не я ли, Бурый, Богъ деревни, а судьба-то въ одинъ мигъ все подмыла.

Бурый видѣлъ, что уже вся счастливая, удачливая жизнь надорвана. Онъ любилъ жить въ домѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, одинъ полнымъ хозяиномъ. Но вотъ выросъ другой, родной, тоже сильный. — Уйти, бросить все, — эта мысль заняла Ерофея, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще было желаніе жить прежней жизнью...

— Надо рѣшить.

Бурый всталъ съ лавки, сталъ задумчиво ходить по избѣ.

Старуха совала дрова въ печь. Выходило солнце. Вдругъ Бурый рѣзко обратился къ тещѣ:

— Скажи Ильѣ, чтобы приходилъ сейчасъ на село къ часовнѣ.

Старуха растерянно заморгала глазами и переспросила:

— Къ часовнѣ?

— Ну, да! — также рѣзко отвѣтилъ Бурый и, нагнувъ на голову фуражку, вышелъ изъ дому. Старуха подбѣжала къ окну, проводила его взглядомъ за избу сосѣда, покачала головой и торопливо пошла будить Ильюшку.

Бурый пришелъ къ десятскому — Василью Чухнѣ, и

послалъ его собирать мужиковъ на сходку къ большому камню у часовни. Пока Чухна бѣгаль по селу, Ерофей сидѣлъ на камнѣ, курилъ трубку и слушалъ, какъ на селѣ гулко раздавался стукъ палки о стѣны и надтреснутый голосъ десяткаго: «ей, хозяинъ, на сходку къ часовнѣ! Бурый зоветъ!».

Слышалось хлопанье форточекъ, кашель и сонные недозвольные голоса, но мужики шли немедля, хотя съ вялымъ и соннымъ видомъ, здоровались съ купцомъ, ежась отъ утренняго холодка, зѣвали и спрашивали одинъ у другого о причинѣ сходки.

Бурый молчалъ, курилъ.

Когда всѣ собрались и пришелъ Ильюшка, Ерофей неторопливо выколотилъ о камень трубку, всталъ и, глубоко вздохнувъ, началъ:

— Я, братцы, созвалъ васъ сюда, на солнышко, не картошку печь и не бороды красить, а по дѣлу одному моему, важному, вы будьте свидѣтелями и судьями меня и моего сына Ильи.

Въ толпѣ послышался возбужденный шопотъ. Мужики видѣли, что Бурый хочетъ выкинуть что-то чудное.

— У насъ зашелъ споръ на большой капиталъ, кто изъ насъ ядренѣе будетъ, онъ или я? — продолжалъ купецъ.

Илья спокойно стоялъ, хмурилъ брови, силясь понять затѣю отца.

Мужики не понимали еще, въ чемъ дѣло и во всѣ глаза смотрѣли на Бураго, стараясь опредѣлить, трезвый онъ или пьяный.

Купецъ угадалъ ихъ мысль и, усмѣхнувшись, замѣтилъ:

— Я, братцы, трезвый и въ своемъ умѣ! — затѣмъ обратился къ сыну, показавъ на камень. Иди, поднимай, поднимешь выше, чѣмъ я, твое счастье, — хозяинъ будешь.

Парень понялъ все. Онъ, быстро вскинувъ глаза на отца, подвинулся къ камню.

Мужики знали, что Бурый раньше на годовыхъ праздникахъ собиралъ всю молодежь и ставилъ ведро водки силачу, который подниметъ камень. Немногихъ помнили мужики, выитравшихъ. Всѣ хорошо знали, что самъ Бурый поднималъ камень. Теперь всѣ тѣснымъ кольцомъ обступили сѣрую глыбу, за которую долженъ былъ взяться Ильюшка. Кругъ любопытныхъ глазъ уставился на сильную

фигуру парня, съ рѣшительными, рѣзкими движеніями. Нѣкоторые подбадривали Ильюшку:

— Поднимешь, только пупъ не жалѣй!

Старые знатоки и любители лѣзли впередъ и возбужденно кричали, — указывая на камень:

— Онъ, чортъ егохвати, по уграмъ-то чижелѣе бываетъ!

Илья обошелъ кругомъ камень, опредѣляя, съ какой стороны удобнѣе взяться, мелькомъ взглянулъ на отца и ухватился за сѣрую глыбу.

Бурый стоялъ за сажень отъ сына, мрачно насупившись.

Вотъ руки парня стали медленно подбираться подъ камень, оборвались всѣ возбужденные голоса, одинъ только слышался звонъ комаровъ.

Вдругъ гулъ одобренія пронесся кругомъ, когда камень медленно отдѣлился отъ земли четверти на двѣ и черезъ нѣсколько секундъ глухо упалъ на мѣсто.

Ильюшка выпрямился, красный отъ напряженія, и торжествующе оглянулъ толпу.

Бурый былъ очень взволнованъ, лицо было какъ бы хмѣльное, темное и улыбалось недоброй улыбкой.

Молча, махнувъ рукой сыну, онъ расправилъ плечи и взялся за камень.

Вся сходка замерла въ ожиданіи и въ предчувствіи рѣшенія чего-то важнаго.

Теперь Ильюшка стоялъ на мѣстѣ отца и нервно мять ремень, слабо затянутый, слышался трескъ рубахи на Ерофеѣ отъ надувшихся, широкихъ плечъ.

Кругъ людей былъ зачарованъ напрягшей всѣ свои мышцы могучей фигурой.

— Четверть, двѣ, три четверти! Толпа ахнула отъ удивленія и восторга, но вдругъ гулъ рѣзко оборвался.

Едва Бурый выпустилъ камень и выпрямился, показавъ страшное отъ напряженія лицо, какъ его руки, какъ бы снова потянулись къ камню, и большое, тяжелое тѣло Бураго опустилось, осѣло рядомъ съ камнемъ недвижимое, мертвое.

М. Черноковъ.

ДУРМАНЪ.

*Дурману дѣвочка наглась,
Тошнитъ, головка разболѣлась,
Пылаютъ щечки, клонитъ въ сонъ,
Но сердцу сладко, сладко, сладко —
Все непонятно, все загадка,
Какой-то звонъ со всѣхъ сторонъ:*

*Звонъ дивный—слышный и неслышный,
Рай и невидимый и пышный,—
Она глядитъ на садъ, на дворъ,
Идетъ къ избѣ и понимаетъ,
Куда идетъ, дорогу знаетъ,
Но очарованъ слухъ и взоръ:*

*Не видя, видитъ взоръ иное,
Чудесное и неземное,
Не слыша, ясно ловитъ слухъ
Восторгъ гармоніи небесной—
И невѣсомой, безтѣлесной
Ее довелъ домой пастухъ.*

*На утро губки почернѣли,
Лобъ посинѣлъ... Ее одѣли,
Принарядили—и отецъ
Прикрылъ ее сосновой крышкой
И на погостъ отнесъ подмышкой...
Ужели сказочкѣ конецъ?*

Ив. Бунинъ.

СОНЪ.

*По снѣжной полянѣ,
При мглистой и быстрой лунѣ,
Въ безлюдной лѣсной сторонѣ,
Несутъ меня сани.*

*Лежу какъ мертвецъ,
Зырянинъ мой гонитъ и воетъ —
И ликъ свой то кажетъ, то кроетъ
Небесный бѣглецъ.*

*И мчатся олени,
Глубоко и жарко дыша,
Въ далекія тундры спѣша,
И мчатся ихъ тѣни,—*

*Туда, гдѣ конецъ
Страны этой бѣдной, суровой,
Гдѣ блещетъ алмазной подковой
Полярный Вѣнецъ,—*

*И мерзлый кочкарникъ
Визжитъ и стучитъ подо мной,
И Богъ озаряетъ луной
Снѣга и кустарникъ.*

Ив. Бунинъ.

ЗЕРКАЛО.

*Темнѣетъ зимній день, спокойствіе и мракъ
Нисходятъ на душу—и все, что отражалось,
Что было въ зеркаль, померкло, потерялось...
Вотъ такъ и смерть—да, можетъ быть, вотъ такъ.*

*Въ могильной темнотѣ одна моя сигара
Краснѣетъ вдалекѣ, какъ дивный самоцвѣтъ.
Погаснетъ и она... развѣется и слѣдъ
Ея душистаго и тонкаго угара...*

*Кто это заигралъ? Чьи милые персты,
Чьи кольца яркія вдоль клавишъ побѣждали?
Душа моя полна восторга и печали—
Я не боюсь могильной темноты.*

Ив. Бунинъ.

МОНАРХЪ.

Пьера Милля.

(Окончаніе)*.

IX.

Пари Монарха.

Отправляясь въ Лионъ, Монархъ одѣлъ свой великолѣпный костюмъ, который висѣлъ въ шкафу съ самага дня его женитьбы. Жители Лиона врядъ-ли видѣли когда-нибудь такой яркій, сверкающій костюмъ. Монархъ даже испытывалъ нѣкоторое смущеніе, чувствуя себя центромъ вниманія.

Въ кафе, куда онъ зашелъ прямо съ вокзала, — шикарное кафе, плѣнившее его обиліемъ зеркалъ и позолоты, а также своимъ итальянскимъ названіемъ, — онъ снялъ свою мягкую итальянскую шляпу цвѣта пригорѣлаго хлѣба, скромно положилъ ее рядомъ съ собой на столикъ и посмотрѣлъ на себя въ зеркало. Онъ былъ положительно хорошъ! Никто въ этомъ дурацкомъ Лионѣ, который Монархъ презиралъ до глубины души, не былъ такъ изысканно одѣтъ... Развѣ эти сѣверяне понимаютъ, что такое истинное изящество? Развѣ могутъ они оцѣнить всю прелесть этихъ красныхъ цвѣтовъ, разсѣянныхъ по сверкающему бѣлизной фону его рубашки? Или этотъ мягкій отложной воротникъ, открывавшій тонкую, загорѣлую, точно изъ бронзы вылитую, шею? Или ярко красный, какъ кровь только что зарѣзаннаго быка, галстухъ съ огромнымъ, правда, фальшивымъ, но все же ослѣпительно сверкающимъ алмазомъ, который смѣло можно было принять за настоящій?

Монархъ внимательно оглядывалъ проходившую по улицѣ и сидѣвшую тутъ-же, въ кафе, публику. Ни на комъ не было такого костюма, какъ у него. Узенькій, плотно прилегающій къ тѣлу, куцый пиджачокъ изъ ярко разрисованнаго фіолетовыми и желтыми клѣтками шевіота невольно привлекалъ вниманіе къ Монарху: среди всѣхъ

*) См. «Лѣтопись» № 7 за 1916 г.

этихъ важныхъ, одѣтыхъ въ черное, господъ онъ походилъ на утенка, очутившагося въ обществѣ воронъ. И, если ужъ говорить всю правду, чувствовалъ онъ себя неважно: «здѣсь тебѣ не мѣсто!» — какъ бы кричало ему все окружающее.

Впрочемъ, онъ больше злился, чѣмъ смущался. Какъ читатель уже знаетъ, онъ глубоко презиралъ сѣверянъ (а Лионъ, какъ ни странно это можетъ показаться, эспелунжцы относили къ сѣверу). Да, онъ презиралъ этихъ совершенно лишенныхъ воображенія людей, которые вѣрятъ только тому, что видятъ глазами, и издѣваются надъ всѣмъ, чего не могутъ понять.

Конечно, ему было очень мало дѣла до этихъ господъ; но все же ему было бы пріятно, еслибъ они знали, что онъ теперь нѣкоторымъ образомъ персонѣ, челоѣкъ съ немалымъ политическимъ вліяніемъ, котораго разъ даже удостоилъ бесѣды самъ префектъ и который съ такимъ успѣхомъ провелъ избирательную кампанію. Онъ даже на «ты» съ нынѣшнимъ депутатомъ.

Онъ дотронулся рукой до бокового кармана, въ которомъ хранился бесплатный билетъ на проѣздъ вторымъ классомъ отъ Нима до Лиона: это депутатъ ему устроилъ. Пусть-ка эти господа въ черномъ попробуютъ бесплатно проѣхаться по желѣзной дорогѣ! Для того, чтобъ пользоваться бесплатнымъ проѣздомъ, надо быть кѣмъ нибудь, — первому встрѣчному такихъ льготъ не даютъ.

И Монархъ испыталъ пріятное чувство гордости. Онъ что-нибудь да значить на землѣ! Чѣмъ онъ хуже сильныхъ міра? Вѣдь сильные міра это тѣ, которые либо такъ богаты, что могутъ все имѣть за деньги, либо тѣ, которые стоятъ выше законовъ и могутъ ничего не платить. Онъ, Монархъ, принадлежитъ къ послѣднимъ — по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается желѣзныхъ дорогъ.

Ему очень хотѣлось сказать все это презрѣннымъ сѣверянамъ, которые окидывали его такими высокомерными взглядами. Но заговорить съ ними онъ не рѣшался. Въ поѣздѣ, когда онъ ѣхалъ сюда изъ Нима, онъ чувствовалъ себя свободно и всю дорогу разговаривалъ, такъ что время прошло совершенно незамѣтно; но здѣсь, въ этомъ противномъ Лионѣ, на него смотрятъ, какъ на диковиннаго звѣря и какъ будто даже сторонятся его. Правда, они не знаютъ, кто онъ такой, но все-же могли бы догадаться, что онъ не такая маленькая величина: вотъ ужъ сколько лѣтъ, какъ онъ сталъ персоной!

За сосѣднимъ столикомъ громко заговорили. Монархъ

тотчасъ-же замѣтилъ, что это не лшонцы. «Навѣрное, парижане!» — сказалъ онъ себѣ. Онъ давно уже сдѣлалъ наблюдение, что парижане очень похожи на южанъ, — можетъ быть, потому, что Парижъ почти исключительно населенъ выходцами съ юга.

Онъ сталъ прислушиваться. Разговоръ шелъ о недавнихъ кавалерійскихъ скачкахъ, въ которыхъ участвовали офицеры запаса. Ему даже показалось, что они говорятъ объ этихъ скачкахъ такъ, какъ онъ самъ могъ бы говорить: повидимому, сами они ни въ какихъ скачкахъ никогда не участвовали и, возможно, даже верхомъ не умѣли ѣздить; имъ просто доставляло удовольствіе потолковать объ интересныхъ вещахъ, въ которыхъ они мало смыслятъ, и Монархъ вполне сочувствовалъ имъ: нѣтъ ничего скучнѣе разговора о томъ, что хорошо знаешь.

Монархъ слушалъ все внимательно. Тѣ спорили о преимуществахъ лошадей, участвовавшихъ въ скачкахъ, о чистокровныхъ арабскихъ скакунахъ и питомцахъ лучшихъ европейскихъ конюшенъ, о томъ, что даетъ лошади больше шансовъ на успѣхъ, какова должна быть ихъ тренировка, и т. п. Вспомнили несчастныхъ извозчичьихъ клячъ, которыя въ Парижѣ изо дня въ день пробѣгаютъ по семьдесятъ километровъ, — вплоть до того момента, какъ ихъ стащатъ на живодерню.

Монархъ съ самаго поѣзда не раскрывалъ рта, и ему казалось, что онъ молчитъ уже цѣлую вѣчность. Тема, къ тому-же, была соблазнительная, — не потому, чтобъ онъ понималъ что-нибудь въ лошадахъ, нѣтъ; но о лошадахъ всякій можетъ поговорить; объ этомъ частенько заходилъ разговоръ и въ Эспелунскомъ Демократическомъ Клубѣ; объ этомъ, наконецъ, всякій, даже не специалистъ, можетъ имѣть сужденіе.

Какъ бы то ни было, Монархъ рѣшился. Онъ поднесъ къ губамъ свой абсентъ, поставилъ стаканъ обратно на столъ и такъ шумно передвинулъ свой стулъ, что сосѣди невольно посмотрѣли въ его сторону.

— Господа! — сказалъ онъ.

Ихъ было трое. Одинъ изъ нихъ, маленькій, сухой, напминавшій фигурой Монарха, былъ въ черномъ сюртукѣ, съ ленточкой Почетнаго Легіона въ петлицѣ. Два другіе были въ костюмахъ автомобилистовъ. Повидимому, всѣ они были люди богатые.

Лица ихъ выражали холодное недоумѣніе, когда онъ къ нимъ обратился. Они какъ бы хотѣли показать ему, что считаютъ неприличнымъ вмѣшательство въ ихъ разговоръ

посторонняго, незнакомаго имъ челоуѣка. Но Монархъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія: онъ вообще ни на что не обращалъ вниманія, когда ему хотѣлось поговорить. Поговорить онъ, слава Богу, умѣеть, — это могутъ засвидѣтельствовать въ Эспелункѣ и во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ.

— Господа! — повторилъ онъ. — Я не знаю вашихъ сѣверныхъ лошадей. Болѣе того: судя потому, что я здѣсь слышалъ, у меня даже нѣтъ желанія знать ихъ, — это просто-на-просто клячи. За то я прекрасно знаю, что наши, южныя, лошади могутъ, съ сѣдокомъ на спинѣ, безъ особаго напряженія, сдѣлать сто километровъ.

— Въ недѣлю? — насмѣшливо спросилъ господинъ съ орденомъ Почетнаго Легіона.

— Нѣтъ-съ, въ день! Я говорю совершенно серьезно и прошу съ такой-же серьезностью относиться къ моимъ словамъ.

— А, вотъ какъ! — пренебрежительно, со скучающимъ видомъ, протянулъ все тотъ же чопорный господинъ.

Потомъ онъ съ минуту пристально разсматривалъ Монарха, и на губахъ его скользнула чуть замѣтная усмѣшка: онъ, должно быть, разглядѣлъ, что Монархъ — сынъ Юга, и явно не вѣрилъ ему.

Нашъ герой замѣтилъ это, и вся кровь закипѣла въ немъ. Онъ ненавидѣлъ въ сѣверянахъ эту черту: въ душѣ смѣются надъ вами, но прямо сказать вамъ это не рѣшаются. Это можетъ хоть кого разозлить.

— А вы откуда это знаете? — спросилъ одинъ изъ автомобилистовъ, явно насмѣхаясь.

Монархъ чуть не сказалъ правду, т. е. что ему пришлось слышать разговоръ о лошадяхъ, и что хотя онъ самъ на нихъ не ѣздитъ, но знаетъ людей, которые ѣздятъ. Но онъ боялся, что надъ нимъ только посмѣются и, унесшись на крыльяхъ воображенія въ царство вымысла, не моргнувъ бровью, сказалъ:

— Откуда я знаю? Господи, да я самъ такъ ѣздилъ! По сто километровъ въ день, — и не одинъ, не два, а десятки, сотни разъ! Такихъ лошадей и наѣздниковъ, какъ у насъ, вы не скоро найдете! Еслибъ вы ихъ видѣли, вы бы сами поняли...

— Да, я бы хотѣлъ видѣть лошадей, которыя дѣлаютъ по сто километровъ въ день! — заявилъ другой автомобилистъ. — Очень хотѣлъ бы! Я даже готовъ держать пари на 25 луидоровъ; убѣжденъ, что вы проиграете: никогда

вы верхомъ на лошади не сдѣлаете ста километровъ въ день!

— Милостивый государь, я согласенъ! — сказалъ Монархъ. — Только я не аристократъ и не привыкъ считать на луидоры.

— Мнѣ все равно, пускай на франки. Итакъ, я держу пари на пятьсотъ франковъ!

— Хорошо. Если я проиграю, я вамъ въ свою очередь уплачиваю 500 франковъ! — съ необыкновенно благороднымъ видомъ согласился Монархъ.

Онъ ни разу въ жизни не имѣлъ въ рукахъ такой крупной суммы. Пятьсотъ франковъ! Это казалось ему огромнымъ состояніемъ. Ему просто не вѣрилось, что человѣкъ серьезно можетъ держать пари на такую сумму. Да и самое пари казалось ему шуткой, чѣмъ-то несерьезнымъ, потому-то онъ такъ легко и пошелъ на него: пошутятъ — и дѣлу конецъ.

— Прекрасно! — сказалъ автомобилистъ. — Гдѣ-же вы намъ докажете, что, дѣйствительно, можете проѣхать сто километровъ въ день?

— То есть, какъ? — не сразу понялъ Монархъ.

— Я спрашиваю, куда намъ надо отправиться, чтобъ быть свидѣтелями вашей побѣды и нашего пораженія? Можетъ быть, къ вамъ? Въ такомъ случаѣ, потрудитесь сказать, какой городъ или какая деревня имѣютъ честь считать васъ своимъ?

— Я живу въ Эспелункѣ, въ тридцати километрахъ отъ Нима, по Сомверской дорогѣ. Зовутъ меня Боннафу.

Онъ былъ немного блѣденъ, но исполненъ сознанія своего достоинства. И тономъ свѣтскаго человѣка, который знаетъ, какъ съ кѣмъ надо говорить, прибавилъ:

— А я съ кѣмъ имѣю честь?

— Лейтенантъ флота Даніэль Малавіаль! Вотъ моя карточка.

Въ груди Монарха что то екнуло. Въ жизни своей онъ никогда не имѣлъ лошадей. Онъ ничего не зналъ о лошадяхъ, даже вскормленныхъ травой эспелункскихъ луговъ, и ни въ какомъ случаѣ не могъ утверждать того, въ чемъ онъ только что такъ рѣшительно увѣрялъ, т. е., что онѣ могутъ сдѣлать сто километровъ въ день. Это было сказано въ порывѣ вдохновенія, съ исключительной цѣлью посрамленія сѣверянъ, а они вдругъ приняли его слова въ серьезъ! Этотъ флотскій, не шутя, предлагаетъ пари — да еще на пятьсотъ франковъ! Ничего не подѣлаешь, — надо высоко держать голову. Тамъ видно будетъ.

— Я могу, если угодно, повторять этот опытъ въ теченіе ста дней подрядъ. Да, сто разъ, — съ гарантией!

Онъ сказалъ это рѣшительнымъ тономъ; это придавало ему важности, а терять ему ужъ нечего было: не станеть же, въ самомъ дѣлѣ, этотъ господинъ ждать въ Эспелункѣ цѣлыхъ сто дней исхода пари!

— Зачѣмъ-же такъ много? — мягко, съ чуть замѣтной усмѣшкой, сказалъ его противникъ. — Вполнѣ достаточно и двухъ! Два дня подрядъ, согласны?

— Разумѣется! — все такъ же рѣшительно согласился Монархъ, чувствуя, впрочемъ, что настроеніе его понижается.

Вдругъ ему показалось, что онъ видитъ передъ собой якорь спасенія, и онъ энергично за него ухватился.

— Я только долженъ васъ предупредить, — сказалъ онъ, — что у меня теперь масса дѣлъ на рукахъ, и я не могу сейчасъ вернуться въ Эспелункъ. Раньше, чѣмъ черезъ три мѣсяца, я, къ моему величайшему сожалѣнію, ни въ какомъ случаѣ не могу быть къ вашимъ услугамъ.

— Что-жъ, ничего не подѣлаешь, я согласенъ! — невозмутимо заявилъ тотъ. — Итакъ, черезъ три мѣсяца, день въ день. Это будетъ великолѣпная прогулка въ автомобилѣ. До пріятнаго свиданія, милостивый государь!

Всѣ трое поднялись и ушли.

Монархъ облегченно вздохнулъ: благодаря своему искусному дипломатическому ходу, онъ выигралъ цѣлыхъ три мѣсяца. Три мѣсяца — да вѣдь это цѣлая вѣчность! Тѣ, навѣрное, позабудутъ не только о пари, но и о встрѣчѣ съ нимъ. Для самого Монарха такіе долгосрочные векселя не имѣли никакой цѣны, — кто-же, въ самомъ дѣлѣ, помнитъ обѣщанія, данныя три мѣсяца тому назадъ?

И онъ рѣшилъ, что дѣло это кончено. Можно быть совершенно спокойнымъ: никакого пари не будетъ.

Тѣмъ не менѣе, въ поѣздѣ, который мчалъ его на другой день подъ благословенное соянце юга, онъ былъ грустенъ и даже не вступалъ въ разговоры съ пассажирами. Отыскивая въ карманѣ свой бесплатный билетъ, чтобы показать его кондуктору, онъ нащупалъ карточку, которую далъ ему флотскій офицеръ. Даніэль Малавіаль изъ Тулона... А вдругъ этотъ идиотъ и въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ явиться черезъ три мѣсяца въ Эспелункъ? Неужели онъ потребуетъ отъ Монарха уплаты 500 франковъ?

Онъ даже усмѣхнулся: этотъ офицеръ съ такимъ-же успѣхомъ могъ бы потребовать у него и пятьсотъ тысячъ франковъ. Тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, и король терять свои

права. Не этого боялся Монархъ, — его безпокоило нѣчто гораздо болѣе серьезное: возможная побѣда Сѣвера надъ Югомъ. Если флотскій выиграетъ пари, это будетъ позоромъ, въ которомъ навѣки погибнетъ доброе имя Монарха.

Нѣтъ, этого допустить нельзя!

И онъ сталъ придумывать средства спасенія. За эти три мѣсяца, вообще, многое можетъ случиться; вдругъ вспыхнетъ война, — тогда ужъ, разумѣется, онъ, Монархъ, долженъ будетъ думать о чести своей родины, а не о какомъ-то глупомъ пари. Но, увы, политическій горизонтъ былъ ясенъ, и на войну надежды не было. Хорошо бы уѣхать въ далекое путешествіе, — въ центральную Африку или на Огненную Землю, — ищи потомъ вѣтра въ полѣ! Но путешествовать гораздо легче было въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности.

Вдругъ онъ весь просіялъ: эврика! Онъ нашелъ вѣрное средство избавиться отъ пари. Онъ былъ спасенъ, и грустное его настроеніе какъ рукой сняло: онъ сталъ заговаривать съ пассажирами, шутилъ, смѣялся, — словомъ снова сталъ самимъ собой.

Едва вернувшись въ Эспелункъ, онъ, никому не сказавъ ни слова о своихъ заботахъ, отправился въ Бландузъ, къ депутату, для выборовъ котораго онъ такъ много потрудился.

— Послушай, ты долженъ оказать мнѣ услугу, — сказалъ онъ ему. — У меня есть другъ одинъ, — вѣрный, старый другъ, съ которымъ я встрѣтился много лѣтъ тому назадъ. Мы поклялись въ вѣчной дружбѣ на жизнь и на смерть. Это лейтенантъ флота Даніэль Малавиаль... Ты его не знаешь. Ну, такъ вотъ, онъ теперь въ Тулонѣ, вмѣстѣ съ эскадрой. Но это морякъ, морякъ съ головы до ногъ, и ужасно тоскуетъ по морскимъ странствіямъ. Мечтаетъ о командировкѣ въ китайскія воды. Ты долженъ ему устроить это, — какую-нибудь хорошую командировку, понимаешь?

— Что-жъ, можно! — согласился депутатъ.

И онъ отмѣтилъ что-то въ записной книжкѣ.

— Какъ только вернусь въ Парижъ, я это устрою! — обѣщаль онъ.

Никогда еще абсентъ не казался Монарху такимъ вкуснымъ, какъ въ этотъ вечеръ въ кабачкѣ Мюратона. На душѣ у него было такъ легко и хорошо, что онъ то и дѣло угощаль на свой счетъ и Тулумеса, и Пейраса, и Бекуньяна. Онъ охотно поднесъ бы по стаканчику всѣмъ восьмистамъ обитателямъ Эспелунка, еслибъ это было возможно.

— Я сегодня добился повышенія по службѣ для одного

человѣка, — объяснял онъ друзьямъ свое возбужденное состояніе. — Такъ пріятно, когда можно дѣлать добро ближнимъ!..

* * *

Съ тѣхъ поръ, какъ Монархъ освободился, — или думалъ, что освободился, — отъ этого злосчастнаго пари съ флотскимъ офицеромъ, котораго онъ съ помощью депутата надѣялся сплавить далеко, въ китайскія воды, — онъ сталъ въ Эспелункѣ еще болѣе важной персоной. Эспелункскіе граждане понятія не имѣли о дѣйствительныхъ мотивахъ его усиленныхъ заботъ о флотѣ и проникались къ нему все большимъ уваженіемъ: они видѣли только, что его ищущая, безпокойная мысль проникаетъ даже въ далекія моря, о которыхъ они имѣютъ лишь слабое представленіе, и что онъ вездѣ и всегда думаетъ о своей дорогой Франціи.

— Ты, значить, и флотомъ интересуешься? — съ уваженіемъ спрашивали его.

Интересуется-ли онъ флотомъ? Еще какъ! Настолько, что одинъ изъ флотскихъ офицеровъ ему чуть не каждую ночь снится. Разумѣется, онъ не говоритъ объ истинныхъ причинахъ того горячаго интереса, который онъ сталъ проявлять къ морскимъ силамъ Франціи. Но онъ раздражался длинными патетическими тирадами о значенія флота, безпрерывно сыпалъ словами, которыя онъ когда либо слышалъ или вычиталъ въ газетахъ: память у него была прекрасная, какъ у всѣхъ любящихъ и умѣющихъ поговорить. Чѣмъ рѣже, непонятнѣе и загадочнѣе было для него слово, тѣмъ легче онъ его запоминалъ, и когда онъ произносилъ его, глаза его сверкали гордостью.

Какъ всѣ заправскіе знатоки морского дѣла, онъ всѣмъ другимъ типамъ военныхъ судовъ, которые пренебрежительно называлъ «морской пылью», предпочиталъ броненосцы, — которыхъ онъ называлъ «морскими гигантами». Онъ усвоилъ цѣлый рядъ морскихъ терминовъ, зналъ по именамъ большинство крупныхъ военныхъ судовъ, съ апломбомъ говорилъ объ ихъ водоизмѣщеніи и точно опредѣлялъ, когда на какомъ суднѣ какіе флаги выкидываются. Даніэль Малавіаль изъ Тулона, доставившій ему столько тревожныхъ минутъ своимъ неожиданнымъ пари, теперь, когда опасность для Монарха, казалось, миновала навсегда, сталъ ему милъ и дорогъ.

— Я люблю его, какъ сына! — искренно говорилъ онъ друзьямъ. — Если только его не сожрутъ акулы, мы со-вре-

менемъ сдѣлаемъ изъ него славнаго фрегатнаго командира.

Онъ не совсѣмъ ясно понималъ, что это за чинъ такой, но ему, какъ и его слушателямъ, импонировало самое названіе, и имъ казалось, что фрегатный командиръ — постъ очень видный, одинъ изъ самыхъ значительныхъ во флотѣ.

* * *

Монархъ окончательно успокоился и съ вѣрой смотрѣлъ въ будущее: въ концѣ концовъ все прекрасно устривается въ этомъ прекраснѣйшемъ изъ міровъ.

Когда почтальонъ однажды утромъ принесъ ему письмо изъ Парижа, онъ тотчасъ же узналъ на конвертѣ почеркъ своего пріятели — депутата. «Вотъ и хорошо, — подумалъ онъ, спокойно распечатывая письмо. — Навѣрное, командировка въ китайскія воды для Малавіаля. Милый Малавіаль, онъ будетъ такъ радъ!» Онъ, дѣйствительно, питалъ въ эту минуту къ флотскому офицеру теплое чувство: такъ часто въ разговорахъ съ пріятелими онъ называлъ его своимъ другомъ, что и въ самомъ дѣлѣ сталъ проникаться дружбой къ нему. Какъ жаль: этотъ бравый морякъ и не подозрѣваетъ, кому онъ обязанъ своей командировкой.

Но едва Монархъ пробѣжалъ первыя строки письма, руки его безсильно повисли вдоль тѣла, и на лбу выступилъ холодный потъ.

«Дорогой другъ! — писалъ депутатъ. — Лейтенантъ Малавіаль теперь находится въ шестимѣсячномъ отпуску, и до тѣхъ поръ, пока не кончится его отпускъ, ни о какихъ командировкахъ не можетъ быть и рѣчи. Я очень жалѣю, что не могъ быть тебѣ полезенъ...»

Монархъ поблѣднѣлъ. Сердце его переполнилось страхомъ, отчаяньемъ, гнѣвомъ.

— Ахъ, скотина! — не будучи въ силахъ сдерживать свои чувства, крикнулъ онъ.

Эмма, услыхавъ этотъ крикъ душевной боли и замѣтивъ его блѣдность, и сама поблѣднѣла.

— Монархъ, что съ тобой? — въ тревогѣ воскликнула она. — Что случилось?

— Ничего! — стараясь вернуть себѣ хладнокровіе, отвѣтилъ онъ. — Эти негодные парижане ничего не хотятъ сдѣлать для насъ, южанъ.

Больше онъ ей ничего не сказалъ. За всю его жизнь это была чуть ли не первая тайна; онъ не могъ открыть ее ни друзьямъ своимъ, ни Эммѣ, — ей еще менѣе, чѣмъ кому-бы то ни было, — потому что это могло бы уронить его въ ея глазахъ. Чтобъ его, Монарха, посрамили люди съ

Съвера? Никогда! Онъ не позволить унизить себя передъ лицомъ Эспелунка и всѣхъ окрестныхъ деревень вплоть до Нима. Все, что угодно, только не это!

Какъ ни крѣпился Монархъ, но вечеромъ этого несчастнаго дня, всѣ въ клубѣ замѣтили, что съ нимъ происходитъ что-то неладное. Онъ и самъ понималъ, что далѣе молчать невозможно. Монархъ вообще не могъ молчать — это было не въ его характерѣ. Всѣ такъ привыкли, чтобъ онъ постоянно говорилъ, что самый фактъ его молчания наводилъ на подозрѣнія. Да и очень ужъ переполнено было его сердце.

— Въ Парижѣ не сдержали даннаго мнѣ слова! — съ горечью сказалъ онъ. — Онъ не получитъ командировки...

Всѣ поняли, что рѣчь идетъ о лейтенантѣ Малавиалѣ, съ которымъ они такъ сжились, точно онъ родился и выросъ тутъ-же, въ Эспелункѣ. Онъ былъ единственнымъ морякомъ, который въ теченіе послѣднихъ шести недѣль интересовалъ эспелункцевъ, — можно было бы подумать, что въ ихъ глазахъ имъ однимъ держался весь французскій флотъ.

— Это большое несчастье для флота! — серьезно, съ оттѣнкомъ грусти, сказалъ Бекуньянь.

— Да, флотъ погибъ! — зловѣщимъ тономъ подтвердилъ Монархъ.

Онъ дѣйствительно такъ думалъ: все послѣднее время онъ такъ страстно желалъ Малавиалю командованія какимъ-нибудь хорошимъ судномъ гдѣ-нибудь въ китайскихъ водахъ, что сталъ отождествлять исполненіе этого желанія съ интересами флота. Теперь онъ горько оплакивалъ Францію: личная неприятность приобрѣла въ его глазахъ размѣры чуть ли не національнаго несчастья. Свергнутые министры большей частью тоже привыкли разсматривать ударъ, нанесенный лично имъ, какъ ударъ для своей страны. Для Монарха эти патріотическія іереміады были большимъ облегченіемъ.

Весна была въ полномъ разгарѣ. На благословенномъ югѣ она бываетъ особенно хороша. Какъ только первые лучи вешняго солнца ударяютъ въ землю, еще пропитанную благотворной влагой отъ зимнихъ дождей, изъ нея выходятъ на свѣтъ Божій тысячи, милліоны цвѣтовъ самой разнообразной окраски. Усердно работаютъ пчелы, которыя разносятъ на своихъ мохнатыхъ лапкахъ цвѣточную пыль и сами похожи на летающіе цвѣтки. Пышнымъ розовымъ цвѣтомъ расцвѣтаютъ миндальныя деревья; нѣжныя, стыдливыя фіалки скромно прячутся на

лѣсной опушкѣ; въ кустарникѣ тамъ и сямъ мелькаютъ подсиѣжники; на колючихъ стебляхъ осторожно раскрываютъ свои бутоны розы. Склоны горъ покрыты жесткими, грубоватыми растеніями, испускающими опьяняющіе ароматы; даже виноградныя лозы, когда онѣ наливаются сокомъ, имѣютъ свой запахъ.

Монархъ бродилъ грустный, съ горечью въ душѣ, самъ себя не узнавая. Въ прежніе годы, когда наступала весна, онѣ былъ счастливъ, какъ эти распускающіеся цвѣты, и жадно вдыхалъ ея опьяняющіе ароматы. Теперь, когда на сердцѣ его лежалъ тяжелый камень, онѣ сталъ неузнаваемъ. Праздникъ возрождающейся природы только раздражалъ его. Онѣ злился на цвѣты за жадность, съ которой они тянулись къ солнцу, и съ ожесточеніемъ думалъ, что и весеннее солнце, и распутившіяся почки, и трепеть новой жизни — все вздоръ. Дѣйствительно только одно: проходятъ дни, недѣли — и все ближе роковой срокъ. Пройдутъ назначенные три мѣсяца, а потомъ...

Потомъ конецъ его царствованію! Онѣ будетъ безжалостно свергнутъ съ своего трона, на которомъ держался пѣснями, бездѣлемъ и политикой. Всѣ будутъ смѣяться надъ нимъ, — не одни только парижане, которые скоро сюда явятся, но весь Эспелункъ, и Неръ, и Лединьянь, и Масанъ, и Савиньяргъ, — все окрестное население вплоть до Нима, а, можетъ быть, и дальше еще. Монархъ тогда будетъ конченнымъ челоуѣкомъ, и весь его престижъ превратится въ миоѣ.

Нѣтъ, объ этомъ онѣ и мысли допустить не могъ. Полно, да явятся-ли еще сюда эти парижане? За три мѣсяца они, навѣрное, и думать позабудутъ о пари.

И онѣ снова, какъ утопающій за соломинку, ухватился за эту надежду. Силой самовнушенія онѣ скоро такъ увѣровалъ въ счастливый исходъ всего этого дѣла, что даже повеселѣлъ и сталъ прежнимъ Монархомъ.

Въ первый день четвертаго со дня пари мѣсяца онѣ проснулся въ прекрасномъ расположеніи духа и даже весело привѣтствовалъ врывающееся въ комнату солнце. Три мѣсяца прошло, а лейтенанта Малавіаля не было. Повидимому, онѣ уже не явится. Что-жъ, Монархъ плакать не будетъ.

«Слава Богу, кошмаръ конченъ!» — подумалъ онѣ. Теперь, если даже допустить, что Малавіаль явится завтра, тоже не бѣда.» Милостивый государь, — скажетъ онѣ ему, — я привыкъ къ точности: пари должно было быть

разыграно вчера, — сегодня я считаю себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ.»

Разумѣется, тутъ есть нѣкоторая натяжка, но юридически право на его сторонѣ.

Около часу дня, когда онъ прогуливался за околицей, онъ вдругъ различилъ по дорогѣ, ведущей изъ Массана, автомобиль, который скоро остановился у фонтана, сооруженнаго въ честь Эстея и Неморена. Черезъ минуту автомобиль покатылъ дальше, по направленію къ Эспелунку.

Монарха бросило въ жаръ, и онъ даже почувствовалъ, что рубашка прилипаетъ къ его тѣлу: это несомнѣнно были они! У него появилось какое-то таинственное предчувствіе, что это именно они, его палачи.

Воздухъ огласился рѣзкими звуками автомобильной сирены. Монархъ недавно видѣлъ въ Нимѣ «Эрнани», и теперь, въ эту роковую для него минуту, подумалъ: «звуки охотничьяго рога, возвѣщающіе приходъ палачей».

Это сравненіе придало ему силы: литературные герои не разъ вдохновляли его. И онъ рѣшилъ бороться до конца.

Прежде всего, нельзя допустить, чтобъ эспелункцы узнали о его пари. Онъ поэтому направился навстрѣчу автомобилю, стараясь придать себѣ видъ человѣка, который только по чистой случайности очутился на этой дорогѣ.

Да, это были они. Онъ ихъ тотчасъ-же узналъ. Всѣ трое были налицо — оба автомобилиста и маленькій, сухой господинъ съ орденомъ Почетнаго Легіона въ петлицѣ.

Монархъ безстрашно сталъ посреди дороги, заграждая путь автомобилю.

— Эй, вы! — крикнулъ одинъ изъ сѣдоковъ, повидимому, не узнавая его: — посторонитесь-ка!

Монархъ живописнымъ жестомъ, какъ настоящій рыцарь, снялъ свою широкую поярковую шляпу.

— Лейтенантъ флота Малавиаль? — спросилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Да, къ вашимъ услугамъ! — послышался отвѣтъ.

— Меня зовутъ Боннафу, — не узнаете?

Они съ удивленіемъ переглянулись и поклонились.

Монархъ, стоя передъ автомобилемъ, старался сохранить гордую, независимую осанку, но въ душѣ его разыгрывалась въ эту минуту буря. Катастрофа надвигалась, и теперь ужъ никакими заклинаніями не предотвратишь ее.

По счастью для него, онъ, какъ южанинъ, обладалъ двумя цѣнными свойствами, которыя на первый взглядъ могутъ показаться противорѣчивыми: съ одной стороны,

его интересовало лишь ближайшее будущее, то, что должно послѣдовать непосредственно; съ другой — болѣе или менѣе далекое будущее всегда возбуждало въ немъ преувеличенныя надежды: онъ вѣрилъ, что все можетъ устроиться, — вплоть до самаго несбыточнаго. Такому отношенію къ жизни можно только позавидовать: оптимистами бываютъ только очень здоровые люди.

Еслибъ не вѣра, что все какимъ нибудь чудомъ устроится, Монархъ при видѣ «парижанъ», какъ онъ ихъ упорно называлъ, долженъ былъ бы сложить оружіе, сознаться въ своемъ легкомысліи, унижить себя въ глазахъ этихъ людей. «Господа, — долженъ былъ бы онъ имъ сказать, — тогда, въ Лионѣ, я говорилъ, не подумавъ. Это была просто на просто бравада съ моей стороны. Я, разумѣется, проигралъ пари, но уплатить вамъ пятьсотъ франковъ не въ состояніи: я бѣденъ, бѣднѣе всѣхъ жителей Эспелунка — и къ тому-же, я поэтъ; это значить, что моимъ словамъ вообще нельзя придавать значенія. Что касается васъ, то вы люди богатые, мои пятьсотъ франковъ вамъ не нужны, и вамъ придется довольствоваться тѣмъ, что вы совершили хорошую прогулку».

Еслибъ онъ имъ сказалъ это, они, по всей вѣроятности отнеслись бы къ его словамъ вполне спокойно; возможно, что они даже ждали именно такого оборота, и если все же пріѣхали сюда, то только ради прогулки и пикантной встрѣчи. Но, разумѣется, Монархъ ни за что не сдѣлалъ бы такого признанія. Въ эту минуту его болѣе всего тѣшила мысль, что онъ теперь стоитъ передъ этими господами въ позѣ истиннаго рыцаря.

Но надо было такъ или иначе выпутываться. Онъ держалъ пари, что проѣдетъ, въ теченіе двухъ дней, по сто километровъ верхомъ на лошади, а у него ея никогда и не было. Не на козѣ-же своей онъ поѣдетъ!

«Необходимо найти лошадь!» — сказалъ онъ себѣ, почувствовавъ приливъ энергіи.

Моторъ тяжело и шумно дышалъ, сотрясая весь автомобиль; выходявшій изъ него дымъ поднималъ сзади облако пыли.

— Господинъ, лейтенантъ, и вы, милостивые государи! — громко сказалъ Монархъ. — Я надѣюсь, что имѣю дѣло съ людьми свѣтскими.

Сидѣвшіе въ автомобилѣ переглянулись. И хотя на Монархѣ была грошевая поярковая шляпа, порядкомъ потрепанный костюмъ цвѣта китайской утки и не совсѣмъ свѣжая цвѣтная рубашка, но они даже не улыбнулись при

его словахъ. Вотъ что значить взять надлежащій тонъ! Даже одѣтый въ рубище человѣкъ, если только онъ обладаетъ краснорѣчіемъ и умѣетъ взять внушительный тонъ, можетъ показаться прекрасно одѣтымъ.

Лейтенантъ слегка поклонился.

— Если такъ, — продолжалъ Монархъ, — вы согласитесь со мной, что дѣло чести лучше всего ликвидировать вдали отъ постороннихъ взоровъ; не къ чему привлекать вниманіе любопытной толпы. Отсюда до Монбрюля пятьдесятъ километровъ. Отправляйтесь туда, тамъ вы переночуете, а завтра съ восходомъ солнца будьте здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ. Никому ничего не говорите; это все, о чемъ я васъ прошу. Могу я на васъ рассчитывать?

— Да, но... пятьдесятъ километровъ! — замѣтилъ одинъ изъ автомобилистовъ.

— Что-жъ, это только половина того разстоянія, которое мнѣ завтра придется сдѣлать. Я поѣду до Монбрюля и вернусь сюда, — это составитъ сто километровъ.

Разумѣется, онъ въ эту минуту меньше всего собирался сдѣлать то, о чемъ говорилъ. Его теперь занимала одна только мысль: въ Эспелункѣ никто ничего не долженъ знать. Это главное, — остальное какъ нибудь уладится. Онъ на досугѣ придумаетъ что-нибудь.

Тѣ согласились на его предложеніе, и автомобиль плавно покатилъ по дорогѣ.

— Какъ ты думаешь, что это за фруктъ такой? — спросилъ Малавиаль того, который сидѣлъ у руля.

Тотъ пожалъ плечами.

— Я думалъ, что это просто на просто хвастунишка; теперь я вижу, что онъ сумасшедшій.

А «сумасшедшій» все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ и слѣдилъ за автомобилемъ, который то показывался, то исчезалъ на извилинахъ дороги: пока «парижане» могли его видѣть, онъ старался сохранить прежнюю благородную осанку: «Какъ это дико, — думалъ онъ, — что люди до сихъ поръ еще пользуются лошадьми, когда есть автомобили!»

Автомобиль мало-по-малу терялся изъ виду, исчезая за облакомъ пыли, которое позлащали солнечные лучи. Скоро онъ совсѣмъ скрылся изъ глазъ. Монархъ сразу потерялъ все свое великолѣпіе. Низко склонивъ голову, обураваемый черными мыслями, добрался онъ до кабачка Мюратона.

У самага кабачка онъ столкнулся съ Тулумесомъ.

— Здравствуй, Монархъ!

Монархъ выпрямился, но отвѣтилъ на привѣтствіе небрежно, какъ человѣкъ очень занятый.

— Здравствуй, здравствуй!

Ему было не до Тулумеса: ни разу еще въ жизни онъ не былъ такъ озабоченъ. Этотъ всегда беззаботный человѣкъ, который проводилъ жизнь въ разговорахъ, теперь очутился передъ необходимостью отъ словъ перейти къ дѣлу. Онъ въ душѣ посылалъ къ чорту этихъ сѣверянъ, которые со свойственной имъ сухостью и по-истинѣ бухгалтерской прозаичностью требуютъ уплаты по векселю. Связывайся съ такими господами!

Вдругъ ему пришла новая мысль.

— Ты не знаешь, — повернулся онъ къ Тулумесу, — Рокамонъ дома?

— Да. Я только что встрѣтилъ его, — онъ вмѣстѣ съ батракомъ тащилъ домой борону.

— А на что онъ тебѣ?

— Такъ, нужно. У меня къ нему дѣло есть. Больше не спрашивай!

Монархъ никогда не разговаривалъ такимъ тономъ съ друзьями, и Тулумесъ понялъ, что это не спроста. Онъ не настаивалъ.

Монархъ отправился домой, по дорогѣ почти не подымая глазъ на встрѣчныхъ: ему надо было хорошенько подумать, и онъ избѣгалъ разговоровъ. Сегодня люди утомляли его, — это съ нимъ случилось въ первый разъ въ жизни. Особенно раздумывать онъ тоже не привыкъ, и ужъ если думалъ, то непременно вслухъ, за стаканомъ пива, передъ дружественной ему аудиторіей. Положительно передъ нимъ сегодня открывалось что-то новое, пугающее своей необычайностью, — точно ему вдругъ приходилось спуститься въ мрачное подземелье.

Жена подала ему салатъ съ мелко накрошеннымъ крутымъ яйцомъ, а потомъ кусокъ свиного сала, оставшагося отъ вчерашняго ужина. Она всегда сначала подавала ему какую нибудь зелень, въ надеждѣ, что онъ утолитъ свой голодъ и ужъ не съ такимъ аппетитомъ возьметъ за мясо или сало: Эмма была прекрасная хозяйка и знала толкъ въ домашней экономіи.

Какъ примѣрная супруга, она не присаживалась, пока мужъ обѣдалъ, и такъ какъ онъ не раскрывалъ рта, она тоже молчала. Молчаніе Монарха было для нея дѣломъ до того непривычнымъ, что у нея больно сжималось сердце. Что бы это могло значить?

Онъ запилъ обѣдъ стаканомъ брандвейну, вытеръ

губы, поднялся и, все такъ же молча, направился къ двери.

— Куда ты, Монархъ? — съ тревогой спросила жена. — Послѣ обѣда вѣдь всѣ отдыхаютъ! Къ тому-же, на дворѣ такая жара...

— Если тебя спросятъ, куда я ушелъ, скажи, что ты и сама не знаешь. Поняла? — съ непривычной ей грубостью, перебилъ онъ ее.

Рокамонъ жилъ нѣсколько въ сторонѣ отъ Эспелунка, въ очень хорошей усадьбѣ, которая возбуждала зависть эспелункцевъ. Жена его извѣстна была своимъ благочестіемъ; самъ онъ тоже былъ строгимъ протестантомъ. Нѣкоторые изъ предковъ его пострадали за вѣру, и онъ гордился этимъ, какъ родовитые дворяне своимъ родовымъ деревомъ. Будучи убѣжденнымъ протестантомъ, онъ меньше всего хлопоталъ объ обращеніи въ свою вѣру другихъ. Онъ былъ богатъ, доволенъ собой и больше ничего не просилъ у неба.

Когда Монархъ пришелъ къ нему, онъ со своей женой, тремя сыновьями и двумя дочерьми сидѣлъ еще за столомъ.

Монарха тоже усадили за столъ и поднесли стаканъ брандвейна. Онъ выпилъ, потомъ, какъ бы желая сразу, однимъ ударомъ, отдѣлаться отъ угнетавшей его заботы, спросилъ:

— Господинъ Рокамонъ, вамъ завтра нуженъ будетъ вашъ Пій Двѣнадцатый?

Пій Двѣнадцатый — была кличка лошади, которую Рокамонъ купилъ въ прошломъ году въ Авиньонѣ. Сначала, какъ ярый врагъ католицизма, онъ назвалъ ее, по имени занимавшаго тогда святой престолъ папы, Піемъ Десятымъ; но потомъ, по настоянію жены, которая боялась, что это можетъ огорчить мѣстнаго католическаго аббата, онъ перемѣнилъ кличку и назвалъ свою лошадь Піемъ Двѣнадцатымъ: папы съ такимъ именемъ не существовало, и такая кличка никого не могла задѣть.

— А на что онъ тебѣ? — спросилъ Рокамонъ.

Монархъ слегка покраснѣлъ.

— Я... я хочу проѣхать немного верхомъ! — отвѣтилъ онъ.

Хотя Рокамонъ отличался угрюмымъ характеромъ, онъ захохоталъ теперь, какъ сумасшедшій. Его три сына, увидѣвъ, что отецъ хохочетъ и что, слѣдовательно, смѣяться можно, тоже громко прыснули. Они смотрѣли на фигуру Монарха, на его ноги — и смѣялись до слезъ, до

коликъ въ животѣ. Госпожа Рокамонъ и двѣ ея дочери, какъ особы болѣе воспитанныя, ограничились только тѣмъ, что уткнулись носами въ свои тарелки.

— Ну, и насмѣшилъ! — могъ, наконецъ, выговорить хозяинъ. — Вотъ шутникъ! Да ты, почитай, лѣтъ уже двадцать, какъ не садился на лошадь?

— Восемнадцать, — поправилъ Монархъ. — Ровно восемнадцать лѣтъ тому назадъ я вышелъ въ запасъ артиллеристомъ. Вы ужъ, г. Рокамонъ, пожалуйста, не откажите: это мнѣ необходимо для здоровья.

Рокамонъ задумался. Правда, Монархъ, съ его точки зрѣнія, былъ человѣкомъ сомнительной нравственности, но въ Эспелункѣ онъ былъ персоной, и отказывать ему было неудобно. Впрочемъ, этотъ доводъ онъ придумалъ только для очистки совѣсти: въ глубинѣ души онъ очень благоволилъ къ Монарху, который и этого суроваго протестанта сумѣлъ покорить своими пѣснями, своимъ краснорѣчьемъ, всѣми тѣми чертами, которыхъ природа совершенно лишила Рокамона.

— Хорошо, пусть будетъ по твоему! — сказалъ онъ.

И онъ поднялся, чтобы пойти съ гостемъ въ конюшню. Всѣ сидѣвшіе за столомъ, частью изъ любопытства, частью чтобы оказать гостю вниманіе, тоже направились въ конюшню.

Пій Двѣнадцатый былъ буланой масти, съ тонкой головой, тонкими ногами и невысокимъ крупомъ. Видно было, что лошадь держали въ черномъ тѣлѣ и изводили на тяжелой работѣ, но въ ней чувствовалась порода.

Увидѣвъ ее, Монархъ даже вздрогнулъ, какъ приговоренный къ смерти при видѣ эшафота: въ Пій Двѣнадцатомъ онъ видѣлъ своего палача, позорный столбъ, къ которому онъ самъ себя долженъ пригвоздить. Впрочемъ, онъ скоро овладѣлъ собой и небрежно, какъ бы мимоходомъ, сказалъ:

— Я слышалъ, что такая лошадь можетъ, со всадникомъ на спинѣ, сдѣлать сто километровъ въ день.

— Да, говорятъ, — отвѣтилъ Рокамонъ.

— А вамъ не приходилось испытать это на дѣлѣ?

— Нѣтъ. Мало-ли что говорится!

— Мало-ли что говорится! — эхомъ отозвались сыновья Рокамона.

— То есть какъ! — вдругъ разсердился Монархъ. — Съ васъ довольно того, что говорятъ? Въ такомъ случаѣ, вы не лучше другихъ эспелункцевъ! Они только разговаривать умѣютъ. Хвастуны, болтуны — и больше ничего.

Наговорятъ съ три короба, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ они и въ кусты! И вамъ не стыдно?

Тѣ опустили головы: въ сущности, онъ былъ правъ, — этотъ Монархъ. Они, дѣйствительно, проявили непростительную безпечность и только удивлялись, что истина глаголетъ такими устами.

— Ну, ладно! — со вздохомъ сказалъ Монархъ. — Завтра, въ шесть часовъ утра, я приду за лошадыю.

И онъ ушелъ, погруженный въ мрачныя думы.

На другой день, въ половинѣ шестого утра, по Массанской дорогѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и наканунѣ, уже ждалъ автомобиль.

Спутники Малавиала плохо выспались и теперь то и дѣло зѣвали. Было холодно вдобавокъ, и настроеніе ихъ съ каждой минутой падало. Вся эта исторія начинала злитъ ихъ. Одно изъ двухъ: или этотъ шутъ, если только онъ не сумасшедшій, совсѣмъ не явится, и тогда они просто на просто будутъ одурачены; или же этотъ Тартаренъ сдержитъ слово, — и тогда имъ придется тащиться за нимъ цѣлыхъ два дня. Еще, чего добраго, онъ умретъ по дорогѣ, или лошадь свалится, или то и другое вмѣстѣ. Перспектива была не изъ веселыхъ: вѣдь отвѣтственность какъ никакъ падала на нихъ. Лучше бы ужъ онъ не являлся!

— Онъ не придетъ, увидите! — выразилъ вслухъ надежду одинъ изъ автомобилистовъ, котораго звали Барье.

— А какъ же тогда съ пятью стами франками? — спросилъ Малавиаль.

— Ты, конечно, платить не долженъ, но если ты надѣешься съ него получить ихъ, — тебѣ придется подождать. Неужели ты думаешь, что онъ въ состояніи уплатить такія деньги? Онъ выглядитъ совсѣмъ нищимъ. Плюнь ты на это дѣло! Бросимъ все это и ѣдемъ въ Каркасонъ, — тамъ и завтракать будемъ. Говорятъ, Каркасонъ интересный городокъ...

Едва онъ это сказалъ, на дорогѣ показался Монархъ.

Онъ сидѣлъ верхомъ на лошади! Важно, не торопясь, приближался онъ къ нимъ, немного блѣдный, но полный сознанія своего достоинства. Въ сѣдлѣ онъ сидѣлъ почти какъ слѣдуетъ. Лошадь степенно помахивала головой, причемъ на лбу ея прыгалъ шарикъ изъ красной шерсти. Выступала она бодро и, повидимому, рада была утренней свѣжести.

Да, это былъ Монархъ. Онъ тоже плохо выспался. Онъ даже совсѣмъ не могъ сомкнуть глазъ всю ночь, —

до того онъ волновался въ ожидани этого рокового утра. Одѣтъ онъ былъ въ охотничій костюмъ, порядкомъ потрепанный и выцвѣтшій; но его широкая поярковая шляпа придавала ему видъ испанскаго гидальго. Онъ храбрился и съ напряженіемъ всѣхъ силъ старался показать, что къ предстоящему сегодня пробѣгу относился совершенно спокойно, но на душѣ у него была тѣма кромѣшная. «Только бы у меня не начались спазмы въ желудкѣ!» — съ тоской думалъ онъ, перекладывая поводья съ одной руки въ другую.

Ночью онъ долго ломалъ голову надъ вопросомъ, гдѣ ему сѣсть на лошадь: у Рокамона во дворѣ, или передъ автомобилемъ? Въ первомъ случаѣ ему пришлось бы проѣхать лишній километръ, но тогда ему не надо будетъ садиться на лошадь въ присутствіи «парижанъ». Этого момента онъ очень боялся: вдругъ онъ не сможетъ сѣсть, какъ слѣдуетъ, и вызоветъ только насмѣшки? Нѣтъ, лучше ужъ сдѣлать лишній километръ!

— Милостивые государи! — торжественно обратился онъ къ нимъ. — Вы, надѣюсь, ничего не будете имѣть противъ того, чтобъ я ѣхалъ впереди. Вамъ придется подвигаться впередъ медленно, но вы должны согласиться, что въ данномъ случаѣ я вправѣ регулировать движеніе.

Этотъ вопросъ онъ тоже всесторонне обдумалъ ночью. Правда, если онъ будетъ впереди, онъ будетъ все время находиться на глазахъ своихъ противниковъ, и скрыть отъ нихъ, что онъ плохой наѣздникъ, будетъ мудрено; между тѣмъ, если ему придется слѣдовать за автомобилемъ, Пи Двѣнадцатый будетъ скакать за нимъ сумасшедшимъ галопомъ: эти глупыя лошади ужасно тщеславны и не любятъ, когда ихъ обгоняютъ. Но скакать по дорогѣ бѣшенымъ аллюромъ цѣлый день, — Монарху эта перспектива совсѣмъ не улыбалась, и онъ предпочелъ ѣхать впереди.

Онъ заѣхалъ впередъ метровъ за сто и крикнулъ:

— Только потише, господа, потише!

И, зажмуривъ глаза, точно ему предстояло броситься въ пропасть, онъ слегка тронулъ Пиа Двѣнадцатаго шпорами. Да, у него теперь были на ногахъ настоящія шпоры, — единственное, что у него осталось отъ военной службы. Онъ долго думалъ, стоитъ ли ихъ одѣвать на свои старые, заплатанные башмаки, къ которымъ онѣ совсѣмъ не подходили; въ концѣ концовъ, побѣдила его любовь къ внѣшнему блеску, къ театральности, — иначе онъ не былъ бы Монархомъ. Разъ ему предстояло выступить въ роли наѣздника, почему бы ему не нацѣпить шпоры? Правда,

онъ цѣлый часъ бился, пока прицѣпилъ ихъ къ своимъ старымъ башмакамъ; правда, онѣ такъ нелѣпо болтались на ногахъ, что могли вызвать только улыбку, но это все же были шпоры. Онѣ сильно стѣсняли его, и онъ боялся ихъ, пожалуй, больше, чѣмъ лошади.

Пій Двѣнадцатый, между тѣмъ, шелъ впередъ. Онъ шелъ легкой рысью, почти шагомъ, достаточно быстро, но въ то же время какъ бы сберегая силы. Онъ тоже былъ сыномъ Юга — и съ южнымъ темпераментомъ сочеталъ философское отношеніе къ жизни: не надо тащиться черепашьимъ шагомъ, но и торопиться особенно не къ чему.

Монархъ держался за передній выступъ сѣдла и съ удивленіемъ констатировалъ, что онъ какъ никакъ все же ѣдетъ верхомъ. Лошадь мѣрно топала по дорогѣ, и онъ скоро сталъ испытывать легкое опьяненіе, которое въ первые минуты всегда испытываетъ при верховой ѣздѣ непривычный наѣздникъ.

Одна за другой оставались позади деревни. Миновали Жиссакъ, Эйгюрандъ, Майльзаргъ, Камбарель, Вильневъ. Мѣстные жители съ любопытствомъ смотрѣли на странную процессію: впереди выступаетъ, повидимому, не очень торопясь, всадникъ, а за нимъ, подвигаясь черепашьимъ шагомъ, слѣдуетъ богатый, барскій автомобиль.

Прошелъ часъ, другой, третій, а копыта лошади все еще монотонно отбивали тактъ по дорогѣ. Монархъ съ тоской думалъ о Монбрюлѣ, этомъ вождѣнномъ Монбрюлѣ, который сталъ для него теперь чѣмъ-то вродѣ земли обѣтованной, сказочнымъ городомъ, на которомъ сосредоточились всѣ его мечты, безконечно далекимъ оазисомъ въ пустынѣ, къ которому устремляются помыслы усталого путника. Ахъ, скорѣй бы ужъ добраться до Монбрюля, этого перваго этапа, на которомъ можно будетъ отдохнуть немного, подкрѣпиться, собраться съ новыми силами! «Я, кажется, никогда не доѣду! — съ тоской думалъ онъ. — Либо я свалюсь, либо лошадь, либо мы оба вмѣстѣ... Какъ это долго, мучительно долго!»

Пій Двѣнадцатый держался молодцомъ. Онъ, казалось, понималъ, чего отъ него хотятъ, и сообразно съ этимъ самъ регулировалъ свой ходъ: пробѣжить немного рысью, а потомъ, чтобъ не слишкомъ утомляться и сберечь силы для предстоящихъ еще трудовъ, начинаетъ идти шагомъ. Далекое не такъ хорошо держался Монархъ; у него начинали побаливать икры ногъ, и онъ все время злился на лошадь: когда она шла шагомъ, онъ чувствовалъ себя какъ человѣкъ, у котораго, съ ужасающей медленностью,

шипцами тянуть жилы, и страстно желала, чтобъ лошадь ускорила ходъ; а когда она начинала бѣжать рысью, онъ корчился въ сѣдлѣ отъ тряски и молилъ небо, чтобъ эта пытка поскорѣй уже кончилась.

Минутами онъ какъ бы впадалъ въ забытье, и переставалъ чувствовать, что бы то ни было; мимо плыли луга, виноградники, оливковыя рощи, а онъ смотрѣлъ на нихъ тусклымъ, безжизненнымъ взглядомъ и сознавалъ только одно: что онъ сидитъ верхомъ на лошади, которая его куда-то уноситъ.

Онъ за эти нѣсколько часовъ осунулся, похудѣлъ, углы рта у него обвисли, вѣки покраснѣли отъ вѣтра и бившаго въ глаза песку. Это ужъ не былъ прежній, великолѣпный Монархъ, ясными, увѣренными глазами глядящій на окружающій міръ.

А Пій Двѣнадцатый все шель и шель впередъ.

Когда доѣхали до Кальмета, который расположенъ на высокомъ холмѣ, Монарху показалось, что его окликнули изъ автомобиля. Онъ машинально остановилъ лошадь. Слава Богу! Автомобилисты, должно быть, проголодались и хотятъ закусить.

Тѣ, дѣйствительно, остановились и дѣлали руками такія движенія, точно они страшно устали. Монархъ съ горькой усмѣшкой подумалъ, что охотно помѣнялся бы съ ними. Возлѣ него стоялъ Малавиаль и любезно, чуть не съ почтешемъ, протягивалъ ему руку, чтобы помочь ему сойти съ лошади.

Монархъ высвободилъ ногу изъ праваго стремени, всей тяжестью своего тѣла оперся на лѣвое, и чуть не свалился, какъ мѣшокъ съ мукой, на землю.

Отдыхъ возстановилъ его силы. Онъ молча ѣлъ, пилъ вино, потомъ крѣпкій кофе съ коньякомъ. Это до того подкрѣпило его, что черезъ полчаса онъ первый поднялся и сказалъ:

— Ёдемъ, господа! Пора.

Но, когда онъ всталъ изъ-за стола, ему стоило немалого труда удержать крикъ боли: у него болѣли ноги, поясница, плечи. Во всемъ тѣлѣ была такая тяжесть, что онъ дорого бы далъ за возможность растянуться и не думать больше объ этомъ проклятомъ пари.

Отбросивъ въ сторону ложный стыдъ, онъ подвелъ лошадь къ придорожному камню и взобрался на сѣдло.

Какъ онъ добрался до Монбрюля, онъ и самъ не могъ бы сказать. Весь этотъ путь онъ сдѣлалъ въ какомъ-то забытьѣ. Точно въ сѣдлѣ сидѣлъ не онъ, а кто-то другой;

тотъ тихо жаловался ему всю дорогу на переживаемыя имъ страданія, а Монархъ выслушивалъ его съ такимъ чувствомъ, словно его это нисколько не интересуесть.

Въ Монб;юль остановились пообѣдать.

Въ первыя минуты у него не было ни малѣйшаго аппетита. Все въ мирѣ отдалъ бы онъ за постель. Ахъ, еслибъ можно было вытянуться, расправить измученные члены! Но увы! Никто не догадался предложить ему постель. Въмѣсто этого онъ услышалъ обращенный къ нему вопросъ:

— Что вы будете пить?

— Абсентъ! — отвѣтилъ онъ по привычкѣ.

Онъ однимъ духомъ выпилъ абсентъ, запилъ двумя стаканами воды — и сталъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ давать содержателю харчевни приказанія относительно лошади. Потомъ онъ, сдѣлавъ надъ собою геройское усиліе, выпрямился на стулѣ и такимъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ обратился къ своему противнику.

— Что, г. лейтенантъ, скучно вамъ тащиться за мной?

Лейтенантъ не догадывался о переживаемыхъ Монархомъ страданіяхъ, о мучительной боли, которой сковано было все его тѣло; но этотъ вопросъ и все поведеніе этого страннаго, непонятнаго ему человѣка тронули и взволновали его.

Обѣдъ былъ прекрасный. Когда подали шампанское, начались тосты. Монархъ тоже не ударилъ лицомъ въ грязь: онъ произносилъ цѣлыя рѣчи, блисталъ ораторскими приемами и, вообще, снова какъ бы сталъ самимъ собой, — даже превзошелъ себя. Онъ снова почувствовалъ въ себѣ приливъ энергии, а вмѣстѣ съ ней и вѣры въ свое близкое торжество. Теперь онъ ужъ ничего не боялся и предвкушалъ радость побѣды. Какимъ триумфаторомъ онъ вернется въ Эспелункъ! Половина пути вѣдь уже пройдена. Лишь бы только Пий Двѣнадцатый хорошо держался, — въ себѣ онъ былъ увѣренъ.

Монархъ совсѣмъ воскресъ духомъ: шампанское оказало свое дѣйствіе, и онъ чувствовалъ себя сильнымъ, способнымъ на подвиги, готовымъ хоть сейчасъ идти на самое рискованное дѣло. Глаза его блестѣли гордымъ, самоувѣреннымъ блескомъ.

Послѣ кофе онъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ подняться, но со стономъ снова упалъ на стулъ: онъ почувствовалъ страшную боль въ поясницѣ, точно кто-то рѣзалъ ее тупымъ ножомъ.

Тѣ сочувственно глядѣли на него.

— Что, поясницу ломить? — съ искреннимъ состраданіемъ спросилъ лейтенантъ.

Но Монархъ уже овладѣлъ собой.

— Поясница? нѣтъ, господинъ лейтенантъ, я такихъ болей въ жизни не знавалъ. Просто спазмы въ желудкѣ... У меня это часто бываетъ послѣ обѣда. Я только схожу въ аптеку, — черезъ пять минутъ я къ вашимъ услугамъ.

Онъ вышелъ, стараясь держаться прямо, съ высоко поднятой головой; но, едва очутившись внѣ поля зрѣнія своихъ палачей, онъ скорчился отъ боли и такъ, согнувшись чуть не вдвое, кой какъ добрался до аптеки. Аптекарь, г. Казалесь, который хорошо зналъ Монарха, поразился, увидѣвъ его: у него было такое страдальческое лицо, точно онъ собирался отдать Богу душу.

— Казалесь! — взмолился онъ. — Вы вѣдь знаете меня, — вспырните мнѣ поскорѣй морфій.

— Безъ рецепта? — спросилъ аптекарь. — Нѣтъ, не могу. Морфій не полагается отпускать безъ предписанія врача.

Монархъ быстро снялъ пиджакъ, подскочилъ къ аптекарю и схватилъ его за горло.

— Если ты мнѣ тотчасъ-же не вспырнешь морфія, я тебя задушю! — крикнулъ онъ. — Слышишь? Тутъ же задушю, — пикнуть не успеешь!

Монархъ добился своего: испуганный аптекарь вспырнулъ ему морфій, который не замедлилъ оказать свое дѣйствіе. Боль точно рукой сняло. Монархъ опять почувствовалъ себя легко и бодро, точно ничего сегодня не произошло. Срѣзавъ себѣ по дорогѣ прутикъ съ орѣховаго дерева, онъ молодцомъ взобрался на Пія Двѣнадцатаго и бодро погналъ его рядомъ съ автомобилемъ. Они ѣхали обратно въ Эспелункъ.

— Давайте поболтаемъ! — весело предложилъ онъ Малавиалу. — Надо-жъ какъ нибудь скоротать дорогу.

И въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ онъ безъ умолку говорилъ.

Пій Двѣнадцатый долго бодрился, но скоро усталость дала себя чувствовать. Онъ отяжелѣлъ и еле передвигалъ ноги. Въ Кальметѣ пришлось дать ему отдохнуть, при чемъ Монархъ окатилъ его нѣсколькими ведрами воды, подсыпалъ ему овса и даже побаловалъ сахаромъ.

Послѣ этого дѣло пошло лучше. Когда вдали показался Жерскій мостъ, лошадь почуяла близость дома и, поднявъ кверху голову, жадно вдыхала расширенными ноздрями

воздухъ родныхъ полей. Она даже тихо заржала отъ удовольствія и прибавила ходу.

— Скоро доѣдемъ! — подбадривалъ ее Монархъ.

Она какъ бы поняла его и поскакала впередъ такимъ галопомъ, что ему пришлось ухватиться за ея гриву.

Теперь уже сомнѣній не было: въ первый день онъ съ честью выйдетъ изъ испытанія. Вотъ и Эспелунжъ. Ура, побѣда!

У воротъ дома Рокамона онъ легко соскочилъ на землю, почувствовавъ только, что ноги у него точно палками перебиты.

— До свиданія, господа! До завтра! — спокойно, великолѣпнымъ жестомъ приподнимая шляпу, сказалъ онъ. — Завтра вамъ опять придется поскучать.

Часовъ въ девять вечера, когда Тулумесь, Бекуньянъ, Перайсь и нѣкоторые другіе члены клуба сидѣли въ кабачкѣ Мюратона за чашками ароматнаго кофе съ коньякомъ, дверь отворилась и въ сопровожденіи поддерживавшей его жены вошелъ Монархъ.

Дѣйствіе морфія, который ему впрыснули въ Монбрюль, уже прекратилось, и онъ опять чувствовалъ себя больнымъ, разбитымъ. Сердцу такъ больно было, точно въ него вшивались тысячи иглъ. Только глаза блестѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ сюда притти! — сказала она какъ-бы оправдываясь. — Я думала уложить его въ постель, положить ему на прудъ горчичникъ, но онъ и слушать не хотѣлъ.

Монархъ тяжело усѣлся на свое обычное мѣсто.

— Послушайте, — сказалъ онъ, сверкая глазами на собесѣдниковъ. — Я до сихъ поръ скрывалъ отъ васъ, потому что былъ увѣренъ, что мнѣ не удастся сдѣлать это, но теперь... Ой!.. теперь я вижу, что я могу посрамить этихъ парижанъ. Мы побѣдимъ — увидите!

* * *

Всю ночь онъ проспалъ, какъ убитый. Минутами лобъ его смачивался потомъ: его немного лихорадило; тогда онъ, не просыпаясь, тяжело поворачивался на другой бокъ. Жена не отходила отъ его постели и заботливо вытирала ему лобъ.

— Въ половинѣ шестого разбуди меня! — приказалъ онъ ей, ложась спать. — Подними меня во что бы то ни стало, — я долженъ въ шесть часовъ выѣхать. Завтра все будетъ кончено.

Голосъ у него былъ упавшій, слабый, какъ у тяжело

больного; но онъ вѣрилъ, что завтрашній день принесеть ему побѣду и заранѣе предвкушалъ ея сладость.

Эмма не рѣшалась послушаться его, хотя ей жаль было будить его. Когда она съ трудомъ растолкала его, онъ сѣлъ на кровать и жалобно застоналъ: все его тѣло ныло отъ боли, и онъ не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой. Онъ вспомнилъ, что ему сейчасъ опять придется сѣсть на лошадь, и его охватило острое чувство тоски. Передъ мысленнымъ взоромъ его встала длинная, безконечная дорога, на которой онъ наканунѣ провелъ столько томительныхъ часовъ.

Неужели все это придется продѣлать снова? Не лучше ли отказаться? Вѣдь, онъ уже доказалъ, что можетъ проѣхать сто километровъ въ день, и теперь никто не посмѣетъ издѣваться надъ нимъ, называть его лгуномъ и хвастунишкой. Что касается пари, чортъ съ нимъ! Вчера онъ выигралъ — сегодня проиграетъ, — значить они будутъ квиты: никто не долженъ платить.

Когда Эмма натирала его спину спиртомъ, онъ со вздохомъ сказалъ ей:

— Пойди отыщи этихъ парижанъ и скажи имъ... скажи имъ все, что тебѣ угодно... что я боленъ и не могу сегодня... что я когда нибудь въ другой разъ готовъ доказать имъ....

Но въ эту минуту до слуха его донесся стукъ копытъ. Ближе и ближе... Какъ будто къ нимъ ѣдутъ. Кто бы это могъ быть? Вотъ ужъ подѣхали къ самой двери. Слышно было, какъ лошадь нетерпѣливо бьетъ копытомъ.

Дверь отворилась — и вошелъ Рокамонъ.

— Монархъ! — съ уваженіемъ сказалъ онъ. — Я привелъ тебѣ Пя Двѣнадцатаго. Не къ чему тебѣ ходить за нимъ ко мнѣ: ты долженъ щадить свои силы.

При слабомъ свѣтѣ утренней зари Монархъ увидѣлъ за спиной Рокамона его трехъ сыновей; всѣ они были въ высокихъ сапогахъ со шпорами, съ лихо сдвинутыми на бекрень шляпами и хлыстами въ рукахъ.

— Мы составимъ твою свиту, Монархъ, и проводимъ тебя — сказалъ Рокамонъ. Монархъ, который уже успѣлъ встать, безсильно опустился на стулъ. Объ этомъ онъ не думалъ. Ему и въ голову не приходило, что вѣсть о его пари уже распространилась по всему Эспелунку, что обитатели его съ лихорадочнымъ интересомъ ждуть его на дорогѣ, готовые привѣтствовать своего героя, гордость и славу Эспелунка.

— Рокамонъ, — сказалъ онъ, — лошадь не моя, а твоя. Я не хочу, чтобъ съ ней случилось несчастіе.

— Не бойся! — успокоилъ его тотъ. — Лошадь добрая, ничего съ ней не будетъ!

И въ порывѣ патріотическаго энтузіазма онъ прибавилъ:

— Если она и околѣетъ, не бѣда, — постарайся только, чтобъ она не пала до того, какъ ты выиграешь пари.

Отказываться было поздно. Монархъ чувствовалъ, что на него устремлены взоры всѣхъ его согражданъ, что онъ является ихъ надеждой и знаменосцемъ. Онъ былъ рабомъ этой, восторженно ждавшей его подвига, толпы.

И онъ, скрѣпя сердце, взобрался на Пія Двѣнадцатаго. Самъ Рокамонъ, этотъ богачъ, такъ высоко стоявшій на соціальной лѣстницѣ Эспелунка, держалъ ему стремя. Лошадь была тщательно вымыта и почищена, и шерсть ея весело лоснилась на солнцѣ, которое только что взошло; она бодро помахивала головой, приводя въ движеніе висѣвшій на лбу шарикъ изъ красной шерсти. У дома Монарха собрался уже весь Эспелункъ. Всѣ восемьсотъ жителей его, несмотря на ранній часъ, высыпали на улицу и тѣсной толпой окружили Пія Двѣнадцатаго съ сидѣвшимъ на немъ всадникомъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какъ Монархъ тронется въ путь.

Бекуньянъ и Тулумесъ крѣпко поцѣловали его. Мэръ Казвейль снялъ передъ нимъ, въ знакъ почтенія, шляпу, подставивъ лучамъ утренняго солнца свой лысый черепъ; Пейрасъ-же передалъ ему новенькій хлыстъ съ серебряной рукояткой.

— Это даръ отъ социалистическаго клуба! — сказалъ онъ при этомъ. — Когда ты вернешься, мы выправируемъ на ручкѣ соответствующую надпись.

Въ этотъ торжественный моментъ послышался шумъ приближающагося автомобиля. То были парижане.

— Здравствуйте, господа! — галантно поздоровался съ ними Монархъ, когда они подѣхали ближе. — Надѣюсь, вы за ночь хорошенько отдохнули?

Тѣ съ изумленіемъ смотрѣли на собравшихся людей, многіе изъ которыхъ сидѣли верхомъ.

— Кто это? — спросилъ Малавиаль.

— Это все мои друзья, — отвѣтилъ Монархъ. — Такъ сказать, эспелунская кавалерія. Если я не ошибаюсь, мы сегодня будемъ встрѣчать по дорогѣ немало еще всадниковъ.

Онъ не ошибся. По мѣрѣ того какъ Монархъ, сопровождаемый помимо автомобиля, многочисленнымъ коннымъ эскортомъ, подвигался впередъ, навстрѣчу ему со всѣхъ

сторонъ горизонта выѣзжали все новые отряды обывательской кавалеріи. Вѣсть о*пари распространилась уже далеко за предѣлами Эспелунка; всю ночь, казалось, она передавалась изъ дома въ домъ, изъ деревни въ деревню, будила людей и зажигала въ ихъ сердцахъ патріотическіи восторгъ.

Сначала за Монархомъ слѣдовала небольшая сравнительно кавалерійская свита, человѣкъ двадцать; потомъ ихъ стало пятьдесятъ, наконецъ, число ихъ дошло до сотни. Дорога оглашалась шумомъ, топотомъ копытъ, конскимъ ржаніемъ, бурными криками восторга. Впереди ѣхалъ Монархъ, гордый, счастливый, опьяненный выпавшимъ на его долю триумфомъ. Онъ еще не побѣдилъ, но теперь ужъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Онъ былъ признаннымъ главой этой восторженной толпы своихъ поклонниковъ, ихъ вождемъ и пророкомъ. Когда онъ пускалъ лошадь рысью, всѣ пришпоривали лошадей — и по дорогѣ поднималось густое облако пыли; когда Пій Двѣнадцатый умѣрялъ шагъ, свита покорно придерживала лошадей.

Нѣкоторые, пахавшіе вдоль дороги, крестьяне, увидѣвъ процессію, торопливо выпрягали лошадей изъ плуговъ, тутъ-же садились на нихъ, еще разгоряченныхъ работой, и присоединялись къ свитѣ Монарха. Женщины, дѣти и старики скакали за процессіей въ тяжелыхъ крестьянскихъ телѣгахъ.

Неподалеку отъ Кальмета навстрѣчу попался сидѣвшій на своей двуколкѣ докторъ Дестенавъ изъ Везенобра. Онъ еще ничего не зналъ, и при видѣ этого страннаго кортежа подумалъ, что случилось какое-нибудь большое несчастье: пожаръ цѣлой деревни, наводненіе, землетрясеніе, быть можетъ, даже внезапное объявленіе войны. Производило впечатлѣніе, что жители Эспелунка и другихъ деревень спѣшно покидаютъ родныя мѣста. Когда докторъ, наконецъ, узналъ, въ чемъ дѣло, онъ тоже повернулъ свою лошадь — и присоединился къ свитѣ Монарха.

Какъ ни велико было любопытство, но многіе всадники, щадя лошадей, мало-по-малу отставали, — ихъ замѣняли другіе. Когда процессія случилось проходить черезъ деревню, ее встрѣчали аплодисментами и привѣтственными криками, а Монархъ, стараясь придать себѣ молодецкатыи видъ, одной рукой держа поводья, а другой упираясь въ бокъ, кланялся направо и налево, какъ кланяется король своимъ подданнымъ.

Въ Кальметѣ встрѣча вышла совсѣмъ торжественной. Мѣстная вольная музыкантская команда, состоявшая изъ трехъ молодыхъ парней подѣ начальствомъ отставнаго солдата, выстроившись по два въ рядъ по обѣ стороны дороги, привѣтствовала процессію воинственнымъ маршемъ. Мэръ предложилъ Монарху и его противникамъ почетный завтракъ. Богатый помѣщикъ, живущій по близости отъ Кальмета, подошелъ къ Монарху и, съ чувствомъ пожавъ ему руку, воскликнулъ:

— Да здравствуетъ республика!

— Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Франція! — слышались со всѣхъ сторонъ отвѣтные крики.

Когда Монархъ доѣхалъ до Монбрюля, за нимъ слѣдовалъ ужъ чуть не цѣлый эскадронъ кавалеріи и цѣлый полкъ пѣхоты. Отъ самой околицы Монбрюля до площади Мэри процессію сопровождали четыре конныхъ жандарма. На площади уже стояли деревянные столы: муниципалитетъ давалъ банкетъ въ честь героя этого дня.

Банкетъ сошелъ очень хорошо. Монархъ сидѣлъ за почетнымъ столомъ, между мэромъ и лейтенантомъ Малавиалемъ. За шампанскимъ мэръ превозгласилъ тостъ за г. Боннафу, «витязя коннаго спорта». Монархъ съ собственнымъ ему тактомъ поднялъ бокалъ за французскій флотъ.

Не всѣ слышали, что онъ говорилъ, но всѣ дружно аплодировали. Все время, пока, онъ стоялъ съ бокаломъ въ поднятой рукѣ, онъ былъ предметомъ горячихъ овацій.

Едва Монархъ успѣлъ сѣсть, всѣ обратили вниманіе на то, что къ нему пробирается молодая женщина съ розовыми щеками и большими черными глазами, которыми она пожирала нашего героя. У высоко вздымавшейся груди она держала ребенка, который визжалъ отъ восторга и махалъ голыми, пухлыми ножками; она громко сказала:

— Вглядись въ этого человѣка хорошенько, дѣточка: это Монархъ изъ Эспелунка. Когда ты вырастешь, ты сможешь рассказывать, что видѣлъ его.

А въ это время женщины и дѣвушки, пробравшись въ конюшню, гдѣ стоялъ Пий Двѣнадцатый, выщипывали у него изъ гривы и хвоста по волоску — на память объ этомъ историческомъ днѣ.

Когда Монархъ всталъ изъ-за стола, у него голова кружилась. Усталость, знойные лучи солнца, восторгъ толпы, — все это порядкомъ давало себя чувствовать.

Разумѣется, онъ и виду не показалъ, что едва стоитъ на ногахъ.

Четверо молодыхъ людей подхватили его и понесли на плечахъ къ лошади, которую уже услужливо вывели изъ конюшни. Они прямо усадили его въ сѣдло. Онъ сидѣлъ теперь, какъ на тронѣ, гордо возвышаясь надъ толпой, которая, затихши отъ волненія, ждала, когда онъ тронется въ путь.

Монархъ величаво поклонился на всѣ стороны и повернулъ лошадь въ сторону Эспелунка.

— Счастливаго пути! — раздались крики.

— Прощай, Монархъ! Въ добрый часъ!

— Да благословенъ будетъ родъ твой!

Пти Двѣнадцатый опять сталъ перебирать ногами по хорошо знакомой ему дорогѣ.

Монархъ чувствовалъ себя разбитымъ. Восторгъ толпы точно бичемъ гналъ его дальше, прикрѣплялъ къ сѣдлу, заставлялъ его довести подвигъ до конца; но страшно ныло тѣло и кружилась голова. Минутами передъ глазами стояли огненные круги, и онъ чувствовалъ, что вотъ-вотъ упадетъ.

Лошадь то скакала безпорядочнымъ галопомъ, то переходила въ рысь, то медленно плелась шагомъ. — Монархъ ужъ не управлялъ ею и безжизненной массой качался въ сѣдлѣ.

— Онъ упадетъ! — крикнулъ кто-то.

Монархъ выпустилъ изъ рукъ поводья и съ закрытыми отъ слабости глазами упалъ на чьи-то протянутыя руки.

Его уложили въ сторонѣ отъ дороги и стали такъ усердно ухаживать за нимъ, что чуть не отправили на тотъ свѣтъ.

Когда къ нему вернулось сознание, онъ подумалъ, что хорошо было бы, еслибъ его положили теперь на какую-нибудь телѣгу и отвезли домой. Но никому это и въ голову не приходило.

— Ну, теперь все хорошо! — услышалъ онъ надъ собой чей-то голосъ. — Ты можешь продолжать путь, Монархъ!

И его опять усадили въ сѣдло.

Несчастная жертва своего собственного героизма и энтузіазма согражданъ, онъ вынужденъ былъ продолжать путь. Снова замелькали поля, виноградники, встрѣчныя деревни, но онъ ничего не видѣлъ.

Въ четырехъ километрахъ отъ Эспелунка ему опять стало дурно. Опять закружилась голова и передъ глазами завертѣлись рои черныхъ мухъ. Двое всадниковъ подъѣхали къ нему съ обѣихъ сторонъ, и каждый изъ нихъ положилъ ему на плечо руку. Это тронуло его, какъ ласка горячо любимой женщины, и нѣсколько подбодрило.

— Оставьте меня, я и такъ доѣду! — сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Теперь онъ думалъ о пари, и это придало ему силы. Ему, во что бы то ни стало, хотѣлось выиграть пари безъ посторонней помощи, — если его будутъ поддерживать, пожалуй, стануть оспаривать его побѣду. Онъ только попросить немного воды.

Пій Двѣнадцатый былъ весь въ мылѣ и совсѣмъ выбился изъ силъ; но и онъ уже чувствовалъ близость Эспелунка, и это подбадривало его. Онъ тихо ржалъ и жадно вытягивалъ голову, какъ бы стараясь уловить запахъ родной конюшни.

Вдругъ воздухъ огласился звуками марсельезы. То вышли навстрѣчу Монарху соединенныя вольныя музыкантскія команды Эспелунка, Майзарга, Себазака и Горнаго Матярюка.

Монархъ поднялъ глаза, и то, что онъ увидѣлъ, влило въ его разбитое тѣло новыя силы: онъ проѣзжалъ подъ триумфальной аркой изъ зелени и цвѣтовъ! «Юстину Бонафу, славѣ Прованса!» — красовалась надпись на протянутомъ надъ его головой холстѣ.

Слезы умиленія увлажнили глаза его: его встрѣчали не какъ призрачнаго Монарха, а какъ дѣйствительнаго вѣнценосца!

— Да здравствуетъ Монархъ! Да здравствуетъ Пій Двѣнадцатый! — неслись со всѣхъ сторонъ ликующіе крики.

Сколько ихъ было, этихъ восторженно привѣтствовавшихъ его людей? Онъ видѣлъ только море головъ. Двѣ, быть можетъ, три тысячи. Это былъ его народъ, — онъ чувствовалъ себя теперь дѣйствительнымъ Монархомъ.

Точно во снѣ проѣхалъ онъ оставшееся до Эспелунка разстояніе. Онъ только почувствовалъ, что кто-то остановилъ лошадь, а потомъ къ нему протянулись десятки рукъ, стаскивая его съ сѣдла. Вокругъ тѣснились восторженныя потныя, раскраснѣвшіяся лица, дышавшія на него ликованіемъ побѣды и чеснокомъ.

Лейтенантъ Малавіаль подошелъ, пожалъ ему руку и протянулъ ему пятисотфранковый билетъ. Монархъ на-

шелъ въ себѣ достаточно силы, чтобъ и въ эту минуту полного изнеможенія остаться вѣрнымъ себѣ.

— Я это не для денегъ! — сказалъ онъ.

Но деньги онъ все же опустилъ въ карманъ.

Лейтенантъ вернулся къ своему автомобилю. Толпа провожала его насмѣшками: онъ потерпѣлъ поражение, — горе побѣжденнымъ! Лучше ужъ поскорѣй убраться отсюда.

И онъ вскочилъ въ автомобиль, который черезъ минуту быстро покотилъ по дорогѣ отъ Эспелунка.

— Я думалъ, что это только Тартаренъ, — сказалъ Малавиаль своему сосѣду, — оказывается, что онъ вдобавокъ еще и Донъ Кихоть...

Х.

Прощаніе.

Послѣ побѣдоноснаго пари, которое увѣнчало его чело неувядающими лаврами, Монархъ сталъ еще ближе сердцу эспелунжцевъ. Они теперь ужъ звали его не просто Монархъ, а «нашъ Монархъ». Не слѣдуетъ усматривать въ этомъ вѣрнопопданническихъ тенденцій, желаше найти себѣ повелителя. Отнюдь нѣтъ. Они говорятъ «нашъ Монархъ», какъ говорили бы «нашъ соборъ», «наша башня», желая этимъ показать, что рассматриваютъ эти достопримѣчательности, какъ свою собственность, и гордятся ими.

Монархъ принадлежитъ имъ, и они тѣмъ охотнѣе подчеркиваютъ это при каждомъ удобномъ случаѣ, что онъ какъ бы является самымъ типичнымъ, самымъ яркимъ представителемъ южной расы. Правда, многія черты доведены въ немъ до каррикатурности, но именно поэтому, быть можетъ, они особенно и дорожатъ имъ: въ немъ, какъ въ главномъ фокусѣ, отражаются всѣ ихъ положительныя и отрицательныя стороны. Какой-нибудь англичанинъ врядъ-ли былъ бы польщенъ, еслибъ ему сказали, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на Джона Буля; но онъ охотно согласился бы, что англичанинъ, какъ типъ, англичанинъ, такъ сказать, собирательный, дѣйствительно очень походить на Джона Буля.

Надо, впрочемъ, оговориться, что къ Монарху относились любовно, но не серьезно. Имъ любовались, имъ забавлялись, но еслибъ онъ вдругъ вздумалъ серьезничать, его популярность пострадала бы. Между тѣмъ, послѣ своей нашумѣвшей побѣды надъ лейтенантомъ Малавиалемъ, у

него немножко закружилась голова, и онъ сталъ смотрѣть на себя совсѣмъ другими глазами. О себѣ онъ говорилъ въ новомъ, непривычномъ для его согражданъ тонѣ, въ которомъ чувствовалось глубокое преклоненіе передъ своей собственной персоной и пренебрежительное отношеніе къ окружающимъ.

Имъ были недовольны за это: люди не любятъ, когда кто-нибудь ставитъ имъ на видъ свое превосходство въ какомъ бы то ни было отношеніи. И противъ Монарха составилось нѣчто вродѣ молчаливаго заговора: надъ нимъ исподтишка посмѣивались. Я видѣлъ это въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Эспелункѣ и былъ убѣжденъ, что онъ скоро и самъ замѣтитъ это. Возможно, что такое отношеніе, дѣйствительно, не ускользнуло отъ его вниманія, но очень ужъ онъ былъ счастливъ въ своей роли актера, чтобъ отказаться отъ нея. Онъ непрерывно говорилъ, рассказывалъ о себѣ — и чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Подобно маленькимъ дѣтямъ, которыя шумятъ, пока на нихъ не прикрикнуть, хотя знаютъ, что вотъ-вотъ раздастся окрикъ, — онъ какъ бы рѣшилъ производить словесный шумъ вокругъ своей особы вплоть до того момента, когда ему скажутъ: «Будеть! Надоѣлъ, какъ горькая рѣдька!»

Но его не останавливали. Ему предоставляли тѣшиться своимъ тщеславіемъ — и продолжали исподтишка посмѣиваться надъ нимъ. Такъ казалось интереснѣе. Я хорошо видѣлъ, что Тулумесь, Бекуньянъ, Фальгаретъ, Пейрасъ и другіе упорствуютъ въ своемъ молчаливомъ заговорѣ, изъ котораго, — съ грустью приходится въ этомъ сознаться, — я былъ исключенъ. Они не довѣряли моей скромности, и отчасти были правы: я, какъ исторіографъ Монарха, влюбленъ былъ въ свой сюжетъ, а потому представлялъ въ ихъ глазахъ недостаточныя гарантіи объективнаго къ нему отношенія.

Какъ бы то ни было, я не могъ ни предупредить Монарха, ни вмѣшаться въ его интересахъ, такъ какъ для меня самого еще не совсѣмъ ясенъ былъ планъ заговорщиковъ.

Какъ ловко они все подготовили! Сколько тонкости и дипломатическаго искусства понадобилось имъ, чтобъ незамѣтно для Монарха довести его до предательски разставленной западни!

Ни для кого не было тайной, что онъ сильно охладѣлъ къ депутату Мальвезу съ того самаго дня, какъ тотъ оказался не въ силахъ добыть для лейтенанта Малавіаля командировку

въ китайскія воды. И вотъ наступило время новыхъ парламентскихъ выборовъ.

Монархъ всегда съ нетерпѣніемъ ждетъ ихъ. Выборы, съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнитъ, были лучшими, интереснѣйшими днями его жизни: цѣлыхъ шесть недѣль все кругомъ кипитъ, какъ въ котлѣ.

На собраніяхъ, въ кабацкѣ, даже на улицѣ, идетъ непрерывная словесная борьба, — и все это обязательно сопровождается хорошими выпивками, часто доходящими до гомерическаго пьянства.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Монархъ выборовъ и на этотъ разъ. Но здѣсь-то ему и разставили ловушку.

Какъ ужъ было сказано, Монархъ послѣ побѣды надъ лейтенантомъ сталъ смотрѣть на себя гораздо серьезнѣе прежняго — и нерѣдко въ бесѣдѣ съ пріятелями принималъ авторитетный тонъ. Теперь, когда заговорили о предстоящихъ выборахъ, онъ рѣзко выступилъ противъ нынѣшняго депутата, который опять выставилъ свою кандидатуру. Монархъ долго говорилъ на тему о томъ, что этотъ Мальвезъ былъ исключенъ изъ объединенной социалистической партіи за то, что «составилъ благопріятный для акціонеровъ докладъ по дѣлу о какой-то концессіи въ колоніяхъ».

— Вы всѣ прекрасно знаете, о чемъ я говорю. Я думаю, что поддерживать такого кандидата мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ.

Монархъ, ставъ серьезнымъ, положительно былъ скупенъ, и я страдалъ за него всей душой.

Долго всѣ молча слушали его; потомъ выступилъ Тулумесь.

— Мы не хотѣли тебѣ говорить объ этомъ, — съ коварной серьезностью сказалъ онъ. — Почему бы тебѣ не выставить свою кандидатуру противъ Мальвеза? Мы бы составили избирательный комитетъ... Это, право-же, было бы совсѣмъ недурно! Ты могъ бы такъ хорошо провести избирательную кампанію!

Мнѣ стало страшно за Монарха. Это была самая несомнѣнная ловушка: еслибъ онъ попался въ нее, заговорщики въ течение цѣлыхъ шести недѣль щекотали бы его честолюбіе, заставляли бы его разыгрывать кандидата, производить многообѣщающія рѣчи, излагать свою программу. На выборахъ его, разумѣется, торжественно прокатили бы на вороныхъ: можно пошутить, но провести такого человѣка, какъ Монарха, въ парламентъ, никому бы и въ голову не пришло. Онъ бы, вѣроятно, ни одного голоса не получить, и это было бы самое пикантное. Ни одного голоса!

Я съ тревогой ждалъ, что онъ отвѣтитъ, какъ отнесется къ этому предложенію. Вѣдь, отъ него всего можно было ждать. Сѣверяне, не имѣющіе понятія о южномъ темпераментѣ, могли думать, что онъ просто-на-просто сумасшедшій. На самомъ дѣлѣ онъ только человѣкъ съ до крайности развитымъ воображеніемъ. Онъ любитъ представлять себѣ совершенно несбыточныя вещи, сочинять фантастическія исторіи, въ которыхъ онъ, Монархъ, является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и которыя заканчиваются самымъ благополучнымъ для него образомъ. Теперь его соблазнили одной изъ такихъ исторій, и я очень боялся, что онъ приметъ ее въ серьезъ. Онъ, конечно, понималъ, что изъ его кандидатуры ничего не можетъ выйти, но почему о ней не потолковать? Почему не согласиться фигурировать въ роли кандидата? А разъ согласившись, онъ уже не могъ бы остановиться и покатился бы по наклонной плоскости.

Да, я ждалъ отъ него всего: ложной скромности, которая была бы для него чревата опасностями, великолѣпныхъ рѣчей съ изложеніемъ политическаго кредо, наконецъ, изліяній благодарности по адресу своихъ палачей.

Я ошибся: Монархъ какъ будто даже не разслушалъ предложенія.

Передо мной былъ новый Монархъ, или, вѣрнѣе, онъ игралъ новую роль, — вѣдь онъ всегда игралъ какую-нибудь роль! Эта роль забавляла его именно своей новизной: она состояла въ томъ, чтобы молчаніемъ или тонкими намеками дипломатично отклонить сдѣланное ему предложеніе, нисколько не компрометируя себя и не умаляя своего достоинства. Вначалѣ, повторяю, онъ какъ будто даже не обратилъ вниманія на слова Тулумеса, а потомъ, когда предложеніе выставить кандидатуру было возобновлено, онъ съ большимъ дипломатическимъ тактомъ заговорилъ о томъ, что Мальвезъ, въ концѣ концовъ, не такъ ужъ плохъ, что онъ, какъ мѣстный уроженецъ, хорошо знаетъ мѣстныя нужды, что избиратели должны хлопотать не о такъ называемой «большой политикѣ», для которой, дѣйствительно, требуются крупныя люди, а, главнымъ образомъ, о всякаго рода субсидіяхъ для пострадавшихъ отъ наводненій и т. п. бѣдствій.

— Въ сущности говоря, за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ, — доказывалъ онъ, — съ тѣхъ поръ, какъ мы избавились отъ монархіи, мы можемъ быть вполне довольны. Конечно, рабочіе, напримѣръ, имѣютъ много поводовъ роптать, но въ Эспелункѣ нѣтъ рабочихъ, — здѣсь все больше собственники: каждый имѣетъ виноградники, дома, луга.

Мѣстные жители могутъ, поэтому, добиваться развѣ только субсидіи, мѣсть для своихъ сыновей, разныхъ мелкихъ поблажекъ. Владѣльцы виноградниковъ спокойно выдѣлываютъ себѣ вино, спокойно пьютъ его или продаютъ на сторону, и на придирки со стороны республиканскаго правительства врядъ ли могутъ жаловаться. Чего-же имъ еще нужно?

Монархъ вплотную подошелъ къ вопросу о реформахъ. Это былъ его конекъ.

— Говорятъ о необходимости реформъ, но, положи руку на сердце, я не могу относиться къ этому серьезно. О реформахъ можно поговорить, но я бы не хотѣлъ, чтобъ ихъ дѣйствительно проводили. А разъ мы оставимъ въ сторонѣ реформы, то и Мальвезъ можетъ исполнять депутатскія функции. Въ этомъ, надѣюсь, всѣ мы согласны?

Заговорщики низко опустили головы: заговоръ ихъ потерпѣлъ полное фiasco. Монархъ, вдобавокъ, еще вывелъ всѣхъ ихъ на свѣжую воду, отмѣтивъ всю низменность ихъ политическихъ вождельннн: субсидіи, теплыя мѣстечки и т. п. Это было тѣмъ чувствительнѣе, что самъ онъ, какъ чело-вѣкъ, не имѣющій никакой собственности, ни въ какой степени этихъ вождельннн не раздѣлялъ.

«Будь у тебя виноградники, ты бы не такъ разсуждалъ!» — думали они.

Потомъ опять выступилъ Тулумесъ:

— Но ты, вѣдь, самъ только что говорилъ, Монархъ, что Мальвеза исключили изъ объединенной социалистической партіи!

— А тебѣ то что до этого? — безцеремонно отпарировалъ ударъ Монархъ. — Ужасно тебя интересуешь социалистическая партія! Вамъ всѣмъ въ высокой степени наплевать на нее. Если его исключили объединенные социалисты, то онъ будетъ независимымъ социалистомъ, — только и всего! Независимый социалистъ — это даже еще лучше звучить.

Онъ съ минуту подумалъ и прибавилъ:

— Это даже удобнѣе, когда надо свалить министерство.

Пейрасъ, который пороха не выдумалъ, имѣлъ неосторожность спросить:

— Ну, а для самого себя, Монархъ? Неужели ты для себя ничего не хочешь?

— Нѣтъ, хочу!

Всѣ облегченно вздохнули и переглянулись, полныя надежды: Монархъ чего-то хочетъ, — можно будетъ, слѣдовательно, еще разыграть какую-нибудь комедію.

— Чего-же ты хочешь? — въ одинъ голосъ спросили они?

Монархъ обвелъ всѣхъ ихъ пристальнымъ, проникновеннымъ взглядомъ, въ которомъ была бездна ироніи, и сказалъ:

— Я хочу... хочу...

Онъ какъ будто не рѣшался высказать такое дерзкое желаніе.

— Говори-же, Монархъ!

— Я хочу... Нобелевскую премію!

Наступило глубокое молчаніе. Такая шутка имъ и въ голову не приходила. Нобелевская премія — это было нѣчто далекое, недостижимое, почти мистическое. Они были раздавлены.

А Монархъ, съ великолѣпнымъ презрѣніемъ во всей фигурѣ, торжествующій и довольный, поднялся и медленно удалился.

* * *

Черезъ нѣсколько дней я покинулъ Эспелункъ. Тѣнну, чтобъ не очень утомляться, положилъ мой легкій чемоданъ на тачку, и повезъ его на вокзалъ. Я шелъ за нимъ, а рядомъ со мной шелъ Монархъ, который во что бы то ни стало хотѣлъ проводить меня, такъ какъ онъ любилъ меня.

Видъ у него былъ грустный, и я подумалъ, что онъ только напускаетъ на себя меланхолю, чтобы показать, до какой степени онъ огорченъ разлукой.

— Я еще приѣду сюда, — сказалъ я ему, — и мы снова увидимся.

Онъ еще ниже опустилъ голову.

— Возможно, — сказалъ онъ, — но... я ужъ тогда буду старъ! Такимъ людямъ, какъ я, нельзя старѣть. Иногда я стараюсь представить себѣ, какимъ я буду этакъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Не хорошо! Монархъ съ сѣдыми волосами ужъ не Монархъ. Это все равно, что пѣвецъ, потерявшій голосъ. Хуже: какъ ребенокъ, который настолько подросъ, что ему говорятъ: «Ты ужъ теперь большой, будетъ баловаться — надо за дѣло приниматься!» Я всю жизнь игралъ, баловался, — я больше ни на что не способенъ. Къ тому же, съ годами проходитъ и желаніе, и умѣніе играть: трудно уже придумывать что-либо новое, а повторять старыя шутки не годится: мнѣ будетъ скучно, еще скучнѣе будетъ другимъ смотрѣть на нихъ. Въ старыя времена предки наши могли забавляться до гробовой доски: были войны, турниры, походы всякіе... Тутъ былъ широкій просторъ фанта-

зи, тутъ можно было проявить и находчивость, и храбрость. Это было нужно, полезно. Не то теперь. Въ храбрости у меня никогда не было недостатка, этого никто не станетъ отрицать, но для чего она служила? Ни для чего. Наши предки, уходя въ старые годы на покой, могли со спокойной совѣстью шутить, придумывать всякій вздоръ: всѣ знали, что они въ свое время дѣлали и серьезное дѣло. Но такому, какъ мнѣ... Однако, мы уже пришли. Вотъ и поѣздъ! Тьенну, положи чемоданъ въ это, вотъ, купѣ. Счастливаго вамъ пути!

Онъ снялъ шляпу такъ хорошо знакомымъ мнѣ великодушнымъ жестомъ и съ минуту держалъ ее въ рукахъ.

Поѣздъ тронулся.

Я сидѣлъ у открытаго окна вагона и смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся Монарху. Онъ направился къ берегу Гардонны. Несмотря на шумъ колесъ, до меня скоро донеслось пѣнье Монарха.

Въ житейскомъ морѣ
Все тринь-трава!
Блаженство, горе —
Одни слова! —

пѣлъ онъ.

Этотъ милый Монархъ рѣшительно не въ состоянн былъ долго грустить....

Пьеръ Милль.

Авторизованный пер. Н. Тасина.

МИСТЕРЪ БРИТЛИНГЪ ПЬЕТЪ ЧАШУ ДО ДНА.

Романъ Г. Дж. Уэллса.

(Продолженіе *).

КНИГА ПЕРВАЯ.

**ВЪ МАТЧИНГСЪ-ИЗИ ЖИЗНЬ ТЕЧЕТЪ СВОИМЪ
ЧЕРЕДОМЪ.**

Глава III.

Увеселенія м-ра Дирека достигаютъ апогея.

3.

Завтракъ былъ также на открытомъ воздухѣ. Изъ Лондона прѣхало еще трое посѣтителей; они прибыли на мотоциклетѣ съ коляской; судя по всему, это были братъ и двѣ сестры. Слухи о предстоящемъ хоккее стали усиливаться и становиться все настойчивѣе... М-ру Диреку, наконецъ, пришло въ голову, что и отъ него ждуть участія въ игрѣ.

Онъ рѣшилъ не играть. Онъ сообщилъ свое рѣшеніе конфиденціально цѣлому ряду лицъ. Онъ сказалъ объ этомъ м-ру Бритлингу, и м-ръ Бритлингъ отвѣтилъ: «Мы сдѣлаемъ васъ фуль-бэжомъ; такъ что изрѣдка вы получите возможность ударять мячъ, и въ то же время вамъ не очень много будетъ дѣла. Помните только, что мячъ надо ударять плоской стороною палки и ее нельзя поднимать выше плеча». Онъ сказалъ объ этомъ Тэдди, и Тэдди отвѣтилъ: «Настоятельно совѣтую вамъ одѣться какъ можно легче — въ предѣлахъ приличія, конечно, — и спрячьте воротничекъ и галстукъ въ карманъ передъ началомъ игры. Хоккей, въ сущности, игра зимняя». Онъ сказалъ объ этомъ теткообразной дамѣ, съ крючковатымъ носомъ, и та отвѣтила почти съ завистью: «Въ этомъ домѣ приглашаютъ всѣхъ играть, кромѣ меня. Мнѣ же оставляютъ дѣтскую коляску!

* См. «Лѣтопись» № VII, за 1916 г.

Что жъ! Завидовать, говорятъ, не хорошо. Но я не вижу, почему мнѣ тоже не играть въ хоккей? Вѣдь я же не настолько стара...» Онъ сказалъ Гью, и Гью предупредилъ его, чтобы онъ не бралъ надтреснутой палки... Наконецъ, м-ръ Дирекъ сталъ подумывать, не лучше ли будетъ подняться въ свою комнату и тамъ запереться на ключъ, или же отправиться гулять въ паркъ. Но въ такомъ случаѣ, онъ не увидитъ миссъ Корнеръ, которая навѣрное придетъ къ хоккею; съ другой стороны, если онъ останется и будетъ играть — онъ можетъ выставить себя въ смѣшномъ видѣ передъ миссъ Корнеръ и уничтожить впечатлѣніе отъ зеленой шелковой матеріи съ золотыми фазанами...

И онъ рѣшилъ остаться, хотя бы до прихода ея, и объяснить ей лично, что онъ не будетъ играть. Ему какъ-то не хотѣлось, чтобы она думала, что онъ просто не умѣетъ играть.

М-ръ Карминъ прибылъ въ автомобилѣ съ двумя индусами и еще однимъ господиномъ. Затѣмъ опять появилось неизвѣстное семейство, ужинавшее и танцовавшее наканунѣ въ Дауеръ-Хаусъ, и вслѣдъ за нимъ миссисъ Тэдди, съ очень независимымъ видомъ и собственной специальной палкой для хоккея, и, наконецъ, миссъ Корнеръ съ колясочкой и ребенкомъ. Потомъ стали прибывать еще разныя лица. При первой возможности м-ръ Дирекъ подошелъ къ миссъ Корнеръ и пересталъ интересоваться окружающими.

— Я не могу играть въ этотъ самый хоккей, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Это совершенно новая и чуждая для меня игра. Это совсѣмъ не американская игра. Если бы это была наша, американская, лапта...

М-ру Диреку стало ясно, что, въ концѣ концовъ, онъ будетъ играть въ «этотъ самый хоккей».

— Что-жъ, — сказалъ онъ, — коли надо мнѣ играть въ хоккей, то будемъ играть. Но вы не могли бы передъ началомъ игры объяснить мнѣ, въ чемъ тутъ собственно дѣло, и показать мнѣ нѣсколько пріемовъ?

И миссъ Корнеръ отправилась доставать двѣ палки и мячъ и вернулась, чтобы подучить немного м-ра Дирека. Она сказала ему, что у него вѣрный глазъ. Мальчишки, почувствовавъ, что въ воздухѣ уже запахло игрою, тоже принесли свои палки и присоединились къ нимъ...

4.

За исключеніемъ младенца въ коляскѣ и внѣшне спокойной, но внутренно протестующей тетки, катавшей младенца назадъ и впередъ въ направленіи максимальной опасности отъ незащищенныхъ сѣткой «воротъ» — всѣ осталь-

ные обитатели Дауэръ-Хауса участвовали въ игрѣ. Люди, физически здоровые и знакомые съ правилами игры, играли въ передовой линіи; менѣе освѣдомленные — были въ линіи защиты; старики, больные и толстяки — исполняли, главнымъ образомъ, обязанности препятствій у «воротъ».

Послѣ церемоніи раздѣленія на двѣ стороны или «команды», наконецъ, началась игра и продолжалась безъ перерыва, пока кто-то не вспомнилъ о чаѣ. Игроки, окончивъ партію, направились гурьбой къ дому.

5.

— Послѣ чая мы еще поиграемъ, — сказала Сисели. — Будетъ уже прохладнѣе..

— А знаете, я начинаю входить во вкусъ этого самаго хоккея, — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Вы скоро будете очень не дурно играть, — замѣтила она.

...И послѣ чая они снова играли, и м-ръ Дирекъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что всѣ въ одинъ голосъ заявили, что онъ прирожденный игрокъ въ хоккей. Когда пришли сумерки, плохо стали видны мячи, и пришлось бросить игру, м-ръ Дирекъ глубоко объ этомъ сожалѣлъ. Онъ сыгралъ цѣлыхъ шесть партій и, хотя зналъ, что на слѣдующее утро будутъ ныть кости и мускулы, но все же былъ очень, очень счастливъ.

Послѣ ужина м-ръ Бритлингъ возобновилъ свое предложеніе относительно автомобильной экскурсіи въ понедельникъ.

— Васъ никто и ничто не тянетъ назадъ въ Лондонъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — и мы могли бы порыскать на машинѣ по окрестностямъ и посмотрѣть все, что вы хотите увидеть...

М-ръ Дирекъ не размышлялъ и трехъ секундъ. Онъ подумалъ о «Глэдисъ», подумалъ о миссъ Корнеръ.

— Ну, что-жъ, — сказалъ онъ, — если это не причинитъ вамъ неудобства и если я не буду вамъ въ тягость, то я былъ бы очень благодаренъ за возможность, какъ слѣдуетъ, ознакомиться съ окрестностями и посмотрѣть всѣ эти древнія мѣста...

6.

На слѣдующее утро, къ девяти часамъ пришли газеты, полныя подробностей о событіяхъ въ Сараевѣ. М-ру Диреку попался — «Daily Chronicle», и заголовокъ ея показался ему необычайно яркимъ и кричащимъ для англійской газеты.

— Что это за эрцъ-герцогъ! — спросилъ онъ. — И гдѣ эта самая Боснія? Я думалъ, что это въ Турціи.

— Это въ Австріи, — сказала Тэдди.

— Это въ Средневѣковья, — сказала м-ръ Бритлингъ.

— Что за нелѣпая, упрямая исторія. Сперва одна бомба, потомъ другая, затѣмъ, наконецъ, человѣкъ съ револьверомъ... Въ то самое время, когда мы тутъ мирно гуляли по саду среди розъ... Прямо изъ какого-то романа съ приключеніями...

— Виновать, — вставилъ нерѣшительно Herr Heinrich.

Лицо м-ра Бритлинга приняло внимательно-выжидательное выраженіе.

— Какъ по вашему, повліяетъ ли это событіе на европейское политическое положеніе?

— Не знаю! Можетъ быть...

— Въ газетѣ напечатано, будто бомба эта послана въ Сараево изъ Сербіи.

— Кажется, будто все это произошло на другой планетѣ... — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, читая газету. — Убіиство, какъ политическій методъ! Можно ли представить себѣ что-нибудь въ этомъ родѣ западнѣ Адриатическаго моря? Можно ли представить себѣ, чтобъ кто-нибудь взорвалъ американскаго вице-президента, и чтобы тотчасъ же стали приписывать мѣстопроисхожденіе бомбъ казенному арсеналу въ Торонто, въ Канадѣ?.. Нѣтъ, мы на западѣ относимся къ политикѣ гораздо спокойнѣе... Скушайте еще яйцо, м-ръ Дирекъ.

— Спасибо! А какъ вы думаете, это происшествіе не можетъ повлечь за собой европейской войны?

— Не думаю! Австрія, можетъ быть, и попробуетъ запугать Сербію, но она не захочетъ вызвать конфликта съ Россіей. Это было бы баловствомъ съ зажженной спичкой въ пороховомъ погребѣ... Да, но въ общемъ это курьезная и загадочная исторія...

— Ну, а если Австрія все же рѣшится?.. — настаивалъ Herr Heinrich.

— Она не рѣшится... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я еще вѣрилъ въ неизбежность европейской войны, — сталъ пояснять м-ру Диреку м-ръ Бритлингъ, — но намъ ею угрожали такъ долго, что я, подъ конецъ, пересталъ въ нее вѣрить. Державы ссорятся, торгуются, угрожаютъ, пугаютъ другъ друга. Но онѣ слишкомъ цивилизованы и осторожны, чтобы рѣшиться на выстрѣлы. Если бы европейская война была неизбежна, она вспыхнула бы два года тому назадъ,

когда балканская коалиція напала на Турцію или когда Болгарія напала на Сербию.

Негг Heinrich о чемъ-то думалъ и воспринималъ эти выводы съ выраженіемъ почтительнаго удовольворенія.

— Видите ли, я естественно беспокоюсь... — сказалъ онъ, — такъ какъ я собираюсь провести свои каникулы на конгрессѣ эсперантистовъ въ Булони и уже заказалъ билетъ...

7.

— Чтобы научиться какъ слѣдуетъ управлять автомобилемъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, садясь на шоферское мѣсто своего мотора, — надо съ самаго начала твердо рѣшить, что вы не станете подвергаться никакому риску... Надо вначалѣ ѣздить очень медленно. Останавливаться и тщательно все обдумывать въ минуты сомнѣнія. Никакихъ не-обдуманныхъ дѣйствій! Ни подъ какимъ видомъ не надо допускать ошибокъ!

М-ру Диреку, занявшему мѣсто рядомъ съ м-ромъ Бритлингомъ, это показалось прекрасной доктриной.

Они выѣхали изъ воротъ съ чрезмѣрной осторожностью, и даже цѣлыхъ два раза останавливались при попыткѣ свернуть на дорогу, такъ что моторъ пришлось оба раза снова пускать въ ходъ.

— Вы будете смѣяться надо мной, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — но я рѣшилъ на этотъ разъ не дѣлать никакихъ ошибокъ...

— Я вовсе не смѣюсь надъ вами. Наоборотъ, вполне одобряю ваше рѣшеніе, — отвѣтилъ м-ръ Дирекъ.

— Только такъ собственно и надо, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ. — Осторожность... чортъ! Опять моторъ остановился... Уфъ... А!?. Такъ!.. Осторожность... говорю я... и спокойствіе...

Они проѣхали по селу медленнымъ, пріятнымъ темпомъ, аккуратно давая громкіе сигналы передъ каждымъ перекресткомъ, передъ каждымъ прохожимъ. Выѣхавъ же за село, м-ръ Бритлингъ какъ будто сталъ увѣреннѣе. Онъ прибавилъ ходу. Но, опять завидя издали что-нибудь или кого-нибудь на дорогѣ, или какіе нибудь признаки перекрестка — тотчасъ же становился благоразумнымъ... И все же, несмотря на всѣ его рѣшенія и все его благоразуміе, дѣло не обошлось безъ несчастнаго случая...

Чтобы скорѣе добраться до Маркетъ-Сафрона, онъ свернулъ на незнакомый проселокъ, черезъ горы. Подъемъ становился очень крутымъ... Они свернули еще разъ, и подъ-

емъ стать еще круче... Свернули въ третій разъ — и все круче икруче стали подниматься въ гору.

М-ръ Бритлингъ пустилъ машину полнымъ ходомъ, и, вдругъ, передъ ними выросла маленькая бѣленькая дощечка съ предательской надписью: «Скрытый поворотъ». Онъ протянулъ руку, выключилъ моторъ и нажалъ тормазъ. И тутъ же пожалѣлъ. Но было поздно; моторъ, издавъ три геркулесовыхъ вдоха, пересталъ работать. М-ръ Бритлингъ конвульсивно схватился за руль, одной ногой отпустилъ тормазъ, другой нажалъ ускоритель, отъ чего вся машина стала издавать невообразимый ревъ. Несмотря на весь этотъ шумъ, м-ръ Дирекъ почувствовалъ, что они начинаютъ, сперва медленно, но потомъ все быстрѣе и быстрѣе, катиться куда-то назадъ. Онъ схватился за запасный тормазъ; но было уже поздно — автомобиль покатился все ниже и ниже и, наконецъ, остановился, полавъ задними колесами въ канаву...

На этотъ разъ понадобились двѣ лошади и цѣлыхъ пять человѣкъ, чтобы вернуть «Глэдисъ» на дорогу...

Дальше, до Маркетъ-Сафрона они доѣхали безъ новыхъ приключеній. Тамъ они позавтракали, а потомъ м-ръ Дирекъ осматривалъ церковь, погостъ и рылся въ церковныхъ книгахъ...

Послѣ завтрака м-ръ Бритлингъ сталъ болѣе оптимистично относиться къ своимъ шофферскимъ способностямъ. Дорога отъ Маркетъ-Сафрона до Бландиша, откуда надо сворачивать къ Матчингсъ-Изи, представляетъ собою часть шоссе, ведущаго изъ Лондона въ Норвичъ. Это древняя римская дорога, очень прямая и открытая. Такая дорога любого сдѣлаетъ оптимистомъ. М-ра Бритлинга она въ особенности подбодрила, и онъ постепенно сталъ давать «Глэдисъ» волю, совсѣмъ забывъ про добрыя намѣренія и чрезвычайное благоразуміе, которыми онъ такъ тщательно руководился утромъ.

— На этакой дорогѣ ничего не можетъ приключиться, — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

И все же приключилось.

Они неслись подъ столѣтними дубами, мимо живописныхъ стѣнъ, окружающихъ Брандисмидъ Паркъ. Все произошло вслѣдствіе маленькой ошибки въ измѣреніи разстоянія. Впереди нихъ, держась края дороги, ѣхалъ на велосипедѣ почталіонъ. Навстрѣчу мчался мотоциклистъ. Вначалѣ м-ръ Бритлингъ думалъ, что ему не удастся проѣхать между почталіономъ и мотоциклистомъ, потомъ онъ рѣшилъ, что если прибавить ходу, то удастся; затѣмъ онъ

снова вернулся къ первому рѣшенію, и, наконецъ, ему показалось, что при такой скорости онъ непремѣнно наскочитъ сзади на почталіона. Инстинктивное желаніе избѣгнуть послѣдняго, заставило его рѣзко повернуть машину въ сторону мчавшагося навстрѣчу мотоциклиста.

— Боже мой! — крикнулъ м-ръ Бритлингъ. — Боже мой!...

И сталъ вращать въ разныя стороны руль и, внѣ себя, топтать ногами по всякимъ рычагамъ.

У него сложился мгновенный, неясный планъ постараться проскользнуть направо подъ самымъ носомъ у мотоциклиста, и вотъ «Глэдись» теперь мчалась по короткому, поросшему травой, уклону дороги прямо на стѣну полнымъ ходомъ. Мотоциклистъ треснулся объ что-то и исчезъ изъ виду. Стѣна же какъ-будто сразу помчалась на нихъ и навалилась. Потомъ былъ страшный ударъ. М-ръ Дирекъ схватился за запасной тормазъ, — но онъ едва коснулся его, какъ голова его ударилась о раму стекляннаго щита... и все окуталось тьмой...

Когда онъ раскрылъ глаза, передъ нимъ были: проломленная стѣна, смятый автомобиль и совершенно неповрежденный мотоциклистъ въ авіаторскомъ шлемѣ и резиновой курткѣ. М-ръ Дирекъ долго таращилъ глаза, ничего не понимая, и затѣмъ, все еще обалдѣлый и озадаченный, попытался подняться... И тутъ-то онъ впервые сталъ ощущать какую-то острую боль.

— Не двигайтесь, — сказалъ мотоциклистъ. — Вы, кажется, повредили себѣ руку и бокъ...

8.

Въ теченіе ближайшихъ двѣнадцати часовъ м-ру Диреку пришлось сдѣлать открытіе, которое до войны было менѣе извѣстно, чѣмъ теперь. Онъ открылъ, что даже физическая боль и пораненія могутъ оказаться чрезвычайно интересными и чреватými пріятными послѣдствіями. Если бы кто-нибудь сказалъ ему, что онъ лишится сознанія минутъ на пять-шесть, очутится съ израненнымъ и изрѣзаннымъ лицомъ и со сломанной кистью руки, и все же, въ результатѣ, будетъ чувствовать себя необычайно довольнымъ и пріятно возбужденнымъ, — онъ бы громко разсмѣялся. А, между тѣмъ, вотъ онъ лежитъ на спинѣ, съ забинтованными рукой и головой и улыбается темнотѣ, еще, пожалуй, жизнерадостнѣе, чѣмъ онъ два дня тому назадъ улыбался Эссекскому ландшафту. Дѣло въ томъ, что физическая боль можетъ мучить или раздражать, но сама по себѣ она не портитъ на-

строения физически здороваго человѣка. Ожиданіе боли, увѣренность въ томъ, что она будетъ причинена, можетъ вызвать безнадежное отчаяніе, но когда она становится реальностью, фактомъ, она лишь пробуждаетъ въ насъ чувство сопротивленія. Никому не хочется сломаннаго ребра или переломленной кисти, но очень немногіе впадаютъ въ отчаяніе, когда что-нибудь подобное выпадаетъ на ихъ долю. Наоборотъ, люди скорѣе придутъ въ подавленное состояніе, выкуривъ сто папирсъ въ три дня, или потерявъ одинъ процентъ своего капитала.

И потомъ всѣ отнеслись къ м-ру Диреку съ такимъ вниманіемъ и заботливостью...

На его долю выпала привиллегія быть единственнымъ, пострадавшимъ отъ несчастнаго случая. М-ръ Бритлингъ, оказывается, ухватился крѣпко за руль, и его даже не выбросило изъ автомобиля.

— Развѣ только у меня внутри что-нибудь повреждено, — сказалъ онъ. — А такъ я цѣлъ и невредимъ... Вотъ можетъ... почки... немного растряслись...

«Глэдись» пришлось покинуть въ канавѣ, а сѣдоковъ привезъ домой какой-то любезный, случайно проѣзжавшій автомобиль. Въ моментъ ихъ прибытія Сисели случайно оказалась въ Дауэръ-Хаусѣ. Она увидала, какъ американецъ умѣетъ переносить боль и физическія страданія. И своимъ открытымъ восхищеніемъ его стойкостью, она какъ-бы удесятерила свое сочувствіе и заботы о немъ.

— Она прирожденная сестра милосердія, — сказалъ м-ръ Дирекъ и затѣмъ прибавилъ тономъ, вродѣ того, какой онъ употреблялъ на публичныхъ митингахъ, — но въ такихъ-то именно случаяхъ и всплываетъ наружу все хорошее, что живетъ въ женщинѣ.

Когда ему сказали, что придется оставаться въ Дауэръ-Хаузѣ, пока рука не сросется, онъ откровенно сознался Сисели:

— Если изъ-за этихъ царапинъ мнѣ придется пролежать здѣсь двѣ, а то и три недѣли, и вы будете ежедневно заходить меня навѣщать и болтать со мной — то говорю вамъ, это вовсе не несчастіе. Нѣтъ. Наоборотъ, это прямо счастье...

И вотъ теперь онъ лежалъ вытянувшись, неподвижно, какъ мумія, съ душой, преисполненной полнѣйшаго покоя.

— Да, — сказалъ онъ про себя, — теперь я вижу, что это такъ! Въ жизни существуютъ идеалы! Она—идеаль! Да, я полюбилъ ее еще до того, какъ видѣлъ ее! Я полюбилъ

ее еще тогда, когда на меня надѣли первыя штанишки!.. Тотъ старый портретъ... Это и была судьба!.. Это предначертаніе!.. Естественный подборъ!..

...Что-жь, хотя я не знаю, что и какъ она обо мнѣ думаетъ теперь, но я хорошо знаю, что и какъ она должна будетъ обо мнѣ думать. Она должна будетъ полюбить меня... если даже для этого придется переломать всѣ кости, до единой!..

...Я какъ будто предчувствовалъ, что надо мнѣ поѣхать въ этомъ проклятомъ автомобилѣ!..

...Что будетъ къ лучшему!..

...Говорите, что хотите, но Рокъ все же существуетъ!..

И онъ съ конфиденціальнымъ видомъ сталъ улыбаться темнотѣ, словно у него съ ней была общая тайна!..

Глава IV.

М-ръ Бритлингъ размышляетъ въ одиночествѣ.

1.

Совершенно противоположнымъ было душевное состояніе цѣлаго и невредимаго м-ра Бритлинга. Ему тоже не спалось, но не отъ пріятнаго возбужденія. И для него день тоже оказался слишкомъ коротокъ. Сейчас же у него голова была страшно «занята»!..

Такъ «занята», что придется этому посвятить цѣлую главу!..

На м-ра Дирека м-ръ Бритлингъ произвелъ впечатлѣніе бесконечно и неустанно счастливаго человѣка. Но бывали минуты, когда м-ру Бритлингу приходилось расплачиваться за свою общую, энергичную жизнерадостность крупными дозами горькой печали и тоски. Бывали ночи, — особенно послѣ періодовъ исключительнаго возбужденія и нервной активности, — когда вдругъ предъявлялся счетъ, и м-ръ Бритлингъ тогда метался въ безсиліи, рыча отъ боли подъ тяжелой тучей отчаянія!..

Печали человѣка сангвинистическаго темперамента бываютъ кратки, но интенсивны. Міръ мало знаетъ о нихъ. Міру не приходится съ ними считаться. Онъ никогда не влекутъ за собой самоубійства и очень рѣдко—преступленія. Уѣмъ не менѣе, онъ горьки эти печали, и рождаютъ тоску. Когда на м-ра Бритлинга находило такое настроеніе, правда, онъ не испытывалъ, быть можетъ, сѣраго и безнадежнаго отчаянія меланхолика, или бурныхъ приступовъ желчнаго холерика, но міръ представлялся ему сплошь устьяннымъ несчастіями и ошибками, ядовитыми шипами, ловушками, не-

проходимыми топями и неисправимыми заблужденіями. И тогда его охватывало чувство почти невыносимаго угрызенія совѣсти за то, что онъ—м-ръ Бритлингъ...

И еще какой м-ръ Бритлингъ!..

Зачѣмъ, — и онъ снова начиналъ перебирать этотъ горькій вопросъ тысячи и одной несчастной безсонной ночи — зачѣмъ онъ такой дуракъ? Такой неосторжный, непредусмотрительный дуракъ? Зачѣмъ онъ никогда не взвѣшиваетъ свои поступки? Зачѣмъ онъ всегда подвергаетъ себя риску? Зачѣмъ онъ всегда строить всѣ свои поступки и дѣйствія на предположеніи, что все непременно сойдетъ благополучно?

Зачѣмъ, напримѣръ, сегодня онъ до конца не держался благоразумныхъ рѣшеній, принятыхъ утромъ?

Характерно, что такое настроеніе всегда пробуждало въ м-рѣ Бритлингѣ какое-то физическое безпокойство, ему становилось физически не по себѣ. Онъ метался на постели, вскакивалъ, садился, снова ложился, словно мученикъ въ аду...

— ...Боже мой, — подумалъ онъ, — если бы я наскокилъ вмѣсто стѣны на ребенка!..

И эта гипотеза стала какъ-то сразу матеріализироваться въ его возбужденномъ мозгу. Онъ сейчасъ совсѣмъ остро и ясно сталъ представлять себѣ этого воображаемаго ребенка — худенькаго, довольно некрасиваго мальчика, съ рыжими волосами, выпученными глазами; ребра у него были сломаны, вдавлены, все тѣло его было сплюснуто, придавлено автомобилемъ къ стѣнѣ, смѣшано съ разсыпавшимися кирпичами... ужась!.. ужась!..

... Да что жъ. Это!.. Вѣдь такъ нельзя! Вѣдь никакого ребенка онъ не давилъ!.. Онъ только выкинулъ изъ мотора м-ра Дирека и сломалъ ему руку...

... Да, но вѣдь не себя же онъ долженъ благодарить, что тамъ не было ребенка...

... Ребенокъ легко могъ тамъ бы оказаться...

... Случайно его не было...

... Просто счастье!..

И м-ръ Бритлингъ въ отчаяніи уставился на маленькое существо, которое его воображеніе вызвало къ бытію лишь для того, чтобы онъ могъ его уничтожить...

2.

Если онъ самъ не раздавилъ ребенка, то съ другими это случалось! Такія вещи часто бываютъ! Въ переносномъ же смыслѣ онъ раздавилъ не одного ребенка...

Зачѣмъ вообще давать дѣтей?!

И вдругъ всѣ ужасы, всѣ страданія, всѣ угрызения всѣхъ несчастныхъ случаевъ міра — охватили м-ра Бритлинга.

Онъ уже больше не спрашивалъ — «Зачѣмъ я такой дуракъ?», а «Зачѣмъ мы всѣ такіе дураки?» Онъ сразу преобразился въ человѣка, мчавшагося на автомобилѣ цивилизации, и на своемъ бѣшенномъ, безцѣльномъ пути давящаго тысячи жизней...

Это былъ особенный пріемъ, свойственный уму м-ра Бритлинга, обладавшаго склонностью какъ-то лучиться изъ него во всѣ стороны и принимать форму обобщеній. Въ наше время много такихъ умовъ. Онъ обладалъ даромъ какъ бы переносить себя въ отвлеченность. Онъ легко переходилъ отъ сконцентрированныхъ упрековъ себѣ и угрызения совѣсти за себя, какъ за м-ра Бритлинга, — къ упрекамъ и угрызениямъ за себя, какъ Главнаго-Автомобилиста, за себя, какъ Англию, за себя, какъ Человѣка вообще.

И это раздвоение его мысли, вслѣдствіе котораго сконцентрированный и индивидуализированный Бритлингъ являлся лишь представителемъ какого-то скрытаго болѣе обширнаго, отвлеченнаго, безличнаго Бритлинга — влекло за собой такое же раздвоение его совѣсти и чувства ответственности. Передъ своей личной совѣстью онъ былъ ответственъ за свою личную честь, долги, выстроенный имъ Дауэръ-Хаусъ и т. д.; а передъ своей «безличной» совѣстью онъ былъ ответственъ за весь міръ. Міръ былъ яйцомъ. У него было подсознательное заблужденіе, что онъ это яйцо снесъ. У него было подсознательное подозрѣніе, что онъ далъ этому яйцу остыть, и оно испортилось. И вотъ онъ какъ будто стремился это яйцо инкубировать. И поэтому разнообразіе и интересъ всего того, что онъ говорилъ, въ значительной степени являлись послѣдствіемъ этого стремленія; это было какой-то вѣчной попыткой расправить свои умственные крылья надъ лежавшей передъ нимъ задачей...

3.

Несчастіе съ «Глэдисъ» не было источникомъ только для ряда самоупрековъ и угрызений совѣсти, непосредственно вытекавшихъ изъ самаго этого случая; оно влекло за собой также и цѣлую, болѣе обширную систему побочныхъ послѣдствій, которыя сейчасъ путались и пересыпались въ возбужденномъ мозгу м-ра Бритлинга. То, то автомобиль сломался вдребезги, было чрезвычайно неудобно и по другимъ причинамъ. Это разстраивало нѣкоторые планы м-ра Бритлинга; планы, ведущіе совсѣмъ въ

сторону отъ Дауеръ-Хауса. Существовали нѣкоторые вопросы, отъ которыхъ упорно, вотъ ужъ цѣлый weekend старался отвлекать свои мысли м-ръ Бритлингъ. Теперь же нельзя было больше не думать о нихъ.

Дѣло въ томъ, что м-ръ Бритлингъ былъ запутанъ въ любовной исторіи. Чтобы быть точнымъ, надо сказать, что, не принимая въ расчетъ болѣе мелкихъ и мимолетныхъ увлеченій, — это была его восьмая любовная исторія. И новый автомобиль, какъ только онъ научился бы имъ управлять болѣе или менѣе сносно, долженъ былъ сыграть рѣшающую и значительную роль въ нѣкоторыхъ запутанныхъ его отношеніяхъ.

Человѣкъ съ богатымъ воображеніемъ и живыми порывами естественно наталкивается на своемъ жизненномъ пути на любовныя исторіи, точно такъ же, какъ автомобилистъ неминуемо наталкивается на несчастные случаи.

Особенности же отношеній, существовавшихъ между м-ромъ и миссисъ Бритлингъ, неизбежно клонились къ тому, чтобы осложнять его любовныя похождения, дѣлать ихъ неприятными, иногда напрасными. Особенно, когда эти похождения взвѣшивались въ часы безсонницы.

Первый бракъ м-ра Бритлинга былъ ярко счастливымъ. Второй же его бракъ, въ сравненіи съ первымъ, былъ окрашенъ въ болѣе нейтральный оттѣнокъ. Можно привести много доводовъ въ пользу крайней католической теоріи, требующей, чтобы бракъ былъ не только бракомъ на всю жизнь, но и вѣчнымъ. И, навѣрное, м-ръ Бритлингъ былъ бы болѣе возвышеннымъ, если не болѣе счастливымъ, человекомъ, если бы его чувственное «Я» умерло вмѣстѣ съ его первой женой или нашло бы себѣ продолженіе лишь въ его любви къ старшему сыну. Женился онъ въ первый разъ въ расцвѣтѣ юности; потомъ было два года простой и чистой любви, дружбы, ссоръ и примиреній. И на все это ушло безвозвратно что-то, чего нельзя было въ себѣ возстановить.

Со своей второй женой, Эдитъ, онъ познакомился въ совершенно иныхъ условіяхъ и въ обстановкѣ, никоимъ образомъ не могущихъ напомнить ему покойную Мэри. Онъ познакомился съ ней, какъ принято говорить, «въ обществѣ». Мэри же была студенткой Нюнхемскаго колледжа, въ Кэмбриджѣ, когда онъ былъ студентомъ Пембродскаго колледжа, тамъ же, и въ ихъ встрѣчѣ и сближеніи было больше случайности и неожиданности... Эдитъ же онъ увидалъ, избралъ и долженъ былъ долго добиваться ея руки. Тутъ не было той внезапности, той мгновенности,

какъ въ ихъ встрѣчѣ съ Мэри; тутъ было исканіе, домогательство, затѣмъ уступка, соизволеніе. Эдитъ была кандидатомъ естественныхъ наукъ Лондонскаго университета, и имѣла еще какія-то ученныя степени: глядѣла она на вселенную, изъ-подъ широкаго лба и пушистыхъ каштановыхъ волосъ, покойными, наблюдательными глазами, которымъ нечего было скрывать; это показалось столь невѣроятнымъ м-ру Бритлингу, что онъ полюбилъ ее и женился на ней, главнымъ образомъ, изъ-за этой ясности ея тайны...

...И онъ пришелъ къ ней со своимъ сыномъ-сиротой и вспоминаемъ объ острой первой утратѣ, которую временами, и въ особенности вначалѣ, онъ какъ будто забывалъ, а временами, наоборотъ, слишкомъ ясно, всѣми фибрами существа, оплакивалъ. Она проявила необычайную заботливость ко всѣмъ реликвіямъ ея смуглой, хорошенькой предшественницы, оказавшимся въ изобиліи у м-ра Бритлинга, и съ исключительной добросовѣстностью стнеслась къ своему, временами ей довольно непонятному, пасынку...

Такъ проходила она черезъ жизнь, внѣшне спокойная, ясная, полная достоинства, одна изъ того безчисленнаго множества довольно притязательныхъ, мало рѣшительныхъ и малодѣятельныхъ женщинъ, ищущихъ счастья во второстепенныхъ явленіяхъ, въ тѣхъ милыхъ неодушевленныхъ предметахъ, связанныхъ съ хозяйствомъ и садомъ, которые не раздираютъ никогда души, въ эстетикѣ и утонченности искусствъ, въ порядкѣ и аккуратности. Кромѣ того, она нашла большое удовлетвореніе въ заботахъ о здоровьѣ, развитіи и ростѣ своихъ двухъ мальчиковъ. И никто не зналъ и, быть можетъ, ей самой удалось забыть тѣ этапы удивленія и разочарованія, сомнѣнія, огорченія и тайныхъ слезъ, путемъ которыхъ она постепенно стала понимать и сознавать, что этотъ странный, порывистый, оживленный челоуѣкъ, пришедшій къ ней, клявшійся ей, такъ упорно и убѣдительно просившій, — пересталъ любить ее, что сердце его ускользнуло отъ нея, что она это сердце упустила...

4.

Итакъ, м-ръ Бритлингъ былъ въ разгарѣ своей восьмой любовной исторіи. Попалъ онъ въ нее приблизительно такъ же, какъ утромъ попалъ въ канаву передъ тѣмъ, какъ сломать автомобиль. Онъ тутъ точно такъ же поступилъ слишкомъ необдуманно и неосмотрительно. И развиваться

эта исторія начала въ такомъ направленіи, въ какомъ ему совсѣмъ не хотѣлось.

Седьмая его любовная исторія была довольно неудачна. Онъ, какъ говорится, «свалялъ дурака» съ совсѣмъ молоденькой дѣвушкой; такой молоденькой, что при одной мысли объ этомъ онъ краснѣлъ; впрочемъ, дѣло зашло не очень далеко, но эта исторія сдѣлала его ночныя размышленія столь неприятными, что онъ, — впрочемъ, уже не впервые, — твердо рѣшилъ навсегда бросить мечты о любви. И когда миссисъ Харродинъ появилась на горизонтѣ, она казалась какъ разъ тѣмъ, что нужно было, дабы удержать его воображеніе отъ бѣды. Она пришла, неся съ собою лестъ, доведенную почти до степени обожанія. Она была очень не глупой, остроумной и образованной молодой вдовушкой. Она писала совсѣмъ милыя критическія статьи для «Scrutator» и «Sectaritan», а иногда печатала стихи въ *Right Review*. Она всегда была оживленна и весела, что быстро дѣлало ее популярной у всѣхъ, съ кѣмъ бы она ни знакоилась. Жила она всего въ двадцати миляхъ отъ Дауэръ-Хауса, въ прелестномъ собственномъ домикѣ, окруженномъ презабавнымъ крошечнымъ паркомъ.

Было что-то въ произведеніяхъ и мысляхъ м-ра Бритлинга, — говорила она ему, — что производитъ такое же впечатлѣніе, какъ горная прогулка. Она пришла къ нему, т. к. ей хотѣлось вскарабкаться и побродить по вершинамъ и доламъ его мысли.

Вполнѣ естественно, онъ отвѣтилъ, что онъ вовсе не та ясная горная вершина, какой она его себѣ представляетъ, и если онъ похожъ на нее, то развѣ только благодаря своему одиночеству.

Она любила и много читала различные мемуары восемнадцатаго вѣка и дѣлилась съ нимъ своими впечатлѣніями. Направление ея мыслей было всецѣло въ духѣ дружбъ Руссо и Вольтера, и легко и весело повела она его по цвѣтистому пути интеллектуальнаго *liaison*. Какъ-то разъ она явилась, по собственной инициативѣ, въ Матчингс-Изи, гдѣ блеснула своей жизнерадостностью, веселіемъ, умомъ, глубокимъ интересомъ къ творчеству м-ра Бритлинга, и была рѣзкимъ контрастомъ рядомъ съ миссисъ Бритлингъ; затѣмъ они встрѣтились какъ-то въ Лондонѣ, потомъ уѣхали вдвоемъ на цѣлый день въ Ричмондъ, а еще черезъ нѣкоторое время онъ поѣхалъ къ ней погостить, захвативъ съ собой работу...

Затѣмъ она уѣхала надолго въ Шотландію; ему страш-

но хотѣлось ее видѣть, онъ краснорѣчиво умолялъ ее вернуться, и тогда имъ стало ясно, и они открыто въ этомъ сознались другъ другу, что они влюбились, о! прекрасно, страшно влюбились другъ въ друга.

Переходы отъ горныхъ экскурсій по вершинамъ мыслей къ страстной близости были такъ быстры и импульсивны, что каждая послѣдующая фаза затмевала цѣликомъ предыдущую, и м-ръ Бритлингъ, самъ того не замѣчая, смущенный, озадаченный, увидалъ себя вдругъ переведеннымъ изъ роли горной цѣпи для прелестныхъ пилитримокъ — въ настойчиваго возлюбленнаго одной изъ самыхъ непостоянныхъ, сложныхъ и увлекательныхъ женскихъ индивидуальностей. Правда, это совсѣмъ не соответствовало его представлению объ истинныхъ и подобающихъ отношенияхъ между мужчиной и женщиной, но у миссисъ Харродинъ была особенная манера пробуждать и вызывать въ немъ какіе-то рыцарскіе порывы. Она заставляла его бѣгать по ея порученіямъ; она не выпрашивала, но властно требовала подарки, пріятные сюрпризы, заботы; она даже сумѣла въ немъ возбудить ревность. Отъ частыхъ отлучекъ изъ дому, всякихъ поѣздокъ, экскурсій начала сильно страдать его работа. Все же у нихъ бывали чудесныя, яркія минуты вдвоемъ. «Надо полюбить, и тогда въ жизни все становится совершенно» — вотъ какъ объяснилъ м-ръ Бритлингъ свою покорность. Кромѣ того, она была такая маленькая, хрупкая; малѣйшее прикосновение могло причинить ей боль, и тогда ея ясные голубые глаза наполнялись слезами.

И возможность слезъ иногда играла болѣе рѣшительную роль, чѣмъ возможность утраченныхъ объятій.

И, кромѣ того, былъ еще Оливеръ...

Оливеръ былъ личностью, которую м-ръ Бритлингъ ни разу не видалъ, но, несмотря на это, Оливеръ какъ-то постепенно, незамѣтными градаціями, сталъ проникать въ общій порядокъ вещей. Онъ былъ правительственнымъ чиновникомъ въ Лондонѣ; былъ необычайно скученъ, — такъ увѣряла она, — и онъ совсѣмъ не обладалъ ни обаяніемъ, ни интересомъ м-ра Бритлинга; за то онъ былъ необычайно преданъ, нѣженъ и вѣренъ. И былъ значительно моложе м-ра Бритлинга. Онъ ничего не требовалъ, только права любить. Предлагалъ ей руку и сердце, почетный бракъ. И когда сердце начинало ныть и невыносимо разрываться, можно было тихо и спокойно плакать на его терпѣливомъ, вѣрномъ плечѣ. И это терпѣливое плечо Оливера сдѣла-

лось, въ концѣ концовъ, самымъ ненавистнымъ соперникомъ м-ра Бритлинга.

Она любила дразнить его Оливеромъ. Она вообще любила дразнить его. Въ этой, въ общемъ вполне нормальной, любовной исторіи проявлялся очень сильный антагонизмъ между двумя ея участниками. Миссисъ Харродинъ, какъ-будто противилась, боролась противъ привлекательности м-ра Бритлинга, противъ радостей и пріятныхъ переживаній, которыя онъ ей доставлялъ. Она какъ-будто была обуреваема инстинктивнымъ желаніемъ заставлять его платить за нее дорогой цѣной — временемъ, чувствами, жертвованіями собственнаго достоинства... Ее страшно злило, до невыносимости злило, что онъ могъ такъ легко и радостно овладѣвать ею. Это означало для нея, что онъ получаетъ ее за слишкомъ дешевую цѣну. И она рѣшила, что путь истинной любви, — поскольку это будетъ отъ нея зависѣть, — никогда не долженъ быть легкимъ. М-ръ Бритлингъ же, съ другой стороны, былъ изъ школы вѣжливыхъ и счастливыхъ возлюбленныхъ. Ему казалось непозволительнымъ спорить и противорѣчить любимому существу; и, вообще, процессъ любви и ухаживанія, по его мнѣнію, долженъ быть чѣмъ-то пріятнымъ, уютнымъ, и сопровождаться повышенно-добродушнымъ настроеніемъ и взаимнымъ ухаживаніемъ. Это легкомысліе сильно задѣвало самолюбіе миссисъ Харродинъ. И она стала проводить невыгодныя для м-ра Бритлинга параллели съ Оливеромъ.

Какая-то затаенная, низменная черта зависти, сидѣвшая въ натурѣ м-ра Бритлинга, дѣлала невозможной уступку имъ миссисъ Харродинъ Оливеру. Кромѣ того, что бы онъ дѣлалъ тогда въ минуты скуки, въ пустые вечера, что бы онъ дѣлалъ со своею потребностью къ ярко и открыто выраженной ласкѣ?

И вотъ м-ръ Бритлингъ теперь упорно шагаль по тропѣ своего восьмого любовнаго инцидента, немного изнемогая подъ тяжестью вѣчнаго рысканія по цвѣточнымъ и ювелирнымъ магазинамъ, въ поискахъ соотвѣтствующихъ презентовъ для своей дамы, прслѣдуемый невидимымъ и неуловимымъ Оливеромъ.

Автомобиль былъ тоже однимъ изъ послѣдствій этой исторіи. Идея пришла въ голову миссисъ Харродинъ; она имѣла въ виду, главнымъ образомъ, пріятныя экскурсіи по гостепріимнымъ постояннымъ дворамъ, гдѣ-нибудь въ глуши; но мысль о собственномъ автомобилѣ пріятно совпала съ тѣмъ недовольствомъ, какое испытывалъ самъ м-ръ Бритлингъ по поводу желѣзнодорожныхъ сообщений

между Матчинсъ-Изи и ея станціей, Пайкрафтсъ: — чтобы попасть въ Пайкрафтъ надо было проѣхать сперва въ Лондонъ, потомъ долго ждать на другой узловой станціи.

И вотъ автомобиль разбитъ вдребезги, какъ разъ, когда м-ръ Бритлингъ научился кое-какъ править имъ, и могъ-бы такъ легко попадать въ Пайкрафтсъ. Теперь же во вторникъ, или не позднѣ среды, ему придется поѣхать старымъ путемъ черезъ Лондонъ.

Но что особенно настраивало его противъ миссисъ Харродинъ, такъ это ея отношеніе къ миссисъ Бритлингъ. Рѣшивъ вначалѣ, немного преждевременно, что м-ръ Бритлингъ относится совершенно равнодушно къ женѣ, миссисъ Харродинъ постепенно пришла къ обратному выводу, т. е., что, наоборотъ, онъ питаетъ къ женѣ особенную нѣжность. И это показалось ей вопиющей несправедливостью и измѣной по отношенію къ ней самой. Нѣсколько дней она молча таила въ себѣ обиду, затѣмъ удивила своего возлюбленнаго рядомъ сентенцій враждебнаго и сокрушительнаго свойства по отношенію къ хозяйкѣ Дауеръ-Хауса.

Онъ старался сдѣлать видъ, что не слыхалъ того, что она говорила, но миссисъ Харродинъ ловко владѣла перомъ и ловко умѣла излагать свои мысли, и разъ эти мысли всецѣло поглощались какимъ-нибудь вопросомъ, она умѣла этотъ вопросъ подробно развить въ полудюжинѣ блестящихъ писемъ... Съ другой стороны, она начала проявлять рѣзко усиливающуюся страсть къ м-ру Бритлингу, что заставляло его чувствовать себя передъ ней должникомъ, т. к. въ сущности онъ былъ человѣкъ весьма скромный. И вотъ онъ очутился въ тупикѣ.

Онъ считалъ и миссисъ Харродинъ премилымъ существомъ, — гораздо лучшимъ, чѣмъ онъ заслуживалъ.

Но нельзя же допустить, чтобы такого рода вещи творились за спиной Эдитъ! Можно допустить, что угодно, но только не писаніе всѣхъ этихъ отвратительныхъ гадостей про Эдитъ! Вѣдь ничто не можетъ измѣнить факта, что Эдитъ — это его честь...

5.

Въ теченіе всей недѣли м-ръ Бритлингъ старался не думать обо всемъ этомъ. Онъ написалъ миссисъ Харродинъ уклончивую записку: «Я обдумываю все то, что вы мнѣ сказали» — и послѣ этого старался обо всемъ забыть. Или, вѣрнѣе, старался заставлять себя все время думать о другомъ. Но теперь, въ эти часы ночного молчанія, все снова поднималось и завладѣвало его мыслями...

... Гдѣ-то далеко, какъ звѣзда, видимая, въ концѣ длиннаго туннеля, мерцалъ печальный образъ его первой любви, чистой и ясной, какъ звѣздный лучъ. Ахъ, онъ долженъ былъ остаться вдовцомъ, въ прямомъ и переносномъ значеніи этого слова.

Неужели память cadaго сорокапятилѣтняго мужчины была темнымъ туннелемъ съ отступающей куда-то назадъ блѣдной звѣздой юности? Какъ жаль, что жизнь не кончается съ тридцатью годами! Вѣдь жизнь приходитъ къ человѣку такой чистой и въ такомъ совершенномъ порядкѣ!..

Нужно-ли, и стоитъ ли приобретать опытъ? Къ чему онъ?

Какъ чистъ и прямъ духъ юности! Онъ похожъ на сверкающее и новое копье. На тонкій и закаленный мечъ... И образъ сына тотчасъ-же поглотилъ его мысли: этотъ мальчикъ, глядящій на міръ темными ясными глазами своей матери, этотъ хрупкій отпрыскъ первой, цѣльной любви... Это было юное существо, простое и прекрасное, и въ то же время оно было для него какой-то тайной. Неужели и этому мальчику придется со временемъ заржавѣть, зазубриться... сморщиться?...

У мальчика сейчасъ какое-то горе, какая-то неприятность. Въ чемъ дѣло?

И какъ можетъ онъ, м-ръ Бритлингъ, издерганный своими безразсудными умозаключеніями, смущенный осложненіями и умалчиваніями — помочь этому честному мальчику выпутаться изъ его затрудненій? Онъ сталъ представлять себѣ и воображать всевозможные виды такихъ затрудненій... Отвратительные, некрасивые виды... Такие виды, какіе могло осмѣлиться создать лишь ночное воображеніе...

М-ръ Бритлингъ вскочилъ и присѣлъ на постели, ударя по одѣялу кулаками. Онъ изрекалъ недоговоренные клятвы и обѣты... «Съ этого же дня... съ этого же часа...»

Онъ чувствовалъ, что ему надо что-то сдѣлать, предпринять. У него есть опытъ. Онъ можетъ предупредить... Объяснить... Можетъ быть, онъ даже съумѣетъ извлечь изъ бѣды, если дѣло до этого дошло.

Не написать ли сыну письмо? И онъ сталъ обдумывать длинное тактичное посланіе. Но нѣтъ, это невозможно! Вѣдь, вдругъ, затрудненіе его сына совсѣмъ другого рода? Нѣтъ, пусть будетъ лучше письмо, составленное въ самыхъ общихъ выраженіяхъ...

6.

Въ своихъ бесѣдахъ съ м-ромъ Дирекомъ, м-ръ Бритлингъ представлялъ Англію, какъ великую и добродушную страну беззаботности и халатности; но была ли она добродушной?... А эта проклятая ирландская исторія? При дневномъ свѣтѣ можно было надъ ней хохотать, но была ли она только смѣшной? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ эта исторія принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. А если, въ дѣйствительности, возьметъ вдругъ да и вспыхнетъ гражданская война въ Ирландіи? А если эти раздраженные, преслѣдуемая всѣми, суффражистки возьмутъ да вдругъ сдѣлаютъ что-нибудь отчаянное, непоправимое, убьютъ кого-нибудь, на примѣръ? Въдь эта бомба третьяго дня въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, могла же она убить цѣлую дюжину людей!

... А если это скрыто-тлѣющее, враждебно-критическое отношеніе къ британскому господству въ Индіи и Египтѣ вдругъ раздуется административной неосторожностью въ яркое пламя?..

А если, наконецъ, Германія дѣйствительно захочетъ заварить кашу?

Обыкновенно м-ръ Бритлингъ старался не думать о Германіи. При дневномъ свѣтѣ онъ дѣлалъ видъ, что Германія не имѣла значенія для Англии. Онъ считалъ и объявлялъ невѣроятной мысль, что цѣлый многочисленный народъ ждетъ только случая напасть на Англію! Зачѣмъ имъ это?.. Нельзя же, чтобы было сразу въ одной странѣ семьдесятъ милліоновъ безумцевъ... Но во тьмѣ ночи нельзя такъ легко отдѣлываться отъ всѣхъ подобныхъ вопросовъ. А что если, въ концѣ концовъ, ихъ армія нѣчто большее, чѣмъ просто *Wachtparad*, ихъ флотъ — нѣчто большее, чѣмъ простой символъ протеста?

Англію могутъ захватить врасплохъ... Только въ отчаянной тоскѣ ночныхъ минутъ м-ръ Бритлингъ могъ допускать такія возможности. И что же Англія будетъ тогда дѣлать? Какъ она на это отзовется?

Онъ вспомнилъ недавніе разговоры въ Клаверингѣ и тѣ образцы англійскаго правительственнаго механизма, какіе ему случалось встрѣтить среди своихъ личныхъ знакомыхъ. А если врагъ неожиданно нападетъ? И защищать Англію будутъ Рэбернъ и его друзья? Или если произойдетъ смѣна министровъ и партій, и на ихъ мѣстахъ очутятся эти проклятые тори, эти злопамятные сторонники безсильныхъ тиранній и привилегированныхъ претензій? Нѣтъ, некому руководить страной въ Англии! Ему

это стало яснымъ и безспорнымъ во всеосвѣщающей тѣмѣ ночи. Онъ зналъ, что въ британскомъ флотѣ ощущался сильный недостатокъ въ минахъ, что онъ не былъ снабженъ крупными мониторами, безъ которыхъ война съ Германіей была немислима; что въ управленіи морского министерства царили чисто доктринерскія распри, а, между тѣмъ, флотъ, морская сила — вотъ единственная защита Англии. Во всей странѣ можно было съ трудомъ собрать весьма разнокалиберную армію, триста тысячъ человѣкъ, не больше. Кромѣ того, онъ плохо вѣрилъ, мало довѣрялъ ея вооруженію, ея руководителямъ. Генераль Френчъ, единственный чело-
вѣкъ, которому онъ довѣрялъ вполнѣ, принужденъ былъ недавно подать въ отставку изъ-за какого-то недоразумѣнія по ирландскому вопросу. Онъ не вѣрилъ, чтобы у англійскаго штаба имѣлся какой-нибудь разработанный планъ на случай, если Германія навяжетъ Англии войну; не вѣрилъ, чтобы англичане принимали какія-либо мѣры предосторожности, чтобы они обладали даромъ предвидѣнія...

То, что м-ръ Бритлингъ говорилъ про самого себя, онъ говорилъ и про Англию! Любопытно было вспоминать объ этомъ и сравнивать... Сознать, до какой степени Дауэръ-Хаусъ игралъ роль микрокосма по отношенію ко всей Великобританской Имперіи...

И тутъ по ассоціаціи мыслей онъ вспомнилъ, что въ жилахъ старшаго сына, по наслѣдству отъ матери, течетъ темная ирландская кровь.

Какъ англичане не сумѣли использовать Ирландію! Богатства ея, благородство и одаренность ея народа, возможность дружелюбнаго отношенія къ англичанамъ, — все это было отдано на погибель и растерзаніе ульстеровскимъ политикамъ и титулованнымъ представительницамъ тори, — точно такъ же, какъ отдали Индію во власть традиции сплетничающимъ и болтливымъ офицерскимъ женамъ и репрессивнымъ инстинктамъ правительственныхъ мандариновъ. Англичане слишкомъ лѣниво, слишкомъ «спустя рукава» относятся ко всему. Они лѣниво проводятъ свои дни, предоставляя все кому-нибудь другому. Было ли это неисправимое британское качество—то же, что и неисправимое бритлингское?

Но онъ не всегда былъ такимъ! Онъ вспомнилъ пылкость и горячность своихъ юношескихъ стремленій, когда ясно мерцала еще чистая звѣзда юности... Онъ былъ такимъ тогда, какъ теперь Гью...

Въ тѣ дни не была еще разработана у него эта благо-

душная, удобная доктрина компромисса. Онъ тогда не раболѣпствовалъ передъ «прирученнымъ Богомъ», а говорилъ о «безжалостной правдѣ»; онъ не терпѣлъ тогда никакой халатной псевдоаристократической социальной системы, а мечталъ о такой демократии, которой еще мѣръ не видывалъ. Съ такими мечтами началъ онъ жизнь, и отблески пламени ихъ, быть можетъ, и свѣтили и способствовали ему на пути къ быстро достигнутому успѣху... А потомъ умерла жена, онъ женился вторично и какъ-то сталъ болѣе интересоваться суммами своихъ доходовъ; пошли ссоры и недоразумѣнія, и какъ-то онъ сбился съ пути, прошли дни... Онъ не могъ сказать, что жизнь его не удалась... Наоборотъ, среди сверстниковъ онъ считался удачникомъ. Но онъ одинъ, въ эти долгія ночныя бдѣнія, могъ по-настоящему оцѣнить качество этого успѣха. Онъ пользовался широкой, почетной извѣстностью; онъ преуспѣвалъ съ каждымъ днемъ. Многое къ нему пришло, — о, да! — благодаря какому-то таинственному счастью, но все было обречено на гибель, благодаря его непреодолимымъ, непобѣдимымъ недостаткамъ. Подъ привлекательной, кажущейся прекрасной и вызывающей въ окружающихъ чувство зависти, внѣшностью зіяла пустота... Пустота! опустошеніе! безцѣльно растраченныя силы!.. его сердце, фантазія, умъ, жена, сынъ, родина, автомобиль...

И тутъ въ умѣ вспыхнула послѣдняя соломинка неприятной дѣйствительности...

Онъ еще не застраховалъ своего автомобиля! А вѣдь собирался, и сколько времени бумаги лежали на письменномъ столѣ!..

7.

... Въ течение послѣднихъ двадцати лѣтъ — несмотря на всѣ его лекціи и писанія, — что сдѣлалъ онъ для того, чтобы укрѣпить волю и закалить мысль, — эти его вѣрныя орудія противъ тьмы? Онъ готовъ былъ обвинять другихъ профессоровъ, приватъ-доцентовъ, политическихъ дѣятелей, общественную апатию, — но что же дѣлалъ, дѣлаетъ онъ самъ?

Что онъ дѣлаетъ сейчасъ?

Лежитъ въ постели...

А сынъ его идетъ къ гибели, родина летитъ къ чорту, домъ превратился въ лазаретъ для людей, искалѣченныхъ благодаря его неосторожности, сельскія дороги запружены его сломанными (и незастрахованными) автомобилями, коровы, навѣрное, въ эту же самую минуту выстроились у его

изгородей и жуютъ гвоздики Эдигь, его бумажникъ и письменный столъ набиты ядовитыми выпадками противъ той же Эдигь, а онъ?.. онъ спокойно лежитъ въ постели...

И м-ръ Бритлингъ внезапно сбросилъ съ себя одѣяло и сталъ ощупью искать спички на ночномъ столикѣ.

По-правдѣ сказать, уже не въ первый разъ мозгъ его ночью вдругъ превращался въ какой-то зудящій, гудящій мучительный потокъ, заключенный въ черепъ. И прецеденты привели къ тому, что въ домѣ были приняты самыя тщательныя мѣры на случай повторенія такихъ настроеній. У ногъ его, на постели, висѣли легкія теплыя фланелевыя «пиджамы», а на коврикѣ стояла пара высокихъ, до икръ, ночныхъ туфель изъ того же матеріала. Защищенный такимъ образомъ отъ ночного холода, м-ръ Бритлингъ занялся приготовленіемъ для себя чая. У камина, на полу, стояла готовой керосинка «Примусъ», и на ней ярко вычищенный мѣдный чайникъ, наполненный водой. Тутъ же на маленькомъ столикѣ стояла чайница, чайникъ, лимонъ и стаканъ. М-ръ Бритлингъ зажегъ керосинку и направился къ письменному столу. Онъ намѣревался написать «Нѣсколько простыхъ и ясныхъ словъ объ Ирландіи». Онъ зажегъ лампу и сталъ обдумывать статью, пока бульканіе кипящей воды не вернуло его къ процессу завариванія чая.

Онъ вернулся къ столу со стаканомъ, мѣшая ложечкой сахаръ и лимонъ. Да, онъ сейчасъ разъяснитъ въ ясныхъ, полныхъ здраваго смысла словахъ весь ирландскій вопросъ! Онъ выложитъ и представитъ вопросъ такъ ясно, что всѣ эти безумныя распри должны будутъ прекратиться. Надо написать все въ строгомъ тонѣ, съ отгѣнкомъ иронической прямолинейности! Онъ не долженъ позволить себѣ ни полемики, ни брани, ни выпадокъ — только глубокую страстность здраваго смысла!

Да и къ чему плакать надъ сломаннымъ автомобилемъ?

Онъ сталъ пить чай маленькими глотками и сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ на блокнотѣ. Лицо его, въ освѣщеніи защищенной абажуромъ лампы, потеряло свое выраженіе разсѣянности, и пальцы его сжимали любимое самопишущее перо...

8.

На слѣдующее утро м-ръ Бритлингъ зашелъ къ м-ру Диреку. Онъ былъ весь розовый отъ утренней ванны, въ своемъ веселомъ, яркомъ, сине-зеленомъ халатѣ, чисто выбритый, и на внѣшности его не оставалось никакихъ слѣдовъ отъ ночного бдѣнія. Въ ванной онъ весело что-то насвистывалъ.

— Ну, какъ провели ночь? — спросилъ онъ. — Молодецъ! И я тоже! А рука не болѣла? не ныла?

— Мнѣ показалось, что я ночью слышалъ, будто вы разговаривали и ходили по комнатамъ — сказалъ м-ръ Дирекъ.

— Я вставалъ на нѣкоторое время и работалъ. Я часто такъ дѣлаю. Надѣюсь, я этимъ васъ не обезпокоилъ?.. Я работалъ часокъ-другой... Ночью такъ спокойно и тихо, такъ хорошо работается.

Онъ подошелъ къ окну и щурясь сталъ глядѣть въ садъ. Возвращаясь съ какой-то ранней экспедиции, появились его два младшихъ сына на велосипедахъ. Онъ помахалъ имъ рукой. Было настоящее лѣтнее утро, одно изъ тѣхъ, когда разжиженный туманъ какъ будто пресыщаетъ весь воздухъ солнечной пылью...

— Это самая солнечная комната во всемъ домѣ, — сказалъ онъ, — она выходитъ на сѣверо-востокъ...

Солнце ударило сотнями золотыхъ копій въ массу синяго кедра за окномъ.

— Мнѣ ночью пришла въ голову мысль, написать довольно полезный памфлетъ, — замѣтилъ дальше м-ръ Бритлингъ.

— Я думаю о вашемъ багажѣ, который остался въ Лондонѣ въ гостиницѣ, — продолжалъ онъ, поворачиваясь опять къ гостю. — Вамъ придется написать и велѣть его переслать сюда... Мы не отпустимъ васъ, пока рука ваша, какъ слѣдуетъ, не заживетъ...

— Приятно поработать ночью, и еще приятно проснуться утромъ, — сказалъ онъ послѣ маленькой паузы. — Я, должно быть, написалъ около двухъ тысячъ словъ. Ночью такъ тихо, что легко сосредоточиваешься. Теперь позавтракаю и снова засяду за работу...

Глава V.

Наступленіе «дня».

1.

М-ръ Бритлингъ былъ поглощенъ и взволнованъ ирландскимъ конфликтомъ и почти не думалъ и не беспокоился о возможности войны съ Германией.

Усиленное вооруженіе Германии, ея враждебность, упорное и настойчивое самоутвержденіе, принимающее міровые размѣры столкновеніе германскихъ и британскихъ интересовъ — все это были факты, укрѣплявшіеся въ сознаніи англичанъ вотъ уже болѣе четверти вѣка. Цѣлое поколѣніе

родилось и выросло подъ этой угрозой войны съ Германіей. Но вѣдь угроза, которая длится слишкомъ долго, перестаетъ носить характеръ угрозы, и эта нависшая надъ Англійей черная туча сдѣлалась просто установившимся и мало причиняющимъ безпокойство явленіемъ британской жизни. Эта угроза имѣла результатомъ лишь поддержку дѣятельности англійскаго флота и безпокойство полковника Рендеву; она побуждала небольшую и не очень вліятельную часть прессы къ ряду напоминаній, весьма раздражавшихъ м-ра Бритлинга. Онъ твердо вѣрилъ, что это — мина, которая никогда не взорвется, лавина, которая никогда не рухнетъ. Это была глупость, язва, которая заставляла Европу безпрестанно заниматься парадами и обученіемъ солдатъ, и тратить колоссальныя суммы на неизбѣжныя приготовления; она все задерживала, все останавливала, какъ шумный споръ въ гостиной; но чтобы человѣческая слабость или безуміе когда-нибудь позволили этой минѣ взорваться — онъ не вѣрилъ! Онъ былъ во Франци въ 1911 году, видѣлъ, какъ тогда близокъ былъ конфликтъ, но самый фактъ, что въ концѣ концовъ конфликта не произошло — сильно укрѣпило его увѣренность въ томъ, что, въ сущности, Германія еще не потеряла головы, и ея милитаризмъ — просто блефъ.

А вотъ ирландское недоразумѣніе — дѣло совсѣмъ другое! Тутъ, онъ чувствовалъ, была несомнѣнная необходимость въ самой энергичной дѣятельности и принятіи немедленныхъ мѣръ. Нѣсколько упрямыхъ людей, занимающихъ вліятельныя положенія, явно доводили все до крайнихъ предѣловъ.

Цѣлое утро онъ писалъ, и по мѣрѣ того, какъ шло время, разсудительное спокойствіе его вступительныхъ фразъ постепенно перешло въ нѣкоторую прискорбную рѣзкость выраженій по адресу англійскихъ политическихъ дѣятелей, политиканствующихъ дамъ и англійской бульварной прессы...

Къ завтраку м-ръ Бритлингъ спустился въ усталомъ, совершенно разбитомъ состояніи, и былъ очень огорченъ рядомъ вопросовъ, которыми его забросалъ Herr Heinrich. У этого человѣка была неисправимая черта — задавать вопросы. Большая часть его разговоровъ неизмѣнно принимала форму вопросовъ и отвѣтовъ. На этотъ разъ онъ воспользовался нѣкоторымъ перерывомъ въ заботливыхъ разспросахъ и поздравленіяхъ, коими было встрѣчено появленіе м-ра Дирека — какъ оказалось, м-ръ Дирекъ настолько мало пострадалъ отъ своего приключенія, что съ помощью услужливаго Тэдди сумѣлъ встать, одѣться и

спуститься къ завтраку — чтобы попытаться разъяснить вопросы, поглощавшие его вниманіе и мысли.

— Пожалуйста!.. — началъ онъ, принимая еще болѣе густой розовый оттѣнокъ, и полуоборачиваясь къ м-ру Бритлингу.

Въ глазахъ м-ра Бритлинга отразилось какое-то выраженіе не то покорности, не то отчаянія.

— Слушаю, — сказалъ онъ.

— Какъ вы думаете, мнѣ кажется, лучше будетъ, пожалуй, мнѣ не брать билетъ на конгрессъ эксперантистовъ въ Булони? Такъ какъ, по-моему, очень возможно, что Австрія объявитъ войну Сербіи, и тогда Россія можетъ объявить войну Австріи...

— Это можетъ случиться, но я считаю это маловѣроятнымъ.

— А если Россія объявитъ войну Австріи, то Германія объявитъ войну Россіи, не правда ли?

— Не думаю, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — такъ какъ это въ свою очередь впутаетъ и Францію...

— Я поэтому и спрашиваю. Если Германія будетъ воевать съ Франціей, мнѣ придется ѣхать въ Германію на мобилизацию. Это будетъ чрезвычайно неприятно и неудобно..

— Я не представляю себѣ, чтобы Германія рѣшилась на такой безумный шагъ, какъ объявленіе войны Россіи. Въдь это значило бы вмѣшательство не только Франціи, но и Англии.

— Англии?

— Разумѣется. Мы не можемъ допустить пораженіе Франціи. Это ясно, какъ Божій день. Такъ ясно, что это... просто не можетъ случиться... не можетъ... Развѣ только, если Германія желаетъ всемірной войны...

— Благодарю васъ, — сказалъ Herr Heinrich, съ видомъ скорѣе послушнымъ, чѣмъ успокоеннымъ.

— Я думаю, — вставилъ м-ръ Дирекъ послѣ паузы — сейчасъ въ Германіи, навѣрное, и нѣтъ какой-нибудь вліятельной партіи, желающей войну. Вотъ развѣ этотъ вашъ молодой кронпринцъ...

— О, его держатъ тамъ въ ежовыхъ рукавицахъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, немного раздраженно. — Ему распускаться не даютъ...

... Я раньше тоже былъ изъ тѣхъ, которые вѣрили въ германскую опасность, — продолжалъ м-ръ Бритлингъ, — но я сталъ все больше и больше вѣрить въ основной здравый смыслъ германскаго народа, и, если хотите, въ здравый смыслъ самого кайзера. Онъ, — если Herr Heinrich поз-

волить мнѣ согласиться съ его собственными нѣмецкими сатирическими журналами — иногда бываетъ немного театралень, иногда немного эгоистичень, но и онъ, въ своей оперной, черезчуръ подчеркнутой манерѣ, тоже желаетъ мира... Я убѣжденъ, что онъ желаетъ мира...

2.

Послѣ завтрака всѣ усѣлись за круглымъ столомъ подъ кедрами въ саду; Сисели сидѣла рядомъ съ м-ромъ Дирекомъ, интересовалась его здоровьемъ и рукой, а онъ рассказывалъ ей о томъ, какъ онъ проводилъ лѣтние мѣсяцы въ Адарондакскихъ горахъ въ Америкѣ, и о своей страсти къ путешествіямъ. Она ему сказала, что ей тоже очень хотѣлось-бы путешествовать. Онъ сообщилъ ей, что, какъ только поправится, поѣдетъ дальше въ Парижъ и Германію. Его сильно интересовала эта самая Германія и ея пресловутый милитаризмъ. Ему куда больше хотѣлось повидать Германію, чѣмъ Италию, которая, по его мнѣнію, была какимъ-то сплошнымъ искусствомъ и древней исторіей. Его больше занимали вопросы современности. Но, конечно, разъ онъ ужъ попалъ въ Европу, то Италию все же посмотреть... Но тутъ ихъ бесѣда прервалась и произошло общее возбужденіе, т. к. Негг Нейгичъ потерялъ свою бѣлку.

Онъ пробѣжалъ изъ дому въ садъ и былъ такъ разстроенъ, что забылъ надѣть шляпу. Онъ былъ глубоко взволнованъ и весь розовый.

— Что же я буду дѣлать безъ нея? — кричалъ онъ. — Она пропала!

Какъ удалось узнать м-ру Диреку, бѣлку эту купила нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ миссисъ Бритлингъ для мальчиковъ; ей дали кличку «Билль», сперва съ ней долго носились, потомъ забыли, пока Негг Нейгичъ не взялъ ее подъ свое покровительство. Онъ отнесъ бѣлку къ себѣ въ комнату, и она бѣгала на свободѣ, позволяя себѣ всякаго рода вольности по отношенію къ самому Негг Нейгичу и его комнатѣ. Это былъ чрезвычайно смѣлый и дикій звѣрекъ, но Негг Нейгичъ твердо рѣшилъ, во что бы то ни стало установить съ «Биллемъ» сентиментальныя отношенія. Онъ вѣрилъ, что въ концѣ концовъ «Билль» позволитъ себя гладить, и что онъ заставитъ «Билля» полюбить и понимать его.

Весь домъ заинтересовался покушеніями Негг Нейгича вызвать дружескія чувства Билля. Съ особымъ интере-

сомъ наблюдали они за пальцами Herr Heinrich'a, т. к. на нихъ Билль срывалъ обыкновенно свое неудовольствіе.

И вотъ теперь Билль исчезъ, и Herr Heinrich почти готовъ былъ заплакать. Это было такой неблагодарностью со стороны Билля. Не предупредивъ его...

— Прислуга всегда оставляетъ мое окно открытымъ, — жаловался онъ м-ру Диреку. — Сколько разъ я ихъ просилъ этого не дѣлать. А Билль, конечно, не понималъ. Онъ вылѣзъ въ окно и спустился по плющу. Съ нимъ, можетъ быть, приключилось какое-нибудь несчастье! Онъ не привыкъ гулять одинъ! Онъ еще слишкомъ молодъ..

— Можетъ быть, если я позову его?!..

И онъ побѣжалъ назадъ въ домъ и обошелъ его сверху до низу, крича:

— Би... ли!.. Би... или!.. Вотъ орѣшекъ!.. Би... или!.. Вотъ орѣшекъ!.. Би... или!..

— Прямо трагедія! — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Мнѣ даже захотѣлось встать и помочь ему искать этого Билля...

Всѣ кругомъ занялись поисками. Даже садовникъ и его мальчикъ бросили работу и начали обыскивать верхушки деревьевъ.

— Онъ слишкомъ молодъ, — сказалъ Herr Heinrich снова возвращаясь въ садъ, и потомъ прибавилъ: — Я увѣренъ, если бъ онъ услыхалъ мой голосъ, онъ показался бы...

Но онъ не показывался...

Судя по всему, Herr Heinrich опасался, что Билль погибъ.

За ужиномъ Билль былъ единственной темой разговора, и всѣ выражали свое сочувствіе.

Когда же м-ръ Бритлингъ отправился спать послѣ длинной бесѣды съ м-ромъ Лоренсомъ Карминомъ о Брамо-Самаяхъ и современномъ развитіи индусской мысли вообще — бѣлка все еще не отыскалась.

Почтенный современный мыслитель медленно раздѣлся, потушилъ свѣчу и полѣзъ въ постель. Все еще сосредоточенно размышляя о богѣ Тагоровъ, онъ сунулъ, по заведенной привычкѣ, свою правую руку подъ подушку, и коснулся чего-то мягкаго, теплаго и, видимо, живого. Онъ выскочилъ пулей изъ постели, зажегъ свѣчу и осторожно приподнялъ подушку.

И открылъ весьма помятаго и недовольнаго Билля.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ происходила упорная и молчаливая борьба, пока Билль не былъ захваченъ въ плѣнъ. Билль злобно шипѣлъ и дважды укусилъ м-ра

Бритлинга. Но м-ръ Бритлингъ, наконецъ, очутился въ корридорѣ, крѣпко сжимая въ рукѣ комокъ извивающагося мѣха и ощупью пробирался въ темнотѣ по направленію къ двери Herr Heinrich'a. Онъ тихонько приотворилъ ее.

Испуганная фигура въ бѣломъ подскочила на постели.

— Билль, — сказалъ м-ръ Бритлингъ вмѣсто объясненія, уронилъ своего плѣнника на коверъ и закрылъ дверь.

3.

Вскорѣ наступилъ день, когда м-ръ Бритлингъ долженъ былъ мысленно, до мельчайшихъ подробностей, перебрать всю исторію этого яснаго солнечнаго іюля, стараясь прослѣдить истинную послѣдовательность событій, поведшихъ отъ сенсационнаго сараевского преступленія къ вступленію Европы въ мировую войну. Съ одной стороны эту послѣдовательность, какъ будто, и нельзя было прослѣдить; съ другой — она была такъ очевидна, что онъ удивлялся, какъ человѣчество проглядѣло приближеніе несчастья. Голые факты говорили за то, что не было никакой прямой связи между сараевскими убійствами и войной; вѣдь на цѣлыхъ двѣ недѣли человѣчество совершенно почти забыло о сараевскомъ событіи. Газеты перестали о немъ писать, о немъ перестали говорить; потомъ вдругъ снова, будто какъ вспомнили, и использовали его, какъ поводъ для войны. Германия, уставшая отъ долгаго ожиданія, и внимательно слѣдившая за событіями — рѣшила, что наступилъ благоприятный для нея моментъ и выкопала изъ могилы убитаго эрцгерцога, чтобы использовать его для своихъ честолюбивыхъ цѣлей.

Возможно, что воинственно настроенному германскому патриоту въ эту минуту показалось, что всѣ предполагаемые враги Германіи заняты внутренними своими дѣлами, разъединены, находятся въ состояніи крайней растерянности и безсилія. Британскіе острова, какъ будто, упорно шли къ гражданской войнѣ. На угрозу отвѣчали угрозой, одинъ, не знающій мѣры дуракъ, вступилъ въ соревнованіе съ другимъ, не знающимъ мѣры дуракомъ; на радость и восхищеніе міру, ирландскіе «национальные добровольцы» вооружились противъ ульстерцевъ; все шло и развивалось съ какой-то механической точностью, отъ парадовъ и митинговъ къ злосчастной выгрузкѣ оружія въ Хаутъ и первому кровопролитію на улицахъ Дублина. Это несчастное столкновеніе, по всей вѣроятности, больше, чѣмъ что-ни-

будь другое, укрѣпило Германію въ ея рѣшеніи. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: заварившіе ирландскую кашу дали послѣдній и окончательный толчокъ европейской войнѣ. По самой Англии пронеслась лѣтняя лихорадка забастовокъ. Ливерпульскій портъ бездѣйствовалъ вслѣдствіе забастовки портовыхъ рабочихъ; сельскіе работники восточной Англии тоже возстали; а строительный промыселъ во всей странѣ былъ наканунѣ локаута. Россія, казалось, вступила въ критическую полосу социальной революціи. Отъ Баку до Петербурга происходили въ городахъ безпорядки, а 10-23 іюля, въ самый день австрійскаго ультиматума, казаки разгоняли толпы забастовщиковъ на улицѣ русской столицы. Лондонская биржа была въ состояніи ланической дезорганизаціи, вслѣдствіе какой-то таинственной махинаціи, наводнявшей рынокъ цѣнностями изъ-за границы. А Франція... Франція, какъ будто про все въ мірѣ забыла, поглощенная скандальными разоблаченіями и открытіями, вызванными дѣломъ Кайо, судомъ надъ женой бывшаго французскаго премьера, обвиняемой въ убійствѣ журналиста-шантажиста. При наличности столь пикантнаго зрѣлища, Франціи какъ будто не было ни времени, ни вниманія для разоблаченія Гумбера, докладчика военной комиссіи, заявлявшаго, что французской артиллеріи не хватало снарядовъ, а ея пѣхота — обута въ сапоги, «которымъ тридцать лѣтъ», да и этихъ не достаточно.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось м-ру Бритлингу положеніе вещей. Можно-ли удивляться, если германскому уму показалось, что насталъ моментъ для побѣдоноснаго утвержденія германскаго господства надъ міромъ? За день или два до стрѣльбы на улицахъ Дублина, ультиматумомъ, составленнымъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ и предъявленнымъ Австріей Сербіи, снова было вытасчено на первый планъ европейскихъ событій сараевское убійство. Съ минуты предъявленія этого ультиматума открылась широкая дорога къ катастрофѣ. Послѣ дублинскаго конфликта уже не было возврата. Въ теченіе недѣли Европа была поглощена процедурой, которая, въ сущности, сводилась лишь къ повторенію заранѣе приготовленной формулы. Австріи нельзя было взять назадъ свои, ничѣмъ не вызванныя угрозы, не признавъ себя разбитой и неправой; Россія не могла отказаться отъ поддержки Сербіи, не покрывъ себя позоромъ; Германія тайно поддерживала и подталкивала Австрію; Франція была связана съ Россіей долгими узами взаимныхъ обязательствъ; Англии-же нельзя

было спокойно смотрѣть, какъ будетъ уничтожаться Франція и усиливаться крикливый и угрожающій соперникъ. Можетъ быть, Германія рассчитывала на то, что Россія передъ ней уступитъ, можетъ быть, она рассчитывала на нерѣшительность и на внутреннія, пустяковыя осложненія Англии; объ эти возможности несомнѣнно принимались въ расчетъ, но, главнымъ образомъ, конечно, Германія рассчитывала на войну; и такъ какъ ни одна сторона въ мѣръ никогда не была такъ хорошо, во всѣхъ отношеніяхъ, подготовлена для войны, какъ она, — несомнѣнно рассчитывала и на побѣду.

«Германія». Такъ принято писать о цѣлыхъ народахъ, какъ будто они обладаютъ единымъ разумомъ и стремятся къ единой цѣли. Но, въ дѣйствительности, въ ту ночь, когда м-ру Бритлингу не спалось, и онъ лежалъ и думалъ о своемъ сынѣ, о лэди Фрэншамъ, о сломанномъ автомобилѣ, о скверной привычкѣ миссисъ Харродинъ къ ругательнымъ письмамъ, о Богѣ, и злѣ, и тысячѣ другихъ сложностяхъ — несомнѣнно въ это же время работало еще множество мозговъ, тоже лежащихъ въ постели, или сидящихъ въ кабинетахъ, или бодрствующихъ въ караульныхъ помѣщеніяхъ, или болтающихъ въ кафэ, или шагающихъ по мостикамъ броненосцевъ, или одиноко бродящихъ по улицамъ города — думая о той огромной возможности, которую открыло сараевское преступленіе и о положеніи мира въ связи съ этой возможностью.

Для большей части человѣчества международное положеніе въ Европѣ было въ лучшемъ случаѣ просто матеріаломъ для газетъ, имѣющимъ такое же значеніе, какъ политическія неурядицы въ южной Африкѣ, или возможность новаго разрыва между Греціей и Турціей. Въ дѣйствительности же весь интересъ англійской публики въ эти послѣдніе мѣсяцы мира, и все ея вниманіе было поглощено боксомъ и лѣтними распродажами въ большихъ лондонскихъ магазинахъ. Молодой французскій боксеръ Карпантье, побѣдившій уже разъ англійскаго чемпиона «бомбардира» Уэллса, снова пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобы поколотить другого британскаго чемпиона Смита и поколотилъ его, къ нескрываемой радости Франціи и всего латинскаго міра, подъ щедрыя рукоплесканія англо-саксонцевъ. Затѣмъ была британская побѣда надъ американцами въ «поло», и очень оживленная и культурная газетная полемика по вопросу о подходящемъ motto для герба совѣта лондонскаго графства. Процессъ мадамъ Кайо заполнялъ газеты сенсационными отчетами и яркими картинами;

. а Уливи, этотъ мошенникъ-итальянецъ, заявившій, что онъ изобрѣлъ способъ взрывать мины на разстоянїи, съ помощью «ультра-красныхъ лучей», былъ изблченъ и бѣжалъ съ какой-то дамой. Ирландская путаница продолжала упорно осложняться и подготавливать почву для бѣды. Люди удѣляли нѣкоторую долю вниманїя этимъ вопросамъ и продолжали заниматься своими личными дѣлами.

И въ Дауеръ-Хаузѣ тоже всѣ занимались своими дѣлами. Рука м-ра Дирека быстро заживала; Сисели Корнеръ и снѣ бесѣдовали о цѣляхъ жизни, объ утопїяхъ и о книгахъ м-ра Бритлинга, а послѣднїй выписалъ отъ своего лондонскаго книгопродавца рядъ Бэдекеровъ по Голландїи, Бельгїи, южной Германїи и Итали; Негг Нейпгїш послѣ нѣкоторыхъ колебанїй, наконецъ, послалъ заявленїе и членскїй взносъ для участїя на съѣздѣ эсперантистовъ въ Булони, а Билль позволилъ себя погладить три раза, но продолжалъ кусаться съ большой энергїей и рѣшительностью. Осложненїе съ Гью, старшимъ сыномъ м-ра Бритлинга, разрѣшилось пустякомъ и было скоро улажено.

Послѣ долгихъ и серьезныхъ совѣщанїй съ отцомъ, Гью промѣнялъ науку на искусство. Теперь-же онъ раскался въ своемъ рѣшенїи, хотѣлъ ѣхать въ Кэмбриджъ и потерявъ годъ, — снова заняться наукой. Онъ чувствовалъ, что эта весьма недостойное колебанїе; зналъ, что это повлечетъ за собой большїе расходы; и поэтому прошло цѣлыхъ двѣ недѣли, прежде чѣмъ онъ могъ заставить себя рѣшиться сказать объ этомъ отцу.

— Такъ это все! — сказалъ м-ръ Бритлингъ, несказанно обрадованный и облегченный.

— Дорогой папа, неужели вы думали, что я подписалъ вексель или поддѣлалъ чекъ.

— Я думалъ, что ты, можетъ быть, женился на опереточной хористкѣ, или что нибудь въ этомъ родѣ, — пояснилъ м-ръ Бритлингъ.

— Или купилъ ей огромный бѣлый автомобиль въ рассрочку, который она сломала вдребезги... Нѣтъ, такого рода вещи приходятъ позже въ жизни...

5.

Хотя безпокойство за сына разсѣялось, но мысли м-ра Бритлинга оставались въ теченїе всего того іюля настроенными непонятно тревожно, словно онъ предчувствовалъ какую-то бѣду. У него было какое-то безсознательное ощу-

щение, что не все ладно съ міромъ, ощущение, которое онъ напрасно старался разогнать различными развлечениями. Когда онъ отправился къ миссисъ Харродинъ на велосипеда за лестью, развлеченіемъ и утѣшеніемъ, онъ не нашелъ у нея подтвержденія всего того, что ему хотѣлось думать о себѣ и о вселенной, роль, которую она такъ очаровательно играла въ раннихъ стадіяхъ ихъ романической дружбы. Она продолжала оставаться враждебной къ Эдитъ и какъ будто твердо рѣшила довести дѣло до нестерпимой крайности. И все же еще сохранились одна или двѣ фазы ихъ прежней, крѣпкой интимности.

Какъ только онъ пріѣхалъ, они прошли паркомъ къ бесѣдкѣ и стали обсуждать почти уже законченный памфлетъ объ Ирландіи.

— Конечно, — сказала она, — вашъ памфлетъ будетъ прекрасенъ....

Была какая-то странная сдержанность въ ея голосѣ, заставлявшая его подождать, что она скажетъ дальше.

— Но мнѣ кажется, есть множество людей, которые бы сумѣли написать памфлетъ объ Ирландіи, но никто, кромѣ васъ, не могъ бы написать «Молчаливыхъ мѣсть». О, зачѣмъ вы не окончили это великое, прекрасное произведение и не предоставили другимъ весь этотъ міръ дѣйствительности и газетъ, всѣ эти грубыя, пошлыя, мелкія, отталкивающія явленія? Вы обладаете чудодѣйственнымъ даромъ; вы могли быть поэтомъ; вы умѣете насъ уводить отъ всего ужаса и всей отвратительной повседневности въ Страну Красоты, и вы тѣмъ не менѣе довольствуетесь ролью критика и спорщика! Въ этомъ виновата исключительно среда и окружающая васъ обстановка! Виноваты пошлыя реальности жизни! Виновата эта практичность, которая у васъ постоянно подъ бокомъ. Вы никогда не должны не только читать, но и видѣть газеты! Вы не должны позволять американцу приближаться къ вамъ на десять миль. Вы должны питаться молокомъ въ долинѣ асфоделей...

М-ръ Бритлингъ, которому такія рѣчи до нѣкоторой степени нравились, — хотя, слушая ихъ, онъ чувствовалъ себя нелѣпо раздутымъ и смѣшнымъ, — пробовалъ слабо возражать.

— Третьяго дня въ «Nation» было напечатано ваше письмо, — продолжала она. — Зачѣмъ вы позволяете себя завлекать въ споръ. Мнѣ хотѣлось побѣждать въ редакцію «Nation» схватить васъ, осторожно стереть съ васъ злобу и вынести васъ оттуда... далеко.... далеко, куда-нибудь въ тихій, прекрасный уголокъ...

— Но необходимо же отвѣчать и возражать этимъ господамъ, — сказала м-ръ Бритлингъ, незамѣтно впадая въ ея тонъ.

Она стала цитировать строчки изъ «Молчаливыхъ Мѣстъ», внося много чувства въ голосъ. Въ ея чтеніи слова какъ будто свѣтились, пылали. И какая у нея была удивительная память, вѣдь онъ только разъ показывалъ ей рукопись...

Когда они тихо возвращались въ лѣтнихъ сумеркахъ изъ бесѣдки въ домъ, къ обѣду, онъ ужъ опредѣленно далъ ей обѣщаніе взяться за «Молчаливыя Мѣста» и кончить ихъ... И еще разъ обдумать памфлетъ объ Ирландіи, прежде чѣмъ послать рукопись издателю...

И тѣмъ не менѣе на слѣдующій же день этотъ ангель, врагъ споровъ и ссоръ, разразился самой непопозволительной выходкой по адресу Эдитъ, такъ что м-ръ Бритлингъ оказался принужденнымъ заявить яснѣе, чѣмъ дѣлалъ до сего, что онъ этого не потерпитъ. Онъ не потерпитъ, чтобы Эдитъ оскорбляли! Онъ не потерпитъ, чтобы Эдитъ выставляли въ дурномъ свѣтѣ! И тутъ произошла крупная исторія, были слезы и разговоры объ Оливерѣ...

Потомъ она очень трогательно раскаивалась и просила прощенія и сказала, что если онъ только будетъ любить ее, она готова проглотить тысячу Эдитъ. Онъ рѣшилъ не обращать вниманія на нѣкоторую непочтительность въ ея словахъ о Эдитъ, и они трогательно примирились и говорили о возвышенныхъ предметахъ, а вечеромъ онъ много и успѣшно работалъ надъ «Молчаливыми Мѣстами» и придумалъ цѣлую полдюжину прямо поразительныхъ строкъ, а на третій день вернулся въ Дауеръ-Хаусъ къ м-ру Диреку къ огромной накопившейся кипѣ писемъ и окончанію памфлета объ Ирландіи.

Но онъ былъ покоенъ. Болѣе покоенъ, чѣмъ когда либо бывалъ въ собственномъ домѣ. Онъ не могъ понять въ чемъ дѣло. Все кругомъ было такъ, какъ всегда, и все же его это не удовлетворяло и казалось болѣе непрочнымъ, чѣмъ до сихъ поръ. Его угнетало торжественно жуткое развитіе ирландскаго спора; его раздражала тлѣющая угроза на Балканахъ; его раздражали суффражистки и рядъ маленькихъ безсмысленныхъ забастовокъ, и общее отсутствіе какой-либо видимой нити и цѣли, которыя бы связывали всѣ эти мелкія пререканія и распри... Въ Дауеръ-Хаузѣ всегда приходили ему въ голову самыя непріятныя мысли. У него появились даже сомнѣнія, не занимался-ли онъ въ «Молчаливыхъ Мѣстахъ» болѣе или менѣе безо-

знательнымъ плагиатомъ изъ книги Генри Джемса. »The Great Good Place».

Двадцать перваго іюля вернулась Глэдисъ, исправленная и выглядѣвшая, какъ будто съ ней ничего и не приключилось. На слѣдующій день онъ сѣлъ въ нее и очень осторожно проѣхался въ Пайкрафтсъ, надѣясь убаюкать свою тревогу и безпокойство игрой въ великую страсть и похвалами по адресу «Молчаливыхъ Мѣстъ», этого прекраснаго произведенія искусства, столь свободнаго отъ всякаго отношенія къ дѣйствительности... Но, увы, онъ засталъ миссисъ Харродинъ въ скверномъ настроеніи. Онъ у нея не былъ десять дней, цѣлыхъ десять дней. Очевидно, это были все штучки Эдитъ. И это было прелюдіей къ бурному объясненію.

Вся драма миссисъ Харродинъ была въ томъ, что она напрасно губила свою жизнь, губила жизнь бѣднаго, терпѣливаго Оливера; въ томъ, что ради дружбы съ м-ромъ Бритлингомъ она пошла на то, чтобъ говорили о ней самыя ужасныя вещи, а онъ съ ней обращался безсердечно, пріѣзжалъ тогда, когда ему хотѣлось, оставался дома, когда ему хотѣлось. Неужели онъ думалъ, что она могла сидѣть и работать, забывая, одинокая? Онъ забывалъ, что женщины — существа маленькія, хрупкія, нѣжныя, и что имъ нужны ласки и постоянныя, да, постоянныя заботы! Оливеръ, быть можетъ, не уменъ и не интересенъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, по своему, — быть можетъ, неуклюже и неловко, — но понималъ и старался исполнять свой долгъ...

Къ концу втораго часа подобныхъ жалобъ душа м-ра Бритлинга возстала открытымъ бунтомъ. Онъ возвысилъ голосъ, придавъ ему ноты негодующей печали и заявилъ, что пріѣхалъ въ Пайкрафтсъ преисполненный лишь нѣжными и любящими мыслями, что онъ не пріѣзжалъ раньше, такъ какъ ждалъ возвращенія «Глэдисъ» изъ починки, что онъ привезъ съ собой рукопись «Молчаливыхъ Мѣстъ», чтобы ее здѣсь кончить и отдѣлать, и что всѣ эти дни онъ мечталъ о томъ, какъ будетъ работать въ милой бесѣдкѣ съ видомъ на далекое море, и что теперь все это невозможно, т. к. миссисъ Харродинъ сдѣлала это невозможнымъ, и вообще она съ невѣроятной быстротой все дѣлаетъ невозможнымъ...

Разразившись этой тирадой, м-ръ Бритлингъ, немного удивленный быстротѣй и энергичности своего гнѣва, замолчалъ, сдѣлавъ руками жестъ покорности и, словно его осѣнила внезапная мысль, выбѣжалъ изъ ея комнаты и изъ дома туда, гдѣ стояла, дожидаясь его, «Глэдисъ». Онъ вско-

чилъ въ нее, пустилъ въ ходъ моторъ, и, послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній съ машиной, повернулъ ее и уѣхалъ, — раздавивъ на поворотѣ небольшую цвѣточную клумбу. Онъ направился домой въ Дауеръ-Хаузъ, къ газетамъ, письмамъ и раздраженіямъ, къ тому ноющему, безсознательному ощущенію какой-то пустоты и безцѣльности жизни и міра, которое, какъ онъ надѣялся, миссисъ Харродинъ сумѣетъ разсѣять. И чѣмъ дальше онъ отъѣзжалъ отъ миссисъ Харродинъ, тѣмъ болѣе казалось ему, что онъ поступилъ съ ней грубо и несправедливо.

Но онъ продолжалъ свой путь, т. к. не зналъ подъ какимъ предлогомъ ему вернуться.

6.

Сломанная кисть м-ра Дирека стала срастаться и заживать скорѣе, чѣмъ онъ того хотѣлъ. Съ самаго начала онъ утверждалъ, что остается въ Матчингсъ-Изи только потому, что ему были пріятны заботы о немъ миссисъ Бритлингъ и общество самого м-ра Бритлинга. Въ дѣйствительности же онъ старался какъ можно чаще и дольше находиться вблизи миссъ Сисели Корнеръ, купаясь въ ея свѣжести и дружественности, тѣмъ болѣе, что почти больше трети этого періода м-ра Бритлинга не было дома.

Но вскорѣ наступилъ моментъ, когда м-ру Диреку пришлось считать время, остающееся до его отъѣзда изъ Дауеръ-Хауза уже не днями, а часами. Вещи его были почти всѣ уложены, билетъ въ Роттердамъ, Кельнъ, Мюнхенъ, Дрезденъ и Вѣну былъ въ порядкѣ. А тѣмъ не менѣе положеніе вещей между нимъ и Сисели оставалось такимъ же неопредѣленнымъ. Но Богъ не даромъ создалъ американцевъ чисто выбритыми и съ твердыми, рѣшительными чертами лица. М-ръ Дирекъ рѣшилъ, что надо привести положеніе вещей къ какой-нибудь опредѣленности, прежде чѣмъ пуститься въ странствованія.

Но когда онъ, наконецъ, приступилъ къ осуществленію своего намѣренія, въ его голосѣ и тонѣ стала проявляться значительная нервность.

— Мнѣ хочется васъ просить объ одной маленькой вещи, объ одномъ пустякѣ, — сказала онъ миссъ Корнеръ, воспользовавшись минутой, когда они остались вдвоемъ послѣ завтрака, — если бы меня этимъ осчастливили на всю жизнь...

Она отвѣтила приподнятой бровью и взглядомъ, менѣе удивленнымъ, чѣмъ этого она хотѣла.

— Если бы вы согласились пройтись со мной немного...

Кругомъ по Клаверингскому парку и такъ далѣе... Чтобы посмотрѣть въ послѣдній разъ на оленей и старыя деревья... Это ландшафтъ, который бы мнѣ хотѣлось запомнить, чтобы вспоминать его, когда меня уже тутъ не будетъ...

Онъ немного какъ будто задышался, и была какая-то совершенно несоотвѣтствующая серьезность въ минутной паузѣ, предшествовавшей ея отвѣту.

— Разумѣется, — отвѣтила она весело, но съ опозданиемъ на нѣсколько секундъ. — Идемте! Это будетъ такъ пріятно.

— Какъ чудесны эти ясные англійскіе дни, — замѣтилъ онъ, тоже послѣ минуты-другой молчанія. — Не такъ ярки и жарки, какъ наши лѣтніе дни, но по своему тоже... сіяющие.

— Да, все время, пока вы были здѣсь, погода была на рѣдкость хорошая, — сказала она.

И, обмѣнявшись этими замѣчаніями, они пошли тропинкой, вышли на дорогу, вдоль изгороди парка и такъ дошли, молча, до воротъ.

М-ръ Дирекъ рѣшилъ, что до тѣхъ поръ, пока они не пройдутъ черезъ ворота въ паркъ — лучше и не начинать разговора. Тропинка, дорога, калитка и ворота — все это были какія-то предисловія, съ которыми надо покончить, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу.

— Ну-съ, — сказалъ онъ, догоняя ее, послѣ того, какъ тщательно затворилъ за собою маленькія бѣлыя ворота. — Я собственно хотѣлъ получить возможность сказать вамъ нѣчто, что такъ или иначе касается васъ... Если вообще это можетъ васъ интересовать... Пожалуй, лучше будетъ объяснить вамъ все какъ можно проще... Видите ли... Я люблю васъ... влюбленъ, какъ говорится, по уши... И мнѣ хотѣлось вамъ это сказать...

Молчаніе.

— Конечно, я не буду притворяться, что не было другихъ до васъ... — внезапно продолжалъ м-ръ Дирекъ. — Были. Одна въ особенности. Но могу увѣрить васъ, что я никогда еще не чувствовалъ той глубины, или высоты, или, какъ тамъ говорится, того яснаго, спокойнаго сознанія... И теперь, когда я вамъ говорю все это, миссъ Корнеръ, я не знаю, интересно ли вамъ знать, что вы дѣйствительно и поистинѣ самая первая моя любовь и послѣдняя. Я выписалъ изъ Америки — я получилъ ее только вчера — эту маленькую фотографію съ миниатюры одной родственницы моей прабабушки... Она тоже была изъ Корнеровъ, какъ и вы... Вотъ она.

Онъ сталъ усиленно рыться въ карманахъ и бумагахъ.

Сисели, онѣмѣвшая, раскраснѣвшаяся, смущенная нелѣпымъ и непонятнымъ желаніемъ заплакать, взяла карточку, которую онъ ей протянулъ.

— Когда я былъ мальчишкой пятнадцати лѣтъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ тономъ человѣка, приводящаго неприятное, но убѣдительное доказательство, — я боготворилъ эту миниатюру. Лицо, изображенное на ней, мнѣ казалось... самымъ прекраснымъ лицомъ на свѣтѣ... и оно ваше...

Онъ тоже былъ страшно растроганъ...

Казалось, прошла цѣлая вѣчность, прежде чѣмъ Сисели, наконецъ, заговорила; она сказала мягкимъ неяснымъ голосомъ:

— Вы очень добры...

И крѣпко держала маленькую фотографію.

Они остановились было, пока онъ доставалъ фотографію. Теперь же они снова тронулись дальше.

— Мнѣ очень хотѣлось это вамъ сказать... — произнесъ м-ръ Дирекъ и зловѣще замолчалъ.

Сисели вдругъ почувствовала, что невѣроятно трудно отвѣтить ему. Она пыталась сдѣлать видъ, какъ будто относится ко всему этому болѣе или менѣе легко и равнодушно, и захотѣла быть съ нимъ очень откровенной.

— Конечно, — сказала она. — Я знала... я какъ-то предчувствовала... что вы хотите сказать мнѣ что-нибудь въ этомъ родѣ... когда вы меня попросили пойти погулять съ вами...

— Ну, и что? — спросилъ онъ.

— И я старалась заставить свои бѣдные мозги придумать, что бы вамъ отвѣтить.

Она замолкла и какъ будто обсуждала свое затруднение...

— Можетъ быть, вы могли бы мнѣ тоже сказать что-нибудь въ этомъ родѣ... въ родѣ того, что я старался вамъ сказать... Я былъ бы очень счастливъ, если бы вы сказали что-нибудь въ такомъ духѣ...

— Не совсѣмъ, — отвѣтила Сисели, болѣе осторожная, чѣмъ когда-либо.

— То-есть?

— Мнѣ кажется, вы уже знаете, что я считаю васъ лучшимъ изъ своихъ друзей... Я считаю васъ... очень, очень милымъ...

— Ну, что-жъ... пока... все идетъ хорошо.

— Да... пока...

— Но вы не знаете, любите ли меня или нѣтъ? Вы это хотите сказать?

— Нѣтъ... Я чувствую, что не это... Все же...

— Может быть, уже имется кто-нибудь другой?

— О, нѣтъ. — Сисели стала взвѣшивать что-то. —
Объ этомъ вы не должны беспокоиться.

— Только... только вы не знаете?

Сисели сдѣлала утвердительное движение.

— Мнѣ нечего притворяться, будто я про васъ не думала... — сказала она.

— Что-жъ, я всячески старался давать вамъ поводъ для этого, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Мнѣ кажется, я это дѣлалъ все время, съ самаго начала...

— Только... что же мы бы стали дѣлать?..

М-ръ Дирекъ подумалъ, что это былъ вопросъ на рѣдкость безхитростный.

— Какъ что? Обвѣнчались бы, — сказалъ онъ, и такъ дальше...

— Летти вотъ тоже вышла замужъ... и такъ дальше... сказала Сисели, уставившись крѣпко въ него глазами, т. к. чувствовала, что густо краснѣетъ. — И теперь Летти застряла на точкѣ замерзанія...

— Да, но они счастливы, имъ живется хорошо, не правда ли? Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось.

— Да, имъ было очень хорошо. И Тэдди милѣйшии изъ мужей. И у нихъ очаровательнѣйшии домикъ и презабавный ребеночекъ. И они играютъ въ хоккей каждое воскресенье. И Тэдди работаетъ. И каждая недѣля похожа на предыдущую. И житье прямо райское. И вѣчно такое же райское. И каждое воскресенье начинается новая такая райская недѣля. А между тѣмъ, видите ли, они живутъ на землѣ, а не на небѣ, не въ раю. И хотя они этого еще сами не замѣчаютъ, но они начинаютъ скучать. Начинаютъ надоѣдать другъ другу. Я наблюдала за ними и убѣдилась, что они начинаютъ скучать. Мнѣ это очень грустно, т. к. я люблю ихъ почти больше кого бы то ни было. Тэдди раньше все острилъ по поводу дома и ребенка, и своей работѣ, и Летти, а теперь... Онъ истощилъ весь свой запасъ остроумья. И Летти сидитъ дома и уже не поетъ больше. Имъ обоимъ страшно хочется, чтобы новое что-нибудь случилось... За тѣмъ возьмите м-ра и миссисъ Бритлингъ. Они любятъ другъ друга. Гораздо больше, чѣмъ когда-либо снилось миссисъ Бритлингъ, или приходило въ голову м-ру Бритлиngu. Когда-то и для нихъ жизнь была раемъ, тоже. Пока съ ними не сдѣлалось то, что ничего новаго въ ихъ жизни не стало случаться...

— Ну... — сказалъ м-ръ Дирекъ, — люди могутъ путешествовать.

— Но это не настоящее, отвѣтила Сисели.

— Все же путешествіе увлекаетъ, заинтересовываетъ.

— Настоящее — это какое нибудь дѣло.

— Я первый разъ встрѣчаю молодую дѣвушку съ такими взглядами. И мнѣ не хотѣлось бы этого въ васъ мѣнять. Это—частица вашего «я». Это частица всего здѣшняго дома, воздуха... Это то, что какъ будто все время говоритъ м-ръ Бритлингъ, самъ того не замѣчая. Сознаю, и меня тоже такое чувство охватило. И смѣшалось какъ-то съ моимъ представленіемъ и мыслями о васъ. И въ общемъ я въ этомъ не вижу никакого противорѣчія. Я влюбленъ въ васъ, все мое сердце влюблено въ васъ, такъ чего же этого стыдиться? Я готовъ сейчасъ, сію минуту, умереть во имя вашего малѣйшаго желанія... Какъ будто въ жилахъ моихъ течетъ не кровь, а любовь... а между тѣмъ это не отвлекаетъ меня отъ... того, другого. Наоборотъ, это меня къ тому.. другому... и ведетъ. Мнѣ начинаетъ казаться, что безъ васъ я не былъ бы способенъ ни на что, а съ вами... Мы устроились бы гдѣ-нибудь вмѣстѣ, рядомъ другъ съ другомъ, начали бы работать, дѣлать...

— А что же мы бы дѣлали? — спросила Сисели.

Бесѣда ихъ внезапно оборвалась.

М-ръ Дирекъ глубоко вдохнулъ.

— Видите вы вотъ то старое, повалившееся дерево. Я сидѣлъ на немъ третьяго дня и думалъ о васъ. Хотите пойти туда и посидѣть на немъ со мной? Когда сидишь не на немъ, передъ глазами открывается видъ восхитительный, чудесный англійскій видъ.. кусочекъ дома, и эти кучи деревьевъ, и вонъ та долина вдаль съ прудомъ, покрытымъ лиліями... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы въ томъ отраженіи его, которое я унесу въ памяти, были и вы...

Они сѣли, и м-ръ Дирекъ началъ говорить о себѣ. Вначалѣ онъ былъ какъ-то нерѣшителенъ и неувѣренъ, т. к. послѣдніе дни очень много думалъ, и ему не хотѣлось казаться Сисели тяжеловѣснымъ или черезчуръ глубокомысленнымъ, а хотѣлось просто быть безхитростнымъ и непосредственнымъ.

— Видите ли, не хочется прибѣгать къ выраженіямъ и терминологіи, которыя уже были использованы въ тысячѣ различныхъ смысловъ, и теперь могутъ какъ-нибудь быть поняты двусмысленно, и въ то же время не хочется ударяться въ фарисейство и говорить въ искусственно-повышенномъ тонѣ; но мнѣ кажется, что это «нѣчто», чего постоянно требуетъ м-ръ Бритлингъ въ своихъ статьяхъ, писаніяхъ и т. д., и чего вы такъ же упорно ищете, и что

вамъ кажется даже болѣе важнымъ, чѣмъ сама любовь — въ сущности не что иное, какъ религія, — я не подразумѣваю того или другого официального вѣроисповѣданія, но религію саму по себѣ, какую-то великую, торжественную, всеобнимающую идею, которая объединяетъ меня и васъ и весь міръ въ одно величественное, общее, вселенское цѣлое. Насколько я понимаю, вы требуете, чтобы бракъ былъ бракомъ религіознымъ, иначе жизнь будетъ расчленена: по вашему, религія и любовь — сущность жизни, и въ нихъ вся сила ея, и нельзя ихъ запречь, такъ, чтобы онѣ тянули въ различныя стороны... Такой взглядъ, такія мысли мнѣ никогда не приходили въ голову раньше, пока я сюда не пріѣхалъ и не познакомился съ вами, но теперь мнѣ кажется, какъ будто другихъ взглядовъ, другихъ мыслей у меня никогда не было... И вотъ почему вы не хотите выйти замужъ необдуманно... И вотъ почему я радъ, что вы не спѣшите выходить замужъ...

Онъ задумался и продолжалъ:

— Вотъ почему мнѣ придется поѣхать въ Германію, а за это время и вы, и я все какъ слѣдуетъ обмозгуемъ...

— Да — сказала Сисели, какъ будто взвѣсивая его слова. — Мнѣ кажется, вы правы. Мнѣ кажется, что я именно хочу религіознаго брака, и вся бѣда у Летти и Тэдди въ томъ, что они... нерелигіозны. Только...

Онъ посмотрѣлъ на нее серьезнымъ, внимательнымъ взглядомъ.

— Что такое религія? — спросила она.

Тутъ опять наступила длинная пауза.

— Почти двѣ трети докладовъ, прочитанныхъ на засѣданіяхъ «Массачусетскаго Общества», были посвящены обсужденію этого вопроса, — началъ м-ръ Дирекъ. — Одному изъ нашихъ самыхъ вліятельныхъ членовъ удалось заполучить услуги весьма образованной и умной молодой студентки мичиганскаго университета, для того, чтобы составить краткій сводъ, резюмэ всѣхъ тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны на нашихъ засѣданіяхъ. Мы печатаемъ теперь это резюмэ въ видѣ книги и выпустимъ ее осенью въ весьма художественномъ изданіи, для нашихъ членовъ. И вотъ сущность ея, резюмэ сводится къ тому, что религія и религіи вещи совершенно разныя. Большинство религій — стары, а религія—вѣчно нова... Однимъ словомъ, религія это вѣчное новооткрытіе того Великаго Нѣчто, которое находится Вонъ Тамъ. Это Великое Нѣчто получаетъ различныя названія, но если знать, что оно — тамъ, и если помнить, что оно—тамъ, это и есть религія... Вотъ какъ она прибли-

зительно резюмировала... Я пришлю вамъ эту книгу, какъ только получу экземпляръ... Я не могу выразить все такъ ясно, какъ эта студентка. У нея настоящій аналитическій умъ. Но это будетъ одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ, какія я когда-либо читалъ. Она такъ захватываетъ и такъ заставляетъ думать...

Онъ замолчалъ и въ задумчивости сталъ разсматривать землю подъ ногами.

— Жизнь, — сказала Сисели, — должна быть религиозной, иначе она рассыпается на куски... Можетъ быть, она все равно, неизбѣжно рассыпается на куски...

М-ръ Дирекъ подтвердилъ эти замѣчанія медленнымъ киваніемъ головы. Онъ промолчалъ еще нѣкоторое время, потомъ какъ будто вспомнилъ о чемъ-то, что забылось во время бесѣды на столь возвышенныя темы, и робко спросилъ:

— Ну, а вы меня... не... ненавидите?

Она улыбнулась...

— Вы меня не презираете, не считаете меня скучнымъ, неинтереснымъ?

Она продолжала такъ же успокаивающе улыбаться.

— Вы меня не считаете просто надоѣдливымъ американскимъ пошлякомъ?

— О, нѣтъ.

— И вы думаете, что я могъ бы когда-нибудь надѣяться?..

Она попыталась встрѣтиться съ нимъ глазами, полными приятной искренности, и, быть можетъ, ея взглядъ былъ искреннѣе, чѣмъ она сама того хотѣла.

— Послушайте, — сказала м-ръ Дирекъ, замѣтно волнуясь. — Я хочу васъ спросить объ одной вещи... Мы рѣшили ждать... Пока вы себѣ не выясните... Но, все же... Вы могли бы рѣшиться?.. ну, хоть одинъ разъ?.. позволить мнѣ васъ поцѣловать?..

— Я уѣзжаю въ Германію, — продолжалъ онъ въ отвѣтъ на ея молчаніе, — но врядъ ли я буду удѣлять столько вниманія этой самой Германіи, сколько я рѣшилъ... Но какъ-то... если бъ я сознавалъ и чувствовалъ... что я васъ поцѣловалъ...

Молодая дѣвушка, съ видомъ дѣланнаго спокойствія, сперва оглянулась черезъ лѣвое плечо, затѣмъ черезъ правое, и оглядѣла со всѣхъ сторонъ паркъ. Потомъ встала.

— Мы можемъ вернуться домой вонъ той дорогой, — сказала она, указывая движеніемъ головы, — черезъ ту рощицу.

М-ръ Дирекъ тоже всталъ.

— Если бъ я былъ поэтомъ или птицей, — сказалъ м-ръ Дирекъ, — я запѣлъ бы. Но т. к. я просто американскій гражданинъ, то могу только говорить обо всемъ, что я бы сдѣлалъ, если бы не былъ простымъ смертнымъ.

А когда они добрались до рощицы съ ея тропинкой, покрытой мягкимъ мхомъ, и съ глухой завѣсой густо переплетающихся вѣтвей, онъ нарушилъ молчаніе, говоря:

— Ну, здѣсь можно? Правда?

И Сисели встала передъ нимъ, прямая и сверкающая, какъ копье, съ солнечными пятнышками на ясныхъ глазахъ.

И онъ взялъ ея мягкое свѣжее лицо въ свои дрожащія руки и поцѣловалъ сладкія, полузакрытыя губы. Когда онъ поцѣловалъ ее, она задрожала, и онъ прижалъ ее крѣпче къ себѣ и поцѣловалъ бы еще разъ, но она вырвалась отъ него, и онъ не сталъ настаивать. И храня еще болѣе упорное молчаніе, глубоко задумавшись и тайно, гдѣ-то внутри себя, дрожа — эти двое внѣшне спокойныхъ молодыхъ человекъ вернулись въ Дауеръ-Хаузъ.

Послѣ чая за м-ромъ Дирекъ пріѣхалъ таксомоторъ съ узловой станціи, и онъ уѣхалъ, и послѣднее, что отъ него видѣли, была рука, размахивающая шляпой и постепенно удаляющаяся вдоль изгороди изъ шиповниковъ, ведущей отъ площадки для хоккея къ селу...

— Онъ увидитъ Германію гораздо раньше меня, — сказалъ Негг Heinrich въ порывѣ Heimweh. Я даже начинаю жалѣть, что взялъ билетъ въ Булонь...

И нѣсколько дней миссъ Сисели Корнеръ была очень серьезной и сосредоточенной молодой особой... И все о чемъ-то думала...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авторизованный переводъ съ рукописи

М. Ликтардопуло.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША.

I.

Генрихъ Сенкевичъ въ недавно вышедшемъ въ Парижѣ художественномъ изданіи «La Pologne Immortelle»¹ помѣстилъ статью «Идея отечества» (L'Idée de la Patrie), снабдивъ ее эпиграфомъ изъ Монтескье: «если бы я зналъ что-либо полезное для моего отечества, но вредное для Европы и человѣчества, я считалъ бы это преступленіемъ». Въ этой статьѣ онъ пишетъ, что Польша можетъ воскреснуть только во имя девиза: «черезъ отечество къ человѣчеству», но ни въ коемъ случаѣ не «ради отечества во вредъ человѣчеству»; только на началахъ гуманитарности, гарантировавъ всѣмъ «справедливость, свободу, право на существованіе, равенство».

Эти положенія очень знаменательны въ статьѣ консерватора, націоналиста, общезвѣстнаго писателя и общественнаго дѣятеля. Они, конечно, не даютъ ни малѣйшаго права заподозрить Г. Сенкевича въ сочувствіи демократіи, либо въ поворотѣ къ традиціямъ буржуазнаго гуманизма.

Но слова его знаменательны потому, что не только лишній разъ воочію показываютъ мощь коренящихся въ современномъ общественномъ развитіи тенденцій, но и отражаютъ тѣ объективныя условія, въ которыхъ можетъ быть разрѣшенъ польскій вопросъ.

Въ № 11 «Русской Будущности» мы читаемъ: «Въ настоящее время во Франціи, Англии, Италіи въ парламентахъ раздаются рѣчи, посвященныя польскому вопросу, смыслъ которыхъ ясенъ и краснорѣчивъ. Польскій вопросъ становится международнымъ».

Дѣйствительно, онъ сталъ таковымъ фактически съ тѣхъ поръ, какъ жизнь сокрушила основы тройственнаго союза, стоявшаго на стражѣ рѣшеній Вѣнскаго конгресса.

Его считаютъ международнымъ: большая часть французской печати, почти вся итальянская, значительная часть англійской, между прочимъ, извѣстный другъ Россіи, горячій англійскій патриотъ лордъ Эверсли², извѣстный публицистъ Т. Г.

¹ № специальн. журнала «L'Art et les artistes».

² Ewersley. «The Poland».

Гарли¹. Послѣдній даже полагаетъ, что возстановленіе полной независимости Польши очень важно для четверного согласія даже въ томъ случаѣ, если его осуществитъ Германія, ибо независимая Польша ни въ коемъ случаѣ не стала бы орудіемъ германской политики въ виду «глубокаго противорѣчія между прусскимъ милитаристскимъ режимомъ и высокой цивилизаціонной традиціей лояльности и свободы, составляющей основную психическуюособенность польскаго народа». И даже тогда, когда «Saturday Review» подъ давленіемъ «Новаго Времени» заявилъ, что Англія считаетъ польскій вопросъ внутреннимъ російскимъ, «Times», выражающій взгляды англійскихъ официальныхъ сферъ, поспѣшилъ съ разьясненіемъ, отмѣтивъ что «вопросъ объ освобожденіи Польши интересуетъ всю коалицію не меньше, чѣмъ вопросъ объ освобожденіи Бельгии и Сербіи».

Въ Парижѣ «Le Radikal», «L'Humanité», «L'Oeuvre» и другія газеты, опасаясь, что Германія и Австрія, въ интересахъ использования Польши въ военномъ отношеніи, объявятъ ее независимымъ государствомъ, считаютъ объявленіе ея таковымъ союзными государствами однимъ изъ важнѣйшихъ условій своихъ военныхъ успѣховъ. Итальянскій парламентъ единогласно принимаетъ резолюцію о независимости Польши.

Въ такомъ же духѣ польскій вопросъ горячо дебатруется въ печати американской, скандинавской, голландской, румынской, венгерской.

Возрождающаяся же демократія,

. считаетъ дѣло освобожденія Польши одной изъ частныхъ задачъ своихъ

Не впервые со времени Вѣнскаго конгресса, опредѣлившаго судьбу Польши во всю предшествовавшую настоящей войнѣ эпоху, эта страна привлекаетъ къ себѣ вниманіе Европы. Достаточно вспомнить дипломатическую дѣятельность Лафайета, Себастьяни, резолюцію французскаго Національнаго Собранія 24 марта 1848 г., отношеніе къ Польшѣ Мадзини, Гарибальди, Молодой Европы, Гладстона.

Въ 1864 г. въ ея пользу раздался голосъ объединяющейся мировой демократіи на памятномъ митингѣ въ St. Martins Hall, когда авторъ «Капитала» мотивировалъ важность освобожденія Польши необходимостью ослабленія единственнаго тогда оплота европейской реакціи.

Но тогда на горизонтѣ международной политики еле вырисовывались тѣ тенденціи, которыя нынѣ зрѣютъ на незыблемомъ фундаментѣ общественно-экономическихъ отношеній. Современная война,

¹ См. «The British Revue».

.....
.....
.....
.....
.....

внесла радикальное изменение и въ область національных вопросовъ. Она ликвидировала не сами эти вопросы, но лишь прежнюю ихъ постановку, сдѣлавъ ихъ объектомъ не национальной, государственной, а мировой политики.

Въ государствахъ, съ которыми исторія непосредственно связала судьбу Польши, очень мало считаются съ ея новымъ положеніемъ на аренѣ международной политики.

Въ Россіи въ отношеніи къ польскому вопросу замѣчается рѣдкое единодушіе.

Программа правительства, намѣченная въ общихъ контурахъ въ извѣстномъ обращеніи Главнокомандующаго къ полякамъ, была конкретизирована въ рѣчи предсѣдателя Совѣта Министровъ, обѣщавшаго Польшѣ послѣ войны автономію съ сохраненіемъ единой государственности. «Рѣчь», равно какъ и кн. Е. Трубецкой, въ общемъ и цѣломъ стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. Послѣдній, несмотря на горячія чувства, въ которыхъ онъ изъясняется полякамъ, считаетъ польскій вопросъ внутреннимъ русскимъ. Равно и Г. В. Плехановъ со своими приверженцами разсматриваетъ нынѣ Польшу, какъ неотъемлемую часть Россіи, что, какъ легко замѣтить изъ резолюціи рабочихъ, напечатанной въ № 11 «Нашего Голоса», находитъ откликъ и среди значительной части рабочихъ. Извѣстное совѣщаніе народниковъ не заняло опредѣленной позиціи въ сферѣ польскаго вопроса. Единодушіе нарушается лишь голосами отдѣльных видныхъ общественныхъ дѣятелей и писателей, какъ деп. Чхеидзе, М. Горькій, В. Черновъ, В. Ильинъ, изъ которыхъ одни стоятъ на точкѣ зрѣнія права народовъ на самоопредѣленіе, другіе, какъ В. Ильинъ, идутъ еще дальше, доказывая, что это право, въ примѣненіи къ Польшѣ, означаетъ ея государственную независимость, находя, что возстановленіе Польши диктуется русской, въ частности великорусской демократіи ея собственными интересами.

Но во взглядахъ этихъ писателей широкіе круги польскаго общества видятъ лишь отголосокъ демократіи въ ея цѣломъ, и читаютъ ихъ представителями не столько современной Россіи, сколько ея будущаго, судьба котораго зависитъ отъ соотношенія силъ въ остальной Европѣ.

То же самое можно сказать о Ледебурѣ и Либкнехтѣ въ Германіи, объ «оппозиціи» въ Австріи, высказавшихся за независимость Польши.

Что же касается нынѣшнихъ властителей Польши, то въ свое время Петроградское Телеграфное Агентство опубликовало три проекта будущаго устройства Польши, выработанныхъ въ германскихъ официальныхъ сферахъ.

Одинъ, приписываемый кронпринцу и Гинденбургу, санкционируетъ status quo, то-есть раздѣлъ русской Польши между Германіей и Австріей и предоставленіе каждой изъ частей автономіи. Согласно проекту императора Вильгельма и Бетманъ-Гольвега, Царство Польское, за исключеніемъ Ломжинской и Сувалкской губерній, которыя включаются въ составъ Пруссіи, должно стать независимымъ государствомъ, объединеннымъ съ Литвой и Вѣлоруссіей подъ скипетромъ Гогенцоллерна. И третій проектъ предполагаетъ включеніе Царства Польскаго въ составъ Австріи на началахъ, тождественныхъ съ Венгріей.

Но все это данныя не официальные. Официально германское правительство относится къ Царству Польскому, какъ къ аннектированной провинціи. Всѣ заявленія въ благопріятномъ смыслѣ для поляковъ носятъ крайне неопредѣленный характеръ. Такъ, напр., канцлеръ въ послѣдней своей рѣчи говоритъ, что «польскій вопросъ будетъ разрѣшенъ, ибо исторія не знаетъ случая, чтобы послѣ подобныхъ нынѣшнимъ потрясеній Европа вернулась къ status quo ante». «Berlin. Tagebl.» увѣряетъ, что «новый раздѣлъ Польши былъ бы величайшимъ несчастіемъ, какое можно себѣ представить, и долженъ быть исключенъ изъ области вѣроятнаго... важнѣйшей же цѣлью является для Германіи обезпеченіе восточной границы, а эта цѣль тѣмъ вѣрнѣе будетъ достигнута, чѣмъ менѣе мы будемъ въ долгу у другихъ»... А «Frankfurt. Zeit.» послѣ посѣщенія Берлина Буріаномъ сообщила изъ «вѣрныхъ источниковъ», что оккупированная часть Польши составитъ одно цѣлое подъ общимъ протекторатомъ обѣихъ центральныхъ державъ. Декларация же общественнаго мнѣнія въ видѣ выступленій паст. Наумана, профессоровъ Зеринга, Шмоллера даетъ не много утѣшительнаго полякамъ.

Въ Австріи и Венгріи общественное мнѣніе болѣе склонно считаться съ голосомъ польскаго народа, но и тамъ правительственныя сферы хранятъ гробовое молчаніе, быть можетъ, потому, что чувствуютъ свою зависимость отъ Германіи. Только нарекаемый западно-европейской печатью будущимъ польскимъ королемъ эрцгерцогъ Карлъ Стефанъ все чаще демонстрируетъ свое польское воспитаніе и свои демократическія тенденціи.

Таково положеніе польскаго вопроса на международной аренѣ. Каковы же тенденціи господствуютъ нынѣ въ средѣ населенія Царства Польскаго? Какія формы принимаетъ его «національное самоопредѣленіе»?

II.

Нынѣшняя война произвела глубокий переворотъ не только въ положеніи Польши на аренѣ мировой политики, но и въ ея внутренней жизни—въ ея экономическихъ отношеніяхъ, административномъ строѣ, культурномъ развитіи, тенденціяхъ политической мысли.

Экономическое развитіе Европы и Россіи, особенно вошедши въ стадію капитализма, сковало желѣзными узами экономическихъ интересовъ три части б. Польши съ тѣми государствами, въ предѣлахъ которыхъ онѣ преобразовывались въ современные капиталистическія страны, съ тройственнымъ союзомъ на стражѣ ихъ подневольнаго существованія.

Это породило впервые переворотъ въ польской политической мысли.

Уже въ 1863 г. польское національное движеніе ограничилось одной лишь русской Польшей, связанной тогда лишь механически съ Россіей вслѣдствіе экономической и политической отсталости послѣдней.

Съ 60 г.г. XIX ст. и процессъ сплоченія Царства Польскаго съ Россіей подвигается быстро впередъ. Упраздненіе отдѣлявшей ихъ таможенной линіи, крестьянская реформа 1861—64 г.г., объединеніе ихъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ—дали сильный толчекъ промышленному развитію Польши. Сумма промышленнаго и земледѣльческаго производства достигла въ теченіе 50 лѣтъ 2 миллиардовъ рублей, прибыли предпринимателей удесятились; населеніе Варшавы увеличилось съ 300.000 до 900.000, а Лодзи съ 40.000 до 600.000; развился крупный горнозаводскій центръ—Домбровско-Сосновицкій районъ.

Буржуазія, въ значительной мѣрѣ еврейская и нѣмецкая по своему происхожденію, стала на мѣсто дворянства во главѣ общественной жизни страны. Общія тенденціи торгово-промышленнаго развитія обусловили характеръ ея политическихъ стремленій. Вліяніе на общественную жизнь государственнаго режима, отдѣльныя неблагоприятныя для самаго экономическаго развитія страны проявленія экономической политики правительства и стремленія русской буржуазіи—отошли въ эпоху, предшествовавшую войнѣ, на задній планъ въ виду колоссальныхъ выгодъ, доставляемыхъ сбытомъ 65% товаровъ на русскихъ и восточныхъ рынкахъ.

Буржуазія въ лицѣ своихъ идеологовъ—Б. Пруса, А. Сентоховскаго и др. отказалась отъ традиціоннаго политическаго идеала и превозгласила т. н. «программу органическаго труда»

Польская демократія 80 гг. тоже не выставляетъ въ своей программѣ традиціоннаго постулата. Но въ свѣдѣнн договорѣ съ едуской демократіей она говоритъ, однако, что когда вробѣтъ

часть побѣды, то каждая изъ демократій въ своей странѣ сама приступитъ къ проведенію въ жизнь той части своей программы, для которой къ тому времени назрѣютъ условія.

Въ 1893 г. часть польскихъ демократовъ, совершенно свободная отъ пережитковъ націонализма, идя по пути своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, провозглашаетъ ревизию прежней польской программы, выдвигая на ея мѣсто постулатъ автономіи на почвѣ демократизации общегосударственного строя.

Программа сторонниковъ тѣснаго единенія съ російской демократіей постепенно стала формулой національного самоопредѣленія всѣхъ слоевъ народа, какъ это особенно ярко обнаружилось въ 1905 г., когда постулатъ автономіи въ той или иной формѣ былъ выдвинутъ всѣми политическими партіями и поддержанъ народными массами.

Но если польская демократія рассчитывала на осуществленіе своихъ стремленій при содѣйствіи російской демократіи и вела борьбу на два фронта — съ польской буржуазіей и русской реакціей, то польская буржуазія въ этой борьбѣ сблизилась съ послѣдней, находя у нея всегда поддержку и постепенно подвергаясь ея влиянію. Национальдемократическая партія съ Р. Дмовскимъ во главѣ, отличавшаяся крайнимъ шовинизмомъ, нѣкогда (въ 80 и началѣ 90 гг.) мечтавшая о возстановленіи Польши при помощи Австріи, рѣзко измѣнила подъ влияніемъ событій 1905 г. свою позицію и de facto стала отрядомъ общегосударственной реакціи въ Польшѣ. Борьба съ демократическимъ движеніемъ, начиная съ объявленія манифеста 17 октября, велась тѣми же приемами, что въ Россіи союзомъ русскаго народа. Когда въ 1908 г. движеніе это начало оправляться отъ напесеннаго ему удара, Н—Д. не преминула, во имя принципа *divide et impera*, использовать въ борьбѣ съ нимъ наростающій польско-еврейскій конфликтъ.

Тождественный процессъ сближенія разныхъ слоевъ польскаго народа съ соответствующими имъ сферами господствующей націи замѣчался въ прусской Польшѣ и отчасти въ Галиціи.

Въ послѣдней—лишь отчасти, ибо она, благодаря своимъ свободнымъ учрежденіямъ, стала крупнымъ центромъ духовной жизни народа и затѣмъ источникомъ стремленій къ его независимости.

Народъ былъ расколотъ на три части различными политическими и экономическими интересами.

И неудивительно, что, когда въ началѣ нынѣшней войны польскій народъ очутился въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ, обусловленные интересами буржуазіи Царства Польскаго и Галиціи двѣ «оріентации»—«русская» и «австрійская»—нашли откликъ въ значительной части народныхъ массъ, особенно въ

Галиціи. гдѣ этому способствовали и политическая обстановка, и сравнительно слабая дифференціація населенія. Лишь въ Царствѣ Польскомъ со стороны передовыхъ слоевъ демократіи раздался голосъ, осуждающій обѣ оріентаціи, а представители крестьянъ выразили рѣзкій, горячій протестъ противъ высту-
пленія отъ имени народа организованнаго подъ руковод-
ствомъ Р. Дмовскаго Варшавскаго Національнаго Комитета.

III.

Современная Польша и по своему экономическому и поли-
тическому положенію, и по условіямъ и характеру культурнаго
развитія, и по тенденціямъ въ развитіи ея политическихъ иде-
аловъ представляетъ собой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что мы
видѣли до войны.

Наступилъ моментъ, нѣкогда относимый идеологами поль-
ской демократіи къ числу «непредвидѣнныхъ» обстоятельствъ.

Жизнь постепенно измѣняетъ всѣ тѣ основы, на которыхъ
зиждилась созданная путемъ ревизіи завѣтовъ учителя ея
политическая программа. Современными военными событіями
Польша отрѣзана отъ Россіи и въ экономическомъ, и въ по-
литическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. Она, какъ это пра-
вильно отмѣтила между прочимъ «Русская Будущность», стала
объектомъ міровой политики, въ сферѣ которой вся создавшаяся
ситуація выдвигаетъ передъ демократіей ту самостоятельную
роль, какую ей когда-то преждевременно приписывалъ К. Кел-
лесъ-Краузь.

Война не только разорила Польшу еще въ большей степени,
чѣмъ Бельгію, но также усилила и вскрыла тенденціи, раньше
коренившіяся въ нѣдрахъ ея общественной жизни лишь въ
зачаточномъ состояніи. Та кровавая драма, ареной которой
стала Польша, явилась неминуемой развязкой назрѣвавшего
въ теченіе многихъ десятилѣтій конфликта между раздѣлив-
шими ее государствами. Но если бы даже эта драма разыгра-
лась гораздо позже, развитіе капитализма въ Россіи и Польшѣ
обратило бы вызванныя имъ связующія тенденціи въ ихъ про-
тивоположность и не могло бы ве ослабить тѣхъ тѣсныхъ узъ, ко-
торыя соединяли эти страны. Извѣстный конфликтъ между
Москвой и Лодзью, имѣвшій мѣсто въ 80 гг. XIX ст. изъ-за
русскихъ и восточныхъ рынковъ, предвѣщалъ это.

Правда, тогда таможенная линія между Россіей и Цар-
ствомъ Польскимъ, которой добивались московскіе промышлен-
ники, не была восстановлена. Но постепенно, изъ года въ годъ
быстро растущая польская промышленность встрѣчала все
большія затрудненія въ общей таможенной политикѣ госу-
дарства и желѣзнодорожныхъ тарифахъ. По мнѣнію, выска-
занному еще до оккупаціи Варшавы въ органѣ «Priegląd Tech-

pięznu», «протекціонизмъ дѣйствующаго тарифа вредно отражался на экономическомъ развитіи Польши. Отдѣляя насъ искусственно отъ естественныхъ рынковъ сбыта, вызывая искусственное повышеніе цѣнъ на сырье, тормозя развитие наше въ соотвѣтствующемъ намъ направленіи, тарифный уставъ съ одной стороны не даетъ намъ возможности расширять рынокъ и въ то же время приковываетъ насъ къ русскому рынку, съ другой же стремясь къ усилению роста русской промышленности, работаетъ успѣшно надъ удаленіемъ насъ съ этого единственнаго доступнаго намъ рынка». Г. М. Лѣвый въ недавно появившейся книгѣ «Zysie ekonomiczne Krolestwa Polskiego» указываетъ, что тяжести таможенной политики крайне неравномерно обременяли населеніе Польши по сравненію съ Россіей, ибо въ Польшѣ падали на одну душу населенія въ размѣрѣ 2 р. 63 к., въ Россіи же—въ размѣрѣ 1 р. 63 к.

Экономическое развитіе Польши страдало также и вслѣдствіе неравномернаго распредѣленія налоговъ. Такъ, напр., по вычисленію г. В. Жуковскаго, на одного жителя Россіи причитается въ годъ не болѣе 90 к. прямого налога, на одного жителя Царства Польскаго—не менѣе 2 рублей. Налогъ на городское недвижимое имущество составлялъ въ Царствѣ Польскомъ 25 % количества, взимаемаго во всемъ государствѣ. Что касается распредѣленія расходовъ на нужды края, то довольно отмѣтить, что расходы Минист. Народн. Просв. составляли въ Царствѣ Польскомъ—2½ % общей суммы расходовъ, а министерствъ Военнаго и Внутрен. Дѣлъ—42 %.

Въ самомъ началѣ войны прекратился и благопріятный для Польши торговый обмѣнъ съ Россіей, что, по мнѣнію г. Кафенгауза въ «Русск. Вѣд.», несмотря на условія военнаго времени, вызвало сильное оживленіе въ русской промышленности, открывъ ей широкій просторъ на рынкѣ.

Въ свѣтѣ разразившагося въ Польшѣ экономическаго кризиса рельефно выступили всѣ отрицательныя стороны ея положенія, не игравшія раньше рѣшающей роли.

А кризисъ этотъ принялъ неслыханные размѣры. По заключенію отчета комиссіи Рокфеллера, составленнаго лицомъ, принимавшимъ въ свое время участіе въ экспедиціяхъ, оказывавшихъ помощь голодающимъ въ Индіи и Китаѣ, а затѣмъ недавно объѣхавшимъ Бельгію, картина несчастій, представившаяся тамъ его взору, не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Польшѣ (см. московскую «Gazeta Polska», № 76).

Согласно ряду источниковъ ¹⁾, въ Русской Польшѣ было

¹ Вышеуказанный отчетъ ком. Рокфеллера, отчетъ Лозанскаго комитета помощи жертвамъ войны, книга «La Pologne devoslée» гр. Лелюховской, статьи В. Грабсагко etc...

уже къ 1 января 1915 г. разрушено городовъ и мѣстечекъ—200, деревень—9.000, изъ которыхъ 5.000 совершенно сравнены съ землей. Общая сумма потерь—свыше 3.000.000.000 фр., реквизировано около 2½ мил. рогатаго скота и 600.000 лошадей.

Населеніе уменьшилось къ 1 января 1916 г. приблизительно на 3.000.000; эвакуировано въ Россію—1.200.000; ушло въ Германію на заработки 400.000; нѣсколько сотъ тысячъ умерло отъ заразныхъ болѣзней, голода, истощенія.

На гораздо меньшей, чѣмъ Царство Польское, территоріи Галиціи разрушено 100 городовъ и 6.000 деревень, изъ которыхъ 2.500 представляютъ собой одни лишь пепелища.

Сожжены 700 костеловъ, много замковъ, среди которыхъ были богатые хранилища историческихъ памятниковъ и искусства. Свыше 100.000 рабочихъ лишены заработка. Реквизировано около 2.000.000 рогатаго скота и лошадей.

Изъ общей суммы 1.500.000 поляковъ, сражающихся въ арміяхъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, около 750.000 выбыло изъ строя убитыми, ранеными, плѣнными.

Несмотря на весь ужасъ своего положенія, населеніе Польши, особенно городское, выказало невѣроятную энергію и жизнеспособность въ неимовѣрно тяжелой борьбѣ за существованіе. По отзывамъ, напр., нѣмецкихъ газетъ, нѣмецкія власти, занявъ Варшаву, нашли ея населеніе организованнымъ вокругъ Гражданскаго Комитета, усердно работавшимъ надъ приведеніемъ города въ нормальное состояніе, способнымъ къ самостоятельной общественной жизни. Это, несомнѣнно, повліяло на политику ихъ въ Польшѣ. Въ то время, какъ въ Познани продолжаютъ репрессіи, въ Царствѣ Польскомъ, на ряду со всей строгостью военной диктатуры, замѣчаются явно демагогическія тенденціи, направленные на то, чтобы снискать расположеніе къ Германіи всего населенія независимо отъ національности.

Нѣмецкія власти сохранили за собой формально лишь роль внѣшняго регулятора общественной жизни, передавъ управленіе страной, впредь до введенія самоуправления, гражданскимъ комитетамъ.

Но далеко не всегда фактическое положеніе дѣлъ соотвѣтствуетъ формальному.

Такъ, въ концѣ 1915 г. были закрыты центральный и окружные гражданскіе комитеты, но вскорѣ, правда, были восстановлены. Была также распущена временно городская милиція, тоже восстановленная нынѣ и находящаяся въ завѣдываніи гражданскаго комитета подъ командой кн. Ф. Радзивилла.

На ряду съ содѣйствіемъ развитію земледѣлія и добывающей промышленности замѣчается тенденція къ сосредоточенію въ нѣмецкихъ рукахъ — обрабатывающей промышленности.

Основываются нѣмецкія предпріятія, открываются отдѣленія германскихъ банковъ. Реквизиція цѣлаго ряда продуктовъ, обложеніе городовъ контрибуціей падаеть тяжелымъ бременемъ на экономическую жизнь страны.

Строгость цензуры дошла до того, что конфискуются даже австрофильскія изданія.

И даже тѣ гражданскія права, которыми власти надѣлили населеніе, онѣ въ отдѣльных мѣстахъ модифицируютъ, спабажаютъ особыми распоряженіями, направленными къ его денаціонализаціи.

Оффиціальнаго языка, напр., въ странѣ два—польскій и нѣмецкій; объявлена терпимость еврейскаго языка.

Судопроизводство ведется по-польски; сношенія съ высшими властями — по нѣмецки. Евреи изъясняются въ судахъ на родномъ языкѣ, причемъ ихъ рѣчи переводятся. Въ Лодзи, гдѣ нѣмецкій элементъ многочисленъ, была, однако, сдѣлана генер. фонъ-Оппеномъ попытка ввести судопроизводство на нѣмецкомъ языкѣ, но встрѣтила энергичный отпоръ со стороны адвокатовъ и части судебного персонала.

Въ Варшавѣ, какъ извѣстно, основаны Университетъ и Политехникумъ съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ. На польскомъ же языкѣ ведется обученіе во всѣхъ общинныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ нѣкоторыхъ еврейскихъ школахъ, несмотря на протестъ еврейскихъ общинъ, введено преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ. Сдѣлавъ это, завоеватели имѣли въ виду использовать родство нео-еврейскаго языка съ нѣмецкимъ и обратить евреевъ въ орудіе германизации страны; поддерживая же искусственно такимъ образомъ вражду между польскимъ и еврейскимъ элементомъ, тѣмъ прочнѣе усилить свою власть.

Вполнѣ открыто, беззащѣнно происходитъ преслѣдованіе рабочаго движенія, лишь только оно проявляется въ болѣе или менѣе боевой формѣ. Ибо въ этомъ отношеніи власти пахотятъ поддержку у польской буржуазіи, какъ это имѣло мѣсто въ Лодзи уже въ 1915 г.

Дѣятельность гражданскихъ комитетовъ можетъ быть раздѣлена на три категоріи:

- 1) заботы о возстановленіи разрушеннаго и пропитаніи населенія;
- 2) выработка законопроекта о городскомъ самоуправленіи;
- 3) школьное дѣло.

Центральный гражданскій комитетъ сыгралъ важную роль въ жизни польскаго народа въ его цѣломъ.

Его дѣятельность на пользу возрожденія страны, несмотря на препятствія, создаваемые военнымъ временемъ, связала между собой не только поляковъ всѣхъ трехъ захватовъ, но,

черезъ посредство комитета помощи жертвамъ войны въ Польшѣ, и поляковъ, живущихъ въ Америкѣ, число которыхъ превосходить 2 ½ мил., а собранныя ими пожертвованія составляютъ 2/3 суммъ, собранныхъ этимъ комитетомъ.

Въ самомъ же Царствѣ Польскомъ въ процессѣ вышеуказанной дѣятельности произошло сближеніе польскаго и еврейскаго населенія. Лишь только населеніе Польши получило относительную свободу, лишь только клика крайшихъ реакціонеровъ оставила страну, процессъ ликвидаціи польско-еврейскаго конфликта всталъ въ порядокъ дня, какъ важнѣйшая очередная задача. Крайне натянутыя раньше отношенія между гражданскими комитетами и существующими при нихъ еврейскими секціями постепенно ослабѣваютъ.

Возникшее въ Лодзи трение при распредѣленіи школьнаго бюджета было лишено того остраго враждебнаго характера, которымъ раньше отличались польско-еврейскія отношенія. Протестъ варшавской еврейской общины противъ попытки введенія нѣмецкаго языка въ еврейскихъ школахъ, съ одной стороны, обращеніе къ евреямъ предсѣдателя Главнаго Национальнаго Комитета Яворскаго, высказавшагося за надѣленіе ихъ гражданскими и политическими правами—съ другой—оказали значительное содѣйствіе дѣлу сближенія. Выработанная въ апрѣлѣ при участіи представителей берлинскаго еврейскаго комитета большинствомъ еврейскихъ партій программа школьной автономіи евреевъ вполне укладывается въ рамки правъ, возвѣщенныхъ евреямъ г. Яворскимъ. Симптомами сближенія могутъ считаться такія проявленія общественной жизни, какъ: непрекращающаяся совмѣстная дѣятельность польской и еврейской демократіи, между прочимъ—демонстраціи польскихъ и еврейскихъ рабочихъ въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права для выборовъ въ органы самоуправления, торжественная демонстрація польскихъ и еврейскихъ народныхъ массъ во время похоронъ на еврейскомъ кладбищѣ поручика легіоновъ Мансперля, участіе еврейскихъ массъ въ 250-тысячной демонстраціи въ день годовщины конституціи 3 мая, привѣтствіе по поводу этой годовщины со стороны еврейскихъ націоналистическихъ газетъ.

Общественная жизнь Царства Польскаго постепенно освобождается отъ національныхъ конфликтовъ и развивается по линіи классоваго дѣленія.

Въ мелко-буржуазной по типу своихъ хозяйственныхъ отношеній Галиціи рабочая демократія черезъ своихъ представителей вошла, какъ извѣстно, въ Главный Национальный Комитетъ и всецѣло подчинилась ему, недавно совмѣстно съ нимъ объединившись съ реакціоннымъ Польскимъ Коло въ рейхсратъ.

Характерной же особенностью Царства Польскаго является отсутствие въ немъ гражданскаго мира съ самаго начала войны.

Въ этомъ сказались—на ряду съ обусловленной развитіемъ капитализма сильной дифференціаціей населенія также послѣдствія многолѣтней борьбы рабочей демократіи съ польскимъ націонализмомъ.

Рядомъ съ гражданскими комитетами развиваютъ широкую всестороннюю дѣятельность рабочіе хозяйственныя совѣты, составленные изъ представителей трехъ политическихъ рабочихъ организацій, и бюро профессиональныхъ союзовъ, фактически являющіяся центромъ классового рабочаго движенія. Они составляютъ совершенно самостоятельныя классовыя организаціи, устраиваютъ забастовки и протесты, подвергаютъ рѣзкой критикѣ дѣятельность гражданскихъ комитетовъ и въ то же время по мѣрѣ надобности входятъ съ ними въ дѣловыя соглашенія и участвуютъ черезъ своихъ представителей въ существующихъ при этихъ комитетахъ специальныхъ секціяхъ, т. н. «делегаціяхъ», по вопросамъ: 1) квартирному, 2) организаціи публичныхъ работъ, 3) муниципализаціи торговли жизненными припасами, 4) фабричной инспекціи.

Профессиональные союзы дѣлятся: на 1) классовыя—польскіе и еврейскіе и 2) нейтральныя, по своей идейной позиціи все болѣе приближающіеся къ первымъ. Число организованныхъ въ классовыя союзы равняется 15.000.

Въ первую голову гражданскіе комитеты озаботились возстановленіемъ разрушенныхъ зданій, мостовъ, дорогъ и подъемомъ торговли, промышленности и земледѣлія.

Объ успѣхахъ въ этой области пока имѣется очень немного данныхъ. Изъ московской «Gazety Polskiej» узнаемъ, что дѣломъ возстановленія зданій и дорогъ заняты 35.000 рабочихъ, 1.100 инженеровъ, что въ теченіе 6 мѣсяцевъ 1915 г. израсходовано 20 мил. рублей, употреблено 2.200.000.000 тоннъ камня. Известно, что возстановлены мосты, построено 6.000 километровъ шоссеиныхъ дорогъ.

Промышленность, однако, до сихъ поръ находится въ крайне печальномъ состояніи. Работаютъ кожевенныя заводы, доставляя предпринимателямъ 25 % дивиденда, металлическіе заводы, занятые приготовленіемъ аммуниціи, началась работа на сахарныхъ заводахъ, на нѣкоторыхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ въ Лодзи и ея окрестностяхъ. Отстроены и пущены въ ходъ многія каменноугольныя копи, нѣкоторые металлическіе заводы въ Сосновицко-Домбровскомъ районѣ, гдѣ даже недавно на заводѣ «Гр. Ренардъ» имѣла мѣсто успѣшная забастовка за повышеніе заработной платы. Сравнительно быстрое развитіе профессиональнаго союза мельничныхъ рабочихъ указываетъ на оживленіе въ этой области производства.

Но все же въ странѣ числится 400.000 слишкомъ безработныхъ, а въ одной лишь Варшавѣ—80.000 нищихъ.

Нѣкоторое представленіе о матеріальномъ положеніи населенія и косвенно о состояніи промышленности можно себѣ составить по отчетамъ о дѣятельности Варшавскаго Гражданскаго комитета и хозяйственной рабочей комиссіи въ сферѣ пропитанія населенія. Въ ежегодномъ бюджетѣ г. Варшавы расходы съ 1914 г. по 1917 г. поднялись съ 12.534.738 р. до 17.543.155 р. Изъ этой суммы въ мартѣ н. г. было выдано, въ различной формѣ, нуждающимся—976.593 р.

Варшавскимъ гражданскимъ комитетомъ устроено въ городѣ около 100 дешевыхъ столовокъ, отпускающихъ ежедневно 105.000 порцій взрослымъ и 30.000 дѣтямъ. Обѣды даются двухъ категорій—платные, по 10 коп., и бесплатные. Хозяйственной рабочей комиссіей открыто 13 столовокъ въ рабочихъ кварталахъ, въ которыхъ безработные, прежде всего члены проф. союзовъ, получаютъ обѣды по 6 коп., по качеству превосходящіе выдаваемые въ столовкахъ гр. комитета; 3.000 обѣдовъ ежедневно выдается бесплатно. Ею организованы также столовые и въ другихъ городахъ, напр., въ Лодзи, гдѣ къ 1 января ихъ числилось 16; тамъ же устроены собственный складъ продуктовъ для снабженія столовыхъ и потребительное общество—«Работникъ», имѣющее въ городѣ двѣ лавки.

Лодзинскія столовыя гражданскаго комитета и рабочей Комиссіи выдаютъ вмѣстѣ ежедневно 30.000 бесплатныхъ обѣдовъ; помощь отъ лодзинскаго гражданскаго комитета получаетъ 77.094 взрослыхъ и 62.120 дѣтей. Въ Сосновицахъ пользуется бесплатными обѣдами 32.000 человекъ. Профес. союзъ текстильнаго производства добился отъ предпринимателей выдачи пособій нуждающимся и безработнымъ.

Дѣятельность общественныхъ учреждений по пропитанію населенія сильно затрудняется дороговизной, обусловленной, съ одной стороны, спекуляціей посредниковъ и самихъ предпринимателей, съ другой—недостаткомъ въ продуктахъ. Такія строгія мѣры властей противъ спекуляціи, какъ закрытіе въ Варшавѣ 23 булочныхъ и арестъ 5 предпринимателей, не достигаютъ желаемыхъ результатовъ. Большее значеніе имѣть монополизациа торговли продуктами первой необходимости.

Цѣна муки, однако, въ теченіе 20 мѣсяцевъ поднялась на 1.500 %, сала на 800 %, сахару на 600 %. Цѣна 1 фунта мяса въ среднемъ—1 р.; соли—7—8 коп.

Съ цѣлью облегченія пропитанія населенія состоялся договоръ между центр. гражд. комитетомъ и правительствомъ Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ о доставкѣ послѣднимъ продуктовъ въ Царство Польское, но его реализация, согласно свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ № 85 киевской газеты «Dziennik

Kijowski», въ теченіе свыше полугода встрѣчаетъ препятствіе со стороны правительствъ четверного согласія.

Насколько тяжело матеріальное положеніе въ Галиции, видно хотя бы изъ того, что въ бюджетѣ г. Кракова числится 1.800.000 кронъ дефицита, а г. Львова—6.799.000 кр.

Что касается закона о самоуправленіи, то, согласно проекту, выработанному специальной комиссіей при центр. гражд. комитетѣ, правомъ выбора членовъ варшавскаго городского совѣта пользуются: 1) всѣ мужчины, достигшіе 25 лѣтъ, умѣющие читать и писать по-польски и снимающіе квартиру на свое имя, либо платящіе не менѣе 5 р. квартирнаго налога, отъ котораго, впрочемъ, освобождаются лица, окончившія среднее учебное заведеніе; 2) женщины, имѣющія не менѣе 25 лѣтъ и обладающія недвижимымъ имуществомъ. Быть избранными въ совѣтники могутъ мужчины, достигшіе 30 лѣтъ и имѣющіе аттестатъ зрѣлости.

Законъ объ уѣздномъ самоуправленіи изданъ властями по ихъ собственному усмотрѣнію и хотя предоставляетъ широкія права уѣзднымъ сеймамъ, но основанъ на куріальномъ принципѣ, вслѣдствіе чего лишень даже той доли демократизма, которой обладаетъ законопроектъ, составленный гражданскимъ комитетомъ для Варшавы.

Выработка же законопроекта самоуправления остальныхъ городовъ поручена властями мѣстнымъ гражданскимъ комитетамъ, въ виду чего центр. гр. комитетъ разослалъ послѣднимъ циркуляръ, предлагая привлечь къ участию въ самоуправленіи возможно болѣе широкіе слои населенія.

Въ культурной жизни страны, несмотря на крайне тяжелое ея экономическое положеніе, проявляется поразительный подъемъ.

Довольно просмотрѣть отчеты завѣдующей школьнымъ дѣломъ специальной комиссіи при ц. гр. комитетѣ, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Въ настоящее время, хотя массы молодежи находятся на фронтѣ, все же въ Варшавскомъ Университетѣ числится 1.500 слушателей обоого пола. На ряду съ Университетомъ и Политехникумомъ успѣшно функционируютъ: высшіе общеобразовательные курсы, Высшая Художественная Школа, высшее техническое училище въ Лодзи, Народный Университетъ съ отдѣленіями въ различныхъ городахъ, строго демократическія культурно-образовательныя общества—польское «Wiedza» (знаніе) и специальное еврейское—«Арфа». Школьный бюджетъ г. Варшавы составляетъ 1.827.000 р., г. Лодзи—1.350.000 р.

Согласно корреспонденціи, появившейся въ № 11 выходящаго въ Петроградѣ журналѣ «Sztandar» въ 1914 г., въ варшавскихъ городскихъ начальныхъ школахъ числилось 381 отдѣ-

лене; въ настоящее время ихъ—452. Въ 1914 г. въ нихъ обучалось 12.000 дѣтей; въ настоящее время въ этихъ школахъ числится 16.830 дѣтей. По даннымъ же «Narzod'a», число обучающихся нынѣ въ начальныхъ городскихъ школахъ доходить до 22.000. Проектируется открытіе въ началѣ 1916—1917 учебнаго г. еще 40 отдѣленій.

Особенно бросается въ глаза ростъ учительскаго персонала; въ 1914 г. въ вышеуказанныхъ школахъ числилось 135 учителей; нынѣ—427.

Ростъ начальныхъ школъ въ Лодзи представляется слѣдующимъ образомъ. Польскихъ школъ было въ 1914 г.—47 съ 152 отдѣленіями и 6.950 обучающимися; нынѣ числится 61 школа съ 230 отд. и 11.950 дѣтьми; нѣмецкихъ школъ въ 1914 г. было—31 съ 94 отд. и 4.900 обучающимися; нынѣ—40 школъ, 124 отдѣленія, 6.500 дѣтей; еврейскихъ школъ числилось въ 1914 г.—18, въ нихъ было 58 отдѣленій, обучалось 2.980 дѣтей; въ 1916 г.—32 школы, 144 отдѣленія, 7.450 дѣтей.

Изъ Люблина въ «Sztandar'ѣ» сообщаютъ, что тамъ въ сравнительно короткое время открытъ рядъ новыхъ школъ городскихъ и частныхъ; организованы: высшіе общеобразовательные курсы, курсы педагогическіе, коммерческіе для рабочихъ, школа для разносчиковъ газетъ, ремесленное училище, реальное, народный Университетъ, курсы для неграмотныхъ, лекціи для молодежи и дѣтей. Петроковскія газеты отмѣчаютъ неслыханный ростъ спроса на польскіе учебники, указывая на то, что одинъ лишь магазинъ Шустера продалъ таковыхъ въ теченіе послѣдняго учебнаго года 11.000, въ то время, какъ до войны за тотъ же промежутокъ времени продавалъ приблизительно 300.

По даннымъ «Głosu Narodu» въ Ченстоховѣ школьное дѣло находится въ полномъ расцвѣтѣ.

Сильное оживленіе замѣчается въ искусствѣ. Варшавскіе театры переживаютъ періодъ величайшаго расцвѣта. Репертуаръ отличается большимъ разнообразіемъ. Преобладаютъ произведенія Выпянскаго, Словацкаго, Мипкевича, постановка которыхъ только въ настоящее время впервые стала возможной, но ставятся и русскія, французскія, нѣмецкія пьесы. Въ рубрикѣ объявленій одной изъ газетъ читаемъ, напр.:

Въ Польскомъ Театрѣ сегодня «Варшавянка», завтра—«Освобожденіе», послѣзавтра — «Свадьба», въ воскресенье—«Царь Павель»; въ Драматическомъ сегодня—«Ноябрьская ночь» (возстаніе 1831 г.); въ Лѣтнемъ: «Танецъ чиновниковъ», въ Маломъ—«Сибирь», «Х Павльонъ».

Въ Филармоніи происходитъ рядъ концертовъ, гдѣ исполняются произведенія Шопена, Бетховена, Вагнера, Чайковскаго, Дебюсси.

Во всѣхъ газетахъ расширенъ отдѣлъ театральнoй критики. Послѣдняя обыкновенно не ограничивается разборoмъ выполнения ролей, по прежде всего подвергается анализу психологическое и политическое значеніе пьесы, разсматривая съ этой точки зрѣнія само вынолненіе. Такъ, напр., послѣ представленія «Варшавянки» С. Высянскаго «Kurjer Warsz.», разобравъ содержаніе драмы, нашелъ ее несвоевременной въ виду вызываемаго ею у зрителей пессимистическаго настроенія. Напротивъ, представленіе «Освобожденія» того же автора явилось настоящей эпохой въ жизни Варшавы. Начались дебаты по поводу этой драмы; Высянскій впервые единогласно былъ признанъ гениемъ, духовнымъ вождемъ народа. Сильный подъемъ духа обнаружился въ пластическомъ искусствѣ. Выставленныя въ Краковѣ новыя картины Я. Мальчевскаго поражаютъ мощью и вѣрой въ силу и будущность народа и лишены того элемента грусти, которымъ отличается почти все польское искусство и который по временамъ пробивался и у Мальчевскаго.

IV.

Измѣненіе во внѣшнихъ и внутрeнныхъ условіяхъ развитія польскаго народа вызвало новый переворотъ и въ его національномъ самоопредѣленіи.

Процессъ національнаго самоопредѣленія, различный по своему внутреннему содержанию въ буржуазной и демократической средѣ, все же въ общемъ и цѣломъ совершается въ одномъ направленіи. Австрійская и русская оріентаціи, господствовавшія въ Царствѣ Польскомъ въ началѣ войны, въ настоящее время не отражаютъ болѣе тенденцій польской политической мысли.

Австрійская и русская оріентаціи имѣютъ теперь совершенно другой характеръ, чѣмъ въ началѣ войны. Гл. Національный Комитетъ пріобрѣтаетъ популярность благодаря не австрофильской оріентаціи, а той роли, которую онъ сыгралъ въ развитіи политической мысли въ Польшѣ. Онъ впервые въ Царствѣ Польскомъ положилъ основы сильному буржуазно-демократическому теченію.

Въ его составъ, какъ извѣстно, вошли представители всѣхъ политическихъ партій въ Галиціи и нѣсколькихъ крестьянскихъ мелко-буржуазныхъ и рабочихъ группъ въ Царствѣ Польскомъ. Подъ давленіемъ популярной среди массъ галиційской рабочей партіи его политическая линія стала равнодѣйствующей всѣхъ принадлежащихъ къ нему партій и приняла буржуазно-демократическій характеръ. Онъ поставилъ себѣ задачу, не выполненную раньше именно за отсутствіемъ въ Польшѣ буржуазной демократіи,—пропагандировать идею возстановленія Польши. Во имя этой идеи образовались легіоны, а отнюдь не съ цѣлью борьбы за пріосоединеніе Царства Польскаго въ Австріи, а тѣмъ болѣе къ

Германи. Гл. Н. Комитетъ лишь разсчитывалъ, что Австрія и Германія окажутъ въ своихъ собственныхъ интересахъ содѣйствіе этому дѣлу. Онъ въ то же время всегда признавалъ и отстаивалъ право населенія Царства Польскаго самому рѣшить свою судьбу, хотя большинство страны не сочувствовало его политикѣ. Въ интересахъ мобилизаціи всѣхъ общественныхъ силъ Польши для совмѣстной работы надъ ея возрожденіемъ гл. п. Комитетъ старался смягчить польско-еврейскій конфликтъ, а обращеніе его предсѣдателя Яворскаго къ евреямъ появилось въ тотъ моментъ, когда острыми формами этого конфликта стали тяготиться даже антисемиты. Вотъ вслѣдствіе такого характера дѣятельности г. п. комитета ему и удается усиливать свое вліяніе въ Царствѣ Польскомъ. Тѣмъ не менѣе, капиталистическая буржуазія и большинство рабочихъ относятся къ нему критически. Сгруппировались же вокругъ него главнымъ образомъ организаціи крестьянскія и мелко-буржуазныя.

Политика же Германіи въ Польшѣ и ея вліяніе на Австрію ослабили среди нихъ симпатіи къ послѣдней и поколебали надежды на нее даже въ средѣ самаго гл. п. комитета.

Въ отвѣтъ на статью Шмоллера д-ръ Тодко, бывшій виднымъ сторонникомъ австрійской оріентаціи, пишетъ въ «*Pölnische Blätter*»:

«Если бы проектъ Шмоллера осуществился, въ Польшѣ осталось бы 10 милл. поляковъ, а 14 мил. жило бы за ея предѣлами. Въ Польшѣ мы составляли бы только половину населенія, вслѣдствіе чего невозможно было бы даже мечтать о польскомъ характерѣ этой Польши. Находясь въ вѣчномъ конфликтѣ съ Россіей, борясь непрерывно съ непольской половиной населенія, мы были бы въ то же время свидѣтелями постепенной германизациі 4 мил. поляковъ въ Пруссіи. Но нашему взору представлялась бы также еще болѣе привлекательная картина—постепеннаго поглощенія Галиціи идеей Габсбургскаго трупа. Безъ моря! Безъ горнозаводской Силезіи! Нѣтъ, г. Шмоллеръ, какую бы судьбу намъ ни готовили война и будущій европейскій конгрессъ, мы желаемъ объединенія всего народа на исконныхъ польскихъ земляхъ, на началахъ безусловнаго польскаго большинства. Всякіе иные проекты нашъ народъ отвергаетъ».

Одновременно съ ослабленіемъ австрійской оріентаціи подвергается полной ликвидаціи оріентація Р. Дмовскаго и К-о. Состоявшееся въ апрѣлѣ въ Варшавѣ совѣщаніе прогрессивныхъ партій, о которомъ въ свое время сообщали «День» и другія газеты, высказалось противъ новаго раздѣла Польши, а равно противъ возвращенія къ *status quo ante*, выдвинувъ программу независимости. Оно также заявило, что Р. Дмовскій и созванная имъ въ Лозаннѣ конференція изъ нѣсколькихъ консерваторовъ и

реакціонеровъ выступаютъ лишь отъ собственного имени, а отнюдь не отъ имени страны. Подъ этимъ заявленіемъ подписались представители разныхъ прогрессивныхъ организацій, какъ-то адв. Патэкъ, редакторъ «Nowej Gazety» — Кемпнеръ, В. Сѣрошевскій, Г. Даниловскій и членъ Н.-Д., деп. IV Госуд. Думы Лемпицкій.

Дебаты польскихъ общественныхъ дѣятелей, происходившіе въ зданіи Варшавскаго Техническаго Общества еще до занятія города нѣмецкими войсками, привели къ признанію необходимости полной независимости страны. Нѣсколько же мѣсяцевъ тому назадъ, въ Петроградѣ, въ обществѣ поляковъ экономистовъ и юристовъ, этотъ постулатъ получилъ обоснованіе въ выступленіи г. Вл. Жуковскаго.

Собственное правительство и собственная экономическая политика составляютъ, по его мнѣнію, основное условіе развитія Польши послѣ войны, ея возрожденія послѣ всѣхъ бѣдствій, разорившихъ ее. До войны въ Польшѣ преобладали иностранные капиталы—германскіе и русскіе. Но до войны существовалъ притокъ западно-европейскихъ капиталовъ въ страну потому, что она была хорошо извѣстной на западѣ окраиной Россіи, въ то время какъ центральныя русскія губерніи представляли собою далекую, невѣдомую, мало изслѣдованную страну.

Послѣ войны условія радикально измѣнятся. Заграничные капиталы во все большемъ количествѣ начнутъ направляться вглубь Россіи, а отдѣленія русскихъ банковъ въ Царствѣ Польскомъ будутъ содѣйствовать ихъ уходу туда изъ Польши. Только собственное правительство сможетъ обезпечить притокъ иностранныхъ капиталовъ въ страну, гарантируя имъ выгодное примѣненіе. И только его самостоятельная экономическая политика въ состояніи будетъ обезпечить пользование рынками, въ частности русскими, странѣ, которой экономическая жизнь раньше далеко не къ выгодѣ ея была всецѣло подчинена интересамъ экономическаго развитія Россіи. Поэтому, по мнѣнію г. В. Жуковскаго, — «собственное правительство для насъ это—категорическій императивъ, и стремленіе къ нему мы должны поставить на первомъ планѣ».

Рѣчи В. Жуковскаго содержать въ себѣ фактически цѣлую политическую программу польской капиталистической буржуазіи.

Въ виду отмѣченныхъ въ началѣ настоящей статьи тенденцій въ современной общественной жизни Европы къ созданію крупныхъ государственныхъ группировокъ, естественно, что польскіе политики, преслѣдуя задачу восстановленія Польши, большею частью склоняются къ присоединенію ея къ той либо иной изъ существующихъ группировокъ.

Совѣщаніе прогрессивныхъ партій, представлявшее элемен-

ты наиболѣе тяготившіеся недавнимъ прошлымъ Польши—интеллигенцію, крестьянство и мелкую буржуазію, обнаружило тяготѣніе къ намѣтившемуся нынѣ таможенному Союзу державъ Центральной Европы. Среди капиталистической буржуазіи замѣчается тенденція къ присоединенію къ Россіи. Но и та и другая сторона видитъ необходимое условіе къ тому либо иному рѣшенію этого вопроса въ получении Польшей права на самостоятельное распоряженіе своей судьбой.

Въ этомъ отношеніи очень интересно слѣдующее мнѣніе органа капиталистической буржуазіи — «Kuryer Warszawski»: «нашимъ другомъ и союзникомъ будетъ лишь тотъ, кто, во имя хорошо понятыхъ собственныхъ интересовъ, поможетъ намъ въ дѣлѣ свободной организаци нашей страны обезпечить ее отъ роли арены борьбы народовъ, обезпечить ей возможно скорый миръ для труда, труда и еще разъ труда».

Одинъ же заслуженный польскій историкъ, представитель консервативнаго лагеря, въ своемъ изданіи «Uwagi», подвергнувъ рѣзкой критикѣ политику Р. Дмовскаго, пишетъ: «эти современные польскіе политики нашептываютъ народу «трезвый совѣтъ»: прикинемся передъ всѣмъ міромъ, что мы не желаемъ объединенной независимой Польши. Но вѣдь въ такомъ случаѣ насъ ожидаетъ одно изъ двухъ: либо миръ намъ не повѣрять, и тогда мы очутимся въ роли лицемѣровъ; либо повѣрять, и тогда не пайдетъ нужнымъ считаться съ нами...

...Нашъ народъ хочетъ, не можетъ не хотѣть того, что по праву слѣдуетъ большому народу, что само по себѣ еще не составляетъ счастья, но является естественнымъ его условіемъ—объединенія, свободы, независимости. Польша будетъ съ тѣмъ, кто вѣрнѣе другихъ обезпечитъ ей достиженіе этой цѣли; она будетъ врагомъ того, у кого ярче всего проявится тенденція къ отказу отъ ея реализаціи».

V.

Если, съ одной стороны, новыя условія развитія Польши породили въ средѣ ея населенія стремленіе къ самостоятельному существованію, то съ другой они развили среди всѣхъ ея слоевъ горячую жажду мира; и надежды германскаго правительства на использование ея въ интересахъ своей завоевательной политики несомнѣнно осуждены на неудачу.

Объективно интересы Польши и даже тенденции, отмеченные выше в среде буржуазии, создают в этой стране широкое поле для деятельности демократии.
 рассматривающей дело освобождения Польши как одну из своих попутных задач.

. На основании той первостепенной прогрессивной роли, которую она сыграла в деле национального самоопределения польского народа в предыдущую эпоху, можно было предположить, что и в настоящее время она раньше других политических партий формулирует новую политическую программу. Но случилось иначе. Она, правда, в лице трех своих фракций уже с первых месяцев войны вела самостоятельную политику, противопоставляя обилию ориентациям идею международной солидарности. Но в то же время оставалась на точке зрения программы 90 г.г. XIX ст. (автономии).

Такой консерватизм в политическом лагере, шедшем всегда впереди общественного развития страны, объясняется целым рядом обстоятельств. Главным из них является опасение за свою классовую самостоятельность, вызванное ростом национализма и кризисом в демократических кругах почти всей Европы, в частности растворением галицийской демократии в общенациональном блоке.

Все же, главным образом, несомненно под давлением атмосферы, господствующей в массах, представители польской демократии сдвинули, правда, робкий, но знаменательный шаг вперед. В выработанной на прошлогоднем совещании декларации, резко отмежевавшись от обихих ориентаций, они заявляют, что только участие в деятельности мировой демократии приведет «к упразднению национального гнета и чужеземного владычества и обеспечить польскому народу возможность всестороннего свободного развития, в качестве равноправного члена в союзе народов».

На русском и немецком языках появилась резкая критика декларации. В издании, вышедшем под редакцией В. Ильина, посвященном вопросу о национальном самоопределении, высказывается взгляд, который в общем может быть формулирован следующим образом.

Вопрос об освобождении Польши, о судьбах колоний и балканских государств имеет в настоящее время громадное значение. Среди демократии в сферах этого вопроса намечаются две точки зрения—прудонистская и марксистская. У Прудона мы видим простое, мелкобуржуазное по своему духу игнорирование национальной проблемы—игнорирование завещанных историей демократии задач. Напротив, автор «Капитала» уцелел их значение, и постулат права народов

на національное самоопредѣленіе является естественнымъ выраженіемъ его политики. Но право на самоопредѣленіе это—государственная независимость, ибо федеративное объединеніе можетъ быть лишь слѣдствіемъ договора двухъ независимыхъ сторонъ. Съ этой точки зрѣнія декларація польской демократіи—неопредѣленна по своему содержанию, формулирована языкомъ минувшей эпохи.

Пользуясь марксистской терминологіей, она объективно проводитъ тенденцію Прудона. Нельзя недооцѣнивать значенія самоопредѣленія вслѣдствіе близости осуществленія конечной цѣли. Отъ нея отдѣляетъ насъ еще болѣе или менѣе длительный промежуточный періодъ. И въ виду этого, по мнѣнію В. Ильина, въ интересахъ демократіи необходимо ясно и опредѣленно высказаться за независимость Польши и другихъ угнетенныхъ народовъ.

И изъ среды самой польской демократіи раздались голоса, критикующіе декларацію за то, что ея авторы, не выставивъ вполне опредѣленнаго постулата, тѣмъ самымъ оказываютъ, вопреки своей волѣ, содѣйствіе усилению въ странѣ буржуазныхъ элементовъ, которые пріобрѣтаютъ популярность именно благодаря опредѣленности своей позиціи. Но они вкладываютъ въ свою формулу самоопредѣленія буржуазное содержаніе и, такимъ образомъ, и организаціонно и идейно закрѣпляютъ въ массахъ свое вліяніе.

Въ послѣднемъ же № 16 «Pologne aux Polonais» одинъ изъ старыхъ польскихъ демократовъ, въ теченіе свыше 25 лѣтъ борющійся съ польскимъ націонализмомъ, пишетъ:

Нашъ гениальный поэтъ А. Мицкевичъ еще въ 30-ыхъ г. г. XIX ст. высказалъ взглядъ, что только поборники новаго порядка въ интересахъ своего идеала являются вѣрными союзниками польскаго народа, стремящагося къ независимости, и наоборотъ: «желать освободить Польшу независимо отъ улучшения положенія всей Европы, значить, вредить самому дѣлу Польши». Въ настоящее время съ особенной яркостью выступаетъ правильность этого взгляда, ибо если бы современная демократія игнорировала важность возстановленія Польши, она бы оказала невольное содѣйствіе империализму, противъ котораго она выступаетъ; поэтому ростъ демократіи является незыблемой базой освобожденія Польши; солидарная позиція въ сферѣ польскаго вопроса Ледебура и В. Ильина лучше всего свидѣтельствуютъ объ этомъ.—

Что касается, однако, деклараціи представителей Польши, то несмотря на свою неопредѣленность, она дѣлаетъ первый шагъ по пути, опредѣляемому новыми условиями.

Но массы идутъ впереди своихъ идеологовъ. Въ декабрѣ 1915 г. въ Царствѣ Польскомъ совѣщаніе наиболѣе популяр-

ной фракции, приобрѣтшей широкое вліяніе благодаря успѣшному использованию еще до войны всѣхъ легальныхъ возможностей, выставило постулатъ самостоятельности страны.

Если вся польская демократія пойдетъ за этимъ Совѣщаніемъ, то она сможетъ сыграть роль гегемона въ дѣлѣ возрожденія Польши, наложивъ свой отпечатокъ на ея внутреннее политическое устройство въ ближайшій историческій моментъ, и обезпечить въ будущемъ дѣло успѣшнаго выполнения въ этой странѣ исторической миссіи демократіи. Ибо если, съ одной стороны, интересы европейской демократіи выдвигаютъ на пути ея дѣятельности задачу рѣшенія польскаго вопроса, то съ другой—охарактеризованныя выше условія Польши и порождаемая ими среди широкихъ массъ ея населенія жажда . . . труда толкаютъ эти массы въ объятія демократіи, напоминая имъ слова великаго поэта—«желать освобожденія Польши независимо отъ улучшенія положенія всей Европы значитъ вредить самому дѣлу Польши».

Польша можетъ возродиться только подъ девизомъ «черезъ отечество къ человѣчеству», но главнымъ двигателемъ этого возрожденія можетъ быть не польская буржуазія съ ея узкимъ національнымъ кругозоромъ, а та общественная сила, стремленія которой отвѣчаютъ интересамъ всего человѣчества.

ПРИНЦИПЪ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ И НОВОЕ УЧЕНІЕ О ВРЕМЕНИ.

(Окончане).

3.

Теорія относительности вноситъ замѣчательное единство и стройность въ физику: въ этомъ ея огромная заслуга. Но за эту стройность и единство приходится платить немалой цѣной, — цѣной отказа отъ ряда наиболѣе привычныхъ намъ и элементарныхъ понятій. Наиболѣе поражающимъ, на первый взглядъ, въ новой механикѣ являются измѣненія, вносимыя ею въ общепринятое понятіе времени, отрицаніе одного единого времени для всѣхъ частей міра: всякая покоящаяся или движущаяся неускоренно система имѣетъ свое особое время, и если два какія-нибудь событія одновременны съ точки зрѣнія нѣкоторой системы, то они не будутъ таковыми для другой, движущейся относительно первой, системы. Точно также отношеніе раньше — позже не имѣетъ, вообще говоря, однозначнаго характера: событіе А, предшествующее въ нѣкоторой системѣ событію В, можетъ, согласно принципу относительности, при извѣстныхъ условіяхъ для наблюдателей другой системы, слѣдовать за нимъ. Промежутки времени между двумя событіями, измѣренный по часамъ двухъ движущихся другъ относительно друга системъ, будетъ различенъ въ обоихъ случаяхъ. И т. д. и т. д. Всѣ эти положенія ведутъ къ релятивированію понятія времени: нѣтъ одного абсолютнаго, общаго для вселенной, порядка времени и мѣры его; есть различныя времена для разныхъ системъ и есть способъ — даваемый Лоренцовыми преобразованіями — перечислять время одной системы во время другой системы, движущейся относительно первой равномернымъ переноснымъ образомъ.

Надо сознаться, что новое понятіе времени предъявляетъ очень трудныя, на первый взглядъ кажуціяся даже невыполнимыя, требованія къ нашей способности отвлеченнаго мышленія. Мысль о возможности обращенія временнаго порядка, о томъ, что событіе А, предшествующее событію В, можетъ, съ точки зрѣнія какого-нибудь другого наблюдателя, слѣдовать за нимъ, кажется въ началѣ не просто парадоксальной, а нелѣпой, внутренне-противорѣчивой. Но немыслимость, непредставимость идей Эйнштейна о времени того же порядка, что и непредстави-

мость положеній неэвклидовой геометріи: по мѣрѣ того, какъ приобретаешь навыкъ въ оперированіи ими, первоначальное ощущение невозможности и абсурдности новой концепціи слабѣетъ, пока не получается состояніе привычнаго равновѣсія между нею и прежними идеями. Достиженіе этого равновѣсія, устраненіе — выражаясь терминомъ Авенаріуса — «жизнеразности», вызываемой новой идеей, значительно облегчается при изученіи математическаго остова теоріи, при манипулированіи формулами, въ которыхъ время, отрѣшенное отъ своего конкретнаго содержанія, фигурируетъ подъ видомъ скромнаго символа t , ничѣмъ не выдѣляющагося среди другихъ символовъ. Но понять въ общихъ чертахъ основную идею новой теоріи все же возможно и безъ аппарата математической символики. Для этого лучше всего остановиться на понятіи одновременности и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя вводитъ въ него новая теорія.

Что собственно имѣемъ мы въ виду, когда говоримъ объ одновременности двухъ событій? Пока дѣло идетъ о событіяхъ, разыгрывающихся по близости другъ отъ друга, такъ что они могутъ вмѣстѣ вступить въ сознаніе одной и той же личности, вопросъ этотъ не представляетъ видимыхъ трудностей: отвѣтъ на него дается непосредственнымъ переживаніемъ одновременности, къ которому въ концѣ концовъ сводятся всякіе физическіе способы опредѣленія временнаго порядка. Но какъ рѣшить, одновременны ли, пли нѣтъ, событія, пространственно раздѣленные и недоступныя непосредственному сравненію ихъ однимъ сознаніемъ? Достаточно взглянуть ночью на звѣздное небо, чтобы имѣть передъ собою яркую иллюстрацію этого случая. Когда мы смотримъ на какую-нибудь звѣзду, то лучъ свѣта, по которому мы опредѣляемъ ея положеніе на небосводѣ, покинулъ ее, можетъ быть, десятки и сотни лѣтъ тому назадъ.

Впрочемъ, не надо покидать земли, чтобы встрѣтиться съ тѣми же вопросами и сомнѣніями. Пусть даны два отдаленныхъ другъ отъ друга пункта А и В. Какъ установить для нихъ понятіе одновременности, какъ *синхронизировать* между собой эти пункты? Для этого имѣется два метода. При одномъ изъ нихъ мы покидаемъ наши наблюдательные пункты, при другомъ мы ихъ не покидаемъ. Пользуясь первымъ методомъ синхронизаціи, мы беремъ, на примѣръ, въ пунктѣ А, часы, тщательно вывѣренные по другимъ, остающимся въ А часамъ, и переносимъ ихъ въ пунктъ В. Два событія въ А и В будутъ одновременны, если показанія обоихъ часовъ будутъ совпадать. Этотъ способъ синхронизаціи представляется какъ будто наиболѣе простымъ и естественнымъ. Но противъ него сторонники принципа относительности выдвигаютъ слѣдующее возраженіе: пользованіе имъ основывается на молчаливомъ допущеніи, что переносъ часовъ изъ А въ В не вліяетъ на ходъ ихъ. Съ точки зрѣнія на-

шихъ старыхъ представлений отсутствіе вліянія движенія часовъ на ихъ ходъ представляется чѣмъ-то само собою разумѣющимся. Но теорія относительности требуетъ признанія наличности такихъ измѣненій въ ходѣ часовъ, переносимыхъ изъ одного мѣста въ другое, *ибо въ противномъ случаѣ можно было бы установить абсолютность времени, а, значитъ, и абсолютное движеніе.* На разсужденіе это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, ибо оно типично для цѣлаго ряда парадоксальныхъ положеній теоріи относительности: положенія эти получаются не опытнымъ путемъ — для рѣшенія всѣхъ этихъ спорныхъ пунктовъ наши опытные методы еще слишкомъ грубы — а какъ чисто дедуктивный выводъ изъ постулата объ относительности движенія. Чтобы постулатъ этотъ имѣлъ силу, надо признать, на примѣръ, что переносъ часовъ вліяетъ на ходъ ихъ — и это признается; чтобы онъ имѣлъ силу, надо далѣе допустить, что движущіяся тѣла сокращаются (Лоренцово сокращеніе вытекаетъ изъ формулъ теоріи Эйнштейна, какъ частный выводъ ея, а не какъ самостоятельная гипотеза) — и это тоже допускается. И т. д. Парадоксальность всѣхъ подобныхъ выводовъ, необходимость отказываться изъ за нихъ отъ ряда самыхъ привычныхъ, какъ бы аксиоматическихъ, истинъ, нисколько не смущаетъ теоретиковъ принципа относительности. И логически, формально, они правы. Логически отъ нихъ требуется лишь согласіе съ самими собой, съ ихъ собственными принципами, а не съ чуждыми основами теоріи — хотя бы и общепринятыми — утвержденіями; и если такое общепринятое положеніе противорѣчитъ постулатамъ теоріи или правомѣрнымъ выводамъ изъ нея, сторонники новой теоріи въ правѣ отказаться отъ него и видѣть въ немъ молчаливое, для нихъ не обязательное, допущеніе. То же самое наблюдается и во всѣхъ другихъ формальныхъ теоріяхъ.

Такимъ образомъ, стоя на почвѣ принципа относительности, мы не можемъ прибѣгнуть къ первому методу синхронизации. Другой методъ—это методъ сигналовъ (электрическихъ или свѣтовыхъ). При пользованіи имъ надо различать два случая: случай покоящейся системы и случай системы движущейся. Допустимъ сперва, что точки А и В, которыя мы желаемъ синхронизировать, находятся въ покоящейся системѣ. Изъ мѣста А отправляютъ въ нѣкоторый моментъ времени (скажемъ, въ 12 часовъ дня) свѣтовой сигналъ въ В, который, дойдя до В, немедленно же, безъ потери времени, отсылается обратно въ А, куда онъ приходитъ, предположимъ, въ 12 ч. 2 минуты. Свѣтъ потратилъ, очевидно, столько же времени на переходъ изъ А въ В, какъ и на обратный путь изъ В въ А. Если въ моментъ прибытія сигнала изъ А часы въ В показывали 12 ч. 1 минуту, то они были синхронны съ часами въ А, и какое-нибудь событіе, происшедшее въ А, на примѣръ, въ 12 часовъ, одно-

временно съ событіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ пунктѣ В тоже въ 12 часовъ по его времени. Если же часы въ В показывали не 12 ч. 1 минуту, а какое-нибудь другое время, то ихъ или нужно соотвѣтственнымъ образомъ переставить, или же внести въ ихъ показанія надлежащую поправку. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о синхронизаціи часовъ въ покоящейся системѣ путемъ свѣтовыхъ сигналовъ не можетъ вызвать никакихъ споровъ.

Но какъ быть, если система, къ которой принадлежатъ пункты А и В, движется равномернымъ переноснымъ движеніемъ (а движеніе земли по орбитѣ или вокругъ оси можно, какъ было сказано выше, считать такимъ равномернымъ движеніемъ, если ограничиваться небольшими промежутками времени)? Здѣсь между обычнымъ пониманіемъ вопроса и той трактовкой его, которую предлагаетъ ученіе Эйнштейна, существуетъ полное разногласіе. Допустимъ, что система въ цѣломъ движется съ нѣкоторой постоянной скоростью отъ А къ В. Тогда свѣтовой сигналъ, пущенный изъ А въ В, будетъ какъ бы догонять убѣгающее В и, значитъ, будетъ, согласно старому воззрѣнію, итти съ относительной скоростью, представляющей разность скорости свѣта и скорости движенія самой системы; при возвращеніи его изъ В онъ будетъ, наоборотъ, итти навстрѣчу В, такъ что относительная скорость его будетъ равна суммѣ скорости свѣта и собственной скорости системы. Иначе говоря, промежутокъ времени, потребный для свѣтового сигнала, чтобы добраться изъ А въ В, будетъ больше, чѣмъ промежутокъ времени, употребленный имъ на обратный путь, и, слѣдовательно, прежній методъ синхронизаціи, при которомъ оба эти промежутка времени приравнялись между собою, здѣсь непримѣнимъ.

Но именно такъ и поступаютъ сторонники принципа относительности: и въ движущейся равномерно системѣ, какъ и въ покоящейся, оба промежутка времени равны между собою. Въдъ будь они различны, мы бы имѣли благодаря этому возможность обнаружить состояніе равномернаго переноснаго движенія, т. е. мы бы пошли въ разрѣзъ съ первымъ постулатомъ теории.

Передъ нами здѣсь простѣйшій и нагляднѣйшій образчикъ того, какъ принципъ относительности приравниваетъ между собой два промежутка времени, которые, съ точки зрѣнія обычныхъ воззрѣній, безусловно, разной продолжительности. Могутъ сказать, что мы имѣемъ здѣсь просто условное соглашеніе, произвольное опредѣленіе, которое нисколько не затрагиваетъ самихъ вещей, какъ таковыхъ. Оттого, что приверженцы новаго ученія согласились называть неравныя длительности равными—скажетъ скептически настроенный читатель—послѣднія на самомъ дѣлѣ не станутъ равными, какъ

не станетъ заяць карпомъ, если наречъ его этимъ новымъ именемъ.

Но что собственно означаетъ здѣсь выраженіе «на самомъ дѣлѣ»? Почему отказываемся мы признать одновременными событія въ пунктахъ А и В движущейся системы, синхронизированныхъ по вышеуказанному способу? Говоря объ абсолютной, «самдѣлишней» одновременности, мы какъ бы представляемъ мысленно на мѣсто себя такого сверхчеловѣческаго наблюдателя, въ сознаниі котораго присутствуютъ одновременно событія, происходящія въ А и В, подобно тому, какъ присутствуютъ вмѣстѣ въ сознаниі обыкновеннаго человѣка событія, развертывающіяся въ двухъ сосѣднихъ пунктахъ. Но, относя всѣ событія къ такому гипотетическому центру и мозгу вселенной, мы молчаливо дѣлаемъ еще слѣдующее допущеніе: мы предполагаемъ, что это міровое сознаниі освѣдомляется о процессахъ въ А и В *мгновенно*, иначе говоря, мы допускаемъ, что существуютъ сигналы, передающіеся съ *безконечной скоростью*. На это же допущеніе опирается по существу и представленіе объ одновременности въ случаѣ двухъ событій, разыгрывающихся въ непосредственной близости отъ наблюдателя. Промежутокъ времени, отдѣляющій здѣсь моментъ происхожденія самого событія отъ момента прибытія извѣстія о немъ въ мозгъ наблюдателя, до того ничтоженъ, что мы имъ пренебрегаемъ: мы какъ бы непосредственно, мгновенно воспринимаемъ событія въ моментъ ихъ совершенія и, значитъ, въ ихъ одновременности. Въ дѣйствительности это возможно лишь при допущеніи мгновеннаго дальнодѣйствія, которое является, такимъ образомъ, физической основой обычнаго представленія объ абсолютной одновременности. Но это противорѣчитъ второму постулату теории относительности съ вытекающимъ изъ него признаніемъ предѣльной, конечной скорости матеріальныхъ тѣлъ. Мы снова, слѣдовательно, и съ совершенно другой стороны, приходимъ къ убѣжденію въ исключительномъ значеніи для новой теории принципа постоянства скорости свѣта. Такимъ образомъ, если предположить вмѣстѣ съ старой механикой, что физически возможны скорости всякаго порядка и что, значитъ, возможны—хотя бы идеально—процессы, распространяющіеся съ безконечной скоростью, то вопросъ объ одновременности получаетъ простое и однозначное рѣшеніе: одновременныя событія, можно сказать, это такія событія, которыя воспринимаются непосредственно, какъ одновременныя, нашимъ воображаемымъ міровымъ мозгомъ. Состояніе покоя или движенія системъ, въ которыхъ происходятъ разсматриваемыя событія, не играетъ при этомъ никакой роли, ибо въ обоихъ случаяхъ свѣдѣнія о событіяхъ доходятъ до мірового центра мгновенно. Отказываясь же отъ гипотезы

о мгновенномъ дальнодѣйствіи, допуская существованіе однихъ лишь сигналовъ съ ограниченной скоростью, мы вынуждены учитывать и вліяніе движенія системы, благодаря которому отвѣтъ на вопросъ объ одновременности нѣсколькихъ событій не будетъ уже однозначнымъ.

Въ проблемѣ времени можно различить двѣ стороны: вопросъ о мѣрѣ его, о длительности, и вопросъ о хронологическомъ порядкѣ, выражаемый словами «раньше», «позже», «одновременно». Теорія относительности вводитъ существенныя измѣненія въ оба эти аспекта понятія времени. Съ чисто количественными измѣненіями, касающимися мѣры времени, еще сравнительно легче можно примириться: мы изъ собственнаго субъективнаго опыта знаемъ, съ какой различной скоростью «течетъ» для насъ время, подъ вліяніемъ того или иного состоянія организма и вообще цѣлаго ряда обстоятельствъ, и мы безъ особенныхъ усилій можемъ объективировать это различіе мѣръ времени и придать ему физическій смыслъ, приписывая различнымъ системамъ разныя мѣры времени въ зависимости отъ ихъ состоянія движенія. Несравненно труднѣе освоиться съ перемѣнами, затрагивающими качественную, порядковую сторону идеи времени, — въ частности понятіе одновременности. Вотъ *теперь*, когда я пишу, когда я пишу именно эту фразу, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, на Марсѣ и т. д. происходятъ, несомнѣнно, какія-нибудь одновременныя съ этимъ событія: моему «теперь», этому опредѣленному значку на развертывающейся для меня лентѣ времени, соответствуетъ, очевидно, столь же опредѣленный хронологическій значекъ въ Парижѣ, Лондонѣ, на Марсѣ. Это — такъ, и этого соответствія теорія относительности вовсе не уничтожаетъ. Но она не признаетъ *одинаковости* этого соответствія для всѣхъ пунктовъ міра. Это значитъ слѣдующее: пусть событіе а въ пунктѣ А современно событію b въ пунктѣ В, современно событію с въ пунктѣ С и т. д. и т. д. Согласно старому представленію о времени, событія b, с, и т. д. *современны также между собой*, безъ всякаго отношенія къ состоянію покоя или движенія точекъ В, С и пр. Согласно же теоріи относительности, это вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если точки А, В, С... принадлежатъ къ одной и той же покоящейся или движущейся равномерно — системѣ. Если же онѣ принадлежатъ къ разнымъ системамъ, то это не имѣетъ мѣста. Указываемое различіе можно въ терминахъ символической логики выразить довольно простымъ образомъ. Отношеніе одновременности, съ точки зрѣнія обычнаго понятія времени, *транзитивно*, какъ транзитивно, напримѣръ, отношеніе равенства : если $A = B$ и $B = C$, то имѣемъ также $A = C$. Съ точки же зрѣнія новой теоріи, это отношеніе *не транзитивно*, какъ не транзитивно, скажемъ, отношеніе дружбы: изъ

того, что А есть другъ В, а В другъ С, не слѣдуетъ вовсе, что А есть другъ С; это можетъ быть такъ, но можетъ быть и иначе. Аналогичнымъ образомъ, согласно теоріи относительности, два событія, одновременныя третьему, не одновременны непременно между собой: они одновременны, если происходятъ въ одной и той же—покоящейся или движущейся равномерно—системѣ, и разновремениы въ противномъ случаѣ.

Отказъ отъ транзитивности отношенія одновременности есть наиболѣе существенная черта новой концепціи времени. Понятіе одновременности получаетъ благодаря этому не абсолютный, общій для всѣхъ частей міра, а относительный характеръ. Въ ученіи о пространствѣ мы давно уже освоились съ соотвѣтственнымъ релативированіемъ идеи разстоянія. Продѣлаемъ въ равномерно движущемся вагонѣ отверстие въ полу и бросимъ черезъ него одинъ за другимъ два предмета. Мы имѣемъ здѣсь передъ собой два событія, которыя, съ точки зрѣнія наблюдателя въ вагонѣ, происходятъ въ одной и той же точкѣ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Но для наблюдателя, не уносящагося съ поѣздомъ, а стоящаго на твердой землѣ, оба эти событія происходятъ въ двухъ совершенно различныхъ точкахъ, разстояніе между которыми не трудно опредѣлить: для этого надо лишь умножить промежутокъ времени между бросаніями предметовъ на скорость поѣзда. Такимъ образомъ два «одномѣстныхъ», съ точки зрѣнія движущагося наблюдателя, событія, не одномѣстны для наблюдателя покоящагося. Идея одномѣстности не абсолютна, а относительна. Мы такъ освоились съ относительностью пространства, что въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ мы готовы видѣть нѣчто вполне естественное и само собою разумѣющееся. Въ противоположность этому мы привыкли видѣть во времени идею какого-то абсолютнаго, одинаково охватывающаго весь физическій міръ, порядка, недоступнаго вліянію движенія. Теорія относительности объявляетъ иллюзіей эту мысль, перенося и на время свойство относительности: одновременность, какъ и одномѣстность, отношеніе не транзитивное; имъ нельзя охватить огуломъ всѣхъ событій, а надо разсматривать отдѣльно каждую пару событій.

Это новое понятіе не транзитивной одновременности требуетъ для своего усвоенія значительнаго усилія воображенія. Но, разъ овладѣвъ имъ, не трудно уже принять другія парадоксальныя свойства новаго времени. Различіе мѣръ времени въ разныхъ системахъ довольно естественнымъ образомъ вытекаетъ отсюда. Если событія въ А и В, одновременныя между собою, не одновременны съ точки зрѣнія движущагося относительно нихъ наблюдателя въ С, то ясно, что и мѣра времени

въ этихъ пунктахъ не одинакова, ибо промежутокъ времени равный нулю согласно показаніямъ часовъ въ А и В, отличенъ отъ нуля по часамъ въ С. Точно также иными будутъ представляться въ этихъ точкахъ отношенія «раньше» и «позже», причемъ можетъ случиться, что порядокъ во времени окажется перевернутымъ: событие а, предшествующее событію б, съ точки зрѣнія системы, въ которой находятся точки А и В, можетъ оказаться слѣдующимъ за нимъ, съ точки зрѣнія стнѣгагоо наблюдателя въ движущейся системѣ.

На основаніи послѣдняго обстоятельства можетъ возникнуть предположеніе, что теорія относительности даетъ не только новую теорію времени, но заставляеть также отказаться отъ основного для насъ понятія причинности: разъ временной порядокъ доступенъ обращенію, то можетъ случиться, что причина, съ точки зрѣнія какого-нибудь наблюдателя, будетъ наступать послѣ слѣдствія. Но это заключеніе будетъ неправильнымъ. Единственное, вносимое теоріей относительности, измѣненіе въ обычное понятіе причинности заключается въ томъ, что причина не можетъ мгновенно вызывать слѣдствія, т. е. что распространеніе дѣйствія причины, какъ и распространеніе всякаго физическаго процесса, происходитъ съ конечной скоростью, не превышающей скорости свѣта. Измѣненіе временнаго порядка на обратный возможно, согласно формуламъ Лоренцова преобразованія, не всегда, не для любой пары событій, а для опредѣленной категоріи ихъ, выдѣляемой извѣстнымъ отношеніемъ между разстояніемъ обонхъ пунктовъ А и В и промежуткомъ времени между событіями а и б, происходящими въ нихъ. Именно: если дана пара событій, такихъ, что разстояніе между ними больше пути, проходимаго свѣтомъ въ отдѣляющій ихъ во времени промежутокъ, то порядокъ послѣдовательности обонхъ событій можетъ оказаться обратнымъ для извѣстныхъ группъ наблюдателей. Если же разстояніе между событіями меньше пути, проходимаго свѣтомъ въ отдѣляющій ихъ во времени промежутокъ—а это и есть тотъ случай, когда первое событіе можетъ оказаться причиной второго—то порядка послѣдовательности событій нельзя измѣнить. Въ зависимости отъ той системы, къ которой относятся наблюденія, слѣдствіе наступитъ за причиной быстрее или медленнѣе—при чемъ существуетъ такая система, для которой этотъ промежутокъ времени будетъ наименьшимъ—но слѣдствіе будетъ и въ теоріи относительности всегда слѣдовать за причиной.

Новая теорія времени приводитъ къ ряду самыхъ неожиданныхъ выводовъ, которые, однако, являются чисто логическими слѣдствіями изъ основъ теоріи. Такъ, на примѣръ, если мы имѣемъ двѣ, движущіяся равномерно другъ относительно

друга, системы K_1 и K_2 , то наблюдателю въ K_1 , воображающему себя въ покоѣ, часы въ K_2 будутъ представляться отстающими по сравненію съ его собственными часами; аналогичнымъ образомъ и наблюдатель въ K_2 , которому его система представляется покоящейся, найдетъ, что часы въ K_1 отстаютъ сравнительно съ его часами. Или другой примѣръ. Вообразимъ себѣ, что можно было бы осуществить—но въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ—фантазію Жюль Верна изъ его романа «Отъ земли до луны» и метнуть съ земли ядро (съ заключеннымъ въ немъ путешественникомъ) со скоростью приблизительно въ 285.000 килом. въ секунду. Если бы этому путешественнику удалось какимъ-нибудь образомъ благополучно вернуться на землю черезъ два года, то онъ нашелъ бы, что на ней за это время прошло уже цѣлыхъ двѣсти лѣтъ. Въ отличіе отъ перваго случая здѣсь разница во времени не взаимная, а односторонняя. Это происходитъ отъ того, что выброшенный съ ядромъ путешественникъ испытываетъ *ускореніе*, которое, и съ точки зрѣнія ученія Эйнштейна, носитъ абсолютный характеръ. Въ движущейся ускоренно системѣ процессы протекаютъ медленнѣе, чѣмъ въ другихъ системахъ. Какъ выражается французскій физикъ Ланжевень, «достаточно спокойно двигаться, достаточно испытывать ускоренія, чтобы старѣть менѣе быстро». Всѣ физическіе, химическіе, біологическіе процессы, а, значитъ, и связанная съ послѣдними умственная дѣятельность въ движущихся ускоренно системахъ болѣе медленнымъ темпомъ.

Измѣненія, внесенныя въ такое элементарное понятіе, какъ понятіе времени, должны, конечно, отразиться на всѣхъ отдѣлахъ физики. И, дѣйствительно, сторонникамъ новой теоріи пришлось, въ цѣляхъ приспособленія къ ней теоретической физики, перестроить ее заново, при чемъ получился опять таки длинный рядъ парадоксальнѣйшихъ выводовъ. Такъ, напримѣръ, съ точки зрѣнія новой теоріи, всякое тѣло обладаетъ двоякаго рода массой: продольной массой въ направленіи движенія тѣла и поперечной массой въ направленіи, перпендикулярномъ къ движенію тѣла; обѣ эти массы не только отличны другъ отъ друга, но и измѣняются въ зависимости отъ скорости движенія тѣла. Далѣе оказывается, что не только матерія, но и энергія обладаетъ инертной массой; энергія превращается въ массу, и обратно. Температура тѣлъ различна, съ точки зрѣнія движущейся системы и системы покоящейся: въ покоящейся она всегда выше. И т. д. и т. д. Теоремы ньютоновой механики и вообще прежней физики не отмѣняются новымъ ученіемъ: онѣ являются лишь, какъ я уже сказалъ выше, первыми приближеніями соотвѣтственныхъ теоремъ теоріи относительности. Но для обычныхъ скоростей на землѣ и скоростей астрономи-

ческаго порядка (не превышающнхъ нѣсколькихъ сотъ километровъ въ секунду) это приближеніе болѣе, чѣмъ достаточно: чтобы найти замѣтное различіе между результатами, къ которымъ приводитъ классическая теорія, и выводами теоріи относительности, нужны были бы скорости, измѣряемыя десятками и сотнями тысячъ километровъ въ секунду. Носителями такихъ скоростей, по современнымъ воззрѣніямъ, являются лишь β -частицы радія (или электроны). Изслѣдованія въ области механики электроновъ—очень трудныя и вообще спорныя по своимъ результатамъ—если и не говорятъ рѣшительно въ пользу новой теоріи, то не говорятъ и противъ нея.

Вообще вопросъ объ опытной провѣркѣ теоріи относительности, о перекрестномъ опытѣ, который заставилъ бы или отвергнуть ее или признать, долженъ, повидимому, пока быть отложенъ въ сторону: опыты, разумѣется, можно ставить самыя разнообразныя и въ какомъ угодно количествѣ, ибо нѣтъ почти ни одного пункта, въ которомъ теорія относительности не разошлась бы съ прежними теоріями; но *количественно* предвидимыя различія такъ ничтожно-малы, что они не могутъ быть уловлены теперешними методами измѣренія. Поэтому къ теоріи относительности приходится прилагать нѣсколько отличный критерій: во первыхъ оцѣнку внутренней, формальной стройности самой теоріи, а во вторыхъ, учетъ новаго, даваемого ею, синтеза всего нашего физическаго знанія, получившагося цѣною отказа отъ привычнаго намъ абсолютированія времени. При такомъ учетѣ и подведеніи научнаго баланса для новой теоріи очень много зависитъ отъ склада мышленія производящаго оцѣнку изслѣдователя, отъ его любви или нелюбви къ радикальнымъ новшествамъ, и т. д. Въ итогѣ этого и получилась та удивительная разногласица во взглядахъ на теорію относительности, при которой одни не находятъ достаточно сильныхъ словъ для возвеличенія ея, другіе относятся къ ней почти столь же отрицательно, а третьи въ недоумѣніи воздерживаются отъ выраженія своего мнѣнія, не рѣшаясь пока занять окончательную позицію.

Въ настоящее время трудно сказать, какова будетъ дальнѣйшая судьба теоріи относительности. Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что послѣ первыхъ 5—6 лѣтъ необычайнаго роста, когда происходила лихорадочная перестройка всей физики по новому, указанному ученіемъ Эйнштейна, плану, въ развитіи его произошла какая-то задержка ¹. Рѣшающихъ опытовъ,

¹ Я здѣсь оставляю въ сторонѣ послѣднія работы Эйнштейна, въ которыхъ онъ пытался обобщить теорію относительности и для ускоренныхъ системъ, введя въ рамки расширенной теоріи и ученіе о тяготѣни. Въ этой обобщенной теоріи отпадаетъ постулатъ о постоянствѣ скорости

которые заставили бы сдѣлать окончательный выборъ за или противъ новой физической концепціи, какъ я уже сказалъ, пока не предвидится. Ученые остаются по разбираемому вопросу разбитыми на рядъ отдѣльных лагерей: одни не придаютъ вообще такого исключительнаго, фатальнаго значенія опыту Майкельсона, настаивая на дальнѣйшей опытной работѣ въ томъ же направленіи; другіе, принимая этотъ опытъ, довольствуются, однако, для объясненія его гипотезой Лоренца—Фицъ-Джеральда, не требующей такой коренной ломки понятія времени; третьи ищутъ выхода въ различныхъ новыхъ теоріяхъ свѣтовыхъ и электрическихъ явленій, какъ, напримеръ, теорія рано умершаго швейцарскаго физика Ритца, возвращающагося въ значительной степени къ эмиссионной гипотезѣ Ньютона; четвертые примыкаютъ къ воззрѣніямъ Эйнштейна, и т. д. и т. д. Эта разногласица представляетъ, конечно, временное, переходное состояніе. Но сколько времени протянется это переходное состояніе и какую равнодѣйствующую дадутъ эти различныя, борющіяся между собою, силы,—отвѣтить на это теперь врядъ ли возможно.

4.

Не вдаваясь въ безплодныя догадки о неясномъ пока ближайшемъ фазисѣ эволюціи физическихъ наукъ, я остановлюсь лучше на вопросѣ, допускающемъ уже и теперь болѣе или менѣе определенное рѣшеніе. Я имѣю въ виду философское—теоретико-познавательное и мировоззрительное—значеніе теоріи относительности, которое не менѣе велико, чѣмъ ея значеніе, какъ чисто физической доктрины. Эту сторону дѣла съ большою силой подчеркиваютъ Планкъ, Умовъ, Хвольсонъ и др. И она, на мой взглядъ, дѣйствительно, заслуживаетъ большого вниманія, независимо отъ того, упрочится ли въ наукѣ новая теорія или подъ конецъ будетъ отвергнута, какъ неудовлетворяющая извѣстнымъ требованіямъ строгаго метода. Разумѣется, сохранись теорія относительности въ физикѣ, это вызвало бы огромный переворотъ въ нашемъ мировоззрѣніи, который по своему значенію не уступалъ бы перевороту, произведенному Коперникомъ. Но даже, если она, подъ ударами критики или въ процессѣ саморазложенія, сойдетъ съ научной сцены, она оставитъ по себѣ длительный слѣдъ въ нашей мысли, въ частности въ ученіи о познаніи, какъ исключительный по своей глубинѣ и захвату умственный экспериментъ. Извѣстныя слова Планка о томъ, будто не-эвклидова геометрія дѣтская игрушка по сравненію съ новымъ учепіемъ, представляютъ естественное

свѣта. Вопросу о тяготѣни въ связи съ теоріей относительности посвященъ еще рядъ работъ другихъ авторовъ: Абрагама, Ми, Ишивара и др.

преувеличеніе одного ихъ основоположниковъ новой теоріи— въ дѣйствительности ученіе Эйнштейна не болѣе парадоксально и трудно для усвоенія, чѣмъ принципы геометріи Лобачевскаго— но, во всякомъ случаѣ, для анализа нашихъ идей о времени, значеніе теоріи относительности не уступаетъ значенію трудовъ великаго казанскаго мыслителя для анализа идеи пространства.

Въ теоріи относительности, съ философской точки зрѣнія можно отличить два момента, неодинаковой цѣнности и значенія. Прежде всего мы имѣемъ дѣло съ той стороной теоріи— которая послужила для названія ея—съ вопросомъ объ относительности равномернаго движенія. Эйнштейнъ, повидимому— окончательно устанавливаетъ эту относительность: не только грубо-механическими средствами, доказываетъ онъ, но и болѣе тонкими методами, основывающимися на свойствахъ разнаго рода излученій, нельзя обнаружить абсолютнаго движенія. Релятивисты могутъ отпынѣть какъ будто бы торжествовать. И, однако, прогнанный въ двери теоріи, абсолютъ возвращается черезъ окно ея: если въ міровоззрѣніи Эйнштейна нѣтъ мѣста для абсолютнаго неускореннаго движенія, то оно знаетъ абсолютныя *скорости*, оно знаетъ такую абсолютнѣйшую, загадочную, предѣльную скорость, какъ скорость свѣта, эта конечная безконечность новой теоріи. Одинъ изъ теоретиковъ «новой механики», знаменитый физикъ Винъ, въ своей статьѣ «Принципъ относительности», пишетъ слѣдующее: «Главная трудность въ пониманіи теоріи относительности состояла въ томъ, что мы, съ одной стороны, хотимъ допустить невозможность наблюденія абсолютнаго движенія, а, съ другой стороны, должны признать наличность абсолютной скорости, скорости свѣта. Эйнштейнъ— и въ этомъ его заслуга—доказалъ, что оба эти, повидимому, противорѣчивыя допущенія согласуются другъ съ другомъ, и что на основѣ преобразованнаго понятія времени возможна, слѣдовательно, теорія относительности.»¹⁾ Дѣйствительно, принимая на основѣ новаго понятія времени абсолютную скорость свѣта, мы приходимъ къ относительности движенія. Но это значить изгонять сатану Вельзевуломъ: на мѣсто одного абсолюта Эйнштейнъ вводитъ другой абсолютъ, пожалуй, еще болѣе темный и загадочный. Можетъ быть, въ томъ или иномъ видѣ «абсолютъ» вообще неустранимъ въ этихъ предѣльныхъ вопросахъ о сущности движенія. Но надо тогда это признать открыто, и надо далѣе признать, что ни въ какой другой физической теоріи абсолютъ не выступаетъ такъ торжествующе, такъ осязательно и доступно въ своей абсолютности, какъ именно въ системѣ Эйнштейна, которую, съ этой точки зрѣнія, пра

¹⁾ «Принципъ относительности», с. 67.

вильнѣе было бы назвать теоріей абсолютности, чѣмъ теоріей относительности. Въ этомъ отношеніи у ученія Эйнштейна много общаго съ теоріей Лобачевскаго. Скорость свѣта играетъ въ первомъ такую же особенную роль, какъ такъ называемая кривизна пространства въ не-евклидовой геометріи. И тутъ и тамъ выступаютъ какія-то строго опредѣленные—и непонятныя именно въ этой своей опредѣленности—міровыя константы. Возьмемъ грубый примѣръ, вообразимъ себѣ, что вселенная имѣетъ форму шара съ радіусомъ, скажемъ, въ триллионъ километровъ. Такой, рѣзко очерченный по формѣ и размѣрамъ, міръ представлялся бы намъ абсолютнымъ по сравненію съ неопредѣленно-протяженнымъ міромъ обычнаго воззрѣнія. Сознаніе этой абсолютности ограниченной по своей величинѣ вселенной выражается въ невольнo возникающемъ у всякаго вопросѣ: почему именно триллионъ километровъ, а не квадриллионъ или миллиардъ? — вопросѣ, не поднимающемся вовсе, когда рѣчь идетъ о безконечной протяженности міра. Въ структурѣ міра ощущается въ этомъ предположеніи кака-то ничѣмъ не оправдываемая случайность, какой-то ничѣмъ не мотивированный выборъ. Не видишь никакого достаточнаго основанія, чтобы въ данномъ единажды, въ одномъ экземплярѣ, космосъ изъ безконечнаго ряда возможныхъ опредѣленностей была осуществлена именно такая-то, привилегированная, исключительная. Это требованіе «достаточнаго основанія» подъ другими наименованіями (напримѣръ, требованіе симметріи) играетъ значительную роль при дедукци въ формальныхъ наукахъ. Мы его переносимъ — можетъ быть, въ свою очередь, безъ «достаточнаго основанія», повинувшись просто импульсу рационализированія дѣйствительности — въ область наукъ реальныхъ, ощущая всякое отклоненіе отъ него, какъ произвольное абсолютированіе даннаго намъ міра явленій. Это кака-то эстетика—или, если угодно, экономика — познанія, какъ эстетическимъ или экономическимъ является столь характерное для науки исканіе наипростѣйшихъ формулъ законовъ природы. Но эстетика властная, не дающая легко примириться съ нарушеніемъ ея требованій. Мы легко принимаемъ міръ неопредѣленныхъ размѣровъ, неопредѣленной массы, неопредѣленной формы. Но міръ съ опредѣленными, конечными, числовыми характеристиками — будетъ ли это совокупная масса вселенной, или ея радіусъ, или кака-нибудь привилегированная универсальная константа, вродѣ постоянной скорости свѣта въ теоріи Эйнштейна — представляется намъ непонятнымъ, иррациональнымъ въ этой своей опредѣленности и абсолютности.

Въ теоріи Эйнштейна скорость свѣта — эта міровая постоянная — есть своего рода абсолютъ. Но, парадоксальнымъ образомъ, цѣной этого абсолютированія скорости свѣта получается

релятивированіе понятія времени, одно изъ самыхъ крупныхъ завоеваній философіи относительности. Ядромъ обширнаго, связаннаго съ этимъ, круга идей является совершенно оригинальная разработка идеи одновременности, при которой отказываются отъ транзитивности этого отношенія для различныхъ системъ. Мы такъ сжились съ нашей обычной, абсолютной концепціей единого для всѣхъ частей міра и равномерно текущаго времени, что обыкновенно даже не замѣчаемъ трудностей, возникающихъ при всякой попыткѣ точнаго опредѣленія понятія одновременности. Эйнштейну принадлежитъ та заслуга, что онъ выявилъ скрытыя допущенія, содержащіяся въ обычномъ представленіи объ одновременности, и показалъ возможность отказаться отъ нихъ и выработать такимъ образомъ новую идею времени.

Классическая механика въ своемъ ученіи объ абсолютномъ времени исходила изъ принципа мгновеннаго дальнодѣйствія. Благодаря этому міръ превращался въ одно огромное, сплошное, слитное, связанное единство. Всякое событіе въ нѣкоторой точкѣ пространства находитъ тотчасъ же, немедленно, свой идеальный отзвукъ въ любомъ другомъ пунктѣ вселенной. Время здѣсь какая-то нематеріальная, непрерывная, всепроникающая, однородная стихія, въ которую погружена исторія міра. Принципъ относительности не знаетъ такой универсальной спайки вселенной: онъ распыляетъ, атомизируетъ міръ, разъединяетъ въ немъ радикально части другъ отъ друга. Пока сигналъ отъ пункта А не дошелъ до пункта В, В живетъ своей особой жизнью, нисколько не связанной съ тѣмъ, что происходитъ въ А; когда же сигналъ, наконецъ, дошелъ до В, то сигнализируемое событіе уже кануло для А въ прошлое. То же самое испытываетъ и А по отношенію къ В, и вообще всѣ части міра другъ относительно друга. Правда, въ системѣ, движущейся равнопримѣрно и прямолинейно, какъ одно цѣлое, есть своя частная одновременность, своя свойственная специально ей слитность. Но, вѣдь, такія системы не существуютъ въ дѣйствительности, какъ нѣтъ въ ней чисто равномерно, осуществляющіе по закону инерціи, движеній традиціонной механики. Такимъ образомъ, весь міръ распадается фактически на безчисленное множество обособленныхъ другъ отъ друга пунктовъ, освѣдомленныхъ лишь о прошломъ другъ друга. Это атомизмъ, монадологія, еще болѣе крайняя, чѣмъ философская система Демокрита или Лейбница: у «монадъ» Эйнштейна есть окна только на прошедшее всѣхъ другихъ монадъ.

Теорія Эйнштейна вскрыла все принципиальное значеніе для проблемы времени вопроса о мгновенномъ дальнодѣйствіи. И, какъ бы въ другихъ отношеніяхъ ни смотрѣть на эту теорію, въ ней есть одинъ пунктъ, которымъ она, несомнѣнно, выгодно

отличается отъ ученія о дальнодѣйствіи. Загадочное въ послѣднемъ заключается не въ «дальности», не въ большемъ или меньшемъ разстояніи, на которое простирается мгновенное дѣйствіе, а въ его мгновенности¹, при которой изъ дѣйствія собственно исключается столь существенный для него моментъ времени, длительности. Путемъ этого дальнодѣйствія всякая частица во вселенной немедленно же оказываетъ свое вліяніе во всѣхъ другихъ частяхъ міра, и всякій атомъ въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы заполняетъ собой, своимъ дѣйствіемъ, весь необъятный космосъ. Вселенная является здѣсь своего рода синтезомъ или, вѣрнѣе, результатомъ наложенія другъ на друга такихъ, распростершихся на весь міръ, атомовъ. У Эйнштейна всякое дѣйствіе есть именно дѣйствіе, занимая нѣкоторый—большій или меньшій — конечный промежутокъ времени. Но, соотвѣтственно съ этимъ, міръ сводится къ суммѣ безчисленнаго множества маленькихъ, замкнутыхъ въ себѣ и изолированныхъ мірковъ, у которыхъ все свое, особенное, даже свое особенное время — эта, казалось, общая монета всего сущаго. И единственное, что связываетъ между собой эти самодовлѣющіе мірки,— это различныя «универсальныя константы», вродѣ скорости вѣта, и уравненія Лоренцова преобразования, своего рода математическіе мосты для перехода отъ одного автономнаго атома-міра къ другому атому-міру.

До возникновенія теоріи относительности наиболѣе радикальныя въ своемъ эмпиризмѣ концепціи времени — какъ, на примѣръ, теоріи Сталло, Маха — въ своей работѣ очищенія понятія времени отъ различныхъ постороннихъ примѣсей, приходили къ взгляду на него, какъ на единую, всепроникающую связь явленій. «Такъ какъ то, что мы называемъ временемъ и пространствомъ», писалъ Махъ еще въ 1872 г., «мы познаемъ только на извѣстныхъ явленіяхъ, то поэтому пространственныя и временныя опредѣленія суть только опредѣленія черезъ другія явленія... Стремленія современной физики направлены къ тому, чтобы каждое явленіе изобразить, какъ функцію другихъ явленій и извѣстныхъ положеній въ пространствѣ. Если мы мысленно замѣнимъ въ соотвѣтственныхъ уравненіяхъ положенія въ пространствѣ и во времени указаннымъ выше образомъ, мы получимъ просто каждое явленіе, какъ функцію другихъ явленій». ² Опытъ показываетъ, что между вращеніемъ земли, качаніями маятника, движеніемъ часовой стрѣлки по

¹ Ср. P. Natorp. «Die logischen Grundlagen der exakten Naturwissenschaften», с. 400.

² «Исторія и корень закона сохранения работы», с. 40 и сл. См. также разсужденія Сталло объ относительности времени, «этой великой независимой переменнѣй», въ «Die Begriffe und Theorien der modernen Physik», с. 210.

циферблату и пр. существуетъ нѣкоторая неизмѣнная зависимость, которую можно выразить въ неопредѣленномъ рядѣ равенствъ: 1 оборотъ земли вокругъ оси = 86400 качаній секунднаго маятника = 24 обхода часовой стрѣлкой циферблата = и т. д. Этотъ глубокий, всеохватывающій параллелизмъ явлений мы склонны превращать въ какую-то новую сущность, создавая призракъ особо и отдѣльно отъ явлений существующаго времени, съ «теченіемъ» котораго таинственно и неразрывно связано развертываніе судебъ міра. Надо отказаться отъ фетишизированія научныхъ абстракцій; не надо примыплять къ опыту ничего лишняго, а брать дѣйствительность въ ея чистомъ видѣ — и тогда время предстанетъ передъ нами, какъ указываемая универсальная связь явлений и ихъ зависимость другъ отъ друга.

Въ новой механикѣ, разрушающей единое вселенское время, локализирующей время, приурочивая его къ опредѣленнымъ пространственнымъ величинамъ, уже нѣтъ возможности создавать изъ времени антропоморфнаго фетиша. Ея тенденція въ этомъ отношеніи несравненно радикальнѣе, чѣмъ у релятивизма Сталло или Маха. Прѣжній монохронизмъ — своего рода аналогъ религіознаго монизма — замѣненъ полихронизмомъ. Единое абсолютное время — Время съ прописной буквы — распалось на безчисленное множество временъ, различныхъ въ разныхъ точкахъ міра. Здѣсь нѣтъ соблазна и повода субстанцировать время, дѣлать изъ него какую-то надміровую сущность, которой подчинены судьбы всего сущаго. Въ теоріи относительности время окончательно теряетъ свой субстанціальный, вещный характеръ, превращаясь въ извѣстное отношеніе между вещами. Правда, это отношеніе и связь носить теперь гораздо болѣе сложный характеръ, чѣмъ это представлялось позитивизму Маха и его послѣдователей. Ее уже нельзя выразить простымъ рядомъ равенствъ, вродѣ приведенныхъ выше. При перечисленіи времени одной системы во время другой системы приходится — согласно формуламъ Лоренцова преобразования — принимать въ расчетъ и положеніе системъ въ пространствѣ. Указывая время, надо теперь указывать и мѣсто, для котораго его отсчитываютъ. Время ужъ не свободно теперь отъ пространственныхъ опредѣленій, какъ въ старой концепціи его, а *неразрывно и тѣсно связано съ ними*.

Полное и послѣдовательное развитіе идеи о неразрывной связи времени и пространства есть дѣло рукъ математика Г. Минковского — этого Ньютона теоріи относительности, какъ Эйнштейнъ былъ ея Коперникомъ — давшаго также надлежащій математическій методъ для ея разработки и сдѣлавшаго изъ нея одно изъ величественнѣйшихъ твореній человѣческой мысли. Недостатокъ обычнаго представленія о времени, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и о пространствѣ, Минковскій видитъ въ «догматѣ», какъ онъ выражается, будто пространство и время имѣютъ каждое совершенно самостоятельное значеніе. Согласно этому представленію, существуютъ двѣ радикально отличныя другъ отъ друга «формы чувственности», «категоріи», или какъ бы это ни назвать еще иначе: одна — это трехмѣрное пространство, простирающееся неопредѣленно далеко въ длину, ширину и вышину, другая — одномѣрное время, рисующееся намъ въ видѣ протягивающейся бесконечно впередъ и назадъ прямой линіи. Въ дѣйствительности же «предметъ нашего воспріятія всегда составляютъ только мѣста и времена вмѣстѣ взятыя. Никто не замѣчалъ никогда мѣста иначе, какъ въ опредѣленное время, или время иначе, какъ въ опредѣленномъ мѣстѣ». «Отнынѣ время по себѣ и пространство по себѣ должны сдѣлаться всецѣло тѣнями, и только особаго рода ихъ сочетаніе сохранить самостоятельность»¹. Именно, время должно разсматривать, какъ особое, четвертое, измѣреніе міра, вполне равноправное и однородное съ тремя другими, пространственными, измѣреніями его. «Посредствомъ явленій данъ только четырехмѣрный въ пространствѣ и времени міръ», при проектированіи котораго въ пространствѣ и во времени мы до извѣстной степени свободны — таковъ «мировой постулатъ» Минковского (или еще иначе — «постулатъ абсолютнаго міра»), которымъ онъ замѣняетъ «блѣдный», по его словамъ, эйнштейновскій постулатъ относительности, не выражающій въ такой рѣшительной и окончательной формѣ мысль о неразрывной связи пространства и времени и о полной эквивалентности всѣхъ четырехъ измѣреній четырехмѣрнаго міра.

О томъ, какое впечатлѣніе способна производить грандіозная концепція Минковского, можно судить по слѣдующимъ словамъ Умова изъ его рѣчи на менделѣевскомъ съѣздѣ:

«Слишкомъ рано умершій гениальный математикъ Минковскій доказалъ, что всѣ эти четыре измѣренія (т. е. три обычныхъ измѣренія пространства и четвертое измѣреніе времени) равнозначущи. Какъ это понимать? Приѣхавшіе изъ Москвы въ Петроградъ проѣзжали черезъ Тверь. Ихъ нѣтъ болѣе на этой станціи, но тѣмъ не менѣе она существуетъ. Такъ же точно тотъ моментъ времени, который соответствовалъ какому-нибудь событію, уже протекшему, напримѣръ, зарожденію жизни на землѣ, не исчезъ, онъ существуетъ. Онъ не пережить вселенной, а только землей. Мѣсто этого событія въ четырехмѣрной вселенной опредѣляется нѣкоторымъ пунктомъ, и этотъ пунктъ существовалъ, существуетъ и будетъ существовать: теперя

¹ Г. Минковскій. «Пространство и время».

черезъ него, черезъ эту пройденную землей станцію проходить другой странникъ. Время не течетъ, какъ не течетъ пространство. Течемъ мы, странники, въ четырехмѣрной вселенной. Время — такое же измѣреніе пространства, какъ высота, ширина и длина. Переставляя ихъ въ выраженіи какого-либо закона природы, мы приходимъ тоже къ ея закону.

«Новыя представленія облечены Минковскимъ въ изящную математическую теорію; мы не войдемъ въ воздвигнутый его геніемъ величественный храмъ; отсюда голосъ:

«Во вселенной дано все: для нея нѣтъ прошлаго и будущаго, она—вѣчное настоящее; ей нѣтъ предѣловъ ни въ пространствѣ, ни во времени. Перемѣны происходятъ въ индивидуальностяхъ и соотвѣтствуютъ ихъ перемѣщенію по мировымъ путямъ въ четырехмѣрномъ вѣчномъ и безпредѣльномъ многообразіи».

Эта картина четырехмѣрной, пребывающей — какъ у мистиковъ Божество — въ «вѣчномъ настоящемъ», вселенной производитъ, несомнѣнно, огромное впечатлѣніе на воображеніе, но въ пей, съ логической стороны, далеко не все такъ безупречно. какъ это представлялось Умову, считавшему, что Минковский «доказалъ» эквивалентность пространства и времени. Сторонникъ идей Сталло, Маха, Гюйю, охотно согласится съ утверженіемъ, что «время не течетъ», что «течемъ мы», текутъ вещи — и что въ этомъ всеобщемъ теченіи вещей есть свой особенный параллелизмъ и закономерность. Но мы все же *течемъ, измѣняемся, движемся* — и это вводитъ ничѣмъ не устранимое различіе между «раньше» и «позже», между прошлымъ и будущимъ, не давая вселенной застыть въ одномъ «вѣчномъ настоящемъ». Если къ двумъ измѣреніямъ пространства — длинѣ и ширинѣ — прибавить третье измѣреніе, вышину, движенія отъ этого еще не получится: геометрическіе образы станутъ сложнѣе, вмѣсто двумѣрныхъ фигуръ появятся трехмѣрныя тѣла, но мы по прежнему останемся въ области чисто геометрическихъ представленій. Точно также останемся мы въ ней, если усилимъ воображенія присоединимъ еще четвертое — чисто геометрическое — измѣреніе, за нимъ пятое и т. д. безъ конца, создавъ различныя гипотетическія сверхъ-тѣла, шаро-шары, кубо-кубы и т. д.: движенія и въ этомъ случаѣ не будутъ. Для полученія его, надо ввести особое, отличное отъ геометрическихъ, измѣреніе—время, при наличности котораго возможно измѣненіе даже въ одномѣрномъ мѣрѣ (движеніе по прямой линіи).

Это «опространствленіе» времени у Минковского имѣетъ, можетъ быть, своимъ источникомъ преобладающе математическое направленіе его мысли. Въ системѣ Минковского математическіе мотивы такъ тѣсно переплетаются съ мотивами физическими, что трудно провести опредѣленную грань между ними,

трудно сказать, гдѣ кончается математическая — чисто символическая — операция и гдѣ начинается работа надъ физическими понятіями. Въ нашемъ трехмѣрномъ мірѣ положеніе любой точки въ пространствѣ опредѣляется тремя числами, тремя координатами. Числовая величина времени, будучи во всякій моментъ одинаковой для всѣхъ точекъ міра, не является здѣсь специфической характеристикой ни одной изъ нихъ. У Эйнштейна, наоборотъ, каждая матеріальная точка характеризуется свойственными только ей тремя пространственными координатами и одной временной. Съ отвлеченно-математической точки зрѣнія можно отбросить различіе между пространствомъ и временемъ и разсматривать всѣ четыре числа — характеристики, какъ однородныя и равнозначущія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что время и *физически* равнозначуще пространству и что оно есть четвертое пространственное измѣреніе нашего реального міра. Въ многообразіи звуковъ каждый звукъ опредѣляется его высотой и силой (а, если принять въ расчетъ и обертоны, то еще тембромъ); многообразіе звуковъ двухмѣрно (трехмѣрно)—но измѣренія царства звуковъ не однородны между собой: высота звука рѣзко отличается отъ силы его, и ихъ нельзя замѣнить другъ другомъ, какъ, напримѣръ можно замѣнять между собой однородныя, по существу, измѣренія пространства: длину, ширину, вышину.

Но, превративъ время въ четвертое измѣреніе пространства, Минковский не останавливается на этой ступени абстракціи: чтобы придать полученнымъ имъ формуламъ болѣе стройный и изящный видъ, онъ умножаетъ еще величину времени на такъ называемую мнимую единицу ($\sqrt{-1}$). Аналогія между формулами трехмѣрнаго и четырехмѣрнаго міра становится благодаря этому полной. Но какое реальное значеніе имѣетъ вся эта математическая символика, какъ толковать физически «мнимое вращеніе оси времени вокругъ оси пространства» и т. п. символическія операціи теоріи Минковского — это трудно себѣ представить. Не удивительно поэтому, что даже, такъ преклоняющійся передъ твореніемъ Минковского, Вейнштейнъ — тщательно отличающій гармоническую и самодовлѣющую теорію геттингенскаго математика отъ изобилующаго, по его мнѣнію, противорѣчіями ученія Эйнштейна — вынужденъ назвать его міръ «призрачнымъ».

И, дѣйствительно, четырехмѣрный міръ Минковского представляется слишкомъ абстрактнымъ и призрачнымъ, чтобы ученіе о немъ можно было принять за физическую гипотезу. На гениальныя идеи великаго математика можно смотрѣть — пользуясь его же собственнымъ выраженіемъ — «только какъ на дерзость математической мысли», а не какъ на болѣе или менѣе адекватное выраженіе реальности. Въ отличіе отъ этого болѣе

скромное учение Эйнштейна может претендовать на физическое значение. Время здѣсь, хотя и связано неразрывно съ пространствомъ — какъ связаны, на примѣръ, между собой сила звука и высота его — не превращено попросту въ новое, четвертое измѣреніе его. Теорія Эйнштейна сохраняетъ всѣ отличительныя черты времени, удерживаетъ абсолютное различіе между модусами прошлаго и будущаго — хотя сами эти модусы разнo оцѣниваются въ разныхъ системахъ — не дѣлая изъ него простого различія направленій линіи времени, которую можно пробѣгать съ одинаковымъ успѣхомъ справа налѣво или слѣва направо. Здѣсь нѣтъ «вѣчнаго настоящаго», этого удивительнаго гибриднаго понятія, умудряющагося абсолютировать время, исключая изъ него вовсе элементъ временнаго порядка. Миръ Эйнштейна знаетъ этотъ порядокъ, онъ знаетъ событія, перемѣны, развертывающіяся въ опредѣленномъ направленіи, по одному уклону.

Будущее покажетъ, безусловно-ли нуждается точное естествознание въ новомъ понятіи времени или же накопившіяся въ немъ противорѣчія можно устранить путемъ менѣе рѣшительныхъ мѣръ. Но старому понятію времени во всякомъ случаѣ нанесенъ непоправимый ударъ, ибо теорія Эйнштейна доказала воочію, такъ сказать, опытно, что вполне свободно можно замѣнить прежнюю идею абсолютной, транзитивной одновременности одновременностью относительной, не транзитивной. Я говорю объ *опытномъ* доказательствѣ, такъ какъ сама теорія относительности есть блестящій умственный экспериментъ, осуществляющій новую концепцію времени.

Успѣхъ этого эксперимента показываетъ, что время не есть какая-то апріорная, разъ навсегда данная, категория мысли, а есть организующая форма нашего опыта, измѣняющаяся и развивающаяся вмѣстѣ съ ростомъ знанія, съ ростомъ того опытнаго матеріала, который приходится систематизировать. Въ эволюціи понятія времени должна была существовать въ отдаленней доисторическія эпохи фаза, когда подъ давленіемъ потребностей социального общенія люди перешли отъ учета субъективныхъ длительностей къ выработкѣ общезначимаго, объективнаго времени. Это было однимъ изъ величайшихъ открытій человѣческой мысли, вѣроятно, анонимнымъ и коллективнымъ, какъ всѣ основоположныя открытія начала человѣческой эры. Въ дальнѣйшемъ въ теченіе вѣковъ шло — параллельно съ развитіемъ механическихъ идей и усовершенствованіемъ измѣрительныхъ приборовъ — уточненіе новаго понятія, пока въ философіи естествознанія Ньютона оно не нашло классическаго выраженія въ видѣ концепціи единаго абсолютнаго, однороднаго, равномернаго текущаго времени. Теперь намѣчается новая фаза въ эволюціи времени. Можетъ быть, физикъ удастся предотвратить крушеніе стараго представленія о времени и спасти учение о

его однозначности. Но это важно фактически, а не принципиально. Принципиально-же монизмъ времени преодолѣнъ, а съ нимъ преодолѣно и ученіе о неизмѣнности его, какъ исконной формы нашей мысли,—и въ этомъ непреходящая, съ теоретико - познавательной точки зрѣнія, заслуга гениальнаго замысла Эйнштейна.

П. Юшкевичъ.

ПАМЯТИ ДРУГА.

(Изъ воспоминаній о М. М. Ковалевскомъ).

„Любите свободу, равенство, прогрессъ“ *).

М. Ковалевскіи.

«Voilà votre ami qui arrive!»—весело крикнула мнѣ въ комнату, стоявшая на балконѣ молодая французская монахиня, бывшая сестрой милосердія у моихъ больныхъ—жены и сына, въ Hôtel Volta въ Комо. Я поспѣшилъ на балконъ и убѣдился, что она не ошиблась. Пришедшій, съ верховья озера, пароходъ только что причалилъ къ набережной, и по раскаленнымъ июльскимъ солнцемъ плитамъ широкой площади вѣромъ разсыпалась толпа туземцевъ и форестьеровъ. Несмотря на ея пестроту и многолюдность, изъ нея рѣзко выдѣлялась высокая—широкоплечая фигура въ свободномъ лѣтнемъ «сыютѣ» и широчайшей панамѣ. Изъ-подъ ея нависшихъ полей глядѣло, прямо на насъ, обрамленное прядями черныхъ волосъ загорѣлое, цвѣтущее здоровьемъ молодое лицо. Прекрасные, ясные, искрящіеся весельемъ глаза и оригинальная, слегка разсѣченная верхняя губа съ ея рѣшительнымъ строгимъ выраженіемъ, совершенно не гармонирующимъ съ общимъ добродушнымъ выраженіемъ остальныхъ чертъ лица, не оставляли сомнѣнія, что это былъ онъ. Меня невольно заинтересовало, почему могъ его узнать человѣкъ, никогда его не видавшій и только вчера въ первый разъ услыжавшій о его существованіи. На мой вопросъ она, не задумываясь, отвѣтила: «Mais cela a vu de suite, monsieur;—un vrai boyard russe!» Не знаю, что связывалось съ этимъ словомъ въ представленіи этой французской монахини—землячки Іоанны Д'Аркъ, мало образованной Лорренской крестьянки, но мнѣ невольно вспомнились слова другой женщины, конечно произносившей ихъ вполне сознательно и съ сочувствіемъ,—женщины, знавшей русскихъ людей и которую знали русскіе люди,—слова Софіи Васильевны Ковалевской: «настоящій русский бояринъ!»

* Слова, сказанныя Максимомъ Максимовичемъ не задолго передъ смертію и переданныя его секретаремъ. Въ этихъ словахъ заключается не только profession de foi покойнаго, въ нихъ сказался въ частности и знатокъ великой революціи.

Но для меня въ эту минуту, какъ и всегда, и даже болѣе чѣмъ когда-нибудь, это былъ, конечно, не *boyard russe*, а милый, добрый Максимъ Максимовичъ. Эти два слова, которыя теперь, когда его уже нѣтъ, неизмѣнно повторяются всѣми кто его вспоминаетъ, одни могли выразить его обаятельность въ личныхъ сношеніяхъ. Обстоятельства, вызвавшія это его посѣщеніе, были слѣдующія. Жена и сынъ заразились тифомъ у этихъ *sprocati ladri*¹ — неаполитанцевъ, но болѣзнь таилась во время переѣзда на далекій сѣверъ Италіи и внезапно вспыхнула въ этомъ *Hotel Volta*, куда мы вошли, чтобы переночевать, а выѣхали изъ него только черезъ два мѣсяца. Отъ случайно проѣздомъ остановившагося въ томъ же *Volta* И. А. Петровскаго я узналъ, что Максимъ Максимовичъ живетъ въ Менаджіо. Обидно подумать, что, не выдавшись почти пятнадцать лѣтъ, мы живемъ такъ близко и, можетъ быть, разѣдемся не повидавшись. Я отправилъ ему письмо, въ которомъ спрашивалъ, какъ-бы согласовать наши дальнѣйшія движенія, когда мои бѣдные больные выйдутъ изъ карантина, такъ какъ ему приѣхать сейчасъ было бы неблагоразумно въ виду возможности зараженія. Отвѣтомъ на это была короткая телеграмма, что на слѣдующій день онъ будетъ у насъ. Понятно, какъ обрадовала насъ мысль объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи среди нашего вынужденнаго одиночества. Весь вечеръ проболтали мы о немъ, откуда и наша монашенка узнала, что у меня есть такой добрый ами. Увидавъ, что онъ рѣшительно направляется къ нашему подъѣзду, я схватилъ шляпу и выбѣжалъ на площадь, уговаривая его пойти вмѣстѣ куда-нибудь подальше отъ нашего очага заразы, но онъ и слышать не хотѣлъ. Мы прошли въ столовую, хотя время было самое неподходящее, позднее для завтрака и раннее для обѣда. Жара была несносная, лобъ его покрывали крупныя капли—и я сталъ предлагать что-нибудь прохладительное,—мороженое, *granita*, мазагранъ, но онъ отъ всего упорно отказывался, а потомъ, спохватясь, добавилъ: «А вотъ что, угостите меня чайкомъ, слыхалъ я, что въ вашемъ отелѣ можно получить настоящій—россійскій».

И вотъ въ прохладѣ полутемной комнаты мы очутились, если не за шипящимъ самоварчикомъ, то за его нѣмецкимъ суррогатомъ *thè-pashipe*, за то чай былъ настоящій—Поповскій, а комскіе хлѣбца—просвирки могли произвести иллюзію филипповскихъ стародубскихъ булокъ; одипъ только *panetene di*

¹ Такъ непочтительно отзывался о нихъ нашъ милѣйши *dottore Fumagalli*, благодаря которому намъ удалось сравнительно благополучно выбраться изъ такого ужаснаго положенія, какъ заразная болѣзнь въ жестокое приговорѣ выразилась вся антипатія сѣверянина къ грязному отсталому югу. Онъ утверждалъ, что его чистенькій, благоустроенный Комо никогда не зналъ тифа; заносить его всегда со стороны и преимущественно съ юга.

Милано вносил некоторую couleur locale, напоминая, что это московское чаепитие происходит в Италии в самый разгар лета и в те часы, когда всякий добрый итальянец в своей Sesta ищет спасения от обезливающей жары. Никогда, кажется, Максим Максимович не был в таком ударе. Как всегда блестяще, полные юмора рассказы о виденном и слышанном за эти пятнадцать лет в культурных странах, с которыми он сблизился, попутные упоминания о законченных и вновь задуманных трудах перемежались с воспоминаниями о десяти московских годах общей борьбы и тревожным предчувствием будущего, которое готовила встая на всех парах реакция. Часы летели — и мы не заметили, как полутьма нашей столовой превратилась уже в почти полную тьму и, подлая маркуза, убедилась, что солнце уже зашло за противоположные зеленые холмы. Можно было подумать о том, чтобы освежиться прохладкой. Только успели мы миновать соседний чудный флюораморный фасад собора с его двумя местными святыми — обоими Паннами, как Максим Максимович вспоминал, что недалеко в каком-то закоулке у него есть знакомый антикварий или попросту букинист. Войдя в очень скромную лавку, он прямо направился в заднюю комнату, чрезвычайно знакомым ему подкамь, точно это была его собственная библиотека, без умолку совершенно свободно болтая, как мне показалось, даже не просто на итальянском языке, а на каком-то миланском наречии. В первый раз вообще я мог убедиться в его обширном знакомстве с книжным миром, особенно со старой книгой. Если, в этом складе совершенно неизвестного букиниста, в маленьком провинциальном, даже не университетском, итальянском городке, он был как у себя дома — как же были ему знакомы антикварские склады и книгохранилища больших центров обеих полушарий и какую совершенно исключительную, по своему подбору, библиотеку мог он себе составить! А если к этому прибавить еще с молодых лет приобретенное в Ecole des Chartes искусство пользования архивными первоисточниками, то станет понятной та громадная эрудиция, которая поражала всякого ближе знакомого с его литературной деятельностью. Конечно, скажут, в этом играли не последнюю роль его материальные средства. Но многие ли умели использовать свои средства в таком направлении? Молодой, талантливый, блестящий, остроумный в совершенстве владевший шестью, а может и большим числом языков, лично знакомый со всеми видными представителями в избранной области и в то

же время не уклонявшійся отъ самаго тяжелаго, усидчиваго, казалось бы, скучнаго спеціальнаго труда—онъ, конечно, являлъ собою рѣдкое явленіе въ рядахъ научныхъ дѣятелей всего міра.

Я неоднократно потомъ спрашивалъ себя: почему именно объ этой встрѣчѣ сохранилось у меня самое живое воспоминаніе?— и объяснялъ себѣ это тѣмъ, что въ немъ особенно ярко выразились и умственные и нравственные стороны его обаятельной личности. Во-первыхъ, за то время, что мы не видѣлись, онъ значительно выросъ въ умственномъ отношеніи—къ этимъ годамъ относились его самые крупные, обдуманые труды—а, во-вторыхъ, самый фактъ этого посѣщенія, наглядно выявлялъ всѣ привлекательныя, привязывавшія къ нему, стороны его характера. Въ разгаръ итальянскаго лѣта покинуть для душнаго города свое прохладное прекрасное убѣжище, въ самое пекло предпринять не близкую все же поѣздку, потерять цѣлый рабочій день, быть можетъ оторваться отъ увлекательной работы и въ довершеніе, пожалуй, рисковать заразиться не шуточной болѣзнью, затѣмъ только, чтобы повидать стараго пріятеля,—многіе ли на это способны, особенно изъ людей, которыхъ матеріальное благополучіе легко превращаетъ въ черствыхъ, мелко эгоистичныхъ сибаритовъ?

И вотъ теперь, когда его уже нѣтъ, всплываютъ одш за другими мелкіе эпизоды далекой общей университетской жизни и болѣе позднихъ короткихъ встрѣчъ.

На-дняхъ, при разборкѣ старыхъ книгъ, изъ одной выпала у меня визитная карточка. Цѣлыхъ сорокъ лѣтъ глянуло на меня съ этого еще совсѣмъ свѣжаго куска картона съ лаконической надписью: Максимъ Максимовичъ Ковалевскій. Никитская, домъ Батюшкова ¹⁾. Это была, конечно, первая и послѣдняя карточка, какими мы обмѣнялись при первомъ знакомствѣ, такъ какъ послѣ не имѣли обычая такимъ официальнымъ образомъ удосто- вѣрять взаимныя посѣщенія. Не припомню, гдѣ и когда мы встрѣтились съ нимъ въ первый разъ, припоминаю только первую продолжительную бесѣду. Это было въ общей обѣденной залѣ Эрмитажа. Я только что принялся за свой обѣдъ, когда онъ вошелъ и подсѣлъ къ тому же столику; мы проболтали не только весь обѣдъ, но и долго послѣ, пока зала не опустѣла и половые стали приспускать газъ. О чемъ мы успѣли за это время перегово- рить—на такомъ разстояніи не упомяну. Прежде всего, конечно, о войнѣ (это было 1877 году), но въ концѣ концовъ рѣчь какъ-то остановилась на Италіи; я былъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣ- ніемъ первой своей поѣздки, а онъ, оказалось, сроднился съ пей съ самаго дѣтства, совершенно свободно владѣлъ языкомъ и, ка-

¹ Теперь самый домъ, гдѣ помѣщалось Филармоническое Общество, уже не существуетъ, но гдѣ то во дворикѣ новой громадины кажется сохранился маленькій двухэтажный надворный флигель, который зани- малъ Ковалевскій.

жется, былъ знатокомъ итальянской школы живописи. Къ слову сказать, онъ былъ, кажется, довольно равнодушенъ къ музыкѣ, во всякомъ случаѣ къ новѣйшей, по крайней мѣрѣ критически относился къ модному въ то время Вагнеру. Помню, какъ во время одного горячаго спора на модную тему о Вагнерѣ и оперѣ, какъ музыкальной драмѣ, онъ, не принимая въ немъ участія, произнесъ а parte, обращаясь въ мою сторону: «А по мнѣ лучшая музыкальная драма не Вагнеровская, а—Донъ-Жуанъ!» Съ чѣмъ, конечно, я поспѣшилъ согласиться. Сближеніе наше произошло на почвѣ назрѣвшей тогда совѣтской борьбы между старой и, начавшей кристаллизаться, молодой профессорской партией. Къ послѣдней принадлежали: Чупровъ, Муромцевъ, Ковалевскій, Янжуль—изъ юристовъ, Стороженко и позднѣе Ключевскій—изъ филологовъ, Остроумовъ, Эрисманъ, Склифасовскій—изъ медиковъ, и мы со Столѣтовымъ—изъ физико-математиковъ. Послѣ вышедшаго съ такимъ достоинствомъ въ отставку Соловьева, ректоромъ былъ выбранъ Тихонравовъ. Сначала доброжелательно расположенный къ студентамъ, онъ вскорѣ сталъ стремиться къ какому-то патриархально-отеческому самовластью, превратившемуся въ нѣчто еще худшее, когда ближайшимъ орудіемъ этой отеческой власти сталъ, громко прославившійся позже, инспекторъ Брызгаловъ. Дѣло дошло до того, что сотни студентовъ выгонялись безъ суда, по однимъ проскрипціоннымъ спискамъ Брызгалова. Въ свою очередь, возмущенные студенты доходили до штурма ректорской квартиры. Помню одно совѣтское засѣданіе, въ началѣ котораго Тихонравовъ приглашалъ своихъ сторонниковъ успокоиться, такъ какъ у него наверху спрятаны городовые. Существовать долѣе при этихъ условіяхъ было невозможно, а тутъ какъ разъ подоспѣли новые выборы ректора. Вся старая партія, конечно, стояла за вторичные выборы своего ставленника. Молодая, уже успѣвшая сплотиться, конечно, и слышать не хотѣла объ этомъ, такъ какъ оно было бы сигналомъ къ студенческой исторіи. На проведеніе своего кандидата (Чупрова) не было, однако, надежды; пришлось искать какого-нибудь нейтральнаго кандидата, une еrèe sans couleur—и общій выборъ сталъ склоняться въ пользу Боголѣпова. Любопытно, что засѣданія насъ—заговорщиковъ—происходили въ его квартирѣ, и хозяина на время обсужденія жгучаго вопроса просили удалиться изъ совѣщательной комнаты. Въ самый разгаръ этой выборной борьбы наступилъ день, памятный въ исторіи русской общественной жизни,—день похоронъ Тургенева. Наши противники рѣшили имъ воспользоваться. «Либераловъ» уговаривали исполнить свой гражданскій долгъ, и ректоръ щедрой рукой раздавалъ отпуски—въ расчетъ назначить выборы въ нашемъ отсутствіи. Но мы приняли свои мѣры и добились совѣтскаго постановленія, отлагавшаго выборы на болѣе

отдаленный срокъ. Какъ ни грустенъ былъ поводъ нашей общей поѣздки, я не запомню такой живой, дружной, скажу прямо таки веселой компаніи. И то сказать: многіе тогда, и въ ихъ числѣ Максимъ Максимовичъ, были еще такъ молоды. Всю ночь проболтали. Максимъ Максимовичъ, а съ нимъ и я, стали жертвой общихъ нападокъ за то, что, пользуясь каждой большой остановкой, выскакивали изъ душнаго вагона. Такъ какъ мы возвращались бодрыми, освѣженными ночной прохладой, насъ заподозрили въ томъ, что мы подкрѣпляемся въ каждомъ буфетѣ, на что мы съ хохотомъ отвѣчали, что, наоборотъ, они должны одѣпить нашу почти младенческую душевную чистоту, такъ какъ пили мы исключительно «Ланинскую» и закусывали тверскими пряниками. Кто не помнитъ, кто не слыхалъ о совершенно исключительной торжественности и единомушномъ настроеніи, царившихъ на этихъ первыхъ въ Россіи общественныхъ проводахъ на вѣчный покой равно всѣми любимаго и цѣнимаго великаго человѣка, но въ моей памяти выступаетъ и одно остоятельство, также мало гармонировавшее съ торжествомъ. Максимъ Максимовичъ шелъ съ вѣнкомъ отъ университета, я—отъ Петровской Академіи, а мой братъ былъ при вѣнкѣ отъ «Отечественныхъ Записокъ». Когда мы уже приближались къ кладбищу, я видѣлъ, какъ братъ отдѣлился отъ процессіи и вошелъ въ мелочную лавочку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, едва удерживаясь отъ смѣха. Мы, конечно, накинулись на него, осуждая неприличіе такого поведенія. Въ оправданіе себѣ онъ разсказалъ намъ слѣдующее. Онъ пошелъ напиться квасу, такъ какъ жара была совершенно небывалая въ эту пору года. На порогѣ стоялъ благообразный старикъ-лавочникъ, который обратился къ нему съ такой рѣчью: «Ну, и похороны... За всю жизнь не видалъ такихъ... Какой-то Тургеневъ, говорятъ—писатель.. Что-то и по имени не слыхалъ. То-ли еще будетъ, когда будутъ хоронить Лейкина!» По этому поводу братъ передалъ сказанное ему Салтыковымъ: «А меня будутъ хоронить вотъ какъ: свезутъ ночью на погостъ и зароютъ въ землю, а утромъ придетъ на мою могилку архіерей и...» Здѣсь слѣдовало выраженіе чисто Щедринское, въ печати неудобное. Ни то, ни другое предположеніе, какъ извѣстно, не оправдалось, ни голосъ изъ народа, ни голосъ вѣщаго сатирика не оказались пророческими. Похороны Тургенева не остались единственными въ своемъ родѣ, и тѣ же сочувствующе, которые проводили его до его послѣдняго убѣжища, проводили и великаго сатирика земли русской и не украдкой ночью, а среди бѣлаго дня, наперекоръ его гонителямъ. Благодаря тому, что для этого разговора мы отдѣлились отъ кортежа, мы могли замѣтить одну любопытную подробность—тѣ воинскія почести, которыя были оказаны са-

тому мирному изъ людей¹. По обѣ стороны печальнаго шествія по кладбищу на нѣкоторомъ разстоянн тянулись двѣ лини казаковъ. Это было молчаливымъ признаніемъ со стороны придерживающихъ властей того неожиданнаго, внезапнаго подъема общественныхъ чувствъ, который дѣлалъ изъ похоронъ Тургенева совершенно исключительное явленіе въ лѣтописи нашей общественной жизни. Бывали позже, можетъ быть, не менѣе многолюдные проводы, но не было такого единодушія, единомыслія. Такъ и похороны бѣднаго Максима Максимовича, судя по газетнымъ извѣстіямъ, собрали людей далеко не во всемъ согласныхъ. Въ одномъ описанн я нашелъ одобрителный отзывъ по поводу того, что онъ нашелъ себѣ вѣчный покой на аристократическомъ кладбищѣ и по сосѣдству съ Достоевскимъ. Для многихъ, близко знавшихъ Ковалевскаго, его мѣсто было бы скорѣе гдѣ-нибудь по сосѣдству съ «литературными мостками» поближе къ Тургеневу, а не Достоевскому. Не забудемъ, что Максимъ Максимовичъ былъ однимъ изъ главныхъ инициаторовъ тѣхъ горячихъ приемовъ и овацій, которые скрасили послѣдніе дни Ивана Сергѣевича и хоть отчасти смягчили горечь воспоминанн о той возмутительной травлѣ, которой онъ подвергался послѣ появленн «Отцовъ и дѣтей». Припоминаю подробности перваго обѣда въ колонной залѣ Эрмитажа, устройтелемъ котораго былъ Ковалевскій, и собравшаго многочисленныхъ представителей литературы, науки и вообще московскаго общества. Далекое не всѣ были настроены одинаково сочувственно къ тому, кого собрались чествовать: такъ, Писемскій и Островскій, сидѣвшіе направо и налево отъ него, просидѣли весь обѣдъ, кажется, не обмѣнившись съ нимъ ни однимъ словомъ. Когда начались рѣчи, Максимъ Максимовичъ подошелъ ко мнѣ и просилъ меня сказать привѣтствіе отъ имени учащейся молодежи² (которая по полицейскимъ правиламъ не могла быть сама представлена на обѣдѣ). Но я, конечно, отклонилъ это предложеніе, не имѣя на то полномочія, и мы порѣшили что въ замѣнъ того я скажу нѣсколько словъ отъ имени петербургской университетской молодежи эпохи «Отцовъ и дѣтей», на что имѣлъ уже личное право. Упомянувъ въ нѣсколькихъ словахъ о тѣхъ двухъ теченіяхъ въ рядахъ учащейся молодежи—одномъ, руководимомъ враждебнымъ Тургеневу литературнымъ лагеремъ, и другомъ, малочисленнымъ, состоявшемъ преимущественно изъ натуралистовъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ

¹ Невольно вспоминается одно его стихотвореніе въ прозѣ, относящееся къ 1878 г., оканчивающееся словами: «И къ чему тутъ крестъ на Св. Софн».

² Въ качествѣ одного изъ наиболѣе близкихъ къ учащейся молодежи преподавателей двухъ высшихъ учебныхъ заведенн—Университета и Петровской Академн.

нашедшемъ себѣ представителя въ Писаревѣ,—я закончилъ, что по нашему мнѣнію Иванъ Сергѣевичъ могъ примѣнить къ себѣ слова, когда-то сказанныя человѣкомъ совершенно иного закала и по иному адресу: онъ могъ съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что по отношенію къ молодой Россіи былъ «безъ лести преданъ».¹ Черезъ нѣсколько дней также на обѣдѣ, устроенномъ Ковалевскимъ въ болѣе тѣсномъ кружкѣ, я вернулся къ той же темѣ. Тогда Иванъ Сергѣевичъ сказалъ мнѣ: «благодарю васъ,—вы пролили бальзамъ на мои старческія раны» и подъ своей фотографіей подписалъ драгоценный автографъ—«Отъ автора Отцовъ и дѣтей»².

Дружескія чувства Максима Максимовича къ Тургеневу и совершенно иныя чувства, которыя онъ питалъ къ Достоевскому, я имѣлъ случай провѣрить и въ памятные Пушкинскіе дни.

Еще болѣе негодовали мы на совсѣмъ уже скверную личную выходку Достоевскаго въ его знаменитой, вызвавшей такіе истерическіе восторги рѣчи. Уставившись своими злобными маленькими глазками на Тургенева, помѣтившагося подъ самой каедрой и съ добродушнымъ вниманіемъ слѣдившаго за рѣчью, Достоевскій произнесъ слѣдующія слова: «Татьяна могла сказать: «Я другому *отдана*⁴ и буду вѣкъ ему

¹ Извѣстный девизъ Аракчеева, что подало поводъ одному изъ шипѣвшихъ противъ Ивана Сергѣевича, остряку сказать мнѣ послѣ обѣда: «Да Вы правы—бѣсъ лести преданъ»—извѣстная современная пародія на Аракчеевскіи девизъ.

² Останавливаюсь мимоходомъ на этихъ подробностяхъ въ виду недавней попытки реабилитации этой позорной страницы въ исторіи русской литературной кружковщины, этой травли автора «Отцовъ и дѣтей», чуть не вынудившей его навсегда бросить литературную дѣятельность. Авторъ этой статьи (Котляревскіи, въ «Вѣстникѣ Европы») глубоко мысленно замѣчаетъ, что Тургеневъ былъ бы еще, пожалуй, правъ если бы «Отцы и дѣти» появились послѣ Писарева, т. е. если бы онъ былъ не гениальнымъ провидцемъ одной изъ наиболѣе выдающихся эпохъ русской культуры, а бездарнымъ переписчикомъ чужихъ мыслей которыя, безъ вызвавшего ихъ псевда, къ тому же и не были бы ни когда высказаны.

³ Я говорю истерическіе потому, что самъ былъ свидѣтелемъ такого припадка съ однимъ молодымъ человѣкомъ, моимъ ученикомъ.

⁴ Подчеркиваю это слово потому, что самъ ораторъ произнесъ его съ особеннымъ подчеркиваніемъ.

вѣрна», потому что она была русская женщина, а не какая-нибудь француженка или испанка¹».

Да, Максимъ Максимовичъ былъ близкимъ и вѣрнымъ другомъ Тургенева, а о его близости къ Достоевскому я ничего не слыхалъ и въ воспоминаніи его друзей его образъ сохраняется всегда рядомъ съ образомъ Тургенева, а не Достоевскаго².

Возвращаюсь, однако, къ прерванной университетской исторіи. Вскорѣ послѣ возвращенія заговорщиковъ изъ Петербурга состоялись выборы и Боголѣповъ прошелъ значительнымъ большинствомъ. На благо ли университета и русскаго просвѣщенія? Не думаю, но въ то же время знаю, что другого исхода не было. Это, однако, не мѣшало мнѣ и долго послѣ того при встрѣчѣ съ Максимомъ Максимовичемъ дразнить его: «Не забывайте, что на насъ съ вами лежатъ два тяжелыхъ грѣха; мы выбрали Боголѣпова и основали московское психологическое общество»³.

Изъ воспоминаній о его профессорской дѣятельности у меня могло сохраниться не много. На его лекціяхъ (какъ ранѣе у Чупрова и позднѣе у Сѣченова), въ силу полицейскихъ университетскихъ правилъ, я не бывалъ. За то живо помню его блестящія выступленія на диспутахъ и притомъ какъ «à charge», такъ и «à décharge» т. е., какъ въ качествѣ прокурора—официальнаго оппонента, такъ и въ качествѣ защитника своей собственной диссертаци. Въ качествѣ перваго, особенно живо вспомнилъ онъ мнѣ недавно на докторскомъ диспутѣ профессора Алексѣева. По случаю смерти Алексѣева пришлось прочесть мнѣніе, будто онъ былъ горячій защитникъ Руссо, а между тѣмъ, какъ помнится, общій характеръ диспута заключался именно въ томъ, что Максимъ Максимовичъ защищалъ творца *Contract social* отъ несправедливыхъ нападокъ автора диссертаци. Помню такой эпизодъ: Алексѣевъ придавалъ особенное значеніе не-

¹ Намекъ на Viardo-García. Коснувшись этихъ подробностей, если не ошибаюсь, не проникшихъ въ печать, упомяну и объ эпизодѣ съ вѣнками. Послѣ этой рѣчи Достоевскаго, группа молодыхъ его поклонницъ направилась къ нему съ огромнымъ вѣнкомъ, причемъ одна изъ нихъ, проходя мимо Тургенева, сказала ему «не вамъ». Не зная, что дѣлать съ вѣнкомъ, его надѣли Достоевскому черезъ голову на плечи и онъ нѣсколько мгновеніи сидѣлъ, изображая изъ себя жалкую, смѣшную фигуру, пока не нашелся добрый человѣкъ, освободившій его отъ этого ярма. Когда сходная депутация (если не ошибаюсь по инициативѣ Ковалевскаго) поднесла Тургеневу небольшой лавровый вѣнокъ, онъ не задумываясь принялъ его изъ ихъ рукъ и положилъ къ подножію бюста Пушкина.

² Припоминаю кстати слышанный отъ Тургенева отзывъ о Достоевскомъ: «Это самый злобный христіанинъ, какого я встрѣтилъ въ своей жизни».

³ Что касается перваго грѣха, то, много лѣтъ спустя, я услышалъ слова отпущенія изъ безхитростныхъ устъ одного стараго университетскаго сторожа: «Да развѣ Николай Павловичъ, когда его выбрали профессора, былъ такимъ же человѣкомъ, какимъ сталъ, когда его назначило начальство?» Но кто отпустить намъ второй грѣхъ!

лестному мнѣнію о Руссо одного писателя, утверждая, что оно тѣмъ болѣе важно, что это былъ другъ Руссо, мнѣніемъ котораго дорожилъ онъ самъ. Максимъ Максимовичъ отрицалъ этотъ фактъ, докторантъ горячился и все настойчивѣе повторялъ свои слова. Тогда Ковалевскій, порывшись въ кучѣ книгъ, какъ всегда сопровождавшихъ его на диспутѣ, спросилъ докторанта: «А какъ объясните вы себѣ такія слова Руссо въ письмѣ къ предполагаемому вами его другу и авторитету: «Vous mentez Monsieur, je ne sais pas pourquoi, mais Vous mentez?» Эффектъ вышелъ поразительный; нашла коса на камень; специалистъ по Руссо столкнулся со специалистомъ по исторіи Франціи XVIII вѣка. Колоссальная эрудиція Ковалевскаго была всѣмъ извѣстна и многіе пользовались ею, не отказывая себѣ, однако, въ удовольствіи порою поймать его на какой-нибудь оплошности. Былъ такой грѣхъ и со мною. Мы съ нимъ помѣстили свои статьи въ одномъ благотворительномъ сборникѣ (кажется, въ пользу евреевъ, пострадавшихъ отъ какихъ-то преслѣдованій). Прочитавъ его статью, я былъ пораженъ тѣмъ, что онъ заставилъ въ ней Руссо застрѣлиться¹ изъ револьвера, и не упустилъ случая при первой встрѣчѣ подтрунить надъ Максимомъ Максимовичемъ. Преимущество съ моей стороны было, конечно, не велико, такъ какъ сводилось къ тому, что я былъ старше его почти на десять лѣтъ. Для меня замѣна пистолета револьверомъ была современнымъ событіемъ, а для него это была только одна изъ безчисленныхъ историческихъ датъ. Какъ и всегда, онъ разразился обычнымъ добродушнѣйшимъ смѣхомъ, въ которомъ не слышно было ни тѣни досады на подмѣтившаго его промахъ.

Защитѣ своей собственной диссертациі онъ предпослалъ блестящее общее введеніе и припоминаю, какъ на данномъ имъ, послѣ диспута, согласно московскому обычаю, обѣдѣ я привѣтствовалъ его, какъ сотоварища-натуралиста, проникнувшася біологическимъ лозунгомъ: «voilà venir» и удачно примѣняющаго его къ своей области изслѣдованія, которую можно было назвать «общественной эмбриологіей». Какъ искренній, убѣжденный позитивистъ, онъ отнесся къ этому сближенію съ полнымъ сочувствіемъ и, помнится, развилъ это сравненіе въ одной изъ ближайшихъ своихъ статей. Кто не читалъ его позднѣйшихъ историческихъ трудовъ, поражавшихъ обиліемъ новаго матеріала по большей части изъ первоисточниковъ, въ разработкѣ которыхъ онъ обнаруживалъ особое умѣніе? Не могу сказать, чтобы также увлекательны были его первыя изслѣдованія въ области folklore, явившіяся результатомъ его поѣздки въ Сванетію (вмѣстѣ съ С. И. Танѣевымъ и И. И.

¹ Въ то время Бергло еще не доказалъ невѣрности самой легенды о самоубиствѣ Руссо.

Иванюковымъ) и которыми онъ дѣлился въ своихъ сообщеніяхъ отдѣлу этнографіи О. Л. Е.

Десять лѣтъ, проведенныхъ Ковалевскимъ въ Московскомъ университетѣ, были, конечно, лучшими въ исторіи этого далеко не всегда себѣ равнаго учрежденія. Къ концу этого періода начали проявляться признаки приближавшагося (перваго) разгрома этого «храма науки». Одною изъ первыхъ намѣченныхъ жертвъ оказался Ковалевскій. Съ обычнымъ своимъ остроуміемъ онъ такъ объяснялъ причину этого событія: «Это было только одно сплошное недоразумѣніе, или, проще говоря, меня обманули. Я привыкъ думать, что моя кафедра (государственного права европейскихъ державъ)¹ была учреждена по мысли Александра II для того, чтобы подготовить Россіянъ къ конституціи, и я добросовѣстно исполнялъ принятое на себя обязательство. А какой-то арлекинъ² въ угоду... выгналъ меня за это изъ университета».

За эти десять лѣтъ Максимъ Максимовичъ былъ одной изъ центральныхъ фигуръ не только того тѣснаго университетскаго кружка, о которомъ я уже упоминалъ, но и вообще московскихъ научно-литературныхъ круговъ, однимъ изъ собирательныхъ центровъ которыхъ были такъ называемые эрмитажные обѣды, организованные В. И. Танѣевымъ, гдѣ, кромѣ упомянутыхъ, собирались Соболевскій, Гольцевъ, Петрункевичъ, Герценштейнъ, Джаншиевъ, порою П. Д. Боборыкинъ, Вл. С. Соловьевъ, П. И. Чайковскій, Г. Н. Вырубовъ и др. Отсутствие Ковалевскаго живо ощущалось и въ этихъ кругахъ.

Въ послѣдовавшія затѣмъ восемнадцать лѣтъ его отсутствія изъ Россіи, несмотря на довольно частыя поѣздки за-границу, я встрѣтился съ нимъ всего два раза³. Первый разъ въ Комо, второй—въ центрѣ его новой дѣятельности, въ его парижской «Высшей школѣ». Случилось это такъ. Въ апрѣлѣ 1903 года я былъ приглашенъ прочесть Круніанскую лекцію въ

¹ Первая, если не ошибаюсь, была открыта въ Петербургскомъ университетѣ и занималъ ее молодой Борисъ Исааковичъ Утинъ, вскорѣ, по случаю разгрома Университета Путятинимъ, вышедшій въ отставку вмѣстѣ съ Кавелинымъ, Спасовичемъ, Костомаровымъ, Пыпинымъ и др.

² Мѣткая характеристика внѣшняго облика Деянова.

³ Одною изъ причинъ было то, что во всѣ свои поѣздки въ Италію, я избѣгалъ Ниццу и потому не бывалъ и въ Болье у Ковалевскаго. Случилось это такъ: въ молодости страстный поклонникъ Гарибальди, я принципиально избѣгалъ, отнятой французами родины великаго итальянца, который никогда не прощалъ этого Кавуру. Многіе утѣшали себя словомъ «плебесцитъ», но для тѣхъ, кто видали собственными глазами наполеоновскіи плебесциты, не существовало и этого утѣшенія.

Лондонскомъ королевскомъ обществѣ. Послѣ лекціи мы (т. е. я, жена и сынъ) поѣхали отдохнуть на островъ Вайтъ, но не въ обычные для туристовъ блестящіе центры, а въ облюбованный англійскими натуралистами скромный уголокъ Фрешуотеръ. Можно было думать, что это временное наше мѣстонахожденіе никому на свѣтѣ не извѣстно, и каково же было наше удивленіе, когда въ первую же ночь мы были разбужены телеграммой; она оказалась отъ Максима Максимовича. Онъ прочелъ въ газетахъ о моей лекціи и приглашалъ меня повторить ее въ его школъ. Черезъ нѣсколько дней мы были въ Парижѣ; нашелъ я Максима Максимовича въ крайне скромномъ отельчикѣ на рѣсе Louvois, напоминавшемъ студенческія убѣжища лѣваго берега. Это была, повидимому, обычная квартира, которую онъ занималъ, пріѣзжая въ Парижъ по дѣламъ школы. Притягательная сила этого отеля заключалась, конечно, въ томъ, что онъ помѣщался, дверь въ дверь, противъ Bibliothèque Nationale—этой, вѣроятно, его главной квартиры въ Парижѣ. Сначала я отговаривался, указывая на специальный предметъ моей рѣчи, но онъ и слышать не хотѣлъ объ отказѣ и сказалъ, что уже объявилъ о моей лекціи и вслѣдъ за ней назначилъ свою, но не курсовую, а также отдѣльную лекцію. Это, конечно, была только деликатная форма обезпечить мнѣ полную аудиторию. Пришлось уступить—и зато я былъ награжденъ, попавъ на лучшую изъ его лекцій, какую только привелось мнѣ слышать. Это была, собственно, даже не лекція, а горячая, блестящая парламентская или скорѣе, митинговая¹ рѣчь на злободневную въ ту минуту (да и всегда у насъ) тему—о безправіи евреевъ въ Россіи. Богатая историческимъ содержаніемъ, блестящая по силѣ логики и благороднаго негодованія, основанная на сравненіи между Россіей и Европой, въ особенности съ Англійей, рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на обширную аудиторию. Особенно понравилась она полнымъ отсутствіемъ цвѣтовъ краснорѣчія и метафизическаго фразерства, съ которымъ пришлось ознакомиться наканунѣ на лекціи другого русскаго профессора школы (Де-Роберти), читавшаго на тему, очевидно, рассчитанную на вкусы французской публики—De l'Amour.

Черезъ годъ Максимъ Максимовичъ былъ уже снова въ Россіи, но основался, понятно, не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, и видаться съ нимъ мнѣ пришлось изрѣдка. Припоминаю, за это время, его пріѣздъ по поводу организаци Университета Шанявскаго, особенно одинъ вечеръ послѣ засѣданія въ думѣ, когда мы втроемъ, Ковалевскій, Муромцевъ и я, засидѣлись

¹ Въ нашей печати, а порою и съ думской каеэдръ, это слово часто произносится съ отгѣнкомъ презрѣнія. Не думаю, чтобы великіе парламентаріи, Брайты и Гладстоны, ставили свои митинговыя рѣчи ниже парламентскихъ.

до глубокой ночи, замечтавшись (вѣдь это было въ 1905 году) о той участи, которая ожидаетъ это совершенно новое учреждение, свободное отъ всякой китайщины (экзаменовъ, обязательныхъ курсовъ и т. д.), задушившей истинную науку въ казенныхъ университетахъ.

Затѣмъ началась для него новая полоса—дѣятельной политической жизни. Сначала явилась неудачная попытка основать независимую партію, вызванная, конечно, естественнымъ нежеланіемъ подчиниться узкой партійной дисциплинѣ подъ водительствомъ людей, умственного превосходства которыхъ надъ собою онъ, конечно, не имѣлъ основанія признавать. Затѣмъ не поддержанный при вторыхъ выборахъ своими харьковскими земляками, онъ былъ вынужденъ или покинуть вовсе политическую дѣятельность и, пожалуй, вернуться за-границу, или попытаться счастья въ качествѣ представителя академической группы верхней палаты. Отношеніе его къ этой дѣятельности было болѣе, чѣмъ скептическое, какъ это можно усмотрѣть изъ слѣдующаго юмористическаго разсказа объ одномъ неожиданномъ успѣхѣ въ высокомъ собраніи. Послѣ одной его блестящей рѣчи, имѣвшей, какъ обыкновенно, отрицательный исходъ, одинъ изъ его коллегъ далъ ему благой совѣтъ: «На слѣдующей недѣлѣ будетъ обсуждаться законопроектъ, которому вы, конечно, горячо сочувствуете, попробуйте промолчать—можетъ быть и пройдетъ». Я промолчалъ—и вѣдь прошелъ!—закончилъ онъ со своимъ обычнымъ заразительнымъ смѣхомъ. Но этотъ успѣхъ, конечно, не помѣшалъ ему и впредь оставаться въ меньшинствѣ, ограждая нравственное достоинство собранія, съ которымъ связала его судьба. Какъ нѣкогда Гюго, онъ могъ сказать о себѣ: «Когда я бывалъ въ большинствѣ, я этому радовался, но когда оказывался въ меньшинствѣ—я этимъ гордился».

Во всей своей дѣятельности, въ своихъ рѣчахъ, какъ и въ своихъ статьяхъ, онъ не считался съ силами своихъ противниковъ. Не робѣлъ онъ передъ который похвалялся, что въ уготованномъ имъ несчастной Польшѣ самоуправленіи онъ сдастъ всѣ козыри русскому меньшинству, а въ этомъ меньшинствѣ еще ничтожнѣйшему меньшинству землевладѣльцевъ и чиновниковъ, и еще . . . величалъ эту свою передержку—*Arx gubernandi*, какъ не робѣлъ онъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ и передъ всемогущей раскрывая ея закулисную игру. По современной номенклатурѣ, Ковалевскій, конечно, принадлежалъ къ той оппозиціи, которую принято называть безотвѣтственной—вѣроятно, въ отличіе отъ другой—отвѣтственной, пролагающей себѣ путь къ безотвѣтственному министерству.

Съ начала войны (или даже ея персидско-балканской пре

Съ нѣкоторыми его мыслями, прескальзывавшими въ печати, я бы не могъ согласиться. Последнее письмо къ нему, въ которомъ я привѣтствовалъ его съ возвращеніемъ изъ плѣна, я закончилъ словами: «За семьдесятъ лѣтъ не слыхалъ я столько лжи, сколько привелось услышать за послѣдніе семь мѣсяцевъ, а самъ только повторяю за Гамлетомъ: «Міръ свихнулся!» (the World is out of joint)». Оно осталось безъ отвѣта. Чѣмъ объяснить себѣ нѣкоторыя непоследовательности и противорѣчія съ прежними воззрѣніями въ позднѣйшихъ статьяхъ Максима Максимовича? Неужели это были всплывшія на поверхность атаквистическія черточки міровоззрѣнія «настоящаго боярина»? А хотя бы даже и такъ! Неужели эти мелкія искорки, перебѣгавшія подъ пепломъ уже надвинувшейся старости, къ тому же еще отягченной злымъ недугомъ¹, могутъ заставить забыть тотъ свѣтъ, который онъ всегда излучалъ вокругъ себя, забыть упорный, безкорыстный трудъ цѣлой жизни этого умнаго, талантливаго, безусловно честнаго и добраго человѣка, знать котораго—значило его любить? Въ теченіе всей своей жизни онъ оставался вѣренъ тому лозунгу, который завѣщалъ своимъ ученикамъ: если въ области мысли и слова должно отстаивать правды личности отъ захватовъ государства и большинства (свобода²), то жить-то должно согласно съ правомъ большинства (равенство), а двигаться—всегда впередъ (прогрессъ), а не ракомъ, какъ это случалось съ партіями, выбрасывавшими по своему пути все основныя принципы, когда-то взятые на прокатъ у партій дѣйствительно демократическихъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ осенью 1913 года, въ день юбилея «Русскихъ Вѣдомостей». Утромъ онъ прочелъ мою статью о Чупровѣ и Петровскомъ и пришелъ подѣлиться общими воспоминаніями о добромъ, старомъ времени. Никогда, кажется, не былъ онъ такъ живъ и остроуменъ, особенно въ своихъ параллеляхъ по поводу недавнихъ встрѣчъ съ европейскими государственными людьми и русскими сановниками.

Какъ водится у насъ, русскихъ людей, самый оживленный разговоръ начался при разставаніи, продолжался въ передней, даже въ самыхъ выходныхъ дверяхъ. Уже стоя на площадкѣ лѣстницы и возвращаясь къ первоначальной темѣ разговора, онъ крикнулъ мнѣ: «А вы пишите, пишите и намъ что-нибудь изъ вашихъ воспоминаній». Не думалъ я, глядя на него, веселаго, цвѣтущаго здоровьемъ, что мнѣ, изъ двоихъ, старшему почти на десятокъ лѣтъ, придется писать уже не у него, а о немъ.

Если въ этихъ обрывкахъ того, что въ безпорядкѣ всплы-

¹ Последни его портретъ, помѣщенный въ иллюстраціяхъ, прямо ужасенъ.

² Какъ понималъ ее излюбленный учитель его раннихъ лѣтъ—авторъ On Liberty.

ваетъ въ моей памяти, я, можетъ, многое «недописалъ», а что и «переписалъ», то, будь онъ живъ, онъ первый отнесся бы къ этому съ обычнымъ добродушнымъ снисхожденіемъ. Во всякомъ случаѣ, я руководился не формальнымъ, классическимъ de mortuis и т. д., а не менѣе человѣчнымъ и болѣе справедливымъ: Nous devons aux morts ce que nous devons aux vivants — la Verité (слова Ренана)*. Память Максима Ковалевскаго не боится правды.

К. Тимирязевъ.

* «Нашъ долгъ по отношенію къ мертвымъ тотъ же, что и по отношенію къ живымъ—правда».

О СПЕКУЛЯЦИИ.

I.

Спекуляція стала въ настоящее время весьма популярнымъ словомъ. Каждый обыватель знаетъ, что какіе-то безсовѣстные люди изъ торговцевъ ведутъ нечистыми средствами какую-то игру на народномъ бѣдствіи, гонять вверхъ цѣны всѣхъ товаровъ и наживаются на небывалой дороговизнѣ всѣхъ предметовъ массоваго потребленія. Борьба съ такими спекулянтами представляется необходимой для нѣкоторого хотя бы смягченія ужасающей дороговизны, и при наличіи искренняго отношенія къ дѣлу со стороны властей рѣшительныя мѣры противъ спекуляціи возможны,—какъ гласитъ ходячее мнѣніе,—если не совершенно искоренить это безсовѣстное посягательство на чужой карманъ, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать спекуляцію трудной и рискованной операціей, за которую не всякій возьмется.

Однако, какъ это часто бываетъ, ясность понятія далеко не соответствуетъ его популярности. И такъ какъ борьба съ вредоноснымъ общественнымъ явленіемъ только тогда и можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда вполне выяснены причины даннаго явленія и вреднаго его вліянія, то представляется излишнимъ и съ практической точки зрѣнія поближе присмотрѣться къ хозяйственной дѣятельности такъ называемыхъ спекулянтовъ и опредѣлить, какія стороны ихъ дѣятельности являются хозяйственно вредными.

У купца на складѣ находится партія товара, закупленнаго имъ при обычной хозяйственной обстановкѣ по нормальнымъ цѣнамъ. Предвидя вздорожаніе этого товара въ близкомъ или болѣе отдаленномъ будущемъ, купецъ воздерживается отъ его продажи, а хранитъ его въ складѣ до наступленія того желаннаго момента, когда, согласно его соображеніямъ и расчетамъ, товаръ этотъ долженъ сильно подняться въ цѣнѣ; и когда наступаетъ этотъ моментъ и предвидѣніе купца оправдывается, хранящійся товаръ выпускается въ продажу по господствующимъ тогда высокимъ цѣнамъ, и спекулировавшій на этотъ блестящій моментъ купецъ наживается.

Вотъ обыкновенный примѣръ простой спекуляціи. Такого рода спекуляція имѣетъ мѣсто и въ нормальное время. Въ наше время эта спекуляція происходитъ чаще и увѣреннѣе, поскольку

чаще и увѣреннѣе могутъ быть въ наше время предвидѣнія вздорожанія товара въ близкомъ будущемъ.

Дѣйствія (или вѣрнѣе, бездѣйствіе) купца какъ будто не вызвали вздорожанія. Купецъ только удачно использовалъ для себя вздорожаніе товара, вызванное другими причинами, далеко отъ сферы его дѣятельности лежащими. Мануфактуристъ, напримеръ, въ маѣ мѣсяцѣ соображаетъ, что въ ноябрѣ

. вслѣдствіе предъявленія военнымъ вѣдомствомъ требованія на большія партіи мануфактурныхъ товаровъ, послѣдніе къ ноябрю мѣсяцу сильно поднимутся въ цѣнѣ. На основаніи этого соображенія мануфактуристъ, уже начиная съ мая, воздерживается отъ продажи имѣющихся у него запасовъ товаровъ, а съ наступленіемъ ожидаемаго событія въ ноябрѣ онъ выпускаетъ свои товары на рынокъ для продажи по высокимъ цѣнамъ

Однако, это невинное какъ будто поведеніе товаровладѣльца принимаетъ другой характеръ, когда въ спекуляцію вовлекаются одновременно многіе, когда многіе товаровладѣльцы въ предвидѣніи удорожающаго событія начинаютъ практиковать систему воздержанія отъ продажи. Тогда вздорожаніе не только используется, но и въ значительной мѣрѣ создается. Благодаря «воздержанію» многіхъ торговцевъ, значительные запасы товаровъ искусственно выключаются изъ хозяйственнаго оборота. Сокращается предложеніе, цѣны вслѣдствіе этого начинаютъ расти еще до наступленія ожидаемаго удорожающаго событія. А съ наступленіемъ послѣдняго спекулянты получаютъ двойные плоды своего «воздержанія».

Искусственное сокращеніе предложенія есть главный рычагъ спекуляціи этого рода. Отдѣльное лицо лишь при особенно благоприятныхъ для него обстоятельствахъ,—когда въ его рукахъ скопились огромные запасы,—въ состояніи нажимать на этотъ рычагъ. При переживаемыхъ ненормальныхъ условіяхъ военнаго времени такія благоприятныя для спекуляціи обстоятельства не такъ рѣдки. Примеръ графа Мусинъ-Пушкина, какъ единичнаго спекулянта путемъ «храненія» сотенъ тысячъ пудовъ товара съ цѣлью оцутительнаго для рынка сокращенія предложенія, не стоитъ одиноко даже въ одной Москвѣ.
. создало условія хроническаго рыночнаго неудовлетворенія, вслѣдствіе чего и выключеніе изъ оборота сравнительно небольшихъ партій товара ощущается рынкомъ, какъ вліяющее на образованіе цѣнъ уменьшеніе предложенія.

Поэтому теперь такъ соблазнительна спекуляція, не только пассивная спекуляція—простое выжиданіе хорошаго момента, но и спекуляція, рассчитанная на активное сокращеніе предложенія. Она теперь доступна каждому «солидному» купцу. То, что въ обычное время достигалось лишь путемъ сложныхъ и трудно выполнимыхъ соглашеній всѣхъ или большинства товаровладѣльцевъ данной мѣстности, въ настоящее время достигается очень легко, безъ всякихъ подготовительныхъ шаговъ, каждымъ купцомъ въ отдѣльности. Въ обычное время девизомъ торговца служить: возможно быстрый оборотъ товаровъ; въ настоящее время выдвигается противоположный девизъ: возможно долгое храненіе товаровъ на складѣ.

Но это еще не все. Условія, благоприятныя для спекуляціи описываемаго рода, еще усугубляютъ ея значеніе. Благодаря одинаковой линіи поведенія всѣхъ товаровладѣльцевъ данной мѣстности, создается весьма благодарная почва для согласованныхъ ихъ дѣйствій,—проще, для стачки съ цѣлью быстрѣе и увѣреннѣе заставить рынокъ реагировать въ желаемомъ направленіи. Создались въ настоящее время условія, при которыхъ стачки торговцевъ возникаютъ самопроизвольно, безъ особыхъ стараній со стороны отдѣльныхъ торговцевъ. Это—стачки неофициальныя, молчаливыя. Для ихъ возникновенія не требуется ни собраній торговцевъ, ни протоколовъ, ни специальныхъ постановленій. Не требуется даже тайнаго сговора. Достаточно, если многіе торговцы, какъ бы по сигналу, начинаютъ дѣйствовать одинаково: начинаютъ отпускать товаръ въ небольшихъ количествахъ, потомъ совершенно прекращаютъ его продажу, даютъ графаретныя объясненія покупателямъ и т. д. Кѣмъ дается первый сигналъ,—въ отдѣльныхъ случаяхъ прослѣдить, конечно, невозможно. Въ обычное время, при нормально функционирующемъ транспортѣ, такая молчаливая стачка имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ: она сорвется на усиленномъ привозѣ. Но въ переживаемое нами время такой молчаливой спекуляціонной стачкѣ ничто не грозитъ, и она спокойно дѣлаетъ свое дѣло.

II.

Описанный видъ спекуляціи не единственный и не наиболѣе часто наблюдаемый. Гораздо болѣе распространень другой видъ спекуляціи, по своимъ приемамъ сильно отличающійся отъ перваго, а иногда дѣйствующій въ противоположномъ направленіи. Хранить товаръ для лучшаго будущаго, хотя бы съ большою вѣроятностью предвидимаго, можетъ только тотъ, кто обладаетъ большими средствами. Только крупные торговцы, умѣющие «выжидать», способны на такую операцію. Но въ спекуляціи, особенно въ настоящее время, упражняются также люди съ

весьма небольшими средствами, большею частью, люди, не занимающиеся регулярной торговлей. Ихъ спекуляція родственна биржевой игрѣ на разность. Они покунають товаръ, но не съ цѣлью удержать его у себя или торговать имъ, а съ цѣлью его быстрой перепродажи. Такой спекулянтъ закрѣпляетъ за собою товаръ задаткомъ и договоромъ. Обычно онъ заботится еще о томъ, чтобы товаръ былъ нагруженъ и отпавленъ. Выкупить товаръ онъ не въ состояннн, да онъ къ этому и не стремится. Ему нужно только еще до прибытія товара на станцію назначенія переуступить договоръ или накладную и получить обратно свой задатокъ плюсъ заработокъ, соотвѣтственный поднявшейся за это время цѣнѣ на товаръ. Часто накладная или договоръ переуступаются не непосредственно розничному торговцу, а другому такому же спекулянту. И нерѣдко товарные документы попадаютъ къ розничному торговцу, пропутешествовавъ черезъ десятки рукъ спекулянтовъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ намѣренія «повидаться съ товаромъ».

Въ отличіе отъ солидныхъ «хранителей», «торговцы накладными» люди мелкіе. Ихъ средства весьма ограничены,—лишь бы хватило на задатокъ. Ждать долго они не могутъ. Ихъ лозунгъ: быстрота и натискъ. Ихъ товаръ — накладная или договоръ—«товаръ, быстро портящійся». Случается, что у кого нибудь дѣло не выгораетъ, и тотъ или другой изъ цѣпи «торговцевъ накладными» остается въ убыткѣ даже въ томъ случаѣ, когда товаръ поднялся въ цѣнѣ: переплатилъ за уступку накладной: на то и игра.

Интересы этихъ «торговцевъ накладными» часто противоположны интересамъ «хранителей». Последнимъ приходится иногда подъ напоромъ «торговцевъ накладными», осаждающихъ розничнаго торговца, отказаться отъ системы «воздержанія». Но работаютъ тѣ и другіе на общей почвѣ, на почвѣ дороговизны.

Спекуляціонная дѣятельность «торговцевъ накладными»,—будемъ ихъ такъ называть для простоты,—неспособна самостоятельно вызвать вздорожаніе товара. Распространенное въ потребительской публикѣ мнѣніе, что товаръ (или право на него), проходя черезъ десятки рукъ спекулянтовъ и оставляя каждому изъ нихъ извѣстный доходъ, тѣмъ самымъ растетъ въ цѣнѣ,—въ корнѣ ошибочно. Цѣна товара при продажѣ его розничнымъ торговцемъ потребителю, или даже при приобрѣтеннн его розничнымъ торговцемъ у послѣдняго въ цѣпи спекулянта, устанавливается сообразно существующему въ данный моментъ соотношенію спроса и предложенія и совершенно независимо отъ числа лицъ, бывшихъ къ товару причастными до этого момента. Какъ бѣгъ лошади не зависитъ отъ числа лицъ, играю-

ших на тотализаторѣ, такъ и продажная цѣна товара не зависитъ отъ числа лицъ, спекулировавшихъ его «накладными».

Предположимъ, въ одномъ случаѣ *A* (первоначальный производитель товара или оптовикъ) продаетъ товаръ въ маѣ мѣсяцѣ *B* (розничному торговцу); а въ другомъ случаѣ *A* продаетъ товаръ въ мартѣ мѣсяцѣ *a* (спекулянту), который переступаетъ накладную или договоръ другому спекулянту *b*, тотъ—третьему *c*, четвертому, пятому... *g*, *d*, *e*..., послѣдний изъ которыхъ передаетъ въ маѣ мѣсяцѣ товарный документъ розничному торговцу *B*. Ясно, что въ обоихъ случаяхъ, при прочихъ равныхъ условияхъ, *B* получаетъ товаръ по одинаковой цѣнѣ, а именно: по той цѣнѣ, которая существуетъ на рынкѣ въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ Америкѣ очень развита спекуляціонная игра на хлѣбѣ. Варанты и коносаменты на хлѣбъ переходятъ изъ рукъ въ руки, часто переходя черезъ сотни рукъ. Но все это нисколько не касается настоящаго хлѣба—товара *in concreto*. Хлѣбъ этотъ плыветъ по Атлантическому океану, направляясь къ берегамъ Англии, а на него въ это время въ Нью-Йоркѣ и Чикаго совершаются всевозможныя сдѣлки. И, прибывъ въ Англию, хлѣбъ этотъ продается по цѣнѣ, тамъ существующей, независимо отъ совершенныхъ на него спекуляціонныхъ сдѣлокъ на Нью-Йоркской и Чикагской биржахъ.

Дѣятельность «торговцевъ накладными», вопреки распространенному представленію, безвредна, и часто даже хозяйственно полезна, ускоряя товарооборотъ и создавая конкуренцію для «хранителей». Но это только до тѣхъ поръ, пока этого рода спекулянты разрознены, и каждый изъ нихъ дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ. Объединеніе и здѣсь приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ стачка «хранителей».

У «торговцевъ накладными» стачка, хотя бы неоформленная и молчаливая, невозможна. Они вообще неспособны къ объединенію изнутри. Вѣчно гоняясь за покупкой и продажей товарныхъ документовъ, другъ у друга перебивая контрагентовъ, они могутъ работать только въ атмосферѣ конкуренціи. Вся ихъ спекуляція основана на случайныхъ индивидуальныхъ успѣхахъ, на мелкихъ удачахъ, на забѣганіи впередъ, на предупрежденіи другихъ, словомъ, на конкуренціи. У нихъ поэтому и не можетъ быть даже стремленія къ объединенію. Это индивидуалисты *pur sang*...

Однако, и они часто являются объединенными, сами того не зная. Ихъ объединеніе приходитъ извнѣ, и объединяетъ ихъ крупный капиталъ. Банкъ, финансируя отдѣльныхъ «торговцевъ накладными», получаетъ возможность черезъ нихъ произвести давленіе на рынокъ. Онъ направляетъ своихъ клиентовъ въ одну сторону, уменьшаетъ конкуренцію между ними

и, известными биржевыми приемами, искусственно вздувает спрос на тот или другой товар, следствием чего является вздорожание этого товара. В руках крупного капитала безвредная, а иногда и хозяйственно полезная «торговля накладными» является удобным рычагом, с помощью которого рыночные цены поднимаются произвольно выше устанавливаемого соотношением спроса и предложения уровня.

III.

Не случайно в наше время все нити спекуляции собираются в руках кредитных учреждений, преимущественно, частных акционерных банков. Без всяких злоупотреблений, без малейшего нарушения своих уставов, банки своими обычными, лишенными всякого спекуляционного характера, операциями способствуют значительному развитию спекуляционной деятельности, как «хранителей», так и «торговцев накладными». Мало того, банки усиливают, так сказать, удорожающий эффект этих спекуляций и часто выступают в роли дирижеров беспорядочной по своему существу и крайне нервной спекуляционной игры. И для этого, как и для многих проявлений нездоровой финансово-посреднической деятельности, наше ненормальное время создало особенно благоприятные условия.

В высшей степени характерным для нашего времени и определяющим много новых явлений в народном хозяйстве является небывалое сокращение торгового кредита. Во многих отраслях обмена торговый кредит совершенно прекратился. И все товарообращение страны идет в настоящее время преимущественно на наличный расчет. Главным образом, этот удивительный на первый взгляд переход от более сложного к более простому, давно превзойденному виду циркуляции товаров, вызван значительным сокращением производства при несокращенном, а в некоторых частях даже усилившемся потреблении. Но значительно содействовала этому также спекуляционная «выжидательная политика» товаро-владельцев. В настоящее время не товар ищет покупателя, а, наоборот, покупатель усиленно, и часто безуспешно, ищет завалевшийся или, впрочем, припрятанный товар. Первоначальный производитель и оптовик успели освободить себя от многосложных забот, связанных с стпуском товаров в кредит. На всякий товар теперь претендентов много, и далеко не весь спрос со стороны розничных торговцев удовлетворяется. Преимуществом, конечно, пользуется тот, кто в состоянии предлагать лучшие условия, в том числе и наличный расчет. Это одно из последствий естественного или искусственно спекуляцией созданного безтоварья,

вызавшаго невѣдомую до нашего времени въ торговлѣ конкуренцію между розничными торговцами въ приобретѣніи товара.

Это сокращеніе до ничтожныхъ размѣровъ торговаго кредита лишило банки ихъ главной дѣятельности—учета векселей. Своеобразный вексельный голодъ сразу воспринять былъ чувствительными къ разнаго рода колебаніямъ въ кредитномъ мѣрѣ банками, какъ явленіе длительное, бороться съ которымъ посредствомъ пониженія дисконтнаго процента безцѣльно. Къ тому же, повысившійся за время войны реальный процентъ по государственнымъ кредитнымъ операціямъ не давалъ возможности банкамъ понизить процентъ по вкладамъ, а при прежнемъ, и въ нѣкоторыхъ банкахъ даже повышенномъ, процентѣ по вкладамъ невозможно было безъ прямого убытка понижать дисконтный процентъ. Образовался громадный пробѣлъ въ дѣятельности банковъ. Прибывавшіе капиталы по выплаченнымъ векселямъ не уходили обратно на учетъ новыхъ векселей, а оставались въ кассахъ банка, давая своей непроизводительностью и ища для себя выхода.

Естественный выходъ,—участіе банковъ своими свободными капиталами въ новыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, оказался не вполне удовлетворительнымъ. Нѣкоторые банки хлопотали себѣ въ министерствѣ фѣиисовъ разрѣшеніе участвовать опредѣленной частью своихъ основныхъ капиталовъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Но новыя промышленныя предпріятія, болѣе или менѣе коммерчески устойчивыя и свободныя отъ спекуляціоннаго налета времени, весьма рѣдки при современныхъ ненормальныхъ условіяхъ хозяйственной жизни и мало нуждаются, при господствующемъ расчетѣ на наличныя, въ финансовой поддержкѣ со стороны. На промышленность могла, такимъ образомъ, уйти лишь небольшая доля образовавшихся вслѣдствіе почти полнаго прекращенія дисконта свободныхъ банковскихъ капиталовъ. Небольшое измѣненіе внесли въ этомъ отношеніи государственные займы, поглотившіе извѣстное количество банковскихъ капиталовъ. Но и послѣ этого банковская жажда оставалась неудовлетворенной.

При такихъ обстоятельствахъ вполне естественно, что получили особенно быстрое развитіе тѣ отрасли банковской дѣятельности, которыя въ состояніи содѣйствовать спекуляціи въ разныхъ ея проявленіяхъ. Операціи, которыя въ нормальное время занимаютъ опредѣленное, иногда довольно скромное, мѣсто въ общей банковской дѣятельности, въ настоящее время выдвинулись на передній планъ и способны дать окраску всей финансово-посреднической работѣ частныхъ банковъ. Ссуды подъ товары, несмотря на сокращенное и затрудненное товарное обращеніе, стали доминирующими операціями банковъ. Банки могли при этомъ сохранить совершенно пассивное поло-

женіе. За нихъ работаль растушій благодаря спекуляціи спросъ именно на тѣ операціи, которыя облегчаютъ спекуляціонную дѣятельность и извѣстнымъ образомъ ее организуютъ. Свободные капиталы банковъ безъ всякаго планомѣрнаго содѣйствія со стороны банковскихъ дѣятелей поплыли по образовавшемуся широкому руслу кредита подѣ товарное обезпеченіе. Этого требуютъ растушье не по днямъ, а по часамъ, выключаемые спекуляціей изъ оборота запасы товаровъ; этого требуетъ и открывшаяся широкая торговля товарными документами, торговля, въ которой преимущественно участвуютъ люди съ малыми средствами.

Но, предъявивъ большой спросъ на опредѣленные банковскія операціи, спекуляціи въ свою очередь испытываетъ на себѣ организующее вліяніе сосредоточеннаго крупнаго капитала. Подѣ вліяніемъ такъ или иначе вовлеченныхъ въ спекуляціонный круговоротъ банковъ, сама спекуляціи становится менѣе зависимой отъ случайностей хозяйственной жизни, болѣе крѣпкой, самодовлѣющей и болѣе способной производить опустошенія въ потребительскихъ карманахъ,—всегда составляющихъ конечную цѣль спекуляціоннаго потока.

Какъ выше было указано, «хранители» и «торговцы накладными» не всегда дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, а часто работаютъ другъ противъ друга. Эта противоположность интересовъ спекулянтовъ различныхъ видовъ значительно смягчается указанными, особенно сильно развившимися благодаря спекуляціи, банковскими операціями. Ссуды подѣ товаръ, достигающія въ настоящее время до 90 %, а то и цѣлыхъ 100 % стоимости товара, до нѣкоторой степени сближаютъ «хранителей» съ «торговцами накладными». Соблазнительно для «хранителя» не только ждать, но и приобрѣтать на полученные въ ссуду подѣ товаръ деньги новыя партіи товара, присоединять эти новыя партіи къ прежнимъ, въ обезпеченіе новопріобрѣтеннаго товара снова получать ссуду, направлять ее на новую покупку и т. д. Соблазнительно потому, что такой своей дѣятельностью «хранитель» усиливаетъ вліяніе выключаемыхъ имъ изъ оборота товаровъ на рынокъ, такъ какъ съ увеличеніемъ количества этихъ товаровъ предложеніе сильнѣе сокращается и абсолютно и, еще больше, относительно. При этомъ «хранитель» получаетъ возможность обезвредить до нѣкоторой степени тревожащихъ часто его спокойную, выжидательную политику нервныхъ «торговцевъ накладными».

Выступая въ роли покупателя, онъ успѣшно конкурируетъ съ различными торговцами въ приобрѣтеніи товарныхъ документовъ у спекулянтовъ второго вида. Послѣдніе охотнѣе имѣютъ дѣло съ «хранителями», чѣмъ съ обычными розничными торговцами, такъ какъ «хранители» дѣйствуютъ въ расчетѣ

на будущее и потому въ состояніи предлагать лучшія условія. Такимъ образомъ, дѣятельность «торговцевъ накладными» является часто пособнической къ настоящей злостной спекуляціи «хранителей».

Но этимъ участіе крупнаго капитала въ товарной спекуляціи не ограничивается. И «торговцы накладными», какъ выше было замѣчено, работаютъ часто съ финансовою поддержкой со стороны банка. Получаемыя ими отъ банка ссуды подъ обезпеченіе товарныхъ документовъ даютъ имъ возможность выжидать съ переуступкой своего права на товаръ. Въ крайнемъ случаѣ, если товаръ прибудетъ на станцію назначенія до окончательной ликвидаціи спекулянтномъ своихъ операцій, онъ будетъ имѣть возможность его выкупить при помощи банковской ссуды. И «торговецъ накладными» также иногда становится «хранителемъ». Такъ, благодаря вмѣшательству крупнаго капитала, стирается во многихъ случаяхъ грань между спекулянтами различныхъ видовъ, и противоположность ихъ интересовъ сглаживается.

Если еще прибавить къ этому чисто биржевые приемы нѣкоторыхъ банковъ, искусственно вздувающихъ спросъ на интересующіе ихъ товары въ цѣляхъ болѣе надежной гарантіи выданныхъ ссудъ, картина директерской роли банковъ въ дѣлѣ спекуляціи вырисовывается ясно.

Свободные капиталы, не находящіе себѣ примѣненія въ дѣлѣ усиленія производства и умноженія хозяйственныхъ благъ, идутъ на дѣло противоположнаго характера: на повышение цѣнъ уже произведенныхъ благъ, на уменьшеніе ихъ доступности, на сокращеніе ихъ потребленія. Таковы парадоксы современной анархіи производства и обмѣна. При обычныхъ условіяхъ анархіа эта сдерживается столкновеніемъ различныхъ интересовъ и свободной конкуренціей. Зампка, срѣзная и длительная, въ производствѣ или въ обращеніи товаровъ, — и анархическіе порядки вырождаются въ чудовищныя формы экономическаго самонстребленія.

И. Давидзонъ.

ПО МАРИНСКОМУ ВОДНОМУ ПУТИ.

I.

— Вы хотите проѣхать по Маринской системѣ?

— Да.

— Дальше Вытегры не уѣдете.

— Почему?

— Нѣтъ пассажирскаго движенія. По рѣкѣ Вытегрѣ плутъ такія густыя дебри шлюзовъ и такъ они неудобны, что пассажирскіе пароходы отказываются ходить. Есть только грузовое движеніе.

Такъ говорили знающіе люди. И когда я навелъ справки, оказалось, что это, дѣйствительно, такъ.

Все же захотѣлось побывать въ этихъ «дебряхъ», и я поѣхалъ.

Маринскій водный путь. Онъ тянется отъ Петрограда до Рыбинска, на протяженіи 1071 версты, влючая въ себя Неву, приладожскіе каналы, Свирь, Онежскій каналъ, Вытегру, Ново-Маринскій каналъ, Ковжу, Бѣлозерскій каналъ и Шексну, при чемъ на долю естественныхъ путей приходится 703 вер., на долю обходныхъ каналовъ 283 вер. и шлюзованныхъ путей 85 версты.

Путь отъ Петрограда до Шлиссельбурга не представляетъ большого интереса: пригороды, заводы, дачи по берегамъ. Берега довольно пустыжны, и какъ-то странно видѣть такую пустынность на прекрасной многоводной рѣкѣ, подъ бокомъ у столицы.

За Шлиссельбургомъ открывается водный просторъ Ладожскаго озера. Это въ буквальномъ смыслѣ пустыня. Занимая площадь въ 15 тыс. кв. версты, величайшее озеро Европы является въ то же время самымъ пустыннымъ не только въ Европѣ, но и, пожалуй, во всемъ мірѣ. Только южную часть его изрѣдка бороздятъ пароходы, идущіе въ Петрозаводскъ. Грузовое же движеніе почти отсутствуетъ.

Прежде Ладожскимъ озеромъ, какъ воднымъ путемъ, широко пользовались жители Прионежья и Заонежья. На лег-

кихъ и крѣпкихъ нарусныхъ судахъ они пускались въ дальнія плаванія изъ Онежскаго озера въ Балтійское море и обратно. Существовалъ большой, хорошо налаженный, торговый флотъ.

Но вотъ, по мысли Петра Великаго, прорыли приладожскіе, а вслѣдъ затѣмъ онежскіе и другіе каналы. Предполагалось, что обходные каналы будутъ служить, какъ вспомогательные пути, для плаванія по Онежскому и Ладожскому озерамъ. Въ дѣйствительности же все грузовое движеніе Маріинскаго и Вологодскаго водныхъ путей постепенно перешло въ каналы. Такъ оказалось удобнѣе, проще. Не надо было строить крѣпкихъ, устойчивыхъ судовъ, которыя могли бы выдерживать онежскія и ладожскія бури; явилась возможность пускаться въ дальній путь по домашнему—на плотахъ, на баркахъ, сколоченныхъ на скорую руку, годныхъ только на одинъ рейсъ. Такимъ образомъ грузовое движеніе по Ладожскому озеру было упразднено.

Исторія сооруженія Маріинскаго воднаго пути—яркая, колоритная. Это прежде всего исторія многихъ зарытыхъ въ землю милліоновъ. Началось весьма характерно для русскаго строительства—съ «упущеній» и злоупотребленій. Первый приладожскій каналъ начали рыть еще при Петрѣ и, несмотря на личное наблюденіе царя, вскорѣ же были обнаружены «упущенія». Въ результатѣ завѣдующій работами капитанъ Скорняковъ-Писаревъ былъ сосланъ въ Сибирь.

И въ дальнѣйшемъ злоупотребленія шли рука объ руку съ сооруженіемъ Маріинской системы, а сооруженіе это тянулось болѣе ста лѣтъ. А потомъ начались перестройки, измѣненія, улучшенія, и все это продолжается непрерывно до сегодняшняго дня.

Еще недавно, въ 1890—96 году, на переустройство Маріинской системы, главнымъ образомъ на расширение и углубленіе каналовъ, было затрачено 12½ милліоновъ руб. Но шлюзы остались прежніе, и въ тѣснотѣ ихъ обламываютъ себѣ бока грузовыя волжскія баржи. Теперь вопросъ о переустройствѣ шлюзовъ на очереди, и на это, какъ мнѣ говорили въ правленіи Вытегорскаго округа, потребуется опять не менѣе 12 милл. руб. А потомъ надо думать объ укрѣпленіи береговъ и о новой расчисткѣ каналовъ. И такъ далѣе—безъ конца.

Нельзя обвинять въ этомъ случаѣ въ нерадивости строителей или завѣдующихъ путями. Они—по одежкѣ протягиваютъ ножки, держатся въ предѣлахъ ассигновокъ. Какъ держатся—это другой вопросъ. Вся же цепланомѣрность при обновленіи путей лежитъ на совѣсти высшихъ руководителей.

Водные пути, тѣмъ болѣе сѣверные, у насъ всегда были въ забросѣ. Смотрѣли на нихъ такъ, какъ-будто это что-то второстепенное, почти лишнее. Недреманное око высшаго надзора рѣдко заглядывало сюда, и нравы здѣсь царили патріархальные. Служба по воднымъ путямъ не считалась выгодной; карьеры

во всякомъ случаѣ сдѣлать было нельзя, и всѣ наиболѣе дѣятельные люди, повертѣвшись среди «водяныхъ», уходили, гдѣ лучше, а у каналовъ и шлюзовъ оставались люди слабыхъ протекціи и тихихъ успѣховъ. Чѣмъ они занимались? Помаленьку поддерживали водные пути. Что-то строили, что-то сносили. Ставили на каналахъ землечерпалки, выкачивали изъ каналовъ грязь и песокъ, уплотняя ими обочины каналовъ. А дожди и весеннія воды опять уносили эти уплотненія въ каналы.

Это во время навигаціи—съ апрѣля по октябрь. Съ октября же по апрѣль отдыхали послѣ лѣтнихъ трудовъ. И тогда въ полномъ смыслѣ наступало мирное житіе съ долгимъ сномъ, съ праздными днями, игрою въ преферансъ и прочими утѣхами русской жизни.

Но вотъ, наконецъ, и водныхъ путей коснулось грозное дыханіе войны. Потребовались усиленныя перевозки грузовъ—дровяныхъ, лѣсныхъ, продовольственныхъ. Грузы двинулись съ Волги и Архангельска въ тѣсные и узкіе каналы. Получилось то, что и должно было получиться—загроможденіе каналовъ грузами, невозможность справиться съ ними не столько вслѣдствие слабой грузоемкости каналовъ, сколько вслѣдствие безсистемности въ передвиженіи грузовъ. Вѣдь на каналы смотрѣли до сихъ поръ, какъ на бульваръ для прогулокъ,—кто хочетъ, тотъ и гуляй, и каждый могъ грузить и сплавлять все, что ему угодно.

Но уже навигація минувшаго года, судорожно бившаяся въ тискахъ всевозможныхъ перегрузокъ и недостатъ, показала всѣ недостатки такой безсистемности. Первая половина навигаціи, наиболѣе полноводная, прошла безслѣдно вслѣдствие того, что промышленники сидѣли и чего-то ждали—повышенія ли цѣны или особыхъ приглашеній перевозить грузы—неизвѣстно. Во вторую же половину нерезервочныя средства не могли справиться съ количествомъ предъявленныхъ къ перевозкѣ грузовъ, и въ результатѣ большое количество грузовъ осталось невывезеннымъ, а общій грузооборотъ водныхъ путей въ 1915 году, въ сравненіи съ предыдущими годами, значительно уменьшился.

«Картина прошлой навигаціи,—чтѣемъ мы въ официальномъ сообщеніи,—ясно показала, что въ перевозкѣ грузовъ не было плана и организаціи. Въ противоположность желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ перевозки объединены въ лицѣ одного хозяина—желѣзнодорожнаго управленія, на водныхъ путяхъ перевозка является предметомъ частнаго соглашенія грузовладѣльца съ судохозяиномъ, который, конечно, не заинтересованъ въ общемъ планѣ перевозокъ, въ распредѣленіи очередей грузовъ по степени ихъ необходимости для населенія и довольствуется лишь соображеніями своего личнаго интереса.

«Между тѣмъ необходимость использования всѣхъ средствъ сообщения для передвиженія грузовъ настолько назрѣла, что дальнѣйшее оставленіе водныхъ путей въ томъ же безсистемномъ положеніи, въ которомъ они были въ прошломъ году, невозможно. Нужно непременно регулировать водныя перевозки въ цѣляхъ успѣшнаго использования рѣчного флота и наилучшаго удовлетворенія потребностей страны». (Извѣст. Вытегор. окр. п. с., № 18, 7 мая 1916 г.).

Результатомъ такого рѣшенія явилось образованіе особаго Распорядительнаго Комитета по воднымъ перевозкамъ въ составѣ представителей правительственныхъ и общественныхъ учреждений, на обязанность котораго возложено руководство и завѣдываніе перевозкою по водѣ топлива, продовольствія и военныхъ грузовъ, составленіе общихъ плановъ перевозокъ, установленіе категорій, очередей и направленій грузовъ, а также предѣльныхъ цѣнъ за перевозку и буксировку и проч. Словомъ, нѣчто вродѣ министерства перевозокъ съ элементомъ общественности.

И вотъ новое министерство взялось за работу. Задача выпала трудная, отвѣтственная.

Надо было не только внести порядокъ и систему въ безпорядочное и безсистемное движеніе грузовъ, но и ускорить еще движеніе, увеличить пропускную способность каналовъ.

И тутъ-то сказались результаты давней запущенности.

Что представляютъ собою Маршнскіе каналы и пути въ настоящее время и какъ производится движеніе по нимъ?

Позвольте перейти къ личнымъ впечатлѣніямъ.

II.

Ѣзда по каналамъ напоминаетъ Ѣзду на быкахъ. И здѣсь, и тамъ—спокойная, тихая дорога въ зеленыхъ берегахъ; здѣсь вода, тамъ—пыль. Медленно тащатся возы, чуть-чуть поскрипывая; попадаются встрѣчныя подводы; все кругомъ спокойное, просторное, дремотное. И кажется, не будетъ никогда конца пути.

И здѣсь такіе же спокойно-дремлющіе просторы. Зеленыя кустарники, лѣса, синѣетъ невдалекѣ озеро, и на его пустынной поверхности не видно ни паруса, ни лодки. И странно, тащась по узкой грязной канавѣ, видѣть бокъ-о-бокъ безпредѣльную водную даль, такую свѣтлую и маящую, гдѣ можно было бы развить любую скорость.

Вотъ идетъ по каналу грузовая баржа. Идетъ, не стѣсняясь, занявъ средину канала. Пароходикъ свиститъ, машетъ бѣлымъ флагомъ, приказывая очистить путь. Съ баржи тоже махнутъ бѣлой тряпкой. Свистѣтъ нечѣмъ, такъ какъ баржу тащатъ на канатѣ пять заморенныхъ одровъ.

— Тихій ходъ,—командуетъ вожатый на пароходикѣ.

Винтъ замедляетъ работу; пароходъ почти беззвучно скользитъ по каналу, приближаясь къ баржѣ.

Лошаденки идутъ гуськомъ, едва переступая; за ними два погонщика или, еще чаще, погонщицы,—запыленные, черныя, обожженные солнцемъ фигуры. Рулевой на баржѣ вертитъ руль, нажимая на него всѣмъ тѣломъ. Баржа медленно подвигается къ берегу.

— Самый тихій,—командуетъ вожатый.

Винтъ совсѣмъ замедляетъ. Баржа и пароходикъ встрѣчаются и проходятъ другъ мимо друга тихо, беззвучно, какъ двѣ тѣни. Съ пароходика смотрятъ на баржу, съ баржи, объѣтрѣныя рыжие и бѣлобрысыя мужьяки смотрятъ на пароходикъ. Часто вмѣсто мужьяковъ бабы. И здѣсь завоевалъ себѣ право гражданства женскій трудъ.

Когда баржа остается позади, вожатый на пароходикѣ командуетъ:

— Полный ходъ.

И пароходикъ развиваетъ свою предѣльную скорость—8 верстъ въ часъ.

Иногда приходится обгонять баржи, идущія вверхъ по каналамъ, и тогда опять такая же процедура—свистки, тихій ходъ, самый тихій и медленное прохожденіе мимо баржи.

Встрѣчи частыя, и поэтому ѣзда по каналамъ нудная и длительная. Бываетъ, что баржа повернется неловко и загородитъ собою весь каналъ. Лошаденки дергаются, пыжаты и ничего не могутъ сдѣлать. Баржа уперлась носомъ въ берегъ и не хочетъ отходить. Ругаются мужьяки на баржѣ, ругаются коноводы. И только лошади довольны: все-таки передышка, можно пощипать зеленую траву.

Подходить пароходикъ; вожатый свиститъ безъ толку и, видя, что свистомъ не поможешь, командуетъ машинѣ:

— Стопъ.

Пароходикъ подходит вплотную къ баржѣ и останавливается. Ласково трется о ея бока. Можетъ быть уже не разъ приходилось встрѣчаться въ тѣсномъ каналѣ.

— Ну, что жъ, ребята?—спрашиваетъ вожатый съ пароходика.—Надо бы, какъ-нибудь.

— Да вотъ никакъ. Усѣми способами... Ну-ка мишо...

Разговариваютъ мирно, дружелюбно, а если и поругиваются, то снѣтъ-таки добродушно, почти ласково. Остановка—ну такъ что же! Дѣло привычное. И куда снѣштить? Все равно, вѣдь больше восьми верстъ въ часъ не уѣдешь. Часомъ раньше, часомъ позже...

И публика на пароходѣ не выражаетъ нетерпѣнія. При-

выкла. Смотрить на столкновение, какъ на развлеченіе,—все-таки не такъ скучно.

Когда выясняется, что усиліями мужиковъ и лошадей не снять баржи, приходитъ на помощь парходикъ. Сначала онъ пытается сдвинуть баржу наскокомъ, но слабенькая машина только пыхаетъ и мутитъ воду канала.

Вожатый изопрядается въ командованіи:

— Полный ходъ. Самый полный!.. Назадъ. Влѣво... еще влѣво... Стопъ!..

Попрыгавъ около баржи, парходикъ въ концѣ концовъ беретъ ее на буксиръ и выпрямляетъ вдоль канала. На эту операцію уходитъ около часа.

Мужики на баржѣ довольны. Снимаютъ картузы, кланяются лохматыми головами и говорятъ:

— Спасибо вамъ, Маркьянычъ, дай Богъ здоровья. Кабы не ты, почевать бы намъ тутъ. Кой часъ уже бьемся.

— Ходи впередъ прямо,—говоритъ наставительно вожатый и гудитъ въ трубку:

— Полный ходъ.

Но, случается, иногда такіе узлы распутываются не такъ легко.

Застрянетъ въ каналѣ баржа,—сядетъ на мель или такъ какая-нибудь неисправность,—и стоитъ, поджидая парохода. Сверху въ это время подходитъ другая баржа, снизу третья, потомъ четвертая и образуется цѣлый караванъ. Ругаются, бьются, кричатъ и ничего не могутъ сдѣлать. Положеніе безпомощное, горькое. Стоять часами, пока не подойдетъ пароходъ и не растащить баржи.

Часто бываютъ столкновения встрѣчныхъ баржъ вслѣдствіе тѣсноты каналовъ и небрежности вожатыхъ. Если столкновение сопровождается аваріей и баржа садится на дно, дѣло совсѣмъ плохо: движеніе останавливается на сутки или больше, пока не расчистятъ фарватеръ.

Вообще, движеніе по каналамъ вовсе не такъ безопасно, какъ представляется со стороны. Каналы мелки, тѣсны, шлюзы маломѣрны, часто подвергаются порчѣ, плохо справляются съ напоромъ воды, баржи велики, неуклюжи, а вожатые неосторожны—и вслѣдствіе этого каждый день на каналахъ происшествія. На страницахъ «Извѣстій Вытегорскаго окр. пут. сообщ.» печатается хроника такихъ событій, и вотъ что находимъ за іюнь текущаго года на каналахъ и шлюзахъ (не считая приладожскихъ):

Сѣло на мель судовъ	4
Столкнулось	24
Получили поврежденія	31
Затонуло	5

Гидро-техническихъ поврежденій	6
Несчастныхъ случаевъ съ людьми	8

Задержка движенія по каналамъ отмѣчена въ пяти случаяхъ: на 14 час., на 3 сут., на 2 сут., на 5 час. и на 2 час.; число задержанныхъ судовъ подробно не указано.

Это, конечно, далеко не полный перечень происшествій на каналахъ и шлюзахъ; сообщается только о крупныхъ случаяхъ, мелкие не идутъ въ счетъ. И, подводя имъ итогъ, приходится задумываться, что безопаснѣе: плаваніе ли въ тихую погоду по озерамъ или тяга по обходнымъ каналамъ? При прохожденіи судами Маринской системы озера остаются совершенно въ сторонѣ, а между тѣмъ, въ тихіе дни это и болѣе быстрый, и болѣе безопасный для буксирной тяги путь. Ладожское и Онежское озера считаются бурными, опасными, и наши мореходы съ ужасомъ говорятъ:

— Тамъ качаетъ.

Но не всегда же эти озера опасны. Лѣтомъ очень часто бываютъ дни, даже недѣли, когда озера совершенно спокойны. И если бы наши судовожатые руководствовались не только опытомъ и инстинктомъ, но и гидрографическими свѣдѣніями о состояніи озеръ, плаваніе по нимъ было бы вполне возможно.

Маринская система считается самой тихоходной. Въ среднемъ, считая съ остановками, грузовыя суда проходятъ Маринский путь въ 40—45 дней, дѣлая не болѣе 24 версты въ сутки. По Тихвинскому пути суда дѣлаютъ 31 версту, а по Вышневолоцкому 48 в. въ сутки.

Буксирная тяга вдвое быстрѣ конной, пароходъ дѣлаетъ 3—4 версты въ часъ; развивать большую скорость не позволяютъ береговыя условія.

Дѣло въ томъ, что берега каналовъ не укрѣплены. Грунтъ мягкій—песокъ, глина. Даже при той черепашьей скорости, съ какой ползутъ буксирныя пароходы, берега постоянно подмываются. Взгляните на линію берега, она вся изъѣдена водою; помогаютъ также дожди и вѣтры. Мѣстами обочины каналовъ настолько разрушены, что лошадямъ трудно идти.

Каналы засоряются и мелѣютъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неукрѣпленности береговъ. Каждый годъ работаютъ землечерпалки, но онѣ не успѣваютъ справляться съ обмелѣніемъ. Работа землечерпательныхъ машинъ производится въ колоссальныхъ размѣрахъ. По плану кампаніи дноуглубительныхъ работъ въ Вытегорскомъ округѣ въ навигацію 1916 года, предположено къ выемкѣ 54.617 куб. саж. грунта въ 93 пунктахъ, для чего потребуется 1.522 сутокъ работы.

Въ приладожскихъ каналахъ обмелѣніе доходитъ до того, что передъ вступленіемъ въ каналы грузовыя суда съ большой осадкой приходится частично разгружать. На приспособленіе

приладожскихъ каналовъ къ усиленному судоходству въ навигацію 1916 года ассигновано въ текущемъ году, по представленію министра путей сообщенія, 1.980.000 руб. Но это, разумѣется, палліативъ; на будущій годъ потребуются такія же ассигновки, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ укрѣплены берега каналовъ.

III.

На сѣверные водные пути вообще теперь обращено особое вниманіе. Хватились за нихъ, какъ за спасительное средство въ той желѣзнодорожной путаницѣ, которой ознаменовались прошлый и текущій годы. И насколько прежде скупились, настолько же теперь охотно даютъ ассигновки на улучшение и развитіе водныхъ путей.

Въ составъ Вытегорскаго округа, вѣдающаго Мари́нскимъ путемъ, входитъ между прочимъ система герцога А. Виртембергскаго, соединяющая Бѣлое море съ Волгой и Балтійскимъ моремъ. Эта система до настоящаго времени была крестомъ и мучкой судопромышленниковъ. Болѣе 20 лѣтъ грузоотправители Архангельска, Вологды и Волги умоляли министерство перестроить систему.

«Каналь герцога Виртембергскаго, писали они въ докладныхъ запискахъ, настолько узокъ и шлюзы его такъ коротки, что суда съ лѣсными грузами все разстояніе канала въ 60 верстъ идутъ около 10 дней, или треть времени на прохожденіе всего пути до Петрограда. Въ виду короткихъ шлюзовъ баржи приходится строить маломѣстительныя, длиною не болѣе 18 саж., что сильно удорожаетъ перевозку и крайне пагубно отражается на экспортѣ лѣса. Точно также невозможно передвиженіе хлѣбныхъ грузовъ съ Волги на сѣверъ воднымъ путемъ, ибо на пути также встрѣчается этотъ каналъ съ его узкими и короткими шлюзами».

Министерство досадливо отмахивалось отъ этихъ слезницъ:
— А, ну васъ, не до того.

И только теперь прозрѣло и, увидѣвъ свою ошибку, спѣшно приступило къ переустройству всей системы.

«Эта система, читаемъ мы въ «Вѣст. мин. пут. сообщ.» (№ 18 за 1916 г.), будучи переустроена для плаванія большемѣрныхъ судовъ въ кратчайшій срокъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы судоходство могло воспользоваться результатами переустройства еще въ первую половину навигаціи 1917 года, можетъ принести государству неоцѣнимую пользу, объединяя флоты сѣверныхъ рѣкъ и волжскаго бассейна. Кромѣ того, въ теченіе одного—двухъ лѣтъ по окончаніи войны Архангельскій портъ, несомнѣнно, будетъ усиленно использованъ для пропуска грузовъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени и, на-

конецъ, въ первые годы послѣ войны огромный спросъ въ Россіи на различные продукты промышленности будетъ удовлетворяться, главнымъ образомъ, привозомъ изъ Америки, такъ какъ потрясенная войной европейская промышленность, въ лучшемъ случаѣ, будетъ удовлетворять лишь потребностямъ собственныхъ рынковъ, въ виду чего значеніе сѣверныхъ портовъ и путей, связывающихъ ихъ съ внутренними областями Россіи, будетъ имѣть силу какъ для ближайшаго времени, такъ и для долгаго ряда лѣтъ послѣ войны».

На переустройство системы герцога Виртембергскаго ассигновано 11.700.000 руб. Работы уже производятся,

Задавшись цѣлью увеличить, елико возможно, грузооборотъ водныхъ путей и, главнымъ образомъ, Маринской системы, Распорядительный Комитетъ принялъ рядъ мѣръ для поощренія развитія судостроенія и судоходства. Такъ, напр., постановлено выдавать для постройки деревянныхъ судовъ для Маринской системы и Волги ссуды въ размѣрѣ до 50% стоимости судна, а также преміи за успѣшное строительство, для чего ассигновано 500 тыс. руб.; разрѣшенъ изъ казенныхъ дачъ отпускъ лѣса на постройку рѣчныхъ судовъ, допущены въ качествѣ судорабочихъ женщины на суда; введена обязательная буксирная повинность для пароходоладѣльцевъ.

И все-таки, несмотря на все это, грузовое движеніе никакъ не войдетъ въ норму. Какъ и въ прошломъ году, въ нынѣшнюю навигацію недостача грузовъ чередуется съ заторами,— въ одномъ мѣстѣ густо, въ другомъ—пусто. И не удалось, благодаря многимъ обстоятельствамъ, использовать въ полной мѣрѣ первую половину навигаціи текущаго года.

Оставшіяся отъ прошлой навигаціи залежи дровъ и лѣса не сразу двинулись по весеннимъ путямъ. Погрузкѣ помѣшала недостача рабочихъ рукъ на мѣстахъ, недостача перевозочныхъ средствъ, буксирной тяги.

А затѣмъ начали двигаться грузы, имѣющіе первенствующее значеніе—каменный уголь, минеральное топливо, продовольственные и военные грузы. Вѣдь, какъ сообщалось въ «Вѣст. мин. пут. с.» (№17, 1916 г.), по имѣющимся въ Распорядительномъ Комитетѣ свѣдѣніямъ, потребность въ водной перевозкѣ только жидкаго топлива въ 1916 году (Волжско-Камскій бассейнъ и Маринская система) выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

для желѣзныхъ дорогъ	113.971.500 пуд.
» московскаго района	66.211.000 »
» пароходовъ	41.000.000 »

» петроградскаго района	20.000.000	»
» фабрикъ и заводовъ	38.000.000	»

Затѣмъ изъ тѣхъ 45 милліоновъ пуд. каменнаго угля, которые, согласно правительственному сообщенію, должны прибыть въ теченіе навигаціи 1916 г. въ Архангельскій портъ, большая часть пойдетъ воднымъ путемъ. Надо принять еще во вниманіе движеніе по воднымъ путямъ донецкаго угля (первый и, кажется, удачный опытъ), движеніе хлѣбныхъ и другихъ грузовъ. Вотъ та схема грузооборота, которую придется осуществить, главнымъ образомъ, Маринской системѣ. Въ 1915 году по Невѣ сверху прибыло въ Петроградъ разныхъ грузовъ 262.213.017 пуд.; въ томъ числѣ разнаго топлива 110.873.914 пуд., лѣсныхъ и строит. матеріаловъ 88.905.845 пуд. А вѣдь навигація прошлаго года была ниже средней.

Работа колоссальная, требующая исключительнаго напряженія перевозочныхъ и личныхъ средствъ.

И все же, когда двигаешься по путямъ Маринской системы, какъ-то не чувствуется этого напряженія. Чувствуется, наоборотъ, какая-то рыхлость, неторопливость, исконное русское— «тише ѣдешь, дальше будешь».

Но, можетъ быть, это впечатлѣніе обманчивое?

Обратимся тогда къ цифрамъ, которыя находимъ въ «Извѣстіяхъ Петр. окр. п. с.» за 1916 г.

По Невѣ прибыло въ Петроградъ груженыхъ судовъ по 24 іюня:

	въ 1915 году		въ 1916 г.
	3.178 суд.		2.418 суд.
Изъ нихъ: съ хлѣбомъ	22	»	76
» дровами	1.990	»	1.763
» проч. товарами	1.160	»	519
Гонокъ	565 ½	»	474 ½

Итакъ, значительно меньше, чѣмъ въ прошломъ году. Для того, чтобы имѣть представленіе о навигаціи прошлаго года, приводимъ число судовъ съ грузомъ, прибывшихъ по Невѣ въ Петроградъ за послѣдніе шесть лѣтъ:

въ 1910 году прибыло	15.120 судовъ
» 1911 »	15.821
» 1912 »	14.590
» 1913 »	18.630
» 1914 »	21.290
» 1915 »	12.654

Извѣстно, что Петроградъ ждетъ не дождется дровъ, и уже закрадываются опасенія, что назрѣваетъ дровяной кризисъ.

А между тѣмъ, дровъ по берегамъ Свири, Вытегры, Ладожскаго и Онежскаго озеръ много. Лежать, ожидая погрузки. А грузить некому, рабочихъ рукъ мало, цѣны на нихъ растутъ и растутъ, мало также перевозочныхъ средствъ, и раздаются опасливые голоса, что едва ли удастся вывезти заготовки прежнія и вынѣшняго года. Просьбы о присылкѣ на работы военноплѣнныхъ не имѣли успѣха. Такъ было, напр., въ Вытегрѣ, гдѣ городъ просилъ прислать для работъ 100 чел. военно-плѣнныхъ.

— Почему же не прислали?

— Не знаемъ,—пожимаютъ плечами.—Хлопотали съ ранней весны и безъ толку.

А между тѣмъ, рабочіе нужны не только для погрузки готовыхъ запасовъ, но, что особенно важно, для новыхъ заготовокъ.

— Дровяной кризисъ еще не наступилъ,—раздаются здѣсь предостерегающе голоса,—но онъ, несомнѣнно, наступитъ, если не приступятъ немедленно къ дровянымъ заготовкамъ. Эти запасы вывезутъ, а дальше что? Вѣдь сейчасъ ничего не дѣлаютъ, рабочихъ мало, и никто не думаетъ о томъ, что будетъ дальше.

IV.

Маринскій водный путь даетъ не мало разнообразныхъ впечатлѣній. Интересна сама поѣздка по рѣкамъ, озерамъ и каналамъ на небольшихъ тихоходныхъ пароходикахъ; колоритны люди, природа, быть все еще глухой и сонной, но потревоженной провинціи.

Вотъ пристань Сермакса, лежащая въ устьѣ рѣки Свири, при Ладожскихъ каналахъ. Здѣсь граница двухъ округовъ—Петроградскаго и Вытегорскаго, въ вѣдѣніи коихъ находится Маринская система. Еще недавно часть Маринскаго пути принадлежала третьему округу—Казанскому. Эти три пятака не мало способствовали тому, что въ нужный моментъ дит оказалось безпомощнымъ.

Въ Сермаксѣ мы натолкнулись на цѣлый караванъ баржъ и барокъ, груженныхъ дровами, всего около 200 номеровъ. Онѣ стояли тутъ въ ожиданіи пропуска по каналамъ къ Петрограду.

Спрашиваю мѣстныхъ людей:

— Давно стоятъ?

— Да, уже давно.

— Почему же не отправляютъ?

— Не хватаетъ буксирныхъ пароходовъ.

— А конная тяга?

— Отмѣнена. Тутъ вѣдь вродѣ синдиката пароходовладѣльцевъ. Да и лошадей мало. Земскія станицы и тѣ безъ лошадей.

— А почему не хватаетъ пароходовъ?

— Часть реквизирована, остальные въ разгонѣ. А новыхъ неоткуда получить. Сократилось производство, не хватаетъ машинъ. Своихъ верфей нѣтъ, пароходы идутъ изъ Финляндіи, а машины изъ за-границы. А тутъ еще и пароходовладѣльцы... Въ спекуляцію пускаются.

— Что такое?

— Заламываютъ неслыханныя цѣны. Правда, цѣны за буксировку установлены и пароходовладѣльцы обязаны военно-судовой повинностью, но они все-таки ухищряются лукавить.

— А на много поднялись цѣны?

— Почти втрое. Тутъ собственно три расцѣнки: весенняя, лѣтняя и осенняя, съ постепеннымъ повышеніемъ. По таксѣ за тягу по 1-е іюля полагается надбавка въ 130% къ прошлогоднимъ цѣнамъ, существовавшимъ до 1 іюля. По каждому каналу особая расцѣнка.

— Ну, и что же пароходовладѣльцы?

— Недовольны. А передъ лѣтней расцѣнкой всѣ буксирные пароходы стали замедлять ходъ. Тутъ простоить, тамъ задержится, лишь бы оттянуть время. Оттого и скопилось здѣсь столько судовъ.

Позднѣе въ Вытегрѣ, въ извѣстіяхъ Вытегорскаго окр. п. с. № 35 за 1916 г.), я встрѣтилъ такое обязательное постановленіе распорядительнаго комитета (привожу въ извлеченіи):

«Воспрещается буксирнымъ и товарнымъ пароходамъ, работающимъ въ предѣлахъ Маринскаго воднаго пути, полное или временное прекращеніе рейсовъ безъ разрѣшенія распорядительнаго комитета.

«Воспрещается буксирнымъ пароходамъ, работающимъ по Маринскому водному пути, допускать въ мѣстахъ зачалки судовъ простой безъ работы, при наличности готовыхъ къ буксировкѣ судовъ, болѣе 9 часовъ.

«Воспрещается непаровымъ судамъ, при наличіи буксирныхъ пароходовъ или тяговыхъ лошадей, въ мѣстахъ зачалокъ простой болѣе 9 часовъ».

Рѣка Свирь даетъ много чисто зрительныхъ впечатлѣній. Она быстра, порожиста, извилиста, берега высокіе, зеленые, много острововъ. Для судоходства она представляетъ много затрудненій вслѣдствіе засоренности фарватера порогами, камнями, отмелями. Весь путь по Свири уставленъ предостерегающими знаками. Здѣсь постоянно работаютъ землечерпалки, землесосы, камнеподъемы, а фарватеръ остается по прежнему опасенъ и неудобенъ. Беззаботные русскіе мореходы часто застреваютъ на порогахъ, сажая суда и пароходы на отмели и камни.

У истока Свири, при Онежскомъ озерѣ, лежитъ пристань Вознесеніе. Это—маленькій Рыбинскъ, а современемъ, когда

Маринская система сдѣлается широкимъ и полноводнымъ путемъ, Вознесеніе станетъ большимъ Рыбинскомъ. Здѣсь можно устроить великолѣпную гавань на любое количество судовъ, судостроительныя верфи, мастерскія—все, въ чемъ такъ нуждаются теперь сѣверные пути.

Отъ Вознесенія до Вытегры путь лежитъ по Онежскому каналу. Мѣсто сырое, низкое,—убойное для конной тяги. Во время осеннихъ и весеннихъ непогодъ, въ холодъ и грязь, когда все размокаетъ, насыщается влагой, здѣсь тонуть люди и животныя. Лошади валятся отъ сибирской язвы, а люди страдаютъ отъ простудныхъ болѣзней, цынги, истощенія. Хорошіе заботки на тягѣ выходятъ сокомъ.

Вытегра—тихий, глухой уѣздный городокъ. Только Маринскій водный путь и соединяетъ его съ остальнымъ міромъ. До желѣзной дороги еще недавно было болѣе 300 верстъ; теперь, съ проведеніемъ Олонецкой дороги, это разстояніе уменьшилось на половину. Вытегра мечтаетъ о собственной жел. дор., оторая ей будто бы сбѣжала. А вскачтс—гсчт изи Пстс стрзла приходитъ на пятый день, газетъ не достанешь, люди живутъ слухами, а зимой, какое направленіе ни возьми, все надо ѣхать на лошадахъ до ближайшаго города 3—5 дней.

Тѣмъ не менѣе Вытегра—центр. Здѣсь находится правленіе Вытегорскаго округа путей сообщенія, которому подвластны рѣки, озера и каналы на многія сотни верстъ кругомъ. Въ личномъ составѣ Вытегорскаго округа до 40 инженеровъ, болѣе 30 штатныхъ чиновниковъ, не считая другихъ служащихъ, и тольکو санитарныхъ врачей мало, всего 6, да и то два въ отсутствіи.

«Водяные» живутъ въ Вытегрѣ, какъ на дачѣ, своимъ обособленнымъ міромъ. Городокъ уютный, жизнь до войны была дешевая, недостатка ни въ чемъ не было. Но теперь все вздорожало, порядки пошли иные, начались всякія давленія извнѣ—и водяной мірокъ притихъ и ждетъ,—что же будетъ дальше?

Теперь Вытегра, какъ и всякая провинціальная глушь, живетъ странной, встревоженной жизнью. Пришла дороговизна, стало мало людей, жизнь потеряла свою вѣковую устойчивость. Точно старая заржавленная дверь сорвалась съ петель: не падаетъ и не прихлопывается плотно, а только вихляется и скрипитъ.

Въ Вытегрѣ, прежде обильной и богатой, стало скудно, убого, почти голодно. Нѣтъ сахару, недостаетъ муки, цѣны на всѣ продукты фантастическія. Сахаръ доходитъ до 1 руб.—1 р. 30 коп. за фунтъ, онъ давно уже лакомство, еще большее, чѣмъ леденцы и конфекты, которые въ расцѣнкѣ идутъ наравнѣ съ сахаромъ. Масло коровье 1 р. 60 к. фунтъ, яйца 80 к. десят., хлѣбъ 15—18 коп. фунтъ, мясо 50 к. ф. Совсѣмъ мало рыбы,

хотя кругомъ рыбныя рѣки и озера. Некому ловить, а если что и вылавливаютъ, то забираютъ въ Петроградъ.

— Странное дѣло,—говорили мнѣ въ Вытегрѣ.—Стоимъ мы на большой дорогѣ, везутъ мимо насъ много всякихъ припасовъ, а у насъ ничего нѣтъ. Легче достать что-нибудь въ Пудожѣ, который совсѣмъ въ сторонѣ, чѣмъ у насъ.

И тутъ же слышишь о другой сторонѣ жизни—о золотомъ дождѣ, который льется за послѣднее время на населеніе края. Крестьяне богатѣютъ и богатѣютъ. Заработки отличныя; у кого есть лошадь или двѣ, тотъ загребаешь деньгу. Работа на каналахъ, на конной тягѣ, на заготовкахъ, на желѣзной дорогѣ—все это оплачивается тройными оплатами и деньги валяются, какъ хлопья снѣга. И цѣну онѣ имѣютъ такую же: ихъ швыряютъ разбогатѣвшіе крестьяне, покупая массу ненужныхъ вещей,—граммофоны, мебель, наряды, драгоценности. И не вывозятъ уже на рынокъ припасовъ, не нуждаясь въ деньгахъ, что повело къ оскудѣнію рынка.

Съ одной стороны богатство, а съ другой—недостача всего самаго необходимаго. Обострились контрасты, смѣшались линии твердо устоявшагося быта и, несмотря на кажущееся благополучіе, видна какая-то растерянность, тревога, испугъ. Провинція притихла за послѣднее время. Заговоришь—и сразу же разговоръ переходитъ на жалобы, и ясно, что у каждого на душѣ тяжелый гнетъ.

Жаловаться всегда было въ привычкѣ русскаго человѣка, но никогда еще жалобы не звенѣли такъ настойчиво, такъ безсильно, какъ теперь. Какъ во время дурной погоды начинаютъ ныть застарѣлыя болн, такъ и теперь, подъ грохотъ войны, заныла русская душа, русская жизнь.

Посмотришь кругомъ—зелено, хорошо, покойно, шумить въ шлюзахъ вода, плывутъ по рѣкѣ баржи, въ солнечномъ свѣтѣ столько радости; а заглянешь въ душу, въ глаза,—и увидишь муку, растерянность, испугъ,—какъ обернуться, какъ пережить трудное время. Не радуютъ и хорошіе заработки: чувствуется, что это не настоящее, что это не болѣе, какъ водянка, которая раздуваетъ организмъ и отнимаетъ силы.

И чаще всего приходится слышать тревожный, безсильный, надломленный вздохъ:

- Когда все это кончится, Господи?

П. Сурожскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ХРОНИКИ.

Попытка англійскаго правительства разрѣшить ирландскій вопросъ путемъ соглашенія закончилась новой неудачей.

Въ серединѣ юня былъ моментъ, когда соглашеніе казалось уже окончательно достигнутымъ. Ллойдъ-Джорджемъ былъ выработанъ по порученію кабинета компромиссный проектъ временнаго управленія Ирландіей, и этотъ проектъ былъ затѣмъ одобренъ ирландскими націоналистами и ольстерскими унионистами. Согласно проекту, актъ о гоирулѣ, ставшій закономъ еще лѣтомъ 1914 г., но затѣмъ отсроченный до окончанія войны, долженъ былъ немедленно войти въ силу съ нѣкоторыми, носящими временный характеръ, измѣненіями. Эти измѣненія были таковы: 1) изъ сферы дѣйствія гоируля исключались шесть графствъ Ольстера съ протестантскимъ большинствомъ; 2) функции перваго ирландскаго парламента долженъ былъ выполнять настоящій составъ ирландскихъ депутатовъ въ англійскомъ парламентѣ; 3) до окончательнаго разрѣшенія ирландскаго вопроса число членовъ англійской палаты общинъ отъ Ирландіи должно было остаться прежнимъ; 4) перечисленные временныя измѣненія въ актѣ о гоирулѣ должны были сохранять свою силу въ теченіе войны и нѣкотораго времени по окончаніи войны; затѣмъ вопросъ объ управленіи Ирландіи предполагалось окончательно урегулировать въ связи съ обще-имперской реформой послѣ обще-имперской конференціи.

Послѣ того, какъ текстъ ирландскаго соглашенія былъ выработанъ и одобренъ ирландскими партіями, кабинетъ принялся за составленіе соответственнаго билля и немедленно-же встрѣтился съ сопротивленіемъ крайней консервативной группы въ своей собственной средѣ. Это сопротивленіе имѣло тѣмъ болѣе серьезное значеніе, что за Сельборномъ, Ленсдоуномъ и Лонили стояла, несомнѣнно, весьма влиятельная часть палаты лордовъ. Въ угоду этой англо-ирландской земельной аристократіи правительство было вынуждено внести въ составленный уже законопроектъ рядъ поправокъ. Первая изъ нихъ касалась Ольстера и замѣняла его временное выдѣленіе изъ Ирландіи до окончательнаго рѣшенія ирландскаго вопроса — выдѣленіемъ навсегда. Вторая сокращала число ирландскихъ депутатовъ въ англійскомъ парламентѣ до 42-хъ, начиная съ ближайшихъ общихъ выборовъ, т. е., очевидно, до окончательной реформы управленія Ирлан-

ди. Слухи об этих новых уступках, продолжающиеся репрессии в Ирландии, агрессивные заявления вождя крайней анти-гомуруерской группы в кабинет — лорда Ленсдоуна — заставили ирландских националистов при всей их лояльности настаивать на скорейшем выяснении вопроса. После того, как правительство подтвердило факт изменения текста первоначального соглашения, лидер ирландской партии Редмонд заявил об отказе ирландцев от общеправовой ими ранее поддержки биллю. Правительству оставалось лишь отказаться от внесения составленного им законопроекта.

Таким образом, ирландский вопрос остался в том же положении, в каком он был до переговоров Ллойд-Джорджа с ирландскими партиями. По-прежнему, наряду с военным режимом, продолжающим действовать в некоторых районах, в Ирландии восстанавливается и гражданское управление. Вновь возвратился на пост лорд-лейтенанта, удаленный в связи с восстанием, лорд Уимборн. Замещен и пост секретаря по ирландским делам, вакантный с момента отставки Бирреля. Но назначение секретарем унияриста Дюка, сохранение военного положения, отказ в амнистии участникам мятежа, казнь Кезмента, угроза введением специального суда по аграрным преступлениям, — все это свидетельствует о том, что в кабинет сейчас решения по ирландскому вопросу диктуются его правым крылом, как это было в первые дни после подавления восстания. Либеральное большинство не может или не желает отстаивать провозглашенную с такой торжественностью в мае политику примирения.

* * *

Французская палата депутатов разрешила, наконец, периодически всплывавший в течение всего времени войны вопрос о парламентском контроле над армией.

Парламентский контроль в известных пределах давно уже является во Франции фактом. В тылу деятельность парламентариев, как контролеров, в общем не встречает серьезных препятствий, хотя и здесь им приходится преодолевать некоторое противодействие. Чем ближе к фронту, тем это противодействие значительнее. Всякой попытке осуществления контроля в зоне военных действий должны предшествовать длительные переговоры с главной квартирой. И зачастую проходят недели и даже месяцы, пока депутаты смогут добиться соответственного разрешения. Это сопротивление военных властей парламенту и заставило палату поднять вопрос о регулировании деятельности контролеров в законодательном порядке. 9-го июня палатой была принята резолюция в этом направлении и к 8-му июля комиссия составила соответственный законопроект. Министерство Бриана отнеслось к решению палаты и к проекту комиссии весьма сдержанно. Не отрицая права нар-

ламента контролировать дѣятельность не только гражданскихъ, но и военныхъ властей, Брианъ въ своей рѣчи въ засѣданіи палаты 8-го июля поторопился рѣзко отграничить права контролеровъ отъ правъ правительства. Правительству и только правительству, — говорилъ Брианъ, — принадлежитъ веденіе войны, только его распоряженіямъ долженъ подчиняться командный составъ. Правительство отвѣчаетъ, конечно, передъ палатой, и палата вправѣ желать быть освѣдомленною непосредственно о положеніи дѣлъ. Но одно дѣло контроль, другое — распоряженія. Правительство всячески постарается облегчить первую задачу. Но оно ни въ коемъ случаѣ не допуститъ, чтобы этотъ контроль принялъ характеръ вторженія въ область функций исполнительной власти. Въ заключеніе Брианъ въ довольно суровомъ тонѣ предостерегалъ будущихъ контролеровъ противъ возможныхъ конфликтовъ съ военными властями.

Палата, послѣ того, какъ вопросъ былъ рѣшенъ въ принципѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней никакъ не могла прийти къ соглашенію относительно способовъ реализаціи парламентскаго контроля, способовъ избранія делегатовъ. По первоначальному проекту выборы должны были производиться палатой каждые три мѣсяца по списку, составленному комиссиями по дѣламъ арміи, военной, морской, по вопросамъ войны и санитарной. 14-го июля, однако, палата приняла большинствомъ 269-ти голосовъ противъ 200 контръ-проектъ, представляющій назначеніе контролеровъ непосредственно комиссиямъ; комиссия-же должны получать отчеты отъ контролеровъ. Само собою разумѣется, что это рѣшеніе палаты съ одной стороны суживаетъ кругъ лицъ, которыя смогутъ попасть въ контролеры, съ другой стороны ограничиваетъ право пленума въ смыслѣ освѣдомленія о порядкахъ въ военной зонѣ. Контръ-проектъ принять, повидимому, по настоянію правительства въ дѣлахъ по возможности не допустить къ участию въ контролѣ нежелательные элементы. Согласно новому закону, делегация контролеровъ должна состоять изъ 30-ти человекъ. Цѣль делегации — осуществленіе парламентскаго контроля надъ арміей на мѣстахъ. Мобилизованные депутаты не могутъ быть избираемы въ делегацию. Права делегатовъ простираются на вопросы объ утилизаціи личнаго состава, на дѣятельность органовъ снабженія арміи, на санитарныя условія, на условія желѣзнодорожнаго транспорта и т. п. Но делегаты ни въ коемъ случаѣ не могутъ вмѣшиваться въ разработку и осуществленіе военныхъ плановъ.

Правительство приложило всѣ усилія, чтобы «обезвредить» новый законъ, чтобы оградить армію отъ нежелательнаго вторженія, напсминающаго эпоху революціи представителей народа. Но и въ его настоящей формѣ законъ все-же явится шагомъ впередъ по сравнению съ прежнимъ безправіемъ делегатовъ парламента въ зонѣ военныхъ дѣйствій. Надо думать, впрочемъ, что военныя власти при поддержкѣ правительства сумѣютъ и теперь обезпечить отъ проникновенія кон-

тролеровъ всѣ тѣ районы, куда ихъ проникновение будетъ казаться нежелательнымъ.

* * *

Въ Германии злобой дня являлась въ течение всего прошлаго мѣсяца полемика между имперскимъ канцлеромъ и оффиціозной «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» съ одной стороны и пангерманцами разныхъ толковъ (консерваторами и националь либералами) — съ другой.

Тема этой полемики — вопросъ о возможныхъ условіяхъ будущаго мира. Въ кругахъ крайнихъ аннексионистовъ возникло въ послѣднее время, — повидимому, не безъ основанія, — убѣжденіе, что правительство проявляетъ склонность къ заключенію мира на условіяхъ, не достаточно почетныхъ съ точки зрѣнія ихъ широкихъ империалистическихъ плановъ. Въ частности канцлеръ готовъ, повидимому, совершенно отказаться отъ всякихъ аннексій на западѣ Европы, слѣдовательно, и отъ аннексии Бельгій. Судя по извѣстіямъ о готовящемся рѣшеніи польскаго вопроса, въ смыслѣ возстановленія польскаго королевства, германское правительство и на востокѣ предпочитаетъ формальной аннексии неформальное включеніе завоеванныхъ территорій въ сферу вліянія Германии. Для пропаганды этой средней линіи въ вопросѣ объ аннексіяхъ организовался не такъ давно особый комитетъ, состоящій подъ предѣдательствомъ кн. Ведыля и пользующійся явнымъ покровительствомъ правительства. Вопреки общему принципу, согласно которому обсужденіе цѣлей войны признается въ данный моментъ преждевременнымъ, веделевскій комитетъ пользуется въ своей агитации весьма значительной свободой. Естественнo, что эта привиллегія вызываетъ рѣшительный протестъ, какъ со стороны тѣхъ, кто стоитъ вправо отъ средней линіи, — пангерманцевъ, такъ и тѣхъ, кто стоитъ отъ нея влево — социалистовъ. По существу первые гораздо болѣе рѣзко нападаютъ на политику канцлера, чѣмъ социалистическое большинство. Въ восторжествовавшей сейчасъ въ международной политикѣ Германии «примирительной» тенденціи пангерманцевъ видятъ въ первую очередь признаніе невозможности борьбы съ Англійей, отказъ отъ мысли о сокрушеніи господства Англии на моряхъ. Въ этомъ смыслѣ они истолковываютъ не только поворотъ въ вопросѣ объ аннексии Бельгій, но и также факты недавняго прошлаго, какъ отставка ф. Тирпица и уступка Соединеннымъ Штатамъ въ вопросѣ о подводной войнѣ.

Что касается социалистовъ, то прежде всего приходится отмѣтить, что крайне правые, империалистически настроенные социалисты, вполне отождествили себя съ правительствомъ и дѣятелями веделевскаго комитета и поддерживаютъ сейчасъ «среднюю линію» канцлера. Такъ можно судить, между прочимъ, и по участию нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Зюдекума, въ кампаніи, организованной веделевскимъ комитетомъ ко второй годовщинѣ войны. Но Зюдекумъ

и комп. составляютъ меньшинство даже среди господствующаго сейчасъ въ партии праваго большинства. Точка зрѣнія этого большинства формулирована въ резолюціи, принятой (противъ 8-ми голосовъ) партійной комиссіей социаль-демократической партии, засѣдавшей 7-го и 8-го іюля. Резолюція эта гласитъ слѣдующее: «Въ противовѣсъ воззрѣніямъ, господствующимъ въ буржуазныхъ кругахъ и партияхъ, поскольку эти воззрѣнія отражаются въ прессѣ и въ партійныхъ резолюціяхъ, партійная комиссія объявляетъ: «Оставаясь вѣрной принципамъ, возвышеннымъ въ вопросѣ о заключеніи мира фракціей рейхстага и партійной комиссіей, социаль-демократія должна заявить самый рѣзкій протестъ противъ требованій сторонниковъ завоеваній, которыя еще болѣе укрѣпляютъ сопротивление странъ, ведущихъ войну съ Германіей, и увеличиваютъ опасность войны до полного истощенія; социалдемократія твердо стоитъ на почвѣ принципиальнаго отклоненія всякихъ аннексій, какъ и всякаго политическаго и хозяйственнаго угнетенія какого-либо народа съ какой-бы то ни было стороны, ибо такое угнетеніе имѣло бы своимъ послѣдствіемъ лишь новыя войны въ будущемъ; социалдемократія объясняетъ, что единственной цѣлью войны должна быть оборона нашей страны, обезпеченіе ея политической неприкосновенности и свободы ея хозяйственнаго развитія».

* * *

Въ Тегеранѣ закончились переговоры между представителями Россіи, Англіи и Персіи.

Переговоры начались тотчасъ-же послѣ ликвидаціи персидской революціи весной 1916 г. Исходъ революціи и неудача попытки персидскаго правительства освободиться, воспользовавшись европейскимъ кризисомъ, отъ фактическаго англо-русскаго протектората, опредѣлили собою и ходъ переговоровъ, и ихъ результатъ. Достигнутое соглашеніе окончательно оформило международное положеніе Персіи, завершивъ собою линію развитія, начатую англо-русскимъ договоромъ 1907 г. Если до 1907 г. прогрессивные дѣятели Персіи, борясь за ея независимость и за созданіе болѣе сносныхъ внутреннихъ условий, возлагали надежды, — и не безъ основанія, — на поддержку Англіи, являвшейся въ Персіи главной соперницей Россіи, то съ 1907 г. съ этими надеждами пришлось разстаться. Персія была раздѣлена договаривающимися сторонами на сферы вліянія, Англія примирилась съ провинченіемъ Россіи въ сѣверную Персію, а вмѣстѣ и отказалась отъ былой роли покровительницы культурнаго и политическаго прогресса Персіи. Договоръ 1907 г. уже предопредѣлил собою будущее

Перси, какъ страны, подчиненной извѣстному англо-русскому кондоминіуму. Собственными силами освободиться отъ этого кондоминіума Персія была, очевидно, не въ состояннн, лишь поддержка какой-либо третьей державы могла спасти Персію отъ судьбы Египта. Такой державой, конечно, при данной международной ситуацин могла стать только Германія, и нисколько не удивительно, что европейская война вызвала въ Перси движенье, принявшее германофильскій характеръ. Былъ въ исторіи послѣдняго года одинъ моментъ, когда даже правительство шаха готово было примкнуть къ германо-турецкому союзу и выступить противъ державъ-покровительницъ. Появленіе русскихъ войскъ подъ Тегераномъ предупредило разрывъ Перси съ Англійей и Россіей, а русскія войска къ веснѣ 1916 г. оправились и съ персидскими революціонерами.

Немедленно послѣ этого успѣха державъ согласія начались ихъ переговоры съ безсильнымъ и вполне отъ нихъ зависимымъ новымъ персидскимъ кабинетомъ, составъ котораго былъ ими же и определенъ. Само собою разумѣется, что фактически представители Россіи и Англии могли диктовать свои условія, и персидскому правительству оставалось лишь повиноваться. Содержаніе достигнутаго соглашения сводится къ слѣдующему. Въ Перси создается регулярная военная сила. На сѣверѣ въ основу организуемой арміи кладется существующая казачья бригада; организація арміи въ 11.000 человекъ поручается русскимъ офицерамъ-инструкторамъ. На югѣ такую же армію организуютъ инструкторы-англичане. Такимъ образомъ, персидское войско будетъ находиться цѣлкомъ въ рукахъ державъ-покровительницъ. Финансовое управленіе поручается комиссіи въ составѣ пяти лицъ: двухъ персовъ, одного русскаго, одного англичанина, одного бельгійца. При данномъ соотношенн силъ и при полной финансовой зависимости Перси отъ Россіи и Англии реальный смыслъ такой организаціи финансоваго управленія не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Наконецъ, международное положеніе Перси для настоящаго момента характеризуется, какъ нейтралитетъ, дружественный и благожелательный Россіи и Англии.

Соглашеніе санкціонируетъ положеніе вещей, къ которому Персія быстро приближалась въ теченіе послѣдняго десятилѣтія и которое было закрѣплено военной оккупаціей Перси зимой 1915—1916 гг. Но само собою разумѣется, что всякая перемѣна въ этомъ положенн, всякое измѣненіе въ соотношенн силъ великихъ державъ, борющихся за мировое господство, можетъ свести къ нулю и закрѣпленные соглашеніемъ обязательства.

В. Волкинъ.

Важнѣйшимъ событіемъ иностранной жизни за послѣднія недѣли является выступленіе Румыніи. Выясненн ея роли въ международномъ конфликтѣ была посвящена статья Мих. Павловича (см. «Лѣтопись», дек. 1915 г.).

Ред.

ФАКТЫ АНГЛІЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Это было весной 1914 г., во время возстанія Ольстера и въ самый разгаръ борьбы Ллойдъ-Джорджа съ крупными землевладельцами.

Тогда Ллойдъ-Джорджъ не уставалъ называть ихъ «паразитами земледѣля», а они въ отвѣтъ ему яростно кричали въ парламентъ:... «министръ финансовъ, — Ллойдъ-Джорджъ былъ тогда министромъ финансовъ, — занимается личными нападками на землевладельцевъ, потому что они его политическіе враги»... «достопочтенный джентльменъ считаетъ себя вправе раззорять земледѣле страны, для того, чтобы выразить свое презрѣніе герцогамъ»... А биографы знаменитаго министра финансовъ обязательно сообщали, что отецъ его былъ сельскій учитель, а воспиталъ его дядя-сапожникъ.

Вотъ тогда-то въ 1914 г. Ллойдъ-Джорджъ, племянникъ сапожника и авторъ такъ называемаго «революціоннаго» или «народнаго» бюджета 1910 г., сказалъ на митингѣ въ Гердерсфилдѣ, говоря объ ольстерцахъ и вождѣ ихъ Эдвардѣ Карсонѣ:

«Они заявляютъ: мы не допустимъ прогрессивныхъ реформъ, а если онѣ все-таки пройдутъ, мы не будемъ повиноваться новымъ законамъ. А вѣдь сами-то они кой-чѣмъ обязаны существующимъ законамъ. Вѣдь маркизъ Лондондері (крупнѣйшій земельный собственникъ ольстерской провинці) приобрѣлъ свои богатства не напряженіемъ своего мозга или своихъ мускуловъ, не шеромъ и не кижкой, а только благодаря закону о наследствѣхъ. А что если мы не признаемъ этого закона? А знаменитый юристъ Эдвардъ Карсонъ всѣмъ обязанъ закону: вѣдь онъ построилъ свою карьеру на преслѣдованіи людей, не повиновавшихся тѣмъ самымъ законамъ, которые теперь признаны уже несправедливыми»...

Это было въ 1914 г. Теперь, въ 1916 г., Ллойдъ-Джорджъ числится уже не министромъ финансовъ, а военнымъ министромъ. И тогда его прежніе враги нападаютъ на теперешнее правительство и яростно требуютъ замѣны его людьми, способными на «рѣшительныя мѣры», то такихъ кандидатовъ насчитывается, обыкновенно, четыре: Лордъ Кэрзонъ (Curzon) бывший администраторъ усмирительнаго типа въ Индіи, Лордъ Мильнеръ, — тоже бывший администраторомъ . . . въ южной Африкѣ, сэръ Эдвардъ Карсонъ, весьма много порабѣтавшій . . . въ Ирландіи, . . .

...Ллойдъ-Джорджъ. Ибо, если Ллойдъ-Джорджъ проявилъ до войны

«рѣшительность» по отношенію къ лордамъ-землевладѣльцамъ, то онъ и теперь умѣетъ проявлять ее въ несомнѣнномъ рѣшительномъ разрывѣ съ демократическою политикою прежнихъ дней. «Разрывъ демократіи съ нимъ (democracy's quarrel with him), говоритъ по этому поводу демократическая The Nation, объясняется не его серьезнымъ отношеніемъ къ войнѣ, а его ложными способами воплощать это серьезное отношеніе въ жизнь (въ частности его методами промышленной поддержки войнѣ)... а главное его идеей, что сила и организація это одно и то же въ жизни государства».

Схлынула волна, на гребнѣ которой Ллойдъ-Джорджъ поднялся прежде въ качествѣ друга демократіи и врага Карсона и высоко поднялась подъ грохотъ пушекъ другая, ихъ объединившая. Оставлены въ покоѣ и герцоги. Теперь Ллойдъ-Джорджъ весьма рѣшительно уговариваетъ рабочихъ вернуться къ работѣ при всякомъ конфликтѣ на заводахъ, работающихъ на оборону, но съ лордами онъ пересталъ ссориться, а съ крупными промышленниками онъ состоитъ, повидемому, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Не даромъ же они ссылались на него въ ихъ недавней попыткѣ отстоять неприкосновенными свои «военные» или такъ называемые «чрезвычайные» барыши (excess profits). Правда, барыши эти обложены по закону весьма высокимъ, доходящимъ до 60%, налогомъ, и однако же на практикѣ обложеніе это дало всего на всего 86 милліоновъ фунтовъ. «Мы не смѣиваемся», говоритъ по этому поводу The Nation, что тутъ происходитъ огромная утечка (leakage). Ибо всякій, кто знаетъ, какіе барыши приносятъ теперь судоходство, судостроеніе, машиностроеніе, угольные копи, банки, производство одежды и цѣлый рядъ другихъ производствъ, не можетъ, конечно, согласиться съ тѣмъ, что 86 милліоновъ составляютъ, хотя бы приблизительно, 60% чрезвычайныхъ доходовъ, получаемыхъ во всей странѣ. Сэръ Джорджъ Пэйпль *) сказалъ недавно, что по приблизительной оцѣнкѣ военныхъ доходовъ за прошлый годъ сумма ихъ выражается 300 милліонами. Какой скандалъ, если крупнымъ предприятиямъ, наживающимся (battening — буквально жирѣющимъ) на военныхъ контрактахъ или на высокихъ цѣнахъ, поднявшихся благодаря войнѣ, позволять такъ подлечить (to doctor) свои отчеты о капитальныхъ расходахъ и всякихъ другихъ статьяхъ, что дадутъ имъ возможность избѣжать болѣе крупныхъ платежей». Эта цитата взята изъ The Nation отъ 8 апрѣля. Въ номерѣ отъ 1-го Юля послѣ дебатовъ, имѣвшихъ мѣсто въ парламентѣ по поводу желанія промышленниковъ совсѣмъ уклониться отъ уплаты «налога на чрезвычайные доходы», та же The Nation пишетъ:

«Палата общинъ была занята обсужденіемъ финансоваго билля. Фирмы, контролируемая государствомъ (работающія на оборону), усиленно пытались уклониться отъ уплаты налога на чрезвычайные

*) Извѣстный статистикъ.

доходы, ибо условия, выработанные ими совместно съ Ллойд-Джорджемъ, отнюдь не такъ суровы и съ ихъ точки зрѣнія гораздо лучше. Представители этого течения утверждаютъ, что соглашение, состоявшееся между ними и Ллойд-Джорджемъ, обязательно для правительства и что поэтому налогъ на чрезвычайные доходы не долженъ примѣняться къ нимъ». Въ парламентѣ во время дебатовъ по этому вопросу юннионистъ Робертсъ, защищая «контролируемыя фирмы» и уговаривая министра финансовъ принять во внимание ихъ интересы, сказалъ между прочимъ: «Было бы отнюдь не въ интересахъ государства, чтобы два министерства разошлись между собой въ этомъ вопросѣ. А между тѣмъ министръ военныхъ снабженій¹ стоитъ въ этомъ вопросѣ за контролируемыя фирмы», а на вопросъ министра финансовъ: «на какомъ основаніи достопочтенный джентльменъ заявляетъ это?», Робертсъ отвѣчаетъ: «потому что такъ сказалъ мнѣ парламентскій секретарь министра снабженій». Впрочемъ черезъ 2 дня Робертсъ далъ по этому поводу разъясненіе: онъ де случайно встрѣтилъ д-ра Эдиссона (парламентскаго секретаря Ллойд-Джорджа) въ кулуарахъ палаты и сообщилъ ему о своемъ желаніи вступить въ переговоры съ министромъ финансовъ и съ министромъ снабженій. На это д-ръ Эдиссонъ отвѣтилъ ему: «вамъ слѣдуетъ обратиться къ министру финансовъ, ибо министръ снабженій на вашей сторонѣ (is in sympathy with you)». Изъ этого по мнѣнію Робертса не слѣдуетъ еще, однако чтобы Ллойд-Джорджъ симпатизировалъ именно дополненію къ статьѣ 29 финансоваго билля, внесенному имъ, Робертсомъ, въ защиту интересовъ контролируемыхъ фирмъ. Онъ, Робертсъ, сожалѣетъ, если не такъ истолковалъ это заявленіе, и сдѣлалъ это отнюдь ненамѣренно.

Само собою разумѣется, что извиненіе это можно принять лишь съ большою натяжкой и что сути дѣла оно не мѣняетъ. Суть соглашения, состоявшагося раньше между министерствомъ снабженій и контролируемыя фирмами, сводится къ слѣдующему: контролируемыя фирмы получаютъ «при помощи правительства» (with the assistance of the government men) неограниченное число рабочихъ рукъ и освобождаются при этомъ отъ исполненія *всѣхъ правилъ, выработанныхъ трэдъ-юньонами* и считающихся обычно обязательными для обѣихъ сторонъ. Это даетъ имъ «полную возможность, заявить въ палатѣ общинъ либераль сэръ Симонъ, реализовать гораздо большіе барыши, чѣмъ при соблюденіи правилъ трэдъ-юньоновъ. Ибо при несоблюденіи ихъ достигается значительно большая производительность труда...» Взамѣнъ за эти «возможности» контролируемыя фирмы отдають государству изъ суммъ, получаемыхъ ими *сверхъ обычныхъ доходовъ*, остатокъ, превышающій 20%. «Такимъ образомъ, — говоритъ The New Statesman. — комментируя это соглашение, если фирма получала прибыль въ 50.000 фунтовъ въ 1914 г. и въ 60.000 въ 1916 (благодаря контрактамъ на военныя поставки),

¹ Ллойдъ Джорджъ былъ еще въ это время министромъ военныхъ снабженій.

Джентльменъ среднихъ лѣтъ, уговаривающій на улицахъ City молодыхъ парней принести свою жизнь на алтарь отечества и яростно отстаивающій въ парламентѣ свое право на чрезвычайные военные доходы—это не новая фигура въ исторіи Англiи и отнюдь не единственная въ своемъ родѣ. Всѣ эти старые знакомые англійской общественности пришли и вновь заняли свои старыя мѣста—тѣ самыя мѣста, съ которыхъ какъ будто согнала ихъ передъ войной такъ высоко поднявшаяся тогда волна побѣднаго демократизма. Вотъ, на примѣръ, поднялъ голову и заговорилъ нѣкій почтенный джентльменъ-патриотъ, отстаивающій необходимость понизить до 11 — 12 лѣтъ предѣлъ школьнаго возраста, а слѣдовательно и начало рабочаго. Ново-ли это или старо?

У Диккенса въ «Лавкѣ Древностей» есть дама патронесса, которая чрезвычайно патетически убѣждаетъ 6-лѣтнюю дѣвчурку, работающую на фабрикѣ, что работа ея необходима для мощи и величія Англи. Теперь дамъ-патронессѣ не приходится ужъ тратить на этотъ предметъ такъ много пафоса. О дѣтскомъ трудѣ для блага страны говорятъ теперь солидные люди—члены такихъ, на примѣръ, организацій, какъ «педагогическій комитетъ при совѣтѣ Вилтширскаго графства» или же «Британская ассоціація управляющихъ текстильными фабриками». Но во времена Диккенса начальное образование не было ни обязательнымъ, ни доступнымъ, и даму-патронессу отнюдь не смущало то обстоятельство, что 6-лѣтняя дѣвчурка, создающая своимъ трудомъ мощь и величіе Англи, останется безграмотной. Теперь ужъ, однако, съ этимъ приходится считаться; въ этомъ новшество положенія. Теперь ради величія родины Ланкаширскій отдѣлъ Британской ассоціаціи управляющихъ текстильными фабриками дважды ходатайствуетъ предъ правительствомъ о пониженіи предѣльнаго школьнаго возраста съ 15 до 12 лѣтъ. Зимой 1907—1908 года во время совѣщанія фабрикантовъ и заводчиковъ, созваннаго тогда Столыпинымъ въ Петроградѣ, для обсуждения вносимаго имъ въ Государственную Думу законопроекта объ охранѣ труда, приблизительно о томъ же ходатайствовали 2 представителя русской промышленности: Нобель и знаменитый Познанскій, организаторъ локаута въ Лодзи. Цѣлью ихъ ходатайства было пониженіе рабочаго возраста малолѣтнихъ. И, помнится, они усердно доказывали, что дѣлаютъ это въ интересахъ самихъ дѣтей, чтобы имъ не стать «хулиганами», говорилъ Нобель. Это было въ Россіи за 7 лѣтъ до войны. Въ Англии Ланкаширскіе братья Познанскаго ходатайствовали въ этомъ же направленіи въ 1915 и 1916 г. Въ 1915 г. ходатайство было направлено въ министерство народнаго просвѣщенія и время оставленія школы предлагалось низвести съ 15 до 13 лѣтъ. И пока ходатайство это разсматривалось союзъ Ольдгэймскихъ текстильныхъ фабрикантовъ отказывался вступать въ переговоры съ профессиональнымъ союзомъ ольдгэймскихъ ткачей по вопросу о компенсаціи нехватаящихъ рабочихъ рукъ.

И только послѣ полученія отрицательнаго отвѣта, когда исчезла на-

дежда на дѣтскій трудъ, работодатели вступили въ переговоры съ рабочими относительно усиленія интенсивности труда мужчинъ, приглашенія на работу женщинъ и т. д. Однако, весной 1916 г. представители текстильной индустриі возобновили свое ходатайство. Вотъ его буквальный текстъ.

«Всѣ дѣти отъ 12 до 15 лѣтъ должны быть подвергнуты обязательной регистраціи; мѣстные же комитеты совѣтовъ молодежи (Juvenile Advisory Committees) должны озаботиться присканіемъ имъ подходящихъ занятій.

На разсмотрѣніе правительства долженъ быть предложенъ проектъ, согласно которому, пока длится война, дѣвочки и мальчики рабочаго возраста, живущіе въ районахъ текстильнаго производства, *не имѣютъ права* заниматься въ рабочіе часы *маловажными* занятіями.

Дѣтямъ 12 лѣтъ должно быть позволено работать въ теченіе войны по 8 часовъ въ день; послѣ же войны дѣти эти должны посѣщать вечернія школы».

.....

М. Смитъ.

Вторая половина статьи не могла быть помещена по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ФРАНЦІИ.

4 августа—дата не только нѣмецкаго, но и французскаго происхожденія. — За нѣсколько дней до войны¹ Мюллеромъ, представителемъ германской с.-д., было сдѣлано предложеніе французскимъ депутатамъ—голосовать противъ кредитовъ, подкрѣпленное завѣщаніемъ, что къ этому склоняется и большинство нѣмецкихъ с.-д. парламентаріевъ. Это было отвергнуто. 2 августа на митингѣ, въ залѣ Ваграмъ въ Парижѣ, Самба (отъ социалистической партіи) и Жюу (отъ Генеральной Конфедерации труда) вступили съ призывомъ къ активному и безотговорочному участию въ оборонѣ страны. 3-го — были начаты первые переговоры о вхожденіи въ министерство². Закончились они позже, ко времени Марнской битвы, принятіемъ портфелей Гэдомъ и Самба. 4-го августа, одновременно, въ одинъ и тотъ же день и часъ с.-д. фракція германскаго рейхстага и социалистическая группа французской палаты депутатовъ вотировали ассигновки.

Послѣдовавшій затѣмъ ураганъ событій смылъ въ памяти у многихъ слѣды фактической исторіи «4-го Августа». Тѣмъ болѣе важно отмѣтить, что 4-го августа только «тайное стало явнымъ»: во Франціи, какъ и въ Германіи, — давно назрѣвавшій кризисъ разразился. Говорить объ оправданіи *психологическими* мотивами того обстоятельства, что руководящіе круги рабочаго движенія по обѣ стороны Вогезъ оказались захваченными стихійной необходимостью происходящаго, не приходится уже по одному тому, что дѣло идетъ не о случайномъ *эпизодическомъ* отклоненіи отъ годами-десятилѣтними выработанной линии поведенія, а о *политическомъ поворотѣ*, подготовленномъ всѣмъ предшествующимъ развитіемъ національно-реформистскихъ тенденцій. Французское рабочее движеніе давно пережило глубокий, ставшій хроническимъ, кризисъ. Всякій незначительный подъемъ его въ послѣдніе годы сопровождался долгими періодами упадка.

Въ странѣ съ демократическимъ образомъ правленія, съ большинствомъ населенія, состоящимъ изъ мелкихъ собственниковъ, рабочее движеніе прокладывало себѣ дорогу, приравливаясь къ *уровню интеллигенціи этого большинства*. Это одинаково относится и къ социалистической партіи и къ Генеральной Конфедерации Труда, очагу якобы непримиримаго синдикализма. — Рабочее движеніе оказалось въ тискахъ «финансовой олигархіи», съ одной стороны, и мелкобуржуазной «стихіи», съ другой: между молотомъ и наковальею. И оно пошло по линии наименьшаго сопротивленія. Поэтому для того, чтобы выяснитъ и понять причины его кризиса, необходимо предварительно изслѣдовать возникновеніе и упроченіе «финансовой олигархіи» во Франціи, и условія суще-

¹ 1 Августа.

² См. Socialiste, Decembre 1915.

ствования класса мелких собственников, сохранившего, несмотря на непрерываемую тенденцию капиталистического развития — кь его разложению и пролетаризации, видимую экономическую и политическую самостоятельность.

Сначала нѣсколько цифръ.

«Национальное богатство» Франціи распредѣлялось по своимъ источникамъ слѣдующимъ образомъ (въ миллиардахъ франковъ):

	въ 1853 г.	въ 1878 г.	въ 1903 г.	въ 1911 г.
Банковскій капиталъ (въ акціяхъ)	10	50	92	110
Земельная собственность	58,8	88	59,3	67
Недвижимая собственность (зданія, постройки)	19	35	59	67
Движимая собственность (для личнаго употребленія)				
Торговые и промышленные фонды (и оптовые склады)	6	13	16,5	18
Сельскохозяйственный материалъ и скотъ	5,5	9	9	10,5
Запасъ звонкой монеты	1	4	6,7	8,8
Итого, за вычетомъ дважды помѣченныхъ суммъ (напр., фабричныя зданія входятъ также и въ промышленные фонды)	92,4	204	250	286,3 ¹

Что сразу бросается въ глаза, такъ это изумительно-быстрый ростъ банковскаго капитала: за пятьдесятъ восемь лѣтъ увеличеніе въ одиннадцать разъ! А между тѣмъ Франція отнюдь не семимильными шагами шла по пути промышленнаго прогресса, она значительно отставала отъ своихъ сосѣдей и конкурентовъ на мировомъ рынкѣ: въ вывозѣ фабрикатовъ ² (Франція: 35% — въ 1880 г., 41% — въ 1908, Германія: 44 — 72%, Соединенные Штаты: 15 — 49%); въ вывозѣ желѣза и стали (Фр.: 3 — 13%, Герм.: 42 — 72%, С.-Штаты: 5 — 39%); въ вывозѣ машинъ (Фр.: 10 — 12%, Герм.: 23 — 66%, С.-Штаты: 23 — 77%); въ добываніи угля (Фр.: 12 — 14%, Герм.: 33 — 53%, С.-Шт.: 57 — 150%); въ производствѣ чугуна (Фр.: 23 — 34%, Герм.: 40 — 120%, С.-Шт.: 52 — 230%) и стали (Фр.: 22 — 42%, Герм.: 44 — 182%, С.-Шт.: 89 — 337%). Не столько индустриальное развитіе, сколько ростъ государственной задолженности Франціи и другихъ странъ создалъ благоприятныя условія для процвѣтанія ссуднаго капитала, открылъ широкій просторъ финансовой спекуляціи. Парижская биржа уже во второй половинѣ XIX столѣтія сдѣлалась мировой банкирской конторой. Въ 1811 году на ней

¹ René rupin. La richesse de la France devant la guerre. 1916. p. 110.

² Bulletin de la Statistique générale de la France Tome I, fascicul IV Juillet 1912.

былъ котированъ первый иностранный (6% саксонскій заемъ), въ 1850 было котировано 24 иностранныхъ займа и 4 акціи иностранныхъ промышленныхъ предприятий, въ 1870 — 1912 займовъ: 58 — 230, домовыхъ обязательствъ: 27 — 114, акцій: 24 — 120¹.

Въ настоящее время (юль 1915 года) на 50,6% французскихъ цѣнностей, иностранныя представлены 49,4%².

Чѣмъ больше усиливалось экономическое вліяніе ссуднаго капитала на судьбы страны, тѣмъ внушительнѣе и опредѣленнѣе вырисовывался *политически* образъ «финансовой олигархіи», распустившей во всей странѣ свои цѣпкія щупальцы, связавшей безчисленными нитями материальныхъ интересовъ общественныя симпатіи и антипатіи массы мелкихъ собственниковъ «вкладчиковъ».

«Прежде только богатый буржуа могъ «принимать участіе» въ крупномъ промышленномъ предприятии, теперь мелкій рантье, лавочникъ, служащій, зачастую крестьянинъ и рабочий покупаютъ акціи или облигаціи желѣзныхъ дорогъ, подписываются на займы газоваго общества и т. п.»³

«Демократизированы» не только политическія учрежденія, но и сама Haut Fin псе! За скромную сумму въ 1000 франковъ всякій можетъ приобрести акцію и... «избавить себя отъ ужасовъ нищеты въ будущемъ». — Дешевое рѣшеніе социального вопроса для миллионныхъ мелкихъ собственниковъ (по Неймарку, во Франціи насчитывается *пять миллионныхъ* собственниковъ цѣнныхъ бумагъ), которыхъ конкуренція крупныхъ предприятий *уже* заѣдаетъ, которые весь свой житейскій расчетъ строятъ на томъ, какъ бы выгадать время, успѣть подкопить про черный день и «выгодно»⁴ помѣстить свои сбереженія, пока еще... mais n'empie не вытѣснилъ еr serie, фабрика — мелкую мастерскую, живущую традиціонной клиентеллой своихъ сосѣдей.

Въ отдѣленіяхъ крупныхъ банковъ, въ сберегательныхъ кассахъ, разбросанныхъ повсюду, такимъ образомъ, ежегодно набирается до 2 — 2½ миллиардовъ франковъ — сбереженій «маленькихъ людей»; даго, спи разсѣиваются по всему міру, послушныя мановенію руки всеильной, безотвѣтственной, обособленной въ касту, «финансовой олигархіи». Мелкіе вкладчики, «финансовая демократія» почти ничего не знаетъ и не вѣдаетъ о дальнѣйшей судьбѣ миллиардовъ; лишь въ качествѣ пассивнаго зрителя она съ трепетнымъ ожиданіемъ и безпокойствомъ слѣдитъ за «событіями въ Китаѣ, Персіи, Россіи», пытается развязать съ помощью бульварныхъ фельетонистовъ изъ «Matin» и «Journal» запутанные узлы международныхъ осложненій, — она играетъ на «ось» и «бѣсъ» съ такимъ же успѣхомъ, какъ знаменитый герой Шоломъ-Алейхема —

¹ Léon Cahen. Les états riches et leurs capitaux.

² R. Rupin. La richesse de la France. P. 88.

³ Francis Delaisi. Comment connaître la situation d'un industriel. «La Vie ouvrière» 1912.

⁴ Больше, чѣмъ подъ полтора процента не удается.

Менахем-Мендель. По своимъ участию въ доходахъ съ иностранныхъ займовъ она уже вовлечена въ кругъ интересовъ *poschreftlik* и къ разрыву ея протидворѣчій она подходит со своимъ маленькимъ аршиномъ конечныхъ сбереженій про черный день. Она миролюбива, ибо бѣится въ результатъ какого-нибудь внезапнаго *sup* (уара) потерять всё, съ трудомъ накопленные проши; радикальна, такъ какъ находится въ боязливой оппозиціи къ своимъ могущественнымъ должникамъ; стоитъ горой за «демократію» и свѣтскость, такъ какъ этотъ образъ правленія въ странѣ, гдѣ она составляетъ «большинство избирателей», обеспечиваетъ «полное представительство народныхъ интересовъ». И тѣмъ не менѣ эта мелкособственническая демократія не можетъ себѣ позволить ни одного героическаго жеста: крупные банки — единственные и исключительные «потребители» ея «свободныхъ» капиталовъ. Именно благодаря имъ — невольному объединенію массы вкладчиковъ обществомъ интересовъ, — она получаетъ нѣкоторый политическій и экономическій обликъ, извѣстную самостоятельность и «независимость» отъ «безжалостнаго хода вещей». И во всё *рѣшительные* моменты общественной жизни она послушно выстраивается сплошной толпой на сторонѣ «финансовой олигархіи». Ея промежуточное положеніе всецѣло объясняетъ ея вѣчныя колебанія въ политикѣ: возмущенная Панамой, дѣломъ Рошетта или процессомъ Кайю, она отдаетъ свои голоса радикаламъ или даже «друзьямъ Жюреса», но лишь группировки становятся отчетливѣй, «демократія» снова въ рядахъ «партии порядка». Нѣкоторыя части ея дѣлаютъ — либеральную, радикальную или клерикальную политику, движимыя потребностью *lutte des places* надеждою заполучить черезъ «своего» депутата классическое *vingt et deux ans*, большую субсидію мѣстному муниципалитету, незначительную реформу.

En masse, мелкособственническая демократія пассивна и совершенно чужда какихъ-нибудь политическихъ идеаловъ. Другое дѣло — верхи, — «финансовая олигархія». Она — фактический собственникъ всѣхъ національныхъ богатствъ и распоряжается ими по собственному произволу. Не обнаруживаетъ своего общественнаго «я», ибо многолика, и дѣлаетъ политику съ помощью цѣлой *совокупности* политическихъ группировокъ, хотя ея личный составъ довольно ограниченъ. Въ своемъ памфлетѣ «La démocratie et financiers» Francis Delaisi называетъ *пятьдесятъ три* фамиліи, «представляющія» 431 предприятие во Франціи, въ колоніяхъ и за границей — 108 банковъ, 105 железнодорожныхъ и горнопромышленныхъ предприятий, 101 железнодорожную компанію, 117 монопольныхъ (страховыхъ, техническаго оборудования портовъ и т. п.) обществъ и учреждений, «представленныхъ» въ парламентъ 80 влиятельными *deputés d'affaires*. Тѣмъ легче ей удается дѣлать политику, что партійныя «образованія» находятся въ непрерывномъ процессѣ «становленія»: распадаются одни, создаются другія, — почти при всякой смѣнѣ министерства, мѣняются программы, перетасовываются вслѣдствіе; масса избирателей мало что понимаетъ въ

этой «игрѣ силъ», какъ двѣ капли воды похожей на биржевую спекуляцію... программами, реформами, мандатами, лицами, но, въ концѣ концовъ, усваиваетъ «боевые лозунги» и «спасаетъ ситуацію». Однимъ словомъ, «финансовая олигархія» спекулируетъ на политическую неустойчивость мелкой буржуазии, обусловленную неопредѣленностью ея экономического положенія; болѣе того — она сама поддерживаетъ отсталый укладъ общественныхъ отношеній, преобладаніе мелкой собственности надъ крупной. Центръ тяжести всемілія и могущества «финансовой олигархіи» покоится въ ея *международномъ* престижѣ, значеніи и *назначеніи*. Не нужно забывать, что 49,4% цѣнностей, котуруемыхъ на Парижской биржѣ, принадлежатъ иностраннымъ займамъ, акціямъ и облигаціямъ иностранныхъ предпріятій; что иностранныя цѣнности въ 1903 году давали 4,2% прибыли, въ 1911 — 4,62%, французскія же 3,66% и 4%; что «тогда какъ нѣмецкіе капиталисты три четверти своихъ капиталовъ прилагаютъ у себя на родинѣ и одну четверть вывозятъ, французскіе дѣлаютъ наоборотъ: одну четверть вкладываютъ въ отечественное производство, три четверти вывозятъ».¹

Банки переполнены золотомъ, французская промышленность страдаетъ отъ недостатка капиталовъ. Ежегодно накопляется «сбереженій» — два съ половиною миллиарда франковъ, и въ большей части они упиываютъ за границу. — На первый взглядъ, вопиющее противорѣчіе. А между тѣмъ оно имѣетъ свою цѣлесообразность: за 2½ миллиарда франковъ «блага цивилизаціи» переносятся съ французскаго крестьянина, лавочника и ремесленника, — для которыхъ чрезмѣрное разномноженіе ихъ равновѣснѣ ихъ обнищанію, — на обитателей «обътованныхъ земель» въ Африкѣ, Азии и Южной Америкѣ. Мелкая собственность сохраняется и становится оплотомъ банковскаго капитала, — экономически. — въ качествѣ невидякаемаго (!) источника «сбереженій», политически. въ качествѣ крѣпости собственническихъ интересовъ отъ притязаній рабочаго класса. «Мелкій лавочникъ, покупающій за 1200 франковъ акцію желѣзно-дорожной компании P. L. M. (Paris — Lyon — Méditerranée) почитаетъ себя солидарнымъ съ Шнейдеромъ (крупнѣйшимъ желѣзодѣлательнымъ фабрикантомъ), являющимся одновременно и клиентомъ и поставщикомъ и администраторомъ компании. Акционеръ, — эта миллионная часть собственника, проникается хозяйскимъ духомъ; онъ считаетъ себя кровно задѣтымъ всякимъ требованіемъ улучшенія условій труда желѣзнодорожника. Благодаря этому маленькому клочку бумаги, именуемому акціей, и этой машинѣ, называемой анонимнымъ обществомъ, ось социальной борьбы перемѣщается; классъ мелкихъ собственниковъ сохраняется, финансовая олигархія привлекаетъ его въ свой лагерь; миллионы владѣльцевъ цѣнныхъ бумагъ *во всѣхъ социальныхъ вопросахъ* становятся на сторону

¹ Lysis. Les capitalistes français contre la France.

крупныхъ банковъ. Ихъ согласіе на всѣ репрессивныя мѣры противъ рабочихъ заранее обезпечено. Политическая демократія превращается въ оплотъ финансовой олигархіи»¹. Рабочій классъ оказывается раствореннымъ политически въ массѣ избирателей мелкихъ собственниковъ (на 7.582.891 лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговли, и лицъ либеральныхъ профессій, живущихъ собственнымъ трудомъ—нетрудно замѣтить, что такое исчисленіе «наемнаго пролетаріата» очень несовершенно! — приходится 12.417.109 лицъ, живущихъ доходами съ принадлежащей имъ той или иной собственности)²; экономически же пролетаріатъ обезсиленъ медленнымъ ходомъ капиталистическаго развитія, перенесеніемъ центра тяжести «финансовой олигархіи» въ область международныхъ отношеній. Невозможно правильно оцѣнить преобладаніе национально-реформистскихъ тенденцій во французскомъ рабочемъ движеніи, не давъ себѣ яснаго отчета въ соотношеніяхъ общественныхъ силъ, сложившихся наверху въ «финансовую олигархію», и въ мелкособственническую демократію внизу.

* * *

Рабочее движеніе во Франціи развивалось по линіи наименьшаго сопротивленія. Эта линія наименьшаго сопротивленія въ теченіе многихъ лѣтъ опредѣлялась общей плоскостью соприкосновенія интересовъ мелкобуржуазной и рабочей демократіи. Сначала дѣло Дрейфуса, потомъ—борьба съ клерикализмомъ, борьба за ограниченіе срока военной службы двумя годами, за сокращеніе расходовъ на армію и флотъ, за прогрессивный подоходный налогъ. Блокъ съ радикалами, заключенный съ вхожденіемъ Мильерана въ министерство Вальдекъ-Руссо, официально былъ расторгнутъ въ 1905 году, но и послѣ онъ продолжалъ существовать въ неуловимой формѣ временныхъ соглашеній и общихъ парламентскихъ выступленій. Всѣ усилія политической организаціи были направлены—и уходили на привлеченіе широкихъ «промежуточныхъ» слоевъ въ ряды рабочаго класса—съ помощью реформъ и для ихъ проведенія.

Ни въ одной странѣ такъ не мизерна связь между партией рабочей демократіи и массами избирателей, голосующими за ея кандидатовъ, чѣмъ во Франціи.—Напр., на послѣднихъ выборахъ въ апрѣль-маѣ 1914 года за социалистическихъ кандидатовъ было подано больше полумилліона голосовъ, въ то самое время когда партія насчитывала всего на всего 60.000 членовъ.

Ни въ одной странѣ такъ не велико идейное разстояніе между партией и избирательной «переферіей», какъ во Франціи.—За ея кандидатовъ сплошь и рядомъ голосуютъ мелкій лавочникъ, хозяйчикъ, чиновникъ, разочарованные въ посулахъ радикаловъ и радикаль-социали-

¹ Delais. Vie ouvriere 1912.

² Rurin. Цит. соч.

стовъ, голосуютъ въ силу своеобразной диалектики общественнаго сознанія—захваченные стремленіемъ «сдѣлать обратное» своимъ истиннымъ вождямъ, хозяевамъ и «властителямъ думъ». Но дальше избирательнаго бюллетеня въ выраженіи своихъ симпатій они не идутъ,—организационная связь, предполагающая идейное единомысліе, ихъ тяготила бы... Въ средѣ рабочаго класса вся дѣятельность сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на агитаціи за очередные лозунги, возвѣщенные съ парламентской трибуны и для нея предназначенные. Тщетно марксистская фракція пыталась поставить на должную высоту пропагандистскую работу, классовое воспитаніе массъ¹. Лозунгъ классово-размежеванія оставался висѣть въ воздухѣ. Въ моменты острыхъ столкновеній (министерства Бриана, Клемансо) онъ какъ будто оживалъ, снова блѣднѣя въ прозѣ парламентскихъ будней.—Нигдѣ такъ не давали себя знать специфическія условія «мирной эпохи» постепеннаго бростанія рабочаго движенія въ рамки прочно-сложившагося національно-демократическаго государства, ограниченія кругозора злобами парламентскаго дня, какъ во Франціи.—Массы ушли съ исторической сцены, на которой они дѣйствовали въ періодъ 1789—1871 годовъ, съ установленіемъ и упроченіемъ демократическаго режима вся ихъ «избыточная энергія» претворилась въ «полезную работу» парламентскаго механизма. «Демократія» 1789—1871 годовъ разслоилась по мѣрѣ классово-самоопредѣленія пролетариата, съ прогрессомъ буржуазно-капиталистическихъ отношеній, но ея основное ядро консолидировалось, приобрѣвъ точку опоры въ мелкой собственности, получивъ устойчивое равновѣсіе благодаря «финансовой олигархіи». — «Средній классъ — самый многочисленный и безъ его помощи невозможно управленіе. Онъ состоитъ изъ несчетной массы мелкихъ собственниковъ, крестьянъ, мелкихъ хозяевъ, коммерсантовъ, чиновниковъ и составляетъ *большинство населенія*». Избирательный бюллетень въ ихъ рукахъ — самое могущественное средство давленія на власть. «Всѣмъ имъ—собственникамъ небольшихъ, съ трудомъ накопленныхъ сбереженій, рабочіе внушаютъ страхъ, такъ какъ они ихъ считаютъ противниками собственности. Но они вовсе не симпатизируютъ и финансистамъ, огромныя богатства которыхъ—слишкомъ быстро собранныя, представляются имъ какъ продуктъ незаконной спекуляціи. Чуждые конфликтамъ труда и капитала, по своему положенію неспособные въ нихъ разобраться, они готовы (?) встать на ту или другую сторону—и являются *арбитрами ситуаци*»². Однако, область общественныхъ волеизъявленій мелкособственнической демократіи заключена въ весьма скромные предѣлы — всенародныхъ голосованій «черезъ каждыя пять лѣтъ, — другіе способы воздѣйствія для нея недоступны по самымъ условіямъ ея существованія, вслѣдствіе

¹ Только въ маѣ 1914 года удалось поставить большой популярно-научный *еженедѣльный* марксистскій журналъ: «Le Socialisme et la lutte des classes».

² Cratés, Vie ouvrière 1910.

ея экономической распыленности и политической безпомощности». Но рабочая демократія *voiens polens* принуждена усваивать языкъ «большинства населения», пытаться связать его интересы со своими очередными требованиями, приспособляться къ демократической фразеологіи и идеологіи.—«Демократія» ничего не имѣетъ противъ конечной цѣли рабочаго движенія, *кромя предрасудковъ*¹, достаточно разсѣять ихъ и препятствія для ея достиженія будутъ устранены. Для этого необходимо предметными уроками—борьбой за общепользныя реформы, за свѣтскость школы, за уменьшеніе военныхъ расходовъ и т. п.—воспитывать массы избирателей мелкихъ собственниковъ, приучать ихъ къ мысли о возможности плодотворной работы *всей* демократіи на *парламентской* почвѣ, избѣгать вовлеченія ихъ въ конфликты, проводящіе разграничительную линію между различными составными частями демократіи. Жоресъ наиболее полно воплотилъ эти стремленія, но и въ гэдистскихъ кругахъ отрицательное отношеніе къ анархосиндикалистскому мѣру всеобщей стачки превратилось въ догму, въ отказъ признать за виѣпарламентскими способами воздѣйствія какое-либо самостоятельное и *рѣшающее* политическое значеніе. —«Если бы профессиональному движенію не чинились хозяевами огромныя препятствія, рабочіе бы поняли какъ нужно обращаться съ организаціей, избѣгали бы стачекъ и чаще бы призывали на помощь законодательную акцію» — говорилъ *гедистъ* Шюа шіеге (въ Палатѣ депутатовъ 2 декабря 1911 года). Партия рабочей демократіи сдѣлалась партией чисто-парламентскаго дѣйствія, и раздѣленіе гэдистской и жоресистской тактики понемногу стертось, поскольку весь центръ тяжести полученной организаціи рабочаго класса былъ перенесенъ въ парламентъ.

Съ вышней стороны, профессиональное движеніе во Франціи, *какъ будто*, обнаружило свою «особую классовую природу» и забаррикадировалось отъ «парламентскаго политиканства» въ синдикалистской концепціи «прямого дѣйствія». На Амьенскомъ Конгрессѣ въ 1906 году была торжественно декретирована функція синдикатовъ какъ ячеекъ *будущаго общества*, которыя уже въ настоящемъ по мѣрѣ своего роста и усиленія образуютъ государство въ государствѣ, присваивая себѣ обслуживаніе *всѣхъ* нуждъ рабочаго класса. «Синдикализмъ стоитъ *внѣ* всевозможныхъ политическихъ школъ и сектъ». Онъ самодовлѣющъ. И странное дѣло! на первыхъ порахъ (а также и впоследствии) синдикализмъ нашелъ энергичную поддержку въ рядахъ французскихъ *посибиллистовъ*, именно тѣхъ, живымъ отрицаніемъ кого онъ долженъ быть стать². Реформизмъ — былъ и остался выраженіемъ одной слабой стороны рабочаго движенія: его политической организаціи; синдикализмъ сталъ выраженіемъ другой его слабости: иррациональной организаціи. И откровенные реформисты сразу по-

¹ Varenne рѣчь на конгрессѣ партіи въ Нанси въ 1907 г.

² «Свободная Трибуна» для Гриффюэльса и К-о въ органѣ Жореса въ 1906—7 г.

няли его raison d'être: «наша политика, чтобы быть успешной, должна быть реформистской, так как она не может рассчитывать на успех без согласия тех, кто не входит в состав нашей партии; и если мы хотим, чтобы что-нибудь было достигнуто без их согласия на то в парламент (т. е. без демократического блока), мы должны считаться и относиться с полным доверием к синдикальной деятельности»¹. Синдикализм вырос и развивался, как прямое дополнение реформизма: численное преобладание *масс* мелкобуржуазных избирателей заставляет вести политику сотрудничества классов; медленное разложение мелкобуржуазных общественных отношений, количественное преобладание мелкой *собственности* над крупной требует иных методов борьбы за улучшение материальных условий труда, чем те, которые возможны в странах, где промышленность концентрирована и централизована, где профессиональное движение ставит и разрешает проблемы в *общенациональном* масштабе — помощью хорошо организованных и богатых профессиональных союзов, объединяя всех рабочих данной отрасли производства; — вместо плановых и подготовленных выступлений — партизанские действия инициативных меньшинств, приуроченных к местным условиям — весьма отличным одни от других в различных уголках государства (организационным центром их должны быть биржи труда — местные союзы синдикатов). Если крупным хозяйским объединением не страшны ни саботаж, ни бойкот, то на мелких предпринимателей они могут возыметь влияние, принудить пойти на уступки и заключить мир с биржами труда, согласиться даже на ассигнование им субсидий и т. д. В синдикальном движении рабочей Париж давал «теоретические» формулы; в провинции он преобразовывался в реформистскую практику, которая сплошь да рядом обнаруживала истинную подоплеку в парламентарской позиции Всеобщей Конфедерации Труда: боязнь широких слоев политики вообще, желание у себя дома «своими средствами» урегулировать отношения с предпринимателями. Париж оживлял традиции дружинизма, провинция прикрывала ими свою слабость, возводя организационную распыленность движения в его «новый» принцип. *Вся* выступления против сильных патрональных союзов — один пример: железнодорожная стачка 1910 года — кончалась неизбежно поражением рабочих, и после каждого поражения усиливались *демагогические* тенденции синдикализма.

Во главе железнодорожных компаний — писал States в теоретической трибуне синдикалистов², стоят евреи и клерикалы. Для победы над ними нужно было бы мобилизовать антипатию широких масс мелких буржуа против клерикализма и семитизма и... стачка

¹ Речь Lévy на конгрессе Parti Socialiste в Нанси, в 1907 г.

² Vie ouvrière.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ЖИЗНЬ „ИВАНА“.

Книги, какъ люди. Какъ среди людей, такъ и среди книгъ можно наблюдать, между прочимъ, два крайнихъ и противоположныхъ типа: одни — шумливы, назойливы, наглы; другіе — тихи, незамѣтны, скромны. О первыхъ говорятъ, первые кидаются въ глаза; они совершаютъ свой часто краткій путь съ извѣстнымъ крикливымъ эффектомъ; вторыхъ сплошь и рядомъ не замѣчаютъ и лишь иногда ихъ «открываютъ», зачастую слишкомъ поздно.

За послѣдніе два года появилось немало различныхъ книгъ и среди нихъ, конечно, были книги и того, и другого типа. О книгахъ перваго рода мы всё знаемъ, книги втораго типа, обычно, остаются въ тѣни. Къ числу послѣднихъ относятся интереснѣйшія изданія Русскаго Географическаго Общества: Пермскія и Вятскія сказки, собранныя г. Зеленинымъ, Памятники Галицко-русской народной словесности Ю. Яворскаго, и, между прочимъ, книга О. П. Семеново-Тянь-Шанской: «Жизнь «Ивана»»¹.

О книгѣ г. Семеново не было шумныхъ анонсовъ, ей не предшествовала шумиха рекламы, издана она ученымъ Обществомъ — этого, кажется, и было достаточно для того, чтобы книги не замѣтили; во всякомъ случаѣ, о ней знаетъ меньшее количество лицъ, чѣмъ, напримеръ, о грубой стряпнѣ гг. Городецкихъ, помѣщаемой теперь въ «Огонькахъ», «20-хъ вѣкахъ» и т. п. органахъ.

Ольга Петровна Семенова, скончавшаяся около 10 лѣтъ тому назадъ, оставила намъ книгу, задуманную серьезно и просто. Представить, изобразить жизнь «средняго» по уму, состоянію и душевнымъ качествамъ крестьянина средней Россіи, къ началу 20-го столѣтія, зарисовать совершенно точно обстановку, быть этого крестьянина — вотъ задача, которую себѣ поставилъ авторъ. Ей не удалось выполнить свою работу, — предъ нами черновые наброски, точныя записи разговоровъ, описанія отдельныхъ случаевъ — однимъ словомъ, только матеріалъ, изъ котораго долженъ былъ создаться своеобразный, основанный на наблюдении и изученіи, крестьянскій эпосъ. Но и то, что осталось, даетъ очень много.

О. П. Семенова знала деревню не «изъ окна вагона втораго класса». Много времени она провела въ деревнѣ, покидая ее только на три-четы-

¹ Жизнь «Ивана». Очерки изъ быта крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній. О. П. Семеново-Тянь-Шанской. Записки Имп. Русскаго Географ. Общества, т. XXXIX, изданный подъ редакціей В. Н. Шнейдеръ.

ре зимних мѣсяца. Въ деревнѣ же¹ она знала каждую избѣ, каждую семью. «Ее настолько любили и считали своею, — пишетъ г-жа Шнейдеръ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что она водила съ дѣвушками на улицѣ хороводы; пѣсни не только не смолкали при ея появленіи, но голоса заливались и звенѣли еще громче и крикливѣе. Бывала она и на свадьбахъ и посвѣдѣлкахъ». Дѣйствительно, подлинное, не книжное, знакомство чувствуется при чтеніи «Жизни Ивана»: всѣ разговоры записаны удивительно точно, характерно.

Къ «Жизни Ивана» авторъ готовился очень долго, — по крайней мѣрѣ, послѣднія 8 лѣтъ съ 1898 по 1916 Семенова была занята исключительно этой работой. При помощи К. В. Николаевскаго она вырабатываетъ подробнѣйшую программу для собранія свѣдѣній объ «Иванѣ». Программа эта чрезвычайно детально разработана и охватываетъ жизнь крестьянина рѣшительно со всѣхъ сторонъ. И то, что теперь напечатано, представляетъ матеріалъ для отвѣта на вопросы, поставленные программой. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ матеріалъ переработанъ въ сценку обобщающаго характера. По плану О. П. «Жизнь Ивана» должна была начаться съ описанія родителей «Ивана», его рожденія и закончиться изображеніемъ его въ «полной силѣ». Далеко не все изъ намѣченнаго, по-видимому, было закончено, но главнѣйшіе моменты жизни крестьянина средней Россіи очерчены достаточно выпукло.

Много большіхъ мастеровъ литературы отъ Тургенева до Льва Толстого, отъ Глѣба Успенскаго до Бунина изображали русскаго крестьянина. Тѣмъ не менѣе, «Ивашъ» не сталъ для интеллигенціи совершенно понятнымъ, яснымъ. По-прежнему, идутъ споры вокругъ «Ивана» и такъ же, какъ въ свое время Глѣба Успенскаго, обвиняютъ тѣхъ, кто стремится изобразить истиннаго крестьянина, въ томъ, что они не любятъ народъ, что они клеветаютъ на него. Но рѣдкіе писатели стремятся, подобно Успенскому, узнать «источникъ всей этой хитроумной механики народной жизни», а потому въ спорѣ о «мужикѣ» ихъ сужденія очень часто голословны, хотя и продиктованы самыми лучшими намѣреніями и побужденіями. Въ этомъ спорѣ о крестьянинѣ въ сущности два направленія: идеалистическое и реалистическое. Одни воспринимаютъ крестьянство, какъ нѣкоторую идею, а не какъ реальность, и для нихъ даже самый фактъ изученія крестьянской жизни представляетъ своего рода покушеніе на мистическій ореолъ крестьянина-страдальца, крестьянина-мученика. Другіе — реалисты стремятся изучить крестьянство, какъ оно есть, съ его положительными и отрицательными чертами. Оба направленія могутъ одинаково сочетаться съ любовью къ своему народу, къ своей странѣ. Въ частности О. П. Семенова, будучи въ этомъ вопросѣ несомнѣннымъ реалистомъ, глубоко и сильно болѣла о невѣжествѣ и темнотѣ своего «Ивана». Недаромъ въ программѣ есть особый пунктъ (34-й) о положительныхъ сторонахъ крестьянской души: «Примѣры великодушія и сердечной мягкости.

¹ Дер., Гремячка, Данковскаго уѣзда, Рязанской губ.

(Эту главу надо развить возможно подробнѣе и яснѣе, обстоятельнѣе). Къ сожалѣнію, въ книгѣ этотъ пунктъ такъ и остался неразвитымъ, въ то время, какъ предыдущій (33-й) «Смѣхъ во время чужого счастья. Примѣры обычнаго жестокосердія», оправданъ цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Каковъ же «Иванъ» въ изображеніи Семеновой? Каковъ его бытъ, его характеръ?

Условия быта — самыя безотрадныя. Изба отъ 6 до 9 аршинъ въ квадратъ, высотаю меньше сажени. Во время топки въ избѣ «обыкновенно отворяется дверь въ сѣнцы, это вытягиваетъ дымъ до высоты двери, а выше — онъ стелется синевато-бѣлымъ пологомъ, въ которомъ ничего не видно». Топятъ соломой, навозомъ.

Работа — чрезвычайно тяжелая лѣтомъ. Благодаря тяжелой работѣ, слѣдующей вслѣдъ за родами, у рѣдкой бабы нѣтъ женскихъ болѣзней. Зимой «почти полное бездѣлье и сплошной сонъ на печи». Въ голодные годы приходится и зимой искать работы, мужикъ готовъ «за грошъ вѣзть въ хомутъ», но въ урожайныя — никакой цѣной его на работу не заманишь.

Въ связи съ этимъ — одна замѣчательная черта въ характерѣ «Ивана»: «онъ не думаетъ, не заботится о завтрашнемъ днѣ, его психологія — «хоть день да мой». Надъ этой чертой Семенова останавливается очень часто. Ее, на примѣръ, поражаетъ, какъ мало беспокоятся крестьяне о будущемъ урожаѣ. Она рисуетъ слѣдующую картину: осень сухая и сѣверная — послѣ хорошаго урожая. Осими никуда не годятся. Къ ноябрю становится очевиднымъ, что урожай слѣдующаго года будетъ очень плохъ. Тѣмъ не менѣе — будущее положительно никого не тревожитъ; всѣ безъ исключенія «гуляютъ»; у всѣхъ радостныя, веселыя лица.

— А въ полѣ-то, Иванъ, нехорошо: все одни комки, да чернота.

— Зеленыя-то? Двистительно, не особо хороши, ну, да никто, какъ Богъ, — дастъ Богъ весной дождичка, будетъ и розь, далече до этого...

Изъ двора въ дворъ все пьяно, весело и беззаботно; свадьбы, булочки, цѣлыми семьями ѣздить къ другу въ гости.

Семенова ищетъ причины возникновенія такой черты и отвѣчаетъ такъ: «привычка къ нуждѣ, постоянное хожденіе вокругъ да около голоданія — приучило ихъ къ этому призраку, и онъ не внушаетъ имъ слишкомъ большаго ужаса». Замѣчательно, что такая беззаботность характерна для среднихъ и бѣдныхъ крестьянъ, а «богатымъ» «Иванамъ» и цыпленка жалъ, если онъ подохнетъ, они надъ всякой веревочкой трясутся».

Обработка земли примитивная, навоза вывозится на поля всегда меньше того, что слѣдовало бы. Къ интенсивному труду «Иванъ» чувствуетъ даже презрѣніе: «Что онъ? Какъ жукъ въ землѣ копается, съ утра до ночи!»

Въ то же время крестьяне любятъ землю. Никому такъ не за-

виствуютъ», какъ владѣльцамъ земли; «капиталъ» крестьяне считаютъ болѣе шаткимъ и невѣрнымъ обезпеченіемъ, чѣмъ землю. Семенова даже думаетъ, что единственные мистическія черточки въ характерѣ крестьянина связаны съ землей. Конечно, и не въ православіи Иванова душа.

Въ отношеніи же къ *Богу* нѣтъ ничего мистическаго. Какъ царя, такъ и Бога, крестьянинъ мыслитъ материально: Царь — кормилецъ, въ случаѣ нужды, охранитель границъ, земли; Богъ — податель дождика, засухи, здоровья, болѣзни. Точно такъ же и будущая жизнь понимается совершенно материально: въ аду физически истязаютъ людей за грѣхи, а въ раю, очевидно, кормятъ яблоками за «добронравіе».

«Какъ они нерелигиозны въ сущности! — восклицаетъ Семенова.

— Только при приближеніи старости, когда уже начинаются разныя недомоганія, въ мужицкую душу изрѣдка начинаетъ закрадываться суевѣрный страхъ загробнаго возмездія. Да и тогда, развѣ они «православные, какъ ихъ считаютъ? Нисколько. Смутно, беспомощно какъ-то имъ дѣлается, страшно, и сами они не знаютъ «въ чемъ спасеніе». «Кто ихъ знаетъ, може мasons, аль молokane еще лучше нашего спасутся!» Какимъ робкимъ, неувереннымъ и вопросительнымъ тономъ вырывается это у задыхающихся, покашливающихъ стариковъ!»

Суевѣрія, заговоры, колдуньи и до сихъ поръ не вывелись изъ деревни. Лишь сами колдуньи и бабки не вѣрятъ въ колдовство и въ то же время держатся за него, какъ за вытѣчную профессию.

«У насъ есть такая баба-колдунья (бѣдовая!) и, грѣшнымъ дѣломъ, у меня не разъ мелькала въ головѣ мысль — не смотритъ ли она, въ душѣ, на своего приходскаго пона, какъ на собрата по профессіи?»

Конечно, только на фонѣ страшнаго *невѣжества* еще держатся суевѣрія. Въ книгѣ Семеновой много примѣровъ этого невѣжества. Вотъ, на примѣръ, что дѣлаетъ бабка, когда при родахъ «младенецъ идетъ не путемъ», т. е. впередъ ногами или согнутый: на верхъ широкой доски, при помощи мужа, она кладетъ роженицу — головою внизъ; затѣмъ они отпускаютъ ее и она быстро катится внизъ головою — отъ такой встряски будто бы младенецъ «выпрямляется»... а вотъ какъ та же бабка лечитъ младенца отъ «грызи»: она беретъ овсяное «дермо» лошади, прожимаетъ его сквозь тряпку, смѣшиваетъ его съ молокомъ матери и поитъ этимъ ребенка. Отъ этой же болѣзни бабка «грызетъ» пупокъ ребенка нѣсколько дней подрядъ или «припускаетъ къ пупку мышь» (предварительно смазавъ пупокъ тѣстомъ) и т. д., и т. д.

По наблюденіямъ Семеновой, *школа* играетъ въ жизни «Ивана» весьма незначительную роль. Изъ школы выносятся элементарная грамотность, все же, что не имѣетъ прямого примѣненія къ жизни, легко забывается.

Можетъ быть, отчасти благодаря этому слабому влиянію школы, наблюдается почти полное отсутствіе какихъ-нибудь безкорыстныхъ

интеллектуальных интересов, «платонических», как говорит Семенов.

«И вотъ чѣмъ Иванъ жалокъ, — пишетъ она, — совѣстливость у него есть природная. Есть и жажда духовная»¹ (выражающаяся хотя бы въ расколахъ), но чѣтъ у него и неоткуда взять какой бы то ни было «платонической» привязанности, какого бы то ни было «платоническаго» интереса. Въ такія условия онъ поставленъ, и не это ли причина его безобразій и пьянства, бессмысленнаго молодечества молодыхъ Ивановъ и тому подобнаго?»

Эта *душевная грубость* дѣлаетъ понятнымъ существованіе многихъ другихъ чертъ въ характерѣ «Ивана». Съ самаго ранняго дѣтства мужикъ видитъ, какъ торжествуетъ всюду грубая сила, и вотъ онъ самъ начинаетъ признавать силу, какъ прабо. Наряду съ «совѣстливостью» въ характерѣ «Ивана» — жестокость тоже, какъ слѣдствие недостаточной душевной культуры. Въ книгѣ Семеновой много примѣровъ «обычнаго жестокосердія». Мужикъ жестоко обращается съ животными. Въ деревнѣ, если жаліуютъ корову или лошадь, то только, какъ рабочую силу и цѣнность, а съ собаками и кошками совѣтъ не церемонятся. Ребятишки любятъ бросать кошекъ, маленькихъ щепять, если поймаютъ, въ воду и смотрѣть, выплывутъ ли они. «И тебѣ не жалко?» — «Чего тамъ жалѣть, — что жъ, не человекъ въдь. а песъ, собака!»

Многіе «Иваны» жестоко встязаютъ въ пьяномъ видѣ своихъ женъ. Въ трезвомъ видѣ бьютъ рѣдко. «Бьютъ и палкой и рогачемъ (ухватъ), и сапогами, и ведромъ и чѣмъ попало — кулаками, пинкомъ. Таскаютъ за косы (черезъ порогъ), такъ что голова только «ту-ту-ту»... Если мужъ бьетъ жену и при этомъ сломаетъ или испортитъ тотъ предметъ изъ своего несложнаго инвентаря, которымъ чинилъ расправу, то ему, разумеется, болѣе жалко этотъ предметъ, чѣмъ избитую жену. Да и всякая баба гораздо болѣе будетъ сокрушаться о какомъ-нибудь сломанномъ рогачѣ, чѣмъ о своихъ помятыхъ бокахъ». Иногда бьютъ не только женъ, но и стариковъ-отцовъ. Естественно, что уже въ дѣтскихъ играхъ отражается грубость окружающей жизни. Мальчишки до крови дерутся, дѣвочки играютъ въ куклы, которыхъ заставляютъ быть господами, бьющими своихъ работниковъ.

Нечего и говорить, что съ невѣрными женами, поджигателями и кошкокрадами поступаютъ еще болѣе жестоко.

И. можетъ быть, не такъ характерны отдѣльные случаи проявленія жестокости, сколько то, что эти проявленія не встрѣчаютъ противодействия со стороны другихъ крестьянъ: бьютъ дѣтей, бьютъ женъ — никто въ это не вмѣшивается. На одной ярмаркѣ авторъ книги видѣлъ, какъ пьяный мужикъ избилъ 13-лѣтнюю дочь своей любовницы за то,

¹ Послѣ сказаннаго выше о мистикѣ «Ивана», понятно, какой характеръ имѣетъ сектанство.

что та просила мать не ходить въ кабакъ. «И хотъ бы кто изъ мужиковъ вступился за дѣвченку. Только бабы подняли крикъ...»

Невольно ищешь въ книгѣ Семеновоѣ положительныхъ чертъ въ обрисовкѣ мужика. При ея необыкновенной добросовѣстности, при ея подлинной любви къ народу, которая сквозить всюду въ книгѣ, казалось бы эти черты должны выступить весьма вытукло. Такихъ чертъ мало. Вотъ сосѣди помогаютъ роженицѣ, посылая ей огурцовъ или яблокъ, если у нея таковыхъ не имѣется. Вотъ добродушный пьяненькій «Иванъ» ѣдетъ съ базара и даритъ каждой встрѣчной бабѣ по арбузу и возвращается домой съ пустой телѣгой. Мало доброты, мало мягкости въ деревнѣ г. Семеновоѣ, хотя сама она всегда въ жизни искала именно доброты и мягкости.

Казалось бы, въ отношеніяхъ мужа и жены можно было бы найти что-либо иное, хотъ немного поэзии, хотъ немного романтики. Семенова очень подробно описываетъ исторію «Ивановой» женитьбы, а затѣмъ въ отношенія мужа и жены. Въ періодъ жениховства есть еще нѣкоторое «ухаживаніе», но оно обычно весьма примитивно, обнаженно-грубо. Къ женѣ мужъ относится «никакъ»: внѣшнихъ выраженій нѣжности мужа къ женѣ положительно нѣтъ, даже у молодоженовъ. За все время своей жизни въ деревнѣ Семенова лишь одинъ разъ наблюдала мужа, «жалѣваго» свою жену...

Если нѣтъ романтики, то «романовъ» очень много. Нравы въ послѣднее время стали весьма легкими. «Прежде еще встрѣчались дѣломудренныя малые и дѣвушки, а теперь дѣломудреннаго малаго уже не найти, да и дѣвушекъ такихъ совсѣмъ мало... теперь «почитай всѣ дѣвки безчестныя». Нравы бабъ совсѣмъ легкомысленны. «Профессиональнаго разврата не существуетъ, но очень легко купить всякую бабу деньгами и подаркомъ. Одна баба очень наивно признавалась: «Прижила себя на горе сына и всего то за пустякъ, за десятокъ яблоковъ!» Интересно отмѣтить, что «богомолье» дѣвокъ и бабъ въ Воронежѣ или у «Сергія-Троицы» вытекаетъ не только изъ религіозныхъ мотивовъ, а также изъ стремленія къ «романическимъ» приключеніямъ. «Чего, чего тутъ не бываетъ», — замѣчаетъ Семенова.

Много незаконныхъ дѣтей, много убійствъ «гулевыхъ» дѣтей — вотъ одно изъ слѣдствій этой «легкости» нравовъ. «Родитъ баба или дѣвка гдѣ въ кѣлѣти одна, затѣмъ придушить маленькаго руками и бросить его либо въ воду (съ камнемъ на шеѣ), либо въ густой конюплѣ, или на дворѣ или гдѣ-нибудь въ свиномъ катухѣ зароетъ. Отвозятъ дѣтей въ воспитательный домъ, но рѣдко. Иногда приходятъ къ помѣщикамъ съ предложеніемъ купить ребенка: «Слыхала я, что тебѣ дите нужно, ну, думаю, и толкнусь, може я купишь... Онъ у меня гулевой, а мужъ скоро приде...»

Обширная программа О. П. Семеновоѣ заключаетъ въ себѣ вопросы и общественно-экономическаго характера, но на нихъ отвѣты даны

мѣнѣ подробные: автора интересуетъ, главнымъ образомъ, психологія, бытъ «Ивана». Кое-какой матеріалъ есть, однако, и въ этой области.

Здѣсь интересны отношенія къ «миру», старшинѣ, помѣщикамъ. «Миръ» крестьянинъ считаетъ «неправеднымъ». «Трудно, вотъ какъ трудно жизнь въ миру. Тотъ правъ, у кого родни много». Возмущаетъ мужика и круговая порука: «Нешто я обязанъ за пьяницу платить, — какая же тутъ правда. Въ нашемъ миру никакой правды нѣтъ». Крестьяне побогаче — тѣ жалуются на зависть къ нимъ односельчанъ. Одинъ мужикъ, не кулакъ, разбогатѣвшій случайно, никогда не эксплуатировавшій своихъ односельчанъ, рассказывалъ Семенову: «Ненавидятъ (завидуютъ) постоянно: чѣмъ ты насъ лучше, погоди, сравняешься уже. Вздумаешь яблоньку посадить: Э-э, баринъ какой, садъ вздумалъ разводить. Мы не жрамши сидимъ, а онъ садъ, да отгораживаться... Во, какъ ненавидятъ, — случись у тебя несчастье, сейчасъ тебя любуютъ... Утопятъ...»

Главнымъ вершителемъ судебъ деревни является *старшина*, онъ держитъ въ рукахъ мирскую сходку, беретъ взятки, подкупаетъ «глотовъ» (крикуновъ), «выколачиваетъ подати»... Крестьянинъ зависитъ прежде всего отъ старшины, а затѣмъ уже идутъ земскій начальникъ, становой. Понятно, почему «Иванъ» озлобленъ на свое ближайшее начальство: онъ ни отъ кого не видитъ правды. Священниковъ онъ не уважаетъ, онъ считаетъ ихъ «дармоѣдами»: «Постоять на мѣстѣ, прощитаетъ молитву и вынимай ему полтину».

Къ строгости постоянной, даже къ ручной расправѣ крестьянинъ относится съ своего рода уваженіемъ: «У насъ старшина во какой лютый — такъ тебя и встрѣчаетъ: «тебѣ чаво, поганецъ?» Пра-слово. Зажинного такъ». Начальство доброе, но не послѣдовательное, легко переходящее отъ пѣва къ слабости, «Иванъ» не уважаетъ.

Къ *помѣщикамъ* крестьяне относятся различно. Помѣщиковъ изъ дворянъ обычно не уважаютъ за ихъ нехозяйственность и не прочь при случаѣ ихъ надуть, но въ общемъ предпочитаютъ помѣщикамъ изъ купцовъ, которыхъ хотя и уважаютъ за умѣнне извлечь изъ земли хорошую выгоду, но не любятъ. Но болѣе всего не любятъ кулаковъ дворянъ, которымъ ничего не прощаютъ и мстятъ рѣшительно за все. «Очевидно, существуетъ, — замѣчаетъ Семенова, — крестьянское эстетическое представленіе о баринѣ, какъ о противоположности роюще куся въ навозѣ купцу или мужику».

Еще о многомъ говорится въ книжкѣ О. П. Семеновы — и о воспитаніи дѣтей, о постепенномъ созрѣваніи «Ивана», рассказывается много интереснаго съ этнографической стороны о свадебныхъ обрядахъ, о значеніи водки въ жизни крестьянина... И все это на фактахъ, на примѣрахъ. Мы привели лишь главнѣйшее. Картина получилась довольно мрачная..

Когда мы имѣемъ передъ собой литературное произведеніе, мы склонны приписывать многое индивидуальному освѣщенію автора, его

пристрастію къ той или другой сторонѣ описываемаго явленія. Мы обычно не знаемъ, на что онъ опирался въ своемъ художественномъ творчествѣ. Въ «Жизни Ивана» мы находимъ объективный, черновой матеріалъ для большого литературнаго произведенія, матеріалъ, собранный человѣкомъ съ литературнымъ дарованіемъ и вкусомъ, человѣкомъ, владѣющимъ также методами научнаго изслѣдованія¹. И это обязываетъ насъ отнестись къ этому матеріалу съ глубокимъ вниманіемъ, не отмахиваясь отъ него, замуривъ глаза. Изъ біографіи Семеновоі мы знаемъ, какъ мучилась она ужасами деревни, и врядъ ли кто заподозритъ ее въ намѣренномъ сгущеніи красокъ, и отъ ея книги отмахнуться нельзя. Изученіе ея книги должно побудить общество отыскать *причины* «ужасовъ», какъ это постоянно и дѣлаетъ въ своей книгѣ самъ авторъ, должно побудить къ работѣ культурной и просвѣтительной. Но прежде всего надо зн а т ь. Только знаніе жизни, объективное ея пониманіе ведетъ къ дѣйствию. Вопросъ о томъ, что дѣлать, — ставитъ себѣ и О. П. Семенова. Она не обвиняетъ никого, но изображаетъ, а затѣмъ ищетъ выхода.

«Представишь себѣ, — говоритъ она, — такую избу (гдѣ потолка надъ самой головой и идѣ сбито до 10 человѣческихъ существъ, ощущаемыхъ по запаху даже) прязную, вонючую, въ которой застываетъ на зиму всякая дѣятельная жизнь, представишь себѣ рядомъ черную осклизшую равнину, съ какимъ-нибудь «болтающимся кустомъ» — и невольно задаешь себѣ вопросъ, не сталъ ли бы ты самъ, при такихъ условіяхъ спать, боясь выглянуть въ окно и спросонья радуясь животному теплу, распространяемому скучившимся на печи и на лавкахъ живыми существами?»

Для Семеновоі ясно, что «Иваны» бьются, какъ рыба объ ледъ, а идеаль (хотя бы шкаликъ или пара калошъ) недостижимъ. Она спрашиваетъ себя: «какимъ способомъ намъ, на которыхъ обращена ненависть, измѣнить такой идеаль, открыть новые горизонты, дать предствленіе объ интенсивномъ трудѣ (какъ источникѣ благополучія)? Намъ не вѣрять, смѣются надъ нами и, можетъ быть, справедливо...»

Какъ честный мыслитель, какъ чуткій и зоркій наблюдатель, какъ страстно любящій свою страну гражданинъ, подошла О. П. Семенова къ своей работѣ. Ей не суждено было ее довершить. Но, можетъ быть, исполнится ея мечта о томъ, что, «быть можетъ, когда-нибудь въ послѣдствіи, пройдя случайно черезъ чье-нибудь яркое сознаніе, мои блѣдные образы вспыхнутъ и оживутъ на мгновленіе?»

Ад. Бѣльскій.

¹ За сборникъ пѣсенъ Рязанской губ. Геогр. О-во присудило ей серебряную медаль; во второмъ томѣ „Россія“ ей принадлежитъ очеркъ: „Распределеніе населенія среднерусской черноземной области по территоріи, его этнографическій составъ, бытъ и культура“; кромѣ того ей принадлежатъ нѣсколько работъ по этнографіи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЪ ОТСТАВКѢ САЗОНОВА.

Либеральная печать и вообще либеральные элементы общества проводили Сазонова въ отставку съ сочувствіемъ и соболъзнованіемъ; черносотенная и националистическая по большей части (съ нѣкоторыми характерными исключениями, однако,) — злобнымъ улюлюканіемъ. Комитетъ земскаго союза въ телеграммѣ Сазонову выразилъ скорбь объ отставкѣ «истиннаго стража русскихъ народныхъ интересовъ», а «Русскія Вѣдомости» говорили (10 июля) о «полномъ (!) довѣрїи» къ Сазонову, «какъ русскаго общества, такъ и нашихъ союзниковъ». За то «Новое Время» скорбѣло (16 июля) «не о томъ, что Сазоновъ ушелъ, а о томъ, что онъ не ушелъ много раньше»; «Земщина» шла еще дальше и торжествовала «избавленіе Россїи отъ крайне вреднаго министра». Достаточно сказать, — поясняла она, — что Сазоновъ былъ въ числѣ покровителей желтаго блока и прїятель... Милюкова!» («Земщина», 12 июля). А нѣсколькими днями позже «благословляла судьбу за то, что Россія избавилась отъ бездарнаго исполнителя воли Государя», который «подмѣнялъ интересы русскаго народа интересами всего человѣчества» (16 июля).

Сочувствіе Сазонову умѣренно-либеральныхъ элементовъ нашего общества, склонныхъ довольствоваться очень малымъ, вполне понятно:

. въ настоящее время значительная часть нашего либеральнаго общества далеко не такъ чужда националистическимъ стремленіямъ, какъ это было лѣтъ 20-30 тому назадъ. Но и злобное улюлюканіе «истинно русскихъ» не менѣе, если не болѣе, законно и понятно. Сазоновъ во всякомъ случаѣ, понималъ то, за что его такъ злобно укоряютъ «Земщина».

Д. С. Сазоновъ стоялъ во главѣ министерства ин. дѣлъ шесть лѣтъ (1910—1916). Это была знаменательная эпоха. Ее наполняютъ итальяно-турецкая война 1911—12, война балканскихъ союзниковъ съ Турціей 1912—13, вторая балканская война между вчерашними союзниками 1913 г. и, наконецъ, великая мировая война 1914 и слѣдующихъ годовъ, для которой три первыхъ были какъ бы зарницами далекой грозы.

Какова же была роль въ этомъ событіи ушедшаго руководителя русской политики? — Это наиболѣе интересный для насъ вопросъ мы освѣтить сейчасъ, къ сожалѣнію, не можемъ. Но взглянемъ на роль Сазонова въ предшествующихъ событіяхъ:

Шесть лѣтъ тому назадъ въ Европѣ уже сложились двѣ соперничавшихъ между собою комбинаціи державъ, и мѣсто Россіи въ одной изъ нихъ опредѣлилось вполне отчетливо. «Тройственное согласіе» Россіи, Англіи и Франціи было дѣломъ Эдуарда Грея въ Англіи, Ламдорфа и Извольскаго — въ Россіи; Сазоновъ получилъ его въ наслѣдство вполне готовымъ, и его задача могла состоять только въ его укрѣпленіи и упроченіи.

Нельзя, однако, сказать, чтобы Сазоновъ вполне твердо и послѣдовательно держалъ одинъ и тотъ же курсъ. Финансовая зависимость Россіи отъ Франціи, размѣстившей у себя нѣсколько миллиардовъ ея займовъ, уже созданная согласованность интересовъ русскаго и англійскаго империализмовъ вели Россію по фарватеру тройственного согласія;

Нельзя забывать, что онъ занялъ свой постъ во время премьерства П. А. Столыпина, что съ этимъ послѣднимъ онъ находился въ близкомъ свойствѣ (они были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ), и въ довольно близкомъ духовномъ родствѣ, и что Сазоновъ въ началѣ своей министерской карьеры пользовался признанной репутаціей «националиста».

Германскія симпатіи Сазонова сказались въ извѣстномъ потсдамскомъ соглашеніи, заключенномъ имъ съ Кидерленомъ Вехтеромъ въ началѣ его министерской карьеры. Стремясь упрочить мирныя и дружескія отношенія съ Германіей, Сазоновъ шелъ на значительныя жертвы. Онъ отказывался отъ противодѣйствія проводимой нѣмцами багдадской желѣзной дороги и, слѣдовательно, отдавалъ всю Малую Азію въ экономическую зависимость отъ Германіи; болѣе того: Россія не только допускала соединеніе багдадской линіи съ Тегераномъ, но сама обязывалась провести необходимый для этого желѣзнодорожный участокъ. Такимъ образомъ, Россія открывала персидскій рынокъ для германскихъ товаровъ, и на алтарь политической дружбы приносилась въ жертву интересы русской торговли и промышленности, считающей сѣверную Персію своимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Въ настоящее время, когда дружба замѣнилась враждой, потсдамское соглашеніе является любимымъ козыремъ для враждебной Сазонову националистической печати; въ свое время черносотенцы и националисты были имъ очень довольны.

Но общія условія, толкавшія Россію въ фарватеръ «согласія», были сильнѣе, чѣмъ германскія симпатіи. Скорѣ Сазоновъ рѣшительно отказался отъ нихъ и занялся культивированіемъ англо-французской дружбы.

Еще при Извольскомъ были дружелюбно разграничены сферы

влиянія Англии и Россіи въ Персіи. Сазоновъ продолжалъ политику постепеннаго, но возможно полнаго подчиненія намъ сѣверной половины Персіи; для этой цѣли

добился удаленія изъ Персіи американца Моргана Шустера, который въ качествѣ финансоваго совѣтника содѣйствовалъ упорядоченно персидскихъ финансовъ. Наконецъ, въ 1912 г. Сазоновъ предъявилъ Персіи ультиматумъ, которымъ заставилъ ее подчиниться всѣмъ своимъ требованіямъ. Во всей этой политикѣ постепеннаго подчиненія Персіи Сазоновъ все время шелъ рука объ руку съ Греемъ, который въ свою очередь такимъ же образомъ подчинялъ англискому владычеству южную Персію.

Съ нимъ же, но точно такъ же и съ Японіей, Сазоновъ шелъ рука объ руку въ политикѣ по отношенію къ Китаю. И здѣсь Россія наступала, и здѣсь она (въ 1911 г.) предъявила Китаю рѣшительный ультиматумъ съ требованіемъ полнаго подчиненія, а въ 1912 г. добился автономіи Монголіи, съ тѣхъ поръ находящейся въ сферѣ исключительно русскаго политическаго и экономическаго влияния.

Первыя попытки сближенія съ Японіей послѣ несчастной войны съ нею были сдѣланы еще при Извольскомъ, но только при Сазоновѣ недавнее прошлое было окончательно забыто. Въ то же самое время быстро шло сближеніе Японіи съ Англійей, и, наконецъ, въ тяжкомъ испытаніи Японія оказалась неразрывнымъ союзникомъ державъ тройственнаго согласія. Цѣль Англии, стремившейся изолировать Германію, была достигнута и тутъ. Гораздо важнѣе, однако, чѣмъ политика на Дальнемъ и среднемъ Востокахъ, была политика на Балканахъ. Предшественникъ Сазонова, Извольскій, все время своего министерства находился подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ пораженія Россіи въ войнѣ съ Японіей и сознанія необходимости оправиться отъ его результатовъ, совершенно естественная, быть можетъ чрезвычайная осторожность лежала въ основѣ его политики, и въ частности балканской, гдѣ опасность эжечь страшный пожаръ всегда была особенно сильна. Поэтому Извольскій не только не реагировалъ на аннексию Босніи Австріей, но еще до нея, на свиданіи въ Бухлау (15 сент. 1908) любезно предупредилъ Эренталя, что Россія изъ-за Босніи всевать не станетъ, и, такимъ образомъ, развязалъ Эренталю руки. Это было даже болѣе, чѣмъ осторожность.

Сазоновъ, напротивъ, считалъ несомнѣннымъ, что Россія уже вполне оправилась и достаточно сильна, чтобы не бояться новой войны. Этимъ объяснялся его агрессивный тонъ въ Китаѣ и Персіи, въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ велъ себя на Балканахъ. Вначалѣ Сазоновъ былъ сторонникомъ цѣлости Оттоманской Порты. Нашимъ посломъ въ Константинополь былъ Н. В. Чарыковъ, вѣрившій въ способность младотурецкаго правительства обновить строй турецкой имперіи, стремившійся поддержать ее и закрѣпить ея связь съ Россіей. Но 27 февр. 1912 Чарыковъ былъ уволенъ въ отставку, и эта отставка знаменовала крутой поворотъ въ нашей балканской политикѣ. Черезъ 2 дня, 29 февр.

1912 г., былъ подписанъ сербско-болгарскій договоръ, послужившій ячею балканскаго союза.

Союзъ по мысли какъ его балканскихъ творцовъ, такъ и стоявшаго у его колыбели Сазонова, долженъ былъ служить цитаделью, какъ противъ Австріи, такъ и противъ Турціи. Первымъ актомъ союза было объявленіе войны Турціи. Въ самомъ актѣ 29 февр., впрочемъ, подчеркивались его освободительныя задачи, и о нихъ же говорили манифесты по поводу объявленія войны; именовалась война не иначе, какъ освободительной. Но тотчасъ же послѣ победы — между державами освободительницами началась война за раздѣлъ добычи.

Желалъ ли Сазоновъ войны съ Турціей? По тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя имѣются въ печати, можно сказать: нѣтъ, въ тотъ моментъ онъ ея не желалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ея не предвидѣлъ, и не сумѣлъ предупредить. Не понималъ онъ и того, что балканскія государства съ постояннымъ соперничествомъ ихъ династическихъ притязаній и мелкихъ империалистическихъ вожделѣній не готовы для широкаго империалистическаго плана, пригоднаго для государства съ болѣе старой и прочной культурой. Не понимая этого, Сазоновъ не предвидѣлъ и второй балканской войны, и тоже не сумѣлъ предупредить ея, хотя въ послѣднюю минуту дѣлалъ безполезныя усилія къ этому. Балканскіе министры не приняли его приглашенія на задуманную имъ конференцію въ Петербургѣ, и предпочли рѣшить свой споръ оружіемъ. Такимъ образомъ Австрія съ Германіей вновь имѣли противъ себя не прочный балканскій союзъ, а разрозненныя, еще болѣе ненавидящія другъ друга отдѣльныя балканскія государства. Притомъ въ одномъ изъ нихъ, и именно въ томъ самомъ, гдѣ Россія всегда пользовалась особеннымъ престижемъ, этотъ престижъ былъ совершенно потерянъ. Тотъ фактъ, что Россія поддержала притязанія Румыніи на полосу болгарской земли, хотя и воспротивилась вступленію румынскихъ войскъ въ Софію и, такимъ образомъ, спасла Болгарію отъ окончательнаго разгрома, вызывалъ страшное раздраженіе въ Болгаріи. Отныня Болгарія была потеряна для Россіи.

Такимъ образомъ, политику Сазонова на Балканахъ постигло печальное фiasco, которое объяснилось, можетъ быть, не только смѣлостью и широтой поставленной имъ себѣ империалистической задачи, но также тѣмъ, что его предусмотрительность и дипломатическое искусство стояли не на высотѣ задачи.

Начался конфликтъ между Сербіей и Австріей, ставшій неизбежнымъ послѣ присоединенія Македоніи къ Сербіи. Сазоновъ занялъ въ виду этого конфликта очень опредѣленную «заранѣе приготовленную» позицію. Твердость и силу онъ почерпалъ въ увѣренности въ англійской поддержкѣ, и, очевидно, имѣлъ для этой увѣренности вполне достаточныя данныя. Въ результатъ — конфликту между Австріей и небольшимъ балканскимъ государствомъ пришлось быть увертюрой міровой катастрофы.

Теперь задачей Сазонова, какъ дипломата, было — сдѣлать все возможное, чтобы привлечь нейтральныя государства къ союзу. Японію привлекла Англія. Бельгію толкнула въ союзныя объятія сама Германия. Въ тройственный союзъ былъ уже вбитъ клинъ событиями предыдущихъ годовъ; эти события искусно использовала английская дипломатія, и нейтралитетъ Италии могъ считаться обеспеченнымъ. Но было важно, чтобы нейтралитетъ былъ замѣненъ активной поддержкой. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій Сазоновъ не мало содѣйствовалъ тому, что Италия, вчера еще неразрывный членъ тройственнаго союза, оказалась въ нашемъ военномъ станѣ. Этотъ союзъ былъ купленъ цѣною договора, которымъ Италия гарантировала земли по истрийскому, хорватскому и отчасти далматинскому побережью Адриатическаго моря, т. е. земли, почти поголовно заселенныя сербами или родственными сербамъ словенами. На эти земли Сербія издавна смотрѣла, какъ на свое естественное достояніе, и въ ихъ объединеніи видѣла свою национальную задачу.

Въ уступивъ ихъ Италии Сербія увидѣла тяжелую национальную обиду и тяжелое нарушение тѣхъ принциповъ, «во имя которыхъ» велась война. Поэтому сломить сопротивленіе сербовъ соглашенію съ Италией было не легко; но здѣсь Сазоновъ обнаружилъ большое дипломатическое искусство, которое и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Зато по отношенію къ другимъ балканскимъ государствамъ онъ допустилъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ. Долгое время онъ вѣрилъ въ то, что ему удастся, въ концѣ концовъ, привлечь на сторону союзниковъ Болгарію; ради этой явно неосуществимой задачи онъ оттолкнулъ Грецію, которая (не только при Венизелосѣ, но даже при Гунарисѣ) готова была присоединиться къ согласію на извѣстныхъ условіяхъ, но Сазоновъ не согласился на предложенныя Гунарисомъ условія (гарантію неприкосновенности ея территоріи), чтобы не оскорбить Болгарію, и, не приобрѣвъ послѣдней, потерялъ первую.

Особый интересъ представляетъ роль Сазонова въ развитіи нашихъ отношеній къ ближайшимъ союзникамъ. Но въ настоящій моментъ мы лишены возможности дать надлежащую оцѣнку этой сторонѣ его дѣятельности.

ПО ПОВОДУ ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ.

Изъ всѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ въ Г. Думѣ, земская реформа къ разрѣшенію одна изъ наиболее близкихъ, Улита ѣдетъ...

Переустройство земскаго строя, какъ извѣстно, подготовлялось давно. Многие годы земская реформа подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ обстоятельствъ стояла «на очереди». Особенно обострился вопросъ о мѣстной реформѣ послѣ акта 17-го октября 1915 года..

Съ момента введенія у насъ «конституціоннаго строя» вопросъ о реформѣ мѣстнаго самоуправленія сразу получилъ иную постановку, тѣмъ та, какую онъ имѣлъ въ теченіе почти 50 лѣтъ, и которая была отчетливо сформулирована С. Ю. Витте: «или земство или самодержавіе». Мѣстное самоуправленіе не только перестало являться въ общей государственной системѣ чужероднымъ тѣломъ, но стала необходимымъ и важнѣйшимъ государственнымъ элементомъ. Современное государство немислимо безъ развитія системы мѣстнаго общественнаго управленія, и если земство даже конструкціи 1890 года забѣгло впередъ по отношенію ко всему государственному строю и дисгармонировало съ нимъ, то послѣ 1905 года извѣстная дисгармонія оставалась по-прежнему, но въ обратномъ отношеніи, ибо самоуправленіе оказалось отставшимъ отъ новаго «представительнаго» строя.

Поэтому было вполне естественно, что въ періодъ 1-ой и 2-ой Государственныхъ Думъ немедленно по ихъ созывѣ возникалъ вопросъ о реформѣ мѣстнаго самоуправленія, т.-е. о согласованіи его съ новымъ политическимъ порядкомъ. Въ частности въ нѣдрахъ конституціонно-демократической партіи было приступлено къ составленію постановочныхъ законопроектовъ. Болѣе того, даже правительство въ 1906 году внесло въ думу проектъ земской реформы, и только 3-е июня снова отодвинуло вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи на второй планъ и задержало завершеніе преобразованій государственнаго строя сверху до низу.

Но какъ только сталъ спадать контръ-революціонный угаръ, и правительству пришлось отъ «успокоенія» перейти къ «реформамъ», вопросъ о земскомъ самоуправленіи снова, чуть ли не 10-й разъ въ нашей исторіи, сталъ на очередь. Четвертая Государственная Дума начала свои работы подъ знаменемъ мѣстнаго самоуправленія; если бы не война, то черезъ думу, вѣроятно, давно бы уже успѣли пройти законопроектъ о новыхъ земскомъ и городскомъ положеніяхъ, о волостномъ земствѣ (уже бывшемъ въ 3-й думѣ) и о распространеніи самоуправления на окраины Россіи.

Однако, война не ослабила движенія въ пользу земской реформы, а наоборотъ—снова обострила его. Земская реформа разсматривается

теперь не только какъ общая очередная задача, но и какъ средство устройства тыла. Такъ по преимуществу ее нынѣ ставить и Г. Дума.

Подъ тѣмъ же флагомъ вновь пробудилось и въ земствѣ движеніе за мѣстную реформу. Въ послѣднюю сессию земскихъ собраній вопросъ о земской реформѣ былъ возбужденъ въ цѣломъ рядѣ земствъ: въ Тверскомъ, въ Харьковскомъ, Уфимскомъ, Петроградскомъ, Тамбовскомъ, Ярославскомъ, Вятскомъ губернскихъ земствахъ и въ Московскомъ, Ковровскомъ, Горбатовскомъ и рядѣ другихъ уѣздныхъ земствахъ. И очень часто земскіе дѣятели подходили къ требованію земской реформы именно со стороны условий переживаемаго Россіей момента. Въ постановленіи Харьковскаго губернскаго земства стоитъ указаніе на то, что «экономическая природа переживаемыхъ событій «требуетъ возможно быстраго, безпрепятственнаго и продуктивнаго развитія страны», что «въ предстоящихъ работахъ особо отвѣтственное мѣсто должно быть занято земствомъ» и что «въ связи съ этимъ и для этого необходимо безотлагательное осуществленіе земской реформы», вмѣстѣ съ этимъ земское собраніе признавало необходимымъ «созвать общеземскій съѣздъ, для выработки плана реформы, о чемъ и «возбудить ходатайство». Московское уѣздное земское собраніе въ своей резолюціи, указывая «на послѣдовательность проведенія въ жизнь реформы» мѣстнаго самоуправления, ссылалось на то, что «практика послѣднихъ лѣтъ и въ особенности переживаемыя событія, связанныя съ небывалою войной, во очію убѣдили, насколько существующіе законы о земскихъ учрежденіяхъ не соответствуютъ современнымъ требованіямъ жизни»; земская реформа по мнѣнію земскаго собранія являлась «въ настоящее время настоятельно необходимой для успѣшнаго выполненія задачъ, которыя поставила передъ земствомъ вся совокупность многообразныхъ нуждъ мѣстнаго населенія, напрягающаго свои силы въ исключительной борьбѣ за независимость и цѣльность дорогой родины». Лучше и ярче всего намъ говорятъ о современномъ подходѣ къ земской реформѣ тѣ доводы, какіе были изложены въ докладной запискѣ ревизіонной комиссіи Уфимскаго земства, принятые затѣмъ общимъ губернскимъ собраніемъ.

«Чтобы не отстать отъ требованій жизни,—гласить между прочимъ эта записка,—широко отвѣтить на выяснившіяся потребности населенія, необходимо довести до минимума роковое несоотвѣтствіе между тѣми задачами, которыя выдвигаются жизнью и тѣми условіями, въ какія поставлена земская дѣятельность. Необходимо прежде всего признать, что главною причиною, препятствующею правильному развитію земскаго дѣла, является нынѣ существующая избирательная система. Закрывая доступъ къ земскому дѣлу широкимъ слоямъ населенія, избирательный земскій законъ отдастъ всенародное дѣло въ руки обладателей крупнаго имущественнаго ценза и вноситъ начала сословности въ самоуправленіе, по существу своему должнствующее быть всеобщимъ. Въ земской дѣятельности принимаетъ участіе лишь ограниченный кругъ лицъ, являющихся представителями не населенія, какъ такового, а крупнаго частнаго влѣ-

дѣнія. Пришла пора совершенно опредѣленно сказать, что для земско-дѣятельности на мѣстахъ недостаетъ людей, что избирательныя собранія занимаютъ самоизбраніемъ, что при широкомъ развитіи земскаго дѣла г.г. гласные не въ состояніи отнестись съ тѣмъ вниманіемъ и вдумчивостью, которыхъ требуетъ сознание общественнаго долга. Земская работа ведется не тѣми, кто по закону участвуетъ въ земскомъ самоуправленіи она выполняется представителями трудового класса, земскимъ служилымъ элементомъ. И эти дѣйствительные работники земствъ, разумѣется, должны занять положеніе, равное съ представителями имущественнаго класса. Если не интересы элементарной справедливости, то опредѣленно сознанныя необходимость разгрузить губернскія и уѣздныя земства, безъ чего земская дѣятельность по многимъ отраслямъ грозитъ принять форму окаменѣлости,—настоятельно требуютъ приближенія земства и его работы къ населенію. Это приближеніе возможно осуществить лишь путемъ созданія самоуправляющихся мелкихъ земскихъ единицъ, прозенныхъ въ жизнь на основахъ широкаго, обнимающаго всѣ слои населенія избирательнаго права и широкой самостоятельности».

Ковровское земство на своемъ экстренномъ собраніи признало, что земская реформа должна быть проведена «на началахъ демократизаціи». Ярославское земство говорило о реформѣ земскаго самоуправления «на оснѣвѣ освобожденія его отъ административной опеки, расширенія круга веденія и привлеченія къ участию въ земской жизни широкихъ круговъ населенія». Московское уѣздное земское собраніе установило, что земская реформа должна содержать въ себѣ «расширеніе избирательныхъ правъ населенія, созданіе мелкой земской единицы и освобожденіе земскихъ органовъ отъ опеки и устраненія администраціи». Горбатовское уѣздное земское собраніе признавало необходимымъ расширеніе избирательныхъ правъ населенія, созданіе мелкой земской единицы, расширеніе компетенціи земства и освобожденіе земскихъ органовъ отъ административнаго стѣсненія».

Въ общемъ программа реформы, выдвигаемая земствомъ въ настоящее время, не отличается отъ той, какая заявлялась земскими либеральными элементами и ранѣе: въ 70-хъ и 90-хъ прошлаго вѣка, и въ первые годы текущаго столѣтія. Тѣ же требованія расширенія земскихъ правъ и земской самостоятельности, т.-е. упроченіе земствъ, какъ органовъ мѣстнаго государственнаго управленія съ продвиженіемъ земской организаціи въ толщу народную въ видѣ мелкой земской единицы; и на ряду съ этимъ то-же осторожное и не совсѣмъ опредѣленное заявленіе о «демократизаціи» земства, о «расширеніи» избирательныхъ правъ населенія и о привлеченіи «всѣхъ слоевъ» его къ участию въ самоуправленіи.

Но и въ такой общей формѣ вопросъ о возбужденіи ходатайства о земской реформѣ проходилъ далеко не вездѣ и не всегда гладко. Такъ, напримѣръ, на засѣданіи Тверскаго губернскаго земскаго собранія гласный и членъ Государственной Думы П. П. Гропскій указывалъ на то, что правильная постановка дѣла призрѣнія, принявшая теперь во время войны такія грандіозныя размѣры и требующая отъ земства особенно большой напряженности, возможна лишь при введеніи всеобщаго

волостного земства, т. е. послѣ земской реформы; возбужденный П. Гродекимъ вопросъ вызвалъ такія »страстные» пренія, что въ результатѣ предѣдатель «во имя единенія собранія» (!!) снялъ вопросъ о земской реформѣ съ обсуждения... Аналогичнымъ образомъ обстоитъ дѣла и въ рядѣ другихъ земствъ, не пожелавшихъ возвысить свой голосъ въ пользу необходимости земской реформы и, слѣдовательно, желавшихъ сохранения земскаго status quo и всѣхъ сословныхъ привилегій дворянства. Но все же сейчасъ ясно намѣчается земское теченіе, вновь высказывающееся, какъ и до 1915 года, за реформу земскаго положенія 1890 года и за уничтоженіе сословнаго начала въ земствѣ.

Реформа 1890 года, какъ извѣстно, выдѣлила дворянскую курію и предоставила гласнымъ дворянамъ большинство мѣстъ въ земскихъ собраніяхъ. Въ то время, какъ при земствѣ первоначальномъ помѣщикамъ (дворянамъ и разночинцамъ) принадлежала среди гласныхъ лишь 46,1% мѣстъ, крестьянамъ—41,0% и горожанамъ (домовладѣльцамъ, промышленникамъ и купцамъ) 12,9%, въ настоящее время дворяне обладаютъ 57% мѣстъ, крестьяне—29,6%, а землевладѣльцы не дворяне и домовладѣльцы горожане вмѣстѣ лишь 13,4%. На лицо полное засиле дворянъ съ подчиненіемъ имъ не только крестьянъ «допущенныхъ» въ земства въ ничтожномъ количествѣ, но даже помѣщиковъ не дворянъ и землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ горожанъ.

Сопоставляя эти числа отведенныхъ различнымъ группамъ мѣстъ въ земскихъ собраніяхъ съ числомъ избирателей сейчасъ же по введеніи земства 1890 года и въ данное время (1909—1912), видимъ слѣдующее:

РАЙОНЫ.	1-я курія			2-я курія			3-я курія*)	
	глас.	избирател.		глас.	избирател.		глас.	избир.
		1891—93	1910—12		1891—93	1910—12		
Сѣверный . . .	433	2574	2235	127	3340	5050	216	667.130
Восточный . . .	346	1352	1191	94	2430	3875	231	1.865.670
Средне-Пром. . .	1460	6741	4685	391	6710	10446	747	1.235.160
Средне - Черно-земный . . .	1908	6452	4772	381	4240	8394	966	2.278.540
Малорос. . . .	764	1870	1630	141	2250	3170	398	995.070
Южный	507	3505	2480	140	3289	5392	255	1.058.080
Итого . . .	5418	22491	16993	1274	22259	36327	2813	18.039.650

Теперь ясно намѣчается постепенное паденіе числа избирателей въ дворянской куріи, отражающее на себѣ всѣмъ извѣстный процессъ вымиранія дворянскаго землевладѣнія. За 20 лѣтъ существованія Положенія 1890 года избирательный корпусъ «господъ дворянъ» понизился съ 22, 449 до 16, 993, что составляетъ убыль въ 5.456 человекъ или до 25% (24.3). Въ нѣкоторыхъ районахъ вырожденіе дворянской куріи идетъ еще быстрѣе; въ средне-промышленномъ районѣ за 20 лѣтъ число избирателей дворянъ уменьшилось на 30.6%. Наоборотъ, избирательный корпусъ 2-й куріи выросъ за тотъ же промежутокъ времени съ 22.259 до 36.327 человекъ, т. е. на 14.068 избирателей или на 63% (63.2). Ростъ числа избирателей второй куріи идетъ быстрѣе, чѣмъ уменьшается избирательный корпусъ дворянской куріи, что происходитъ, во-первыхъ, вслѣдствіе перехода дворянскихъ земель къ разночинцамъ, отпадающимъ во вторую курію, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе увеличенія числа городскихъ избирателей, происходящаго въ силу естественнаго роста городовъ и нарожденія новыхъ промышленныхъ предприятий. Въ то время, когда въ 1891 г. дворяне составляли 0,30% всѣхъ избирателей, разночинцы 0,3%, а крестьяне 99,4%—въ настоящее время, если считать, что число крестьянскихъ избирателей не измѣнилось, соотношеніе трехъ курій избирательнаго корпуса таково: дворянъ 0,2%, разночинцевъ 0,5% и крестьянъ 99,3%. Количество же мѣстъ, предоставленныхъ каждой группѣ избирателей, обратное: дворянамъ 57%, крестьянамъ 29,6% и разночинцамъ 13,4%.

Съ начала введенія Положенія 1890 года дворянамъ приходилось избирать гласныхъ въ количествѣ почти $\frac{1}{4}$ части всѣхъ избирателей. Черезъ 20 лѣтъ оказалось, что дворянская курія должна избирать уже часть своего состава, а въ малороссійскомъ районѣ — $\frac{1}{2}$ состава избирателей. Если имѣть въ виду лишь обычный обеснетизмъ избирателей, то и тогда для дворянской куріи создается критическое положеніе, ибо близка возможность того, что количество избирателей дворянъ будетъ совпадать съ числомъ подлежащихъ избранію гласныхъ. Но опытъ прошлаго намъ показываетъ, что абсентеизмъ дворянъ избирателей выше обычнаго. Законъ весьма предусмотрительно предлагаетъ собравшимся на выборы избирателямъ въ случаѣ малочисленности постановить • выборахъ самихъ себя; и фактически въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ выборовъ по дворянской куріи давно не существуетъ, и «господа дворяне» входятъ въ земское собраніе безъ «утомительной» выборной процедуры. Такой порядокъ давно установился, напримѣръ, въ Николаевскомъ, Бугурусланскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, въ Моршанскомъ, Спасскомъ, Уманскомъ и Борисоглѣбовскомъ — Тамбовской, въ Волынской, Саратовской и во многихъ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ. Болѣе того, есть губерніи, гдѣ даже при такомъ упрощенномъ порядкѣ полученія гласныхъ—дворянъ, не удастся наскрести нужное количество гласныхъ, и, напримѣръ, еще въ 1903 году въ 6 уѣздахъ

Нижегородской губернии такъ и не собралось избирателей дворянъ въ числѣ, равномъ положенному количеству гласныхъ, и мѣста по 1-й куріи остались заняты не полностью! О размѣрахъ абсентеизма, напримѣръ, говорятъ цифры выборовъ 1901 г. по Петроградской губернии, когда господа дворяне почтили своимъ присутствіемъ уѣзныя избирательныя собранія, въ среднемъ, всего лишь въ количествѣ 21.7%, т. е. отсутствовало до $\frac{3}{4}$ избирателей (въ Лужскомъ уѣздѣ отсутствовало свыше $\frac{6}{7}$ избирателей!)¹.

Подобная «избирательная система» является полнѣйшимъ абсурдомъ. Повидимому не нужно слишкомъ долго ожидать того момента, когда во всей Россіи количество дворянъ избирателей упадетъ ниже количества предоставленныхъ имъ мѣстъ въ земствѣ. Дворянская курія умираетъ, и въ близкомъ будущемъ мы увидимъ ее уже равной нулю...

Если такъ обстояло дѣло нѣскольکو лѣтъ тому назадъ и въ мирное время, то можемъ себѣ представить до чего дошло оно въ настоящую минуту, когда масса мужского населенія отвлечена на фронтъ и часть его пала уже на поляхъ сраженія? Кто и кого будутъ выбирать въ данное время и послѣ окончанія войны, особенно, если она продолжится еще годъ или болѣе?! Вполнѣ естественно, что рядъ земствъ возбуждиль ходатайства объ отсрочкѣ очередныхъ выборовъ. Мы боимся только, что «отсрочка» не спасетъ земство отъ невозможности наскрести требуемое количество гласныхъ «первенствующаго» сословія, ибо война и естественные экономическіе процессы окончательно разпрямятъ дворянскую курію.

Сейчасъ дѣло дошло до того, что затруднительно выбирать подходящихъ людей и въ другихъ куріяхъ, напримѣръ, въ крестьянской, и министерству внутреннихъ дѣлъ пришлось выработать законопроектъ объ измѣненіи избирательнаго ценза. Кромѣ того во время послѣднихъ земскихъ выборовъ были случаи избранія людей, *не удовлетворявшихъ* законному цензу, и тѣмъ не менѣе губернаторы принуждены были мириться съ подобнымъ беззаконіемъ; въ противномъ случаѣ не было бы никакой возможности сконструировать земскія учрежденія и наше земство должно было бы оказаться упраздненнымъ за неимѣніемъ избирателей...

Если трудно оказалось сейчасъ найти гласныхъ, то найти должностныхъ лицъ было прямо таки невозможно. Оскудѣніе среди немногочисленныхъ цензовыхъ элементовъ обнаружилось такое, что выборныя должности остались въ огромномъ числѣ земствъ *н о з а м ѣ щ е н ы* я... Это обстоятельство, грозящее полной остановкой всего земскаго аппарата, обратило на себя вниманіе и Государственной Думы, и правительства, представитель котораго на засѣданіи парламентской бюджетной комисіи заявилъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ занято поисками выхода изъ этого несуразнаго положенія и составляетъ «соотвѣствующую»

¹ Б. Веселовскій «Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ» стр. 54 и 55.

или докладъ». Выходъ же, конечно, одинъ единственный — отказъ отъ прежней сословной и цензовой системы.

Эти же причины, обезлюденіе цензовой земской среды, привели сейчасъ къ тому, что очередныя земскія собранія не могутъ состояться за отсутствіемъ гласныхъ... Словомъ, со всѣхъ сторонъ посыпались самыя живыя и убѣдительныя доказательства того, что земская избирательная система отжила свой вѣкъ и фактически не можетъ быть теперь осуществима...

* * *

То обстоятельство, что современное дворянское земство *фактически*, за отсутствіемъ людей, не можетъ далѣе существовать, является уже достаточнымъ для признанія неотложности земской реформы. — Кроме того, въ настоящее время дворянское землевладѣніе составляетъ лишь 17,3% всего землевладѣнія въ Россіи и лишь 40,2% частновладѣльческаго; съ 52244,1 т. д. оно понизилось до 29274,1 т. д., то-есть, уменьшилось на 22970,0 т. д., или на 43,9%. Въ нѣкоторыхъ районахъ оно уменьшилось на 50% (южный районъ) и даже на 51% (средне-промышленный).

Вообще, съ какой стороны ни подходить къ существующей системѣ земскаго представительства, одинаково выясняется полная нецѣлѣсобразность его. Сопоставимъ ли соотношение числа избирателей каждой куріи съ общимъ числомъ населенія, принадлежащаго къ каждой изъ этихъ сословныхъ группъ (получаемъ¹⁾, что дворяне, составляя 0,6% населенія, обладаютъ 57% мѣстъ въ земствѣ, тогда какъ разночинцамъ, составляющимъ 25,9% населенія, остается 13,4%, а крестьянамъ, составляющимъ 76,3% всѣхъ жителей, предоставлено лишь 29,6% мѣстъ. Возьмемъ ли соотношение числа гласныхъ съ числомъ избирателей въ каждой куріи, и здѣсь на каждого гласнаго дворянина приходится 3,1 избирателя, гласнаго разночинца — 28,5 избирателя и гласнаго крестьянина 2875, т.-е., одинъ дворянскій голосъ равенъ свыше чѣмъ 9 голосамъ цензовиковъ разночинцевъ и 958 голосамъ крестьянъ. Станемъ ли мы на чисто-классовую точку зрѣнія представительства земельныхъ интересовъ или представительства платимыхъ налоговъ, и тутъ выходитъ, что интересы каждой дворянской десятины представлены въ 6 разъ сильнѣе десятины не дворянина и болѣе, чѣмъ въ 6 разъ каждой десятины «мужицкой»; и въ то время, когда каждый гласный дворянинъ представляетъ интересы 3,7 т. р., платимыхъ дворянствомъ налоговъ, за гласнымъ крестьяниномъ остается 6,9 т. р., а разночинцамъ 17,5 т. р., т.-е., въ качествѣ плательщиковъ прямыхъ налоговъ дворяне представлены безъ малаго вдвое сильнѣе крестьянъ и въ 5 разъ сильнѣе разночинцевъ; если же мы вспомнимъ, что сборы и налоги составляютъ лишь 73,59% земскаго бюджета (96.627,3 т. р. изъ 131.383,3 т. р.), а

¹ Расчеты сдѣланы по даннымъ 1897 года.

остальные доходы въ размѣрѣ 34756,0 т. р., или 26,5% бюджета составляютъ поступления, идущія преимущественно изъ кармана крестьянъ, на которыхъ въ конечномъ счетѣ, главнымъ образомъ, перекладываются и другіе земскіе доходы, то тогда размѣры этого «обратно-пропорціональнаго» къ платимымъ налогамъ представительства выражаются предъ нами съ полной рельефностью.

До самаго послѣдняго времени, особенно послѣ 1905—1906 гг., сословное земство твердо держалось своихъ дворянскихъ традицій. Это особенно ясно видно изъ того, что несмотря на право земскихъ собраний избирать въ предсѣдатели и члены управъ и не дворянъ, по даннымъ, собраннымъ въ 19 губерніяхъ (изъ 34) оказывается: изъ 19 предсѣдателей губернскихъ управъ не дворянина нѣтъ ни одного, а изъ 198 предсѣдателей уѣздныхъ управъ разночинцевъ было только 7 или 3,5%; изъ 68 членовъ губернскихъ управъ не дворянъ 11 или 16,1%, а изъ 312 членовъ уѣздныхъ управъ «разночинцевъ» 84 или 26,9%¹. При оскудѣннн дворянъ, при ихъ старательномъ отмежеванн отъ лучшихъ, либеральныхъ дворянскихъ элементовъ, задача подысканія годныхъ для «служенія» земству лицъ оказывается далеко не изъ легкой, и приходится «первенствующему» сословию избирать на отвѣтственные посты «руководителей» земскаго дѣла захудалыхъ и обѣднѣвшихъ дворянъ; лица, пустившія «по вѣтру» свои собственныя хозяйства, оказываются призванными вести «хозяство» общественное! Удивительно ли, что характерной чертой современнаго дворянскаго земства является не только его узкосословная политика, но и полнѣйшая безхозяйственность.

Оппозиція современному земству наблюдается даже въ сферѣ чисто дворянской, откуда вотъ уже сколько лѣтъ рекрутируются представители русскаго либерализма. Частью подъ влияніемъ такъ наз. «идеологическихъ» факторовъ, частью въ силу простаго реального пониманія сущности процессовъ, происходящихъ въ земствѣ, а частью во имя новыхъ своихъ экономическихъ, новыхъ классовыхъ интересовъ, въ недрахъ самаго дворянства народилось анти-сословное, въ значительной своей части даже «либеральное», движеніе, благодаря которому въ союзѣ съ гласными разночинцами 2-й и крестьянами 3-й курій и были возможны многочисленныя ходатайства самихъ же сословныхъ по конструкціи земствъ о земской реформѣ и объ уничтоженіи сословнаго начала. Особенно сильно проявляетъ себя это либеральное дворянское теченіе въ годы подъема демократическихъ движеній. Въ такія эпохи мы слышали отъ представителей прогрессивнаго дворянства заявленія, что «дальше такъ жить въ глухой провинціи, какъ мы, дворяне, живемъ,— въ спасенн за себя и за свое имущество—нельзя». Радикализмъ дворянъ-либераловъ въ такія историческія минуты вполне понятенъ, ибо въ это время вся темнота приниженаго и отодвинутаго на послѣдній планъ крестьянства и вся ненависть его къ избалованному исторіей и

¹ Старый земець, «Мысли о земствѣ» стр. 54.

богатому привилегиями «первенствующему сословию» проявляет себя въ самой бурной формѣ, и является страшной угрозой не только истымъ поборникамъ дворянскихъ «правъ и преимуществъ», но и противникамъ ихъ, земцамъ-либераламъ...

Такимъ образомъ, прежде всего въ сохраненнн сословнаго земства искренне заинтересованы тѣ дворянскіе элементы, которые, съ одной стороны, желая «сохранить свое преимущественное положеніе даже среди родственнаго имъ экономическаго класса землевладѣльцевъ, упорно не хотятъ съ нимъ сливаться, а съ другой—принадлежать къ высшимъ дворянскимъ родамъ, къ аристократіи, къ высшему рангу «служилыхъ» слоевъ русской государственной машины. По подсчетамъ Н. Рубакина, опубликованнымъ лѣтъ 15 тому назадъ, явствовало, что изъ 648 «тайныхъ» и «дѣйствительныхъ тайныхъ» совѣтниковъ 244 человека обладали 3.387.587 десятинами земли. Хотя свѣдѣнія относительно землевладѣнія другихъ 400 «тайныхъ» и «дѣйствительныхъ тайныхъ» были не извѣстны, равно какъ и не извѣстно точно о размѣрахъ землевладѣнія чиновниковъ другихъ болѣе низкихъ ранговъ также и высшаго офицерства, но тѣмъ не менѣе и безъ того общеизвѣстно, что наша земельная аристократія одновременно является и высшей бюрократіей и аристократіей военной. А если такъ, то вполне понятно, почему эта часть дворянства противится безусловному земству: борясь за привилегіи въ земствѣ, эта общественная группа отстаиваетъ не столько свои непосредственно экономическіе, т. е. классовые интересы, сколько интересы политическіе. Сказаннымъ объясняется и отношеніе къ земской реформѣ со стороны правительственныхъ, бюрократическихъ круговъ.

То же самое всецѣло относится къ Государственному Совѣту, являющемуся штабъ-квартирой этихъ элементовъ нашей «государственности»

Однако, несмотря на все нежеланіе осуществить земскую реформу и оппозицію ей какъ изнутри земской среды, такъ извнѣ со стороны бюрократіи, волею историческаго хода вещей, реформа все-таки оказалась поставленной на очередь.

Первые результаты парламентскихъ ходовъ уже налицо. Земская реформа разбита на двое. Илнвое тѣло земскаго дѣла разорвано на части. Впередъ выдвинута общая часть земской организаціи, а избирательное право выдѣлено и разсмотрѣннѣе отложено. Плохой признакъ. Задержано именно то, что необходимо прежде всего, что важнѣе въ десятки разъ всей остальной реформы. Ибо ранѣе, чѣмъ давать новыя права 17.000 помѣщикамъ-дворянамъ, надо ихъ обезвредить въ земствѣ. Но прогрессивный блокъ предпочелъ другой путь. Сначала дать новое оружіе, новую власть земскимъ слугамъ реакціи, а ужъ затѣмъ «начать бороться» и съ «дворянскимъ засиліемъ». И можно съ увѣренностью сказать, что земское избирательное право будетъ въ общихъ чертахъ построено какъ-

нибудь на подобіе выборнаго закона для Государственной Думы. Это будетъ классовая избирательная система, обеспечивающая власть за представителями имущихъ слоевъ населенія; въ лучшемъ случаѣ въ земство допущены будутъ представители мелкой буржуазіи и можетъ быть даже и болѣе демократическихъ группъ, но, конечно, съ такимъ расчетомъ, чтобы имѣть въ земствѣ лишь «маленькій» голосъ и «никакой» силы. По такой схемѣ выработывается сейчасъ избирательный законъ для городского положенія. Надо думать, оба положенія будутъ между собой согласованы.

Гораздо проще обстоитъ въ Государственной Думѣ дѣло съ остальной частью земской реформы. Здѣсь въ блокѣ разногласій почти что нѣтъ. Оставляя детали въ сторонѣ, укажемъ, что земская реформа ставитъ земство въ положеніе гораздо болѣе соответствующее органамъ мѣстнаго государственнаго управленія. Она расширяетъ ихъ компетенцію «на всѣ дѣла мѣстнаго внутренняго управленія». Земство получаетъ право оказывать юридическую помощь населенію, издавать таксы на предметы продовольствія, производить статистическія обслѣдованія, организовывать союзы и товарищества по всѣмъ вопросамъ земской компетенціи. Надзоръ администраціи за должностными лицами и служащими совершенно устраняется; въ члены управъ могутъ избираться лица и не имѣющія имущественнаго ценза, необходимаго для участія въ выборахъ. Отмѣняется предѣльность земскаго обложенія. Устраняется надзоръ администраціи за дѣлособразностью дѣятельности земскихъ органовъ; надзоръ за законностью изымается изъ рукъ администраціи и передается особому органу административной юстиціи, въ составъ котораго входятъ судьи и представители городовъ и земствъ; засѣданія этого органа публичны съ участіемъ сторонъ. Предрѣшена въ положительномъ смыслѣ и судьба мелкой земской единицы—волостнаго земства. Реформа, вводя рядъ существенныхъ улучшеній въ общей конструкціи, однако, не доходитъ до логическаго конца и робко останавливается передъ многими нововведеніями, очень важными для укрѣпленія и расширенія земства; такъ, проектъ реформы не учреждаетъ земской полиціи—органа власти, безъ котораго земство лишено силы проводить въ жизнь свои постановленія, оставляетъ безъ отмѣны правила 1900 г., изымающаго изъ земскихъ рукъ продовольственное дѣло, право ходатайствъ земствъ оставлено для «мѣстныхъ польвъ и нуждъ», а не по всѣмъ вопросамъ государственной жизни, ничего не говорится о земскихъ связяхъ, оставлена обязательная присяга гласныхъ, земскіе служащіе лишены права быть гласными и т. д. Но несмотря на всю эту нерушимость, показывающую на то, какъ медленно растетъ политическое и классовое сознаніе нашей буржуазіи, все же въ общемъ видѣ новое земство по думскому проекту вырисовывается уже ясно. Чисто классовая организація (конечно, на куріальныхъ началахъ), располагающая всей полнотой необходимыхъ для нея правъ и власти, организація землевладѣнія и «молодой» торгово-промышленной буржуазіи, ожидающей

послѣ окончанія войны великихъ «возможностей» и головокружительныхъ «перспективъ».

Такова будетъ земская реформа, проводимая сейчасъ силами разночинцевъ-землевладельцевъ, торговцевъ, промышленниковъ и домовладельцевъ, на которую сърѣзня сердце идутъ и представители либеральныхъ общественныхъ группъ.

Такова она будетъ, если этой реформѣ удастся пройти, не претерпѣвъ аварии между Сциллой, дворянско течениемъ, дѣйствующимъ черезъ Государственный Совѣтъ, и Харибдой—демократическими течениями русскою общественности, не имѣющими пока своего постоянного «органа легальныхъ воздѣйствій» и потому влияющими различными путями и средствами, сообразно съ обстоятельствами. Если «Харибда» сейчасъ проблематична, то «Сцилла» есть фактъ самой живой реальности, и надо думать, на ближайше этапе земской реформы влияние будетъ оказано именно ею, а очередь Харибды придетъ, по видимому, позже.

Однако, кто знаетъ? Пути исторіи, вѣдь, неисповѣдны!..

М. Петровъ.

ВОЙНА И БИРЖА.

Война, какъ извѣстно, повела всюду къ закрытію фондовыхъ биржъ — даже въ нейтральныхъ странахъ. Биржи были закрыты съ цѣлью облегчить положеніе денежнаго рынка вообще, и эмиссионныхъ банковъ въ частности, а также съ цѣлью облегчить положеніе должниковъ банковъ по специальнымъ и другимъ счетамъ: въ случаѣ дальнѣйшаго функционирования биржи имъ грозила принудительная распродажа ихъ цѣнныхъ бумагъ, служившихъ обезпеченіемъ выданныхъ кредитовъ. Кроме того, надо было предотвратить массовый наплывъ на биржу цѣнныхъ бумагъ изъ-за границы, что могло еще болѣе ухудшить платежный балансъ и еще болѣе уронить и безъ того низкіе вексельные курсы.

Однако, чѣмъ болѣе война затягивалась, чѣмъ болѣе чудовищнымъ становился ростъ цѣнъ, тѣмъ болѣе обнаруживалась потребность въ какомъ-либо регуляторѣ этихъ цѣнъ. Сначала онѣ до извѣстной степени регулировались разными суррогатами официальныхъ биржъ, такъ называемой кулиссой — свободнымъ рынкомъ, но безъ участія широкихъ слоевъ публики и кредитныхъ учреждений или, лучше сказать, при негласномъ участіи этихъ учреждений. При такихъ условіяхъ вначалѣ были небольшіе и случайные обороты и произвольныя цѣны. Неопредѣленность военнаго положенія, неудачи и малое количество свободныхъ средствъ также создавали вначалѣ невозможность крупныхъ оборотовъ.

Однако, война есть лишь перераспределеніе цѣнностей, и мы не

должны удивляться тому, что мало-по-малу во всех воюющих странах появилась масса свободных средств, которые стали накапливаться в кредитных учреждениях, в формах вкладов и на текущих счетах. всюду изобилие их весьма поспособствовало работа печатного станка, выбрасывающего на рынок миллиарды бумажных денег. «Предельная полезность» каждой единицы их (рубля, марки, франка, лиры и т. д.), пала в глазах каждого из обывателей воюющих стран. Это создало предпосылки для массовой переоценки всех ценностей на биржах в сторону повышения.

И, в самом деле, если мы обратимся теперь к эволюции цен разных бумаг на Ближне-интересующих нас частных биржевых собраниях в Петроград, то мы увидим, что эти цены почти для всех дивидендных бумаг и некоторых других (твердо-процентных) не только вернулись *status quo ante bellum*, но и значительно превзошли его. В ниже приведенной таблице мы сопоставили последний официальный курс некоторых бумаг металлургической, золотопромышленной, нефтяной, угольной, банковской, железнодорожной и фондовой групп от 15 июля 1914 г., с оценками тех же бумаг кулиссой 15 января, 15 мая и 15 августа текущего года. Резкое повышение цен на них и широкое участие в нем публики намечалось с прошедшего мая.¹

¹ 18 января. Цифры 1916 г. взяты из бюллетеней «Финансовой Газеты». Надо сказать несколько слов по поводу цифр последних трех столбцов. Насколько неосновательны бывают иногда отметки о курсах, печатаемая ежедневно в газетах, легко усмотреть из следующего примера. Ныкний владѣлец неходкихъ акцій одной фирмы, прочитавъ въ газетахъ, что ея акціи послѣ многомѣсячнаго стоянія на 172 поднялись до 200, а затѣмъ до 225, послалъ банку приказъ продать его акціи по этой цѣнѣ. Оказалось, что въ петроградскомъ частномъ биржевомъ собраніи покупателей по этой цѣнѣ нѣтъ, по 200 имѣются лишь продавцы, а имѣющийся на небольшую партію покупатель не склоненъ платить болѣе 170! Все это — другихъ примѣровъ приводить не будемъ — неудивительно, если принять во вниманіе тотъ семейно-обывательскій характеръ, которымъ отличается нынѣшняя котировальная коммиссія петроградскаго частнаго рынка, состоящая изъ газетныхъ хроникеровъ, во главѣ съ ныкимъ г. С. С. Ш. По свидѣтельству обозрѣвателя «Финансовой Газеты» биржевая котировка происходитъ такъ: «Цѣны называетъ г. Ш., хроникеры записываютъ и соответствующій пунктъ котировки готовъ. Но какому-нибудь биржевику, «по соображеніямъ личнаго свойства» нужно отмѣтить цѣну, которая его устраиваетъ въ расчетахъ съ клиентами. Начинается торгъ, и добрыйшій С. С. уступаетъ, а если запрямится, то биржевикъ, не смущаясь, заявляетъ протестъ по поводу отмѣчаемой цѣны, примерно 200, и подкрѣпляетъ его утверженіемъ, что онъ «за любое количество» платитъ 201. Такъ какъ ни С. С. Ш., ни прочіе члены котировальной коммиссии акцій не продаютъ и не покупаютъ, биржевикъ ничѣмъ не рискуетъ, дѣлая подобное заявленіе, впечатлѣніе же отъ него столь сильное, что въ результатѣ вы почти во всехъ газетахъ найдете цѣну 201. а не 200». (См. № отъ 14 июня).

Приведенныя бытовые картинки касаются, однако, только точности приводимыхъ въ газетахъ курсовъ, но общая тенденція въ сторону сильнаго повышенія ими, конечно, не опирачивается. Эти картинки—лишній доводъ въ пользу необходимости официального установленія курсовъ, безъ просвѣщеннаго участія газетныхъ хроникеровъ.

	15 іюля 1914 г.	15 янв. 1916 г.	15 мая 1916 г.	15 августа 1916 г.
Коломенскія	128	164 ^{1/2}	190	286
Сормовскія	110	164	198 ^{1/2}	286
Парвійайненъ	106	127 ^{1/2}	182 ^{1/2}	303
Тульскія мѣдно-прокатныя	348	571	676—682	790
Ленскія (зол.)	370	526	565	612
Грушевскій антрацитъ	102	102	122 ^{1/4}	172—175
Нобель (нефть)	782	1.012	1.091	1.375
Моск.-Казанскія	426	430	437	575
Кіево-Воронежскія	705	630	698	815
Владикавказскія	2.620	2.100	2.260	2.675
Волжско-Камскія	840	848	880	970
Сибирскія	528	523	535	715
Международныя	384	322	348	520
Государств. рента	92 ^{1/4}	77 ^{1/8}	76 ^{1/4}	81,5

Выше мы отмѣтили обиліе бумажныхъ денегъ, какъ субъективный факторъ повышения курсовъ. Обезцѣненіе рубля общая причина повышения курсовъ всѣхъ тѣхъ бумагъ, на которыя имѣется спросъ, и задержки паденія курсовъ тѣхъ цѣнностей, на которыя нѣтъ спроса. Къ первымъ относятся почти всѣ дивидендныя бумаги, ко вторымъ — почти всѣ твердо-процентныя. Конечно, повышение по этой причинѣ есть повышение номинальное.

Причину низкаго уровня курса облигацій, а также основной фондовой бумаги, государственной ренты, является конкуренція со стороны дивидендныхъ бумагъ. Обычно эта конкуренція усиливается въ время промышленнаго подъема. Тогда промышленныя цѣнности становятся особенно привлекательными для широкихъ слоевъ публики, капиталистовъ и профессиональныхъ спекулянтовъ, не только благодаря увеличенію ихъ доходности, но и потому, что рѣзкія колебанія ихъ курсовъ, давая нередко крупный выигрышъ за день, за два, способствуютъ биржевой игрѣ на разницу курсовъ. Война, съ ея казенными заказами тоже создала благоприятную конъюнктуру для многихъ промышленныхъ цѣнностей: отсюда прежде всего повышение акцій металлургической, угольной и нефтяной группъ. Небезвыгодной оказалась во многихъ отношеніяхъ война и для банковъ: отсюда частная причина повышения банковскихъ акцій. Наконецъ, желѣзнодорожныя акція стали повышаться съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось нѣкоторое увеличеніе доходности коммерческихъ перевозокъ и появились перспективы на увеличеніе ж.-д. тарифовъ. Частныя причины повышения бумагъ объясняютъ только разницу въ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ цѣнностей по сравненію другъ съ другомъ.

Начавшееся съ конца мая и развивающееся до сихъ поръ наступленіе державъ согласія было второй общей причиной повышения всѣхъ цѣнностей. Есть основанія, именно этими успѣхами, объяснять намѣтившееся впервые въ послѣдней недѣлѣ іюля повышение на 2-3 балла твердопроцентныхъ бумагъ — въ томъ числѣ и государственной

ренты, — если считать, что успехи согласия обозначают скорбйшее заключение мира, чѣмъ его неуспѣхи. Дѣло въ томъ, что твердопроцентныя бумаги и особенно государственныя фонды настроены, такъ сказать, пассивистски; причина понятна: продолженіе войны обозначаетъ выпускъ новыхъ займовъ изъ болѣе высокаго процента, что не можетъ не обезцѣнивать предыдущіе займы и низкопроцентныя фонды. Но продолженіе войны въ то же время повлечетъ новые выпуски бумажныхъ денегъ и дальнѣйшее обезцѣненіе рубля, что во время войны должно прежде всего вызывать при военныхъ успѣхахъ дальнѣйшее повышение дивидендныхъ цѣнностей и прежде всего акцій металлургической группы и банковыхъ.

Давно уже замѣчено также, что повышательная тенденція, начинаясь съ дивидендныхъ цѣнностей, переходитъ при прочности ея и на рынокъ твердопроцентныхъ бумагъ. Неудивительно поэтому, что, когда у насъ обороты негласной биржи съ разными цѣнностями стали достигать десятковъ милліоновъ рублей, появился, наконецъ, и спросъ на твердопроцентныя бумаги и ренту. Мы пишемъ эти строки какъ разъ въ моментъ, когда повышение, несмотря на всю работу понижаателей, стремящихся уронить курсы, захватываетъ все новыя и новыя бумаги, въ томъ числѣ и твердыя.

Чтобы принимать участіе въ срочной биржевой торговлѣ вовсе не нужно быть богатымъ человекомъ. Ея особыя условія открываютъ доступъ къ ней и самымъ небогатымъ людямъ, которымъ недоступна игра на наличный расчетъ, требующая большихъ средствъ. Этотъ доступъ облегчается кредитомъ, который предоставляется биржевой спекуляціи банками. Наши частныя биржевыя собранія выполнили свою миссію: они вовлекли въ биржевой оборотъ мелкіе капиталы и сбереженія широкихъ слоевъ публики¹. Теперь дѣло стало уже интереснымъ и для банковъ, которые и заговорили на съѣздѣ своихъ представителей о необходимости открытія подлинной биржи. Когда будетъ открыта официальная фондовая биржа, то кулисса будетъ продолжать играть свою вспомогательную для банковъ роль, привлекая на биржу новыхъ клиентовъ для послѣднихъ. Съ открытіемъ биржи банки заставятъ старыхъ клиентовъ, не успѣвшихъ почему-либо ликвидировать своей задолженности имъ, расплатиться на болѣе или менѣе невыгодныхъ для этихъ клиентовъ условіяхъ² и откроютъ новымъ клиентамъ новые кредиты для биржевыхъ операцій. И, такъ какъ учетный процентъ сейчасъ низокъ и

¹ Однако, это обстоятельство — несчастье для нея, ибо вслѣдствіе того, что широкая публика играетъ на биржѣ на авось, руководствуясь слѣпымъ случаемъ, она обречена въ конечномъ счетѣ на проигрышъ. На биржѣ выигрываютъ немногіе посвященные—за счетъ многихъ непосвященныхъ.

² Прив. доц. Ф. Меньковъ доказываетъ, что проектъ ликвидаціи онкольнаго мораторія, который выработали кредиторы-банки, долженъ создать у ихъ «контентеллы убѣжденіе, что банки хотятъ завладѣть пока по низкимъ цѣнамъ бумагами онколистовъ, да и то за счетъ Госуд. Банка». (См. его ст. въ № 276 «Фин. Газ.»). Г. Меньковъ ожидаетъ

имѣть — въ виду обилія свободныхъ средствъ — тенденцію къ дальнѣйшему пониженію, то банки прямо заинтересованы въ томъ, чтобы предоставить биржевой спекуляціи побольше средствъ, и имѣютъ объективную возможность къ этому. Открытіе официальной биржи увеличитъ интересъ и возможность еще болѣе.

Какъ же спрашивается, относиться теперь къ открытію официальной биржи? Западно-европейскія фондовыя биржи уже пооткрывались одна за другой. Только у насъ министерство финансовъ противится до сихъ поръ этому. Вопросъ подлежитъ разсмотрѣнію съ точки зрѣнія тѣхъ опасеній, которыя возбуждаетъ ея открытіе.

Выше мы выяснили, что такіе отрицательные для государственнаго казначейства факты, какъ дальнѣйшее обезцѣненіе рубля и необходимость заключенія новыхъ займовъ, обезцѣнивающихъ старые государственные фонды, вовсе не зависятъ отъ того, закрыта или открыта биржа.

Разъ публика, жаждущая наживы, бросается на дивидендныя цѣнности, то открыта или закрыта биржа — это имѣетъ весьма мало значенія. Нѣтъ такихъ мѣръ принужденія, которыми министерство финансовъ могло бы заставить публику покупать военные займы, когда ее тянетъ къ болѣе рентабельнымъ дивиденднымъ бумагамъ. Вотъ, когда кончится война и наступитъ экономическій кризисъ, когда промышленныя цѣнности потеряютъ доходы, обусловленные военной конъюнктурой, тогда послѣдуетъ новая переоценка всѣхъ цѣнностей, болѣе благоприятная для всѣхъ государственныхъ фондовъ. До сихъ поръ фондовая биржа была закрыта, обороты частныхъ собраний достигли десятковъ миллионныхъ рублей, свободныхъ средствъ у публики, обогатившихся отъ войны, сколько угодно, однако, вниманіе публики гораздо болѣе сосредоточено на дивидендномъ, чѣмъ на твердопроцентномъ рынкѣ. Это законъ буржуазнаго общества и не нашему министерству финансовъ одолѣть его. Банки размѣстили уже 3 миллиарда военныхъ займовъ изъ 5-ти, и нѣтъ основанія думать, чтобы они не смогли послѣ открытія биржи размѣстить ихъ еще на солидныя суммы. Однако, нѣтъ гарантія, что сейчасъ, при закрытой биржѣ, банки размѣстятъ ихъ на большую сумму, чѣмъ послѣ открытія ея?

Далѣе, открыта или закрыта биржа, ни банки, ни ихъ клиенты не будутъ работать себѣ въ убытокъ. Между тѣмъ, неофициальныя биржевыя собранія гораздо болѣе благоприятны для всякой ловли рыбы въ мутной водѣ и злонамѣренной спекуляціи, особенно при семейно-обывательскомъ способѣ составленія бюллетеней. При этомъ надо помнить, что постоянная спекуляція на повышение, когда она экономически не основательна, не менѣе вредна съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, чѣмъ спекуляція на пониженіе, когда она обусловлена не законнымъ экономическимъ скепсисомъ по отношенію къ будущему, а исключе-

болѣе высокихъ цѣнъ для дивидендныхъ бумагъ вслѣдствіе обезцѣненія рубля.

тельно желанием получить разницу. Однако, буржуазное общество не располагает до сих пор никаким реактивом, который смог бы, бесспорно обнаружить, кто из играющих на повышение или на понижение серьезно покупает или продает на срок или же преследует только цель получения разницы. Все дело в мотивах, которые ни для кого и ничем неуловимы. Наше министерство финансов руководилось всегда чисто обывательской радостью всякому повышению, каковое в сферах высших финансов соответствует общей бюрократической формуле: все обстоит благополучно. Поэтому оно хочет всячески оттянуть давно уже назревший момент переоценки всех ценностей. Однако, в этой оттяжке кроется большая опасность. Рано или поздно фондовую биржу открыть придется, ибо неудобно для великой державы довольствоваться частными биржевыми собраниями. И чем выше и несомнѣннѣй будутъ взвинчены къ тому времени всякіе курсы, тѣмъ большимъ будетъ потомъ ихъ паденіе и связанное съ нимъ разочарованіе.

Открытие официальной биржи при *прошлой повышательной* тенденции не может не сопровождаться понижением курсов, которое при калитности такой тенденции будет, конечно, временным. Понижение это может быть обусловлено, съ одной стороны, принудительными продажами клиентских бумаг, служащих обеспечением банковских кредитов, съ другой — тем, что Германия может выбросить на наш внутренний рынок те наши ценности, которыми она владела и до начала войны. Первая опасность может быть парализована продолжением оныольнаго мораторія для счетовъ старыхъ клиентовъ, хотя мы относимся скептически къ мнѣнію г. Менькова, будто старые клиенты банковъ не платятъ всѣхъ долговъ потому, что у нихъ нечѣмъ платить. Есть, конечно, и такіе, но есть и другіе, которымъ выгоднѣй употреблять свои средства на что-либо другое, чѣмъ на ликвидацію прежнихъ обязательствъ. У насъ, вообще, всѣ стараются по мѣрѣ силъ и возможности не платить старыхъ долговъ. При этомъ — уплата хотя бы и возросшихъ процентовъ при продолженіи упомянутого мораторія обезцѣненнымъ рублемъ — операція для старыхъ клиентовъ отнюдь не убыточная.

Что же касается опасности наводнения нашего рынка ценностями изъ Германіи (мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, промышленныя ценности, какъ разъ тѣ, кои являются одной изъ формъ экономической зависимости или, если угодно, «засилья» одной страны отъ другой), то существуютъ весьма большія основанія думать, что Германія не порветъ такъ легко тѣ нити, которыми она связала себя съ Россіей, какъ бы она ни нуждалась сейчасъ въ наличныхъ средствахъ и какъ бы соблазнительно ни было вызвать большую пертурбацію на нашей биржѣ внезапнымъ и основательнымъ понижениемъ всѣхъ курсовъ. Кроме того, если въ Германіи оцѣниваютъ повышательную тенденцію, намѣтившуюся у насъ, тоже, какъ прочную, то ясно, что Германія будетъ выбрасывать

наши цѣнности постепенно, чтобы не потерпѣть убытка отъ массовой и одновременной распродажи ихъ по низкимъ курсамъ¹.

Что касается, наконецъ, валютнаго вопроса (торговля деньгами), то напомнимъ, что министерство финансовъ, хотя и съ большимъ опозданиемъ (во главѣ вѣдомства стоитъ Фабій Кунктаторъ), все же монополизировало сдѣлки съ валютой въ рукахъ кредитной канцелярии. Слѣдовательно, валютному отдѣлу на биржѣ нечего будетъ дѣлать и его незачѣмъ открывать.

Въ томъ, что открытіе биржи не можетъ не сопровождаться переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей въ сторону ихъ пониженія — въ этомъ не сомнѣвается никто. Можно спорить лишь о размѣрахъ, широтѣ и длительности пониженія, т. е. ставить вопросъ, можетъ ли открытіе биржи вызвать биржевой кризисъ. Это зависитъ опять-таки отъ того, какъ мы оцѣниваемъ настоящую конъюнктуру и виды на ближайшее будущее, т. е. считаемъ-ли биржевой кризисъ возможнымъ или неизбежнымъ въ недалекомъ будущемъ, *независимо отъ того, будетъ-ли открыта официальная биржа или нѣтъ*. Въ томъ, что кризисъ рано или поздно будетъ — это тезисъ, не требующій доказательства. Вопросъ лишь въ томъ, какъ скоро можно ожидать его и можетъ ли быть послѣ него продолжительный лизисъ, т. е. надолго ли укоренится понижающаяся тенденція?

Эта тенденція преобладала въ Петроградѣ послѣднія двѣ недѣли іюня, нѣсколько дней отъ 7-го іюля, 8 августа, когда она коснулась, главнымъ образомъ, металлургической группы — естественная реакція на неосновательное повышение ея бумагъ на предыдущей недѣлѣ. Заминка 7-го іюля объясняется обзорѣвателемъ «Финансовой Газеты» опубликованіемъ потомъ отменнаго указа о призывѣ ополченія за нѣсколько сроковъ. (См. № 259). Такъ какъ призывъ въ томъ масштабѣ, въ какомъ онъ былъ проектированъ вначалѣ, грозилъ услѣшной уборкѣ урожая и посѣву озимыхъ, то отрицательная реакція частной биржи на этотъ указъ вполне понятна. Неровное и колебательное настроеніе послѣднихъ двухъ недѣль іюня и начала іюля обусловлено частными причинами, для насъ неинтересными. Любопытно развѣ отмѣтить, что частная биржа никакъ не реагировала въ это время на политическія событія внутренней жизни, т. е. на роспускъ Г. Думы и продолжающуюся «министерскую чехарду». Это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что удачи на фронтѣ совершенно заслонили въ молѣ зрѣнія профессиональной спекуляціи и широкой публики все происходящее въ тылу.

Пока же въ фактахъ настоящаго и ближайшаго будущаго какъ будто нѣтъ ничего, что могло бы порадовать бланкетистовъ и оторочить повышателей¹. Но и въ силу тѣхъ соображеній, которыя были раз-

¹ Какъ въ Германіи на самомъ дѣлѣ оцѣниваютъ наше финансово-экономическое положеніе—это весьма интересно и открытіе биржи обнаружилъ бы эту оцѣнку.

виты выше объ общих причинах повышательной тенденции — пока нет оснований ожидать существенных перемены биржевого настроения в ближайшем будущем.

Биржевого кризиса и притом длительного можно ожидать после окончания войны.

Почему? Те свободные средства, которыми располагают ныне для биржевой игры разные слои населения, имеют чисто военное происхождение. Предоставим слово проф. П. Мигулину, который с присущей ему живостью изложения рассказывает, откуда возникло военное стремление к роскоши и как надо бороться с ним по настоящему, не ограничиваясь дешевым крохоборством и lamentациями гг. Шингаревых².

Те же источники, которые сделали, по его мнению, возможной роскошь одних, дали, очевидно, и средства для биржевой спекуляции им же и другим.

Допустим, что война кончается завтра. Начнется промышленный кризис, и на счет дивидендов будет слабо. Это вызовет поворот в сторону твердопроцентных бумаг и государственных фондов. Дивидендные ценности полетят вниз, и понижательная тенденция окрылит надолго тем более, что свободных денег будет мало.

Никто, кажется, не считал никогда и не считает теперь войну положительным фактором для народного хозяйства. Про нынешнюю войну у нас давно твердят, что она стала войной на истощение. А раз это так, то биржевой кризис, как один из частных кризисов в народном хозяйстве, обеспечен. Это важно для всех, а то, когда именно обнаружится кризис — завтра, через месяц или год — более важно для спекулянтов и играющей публики, которую они стригут вкупѣ с банками.

А. Никитский.

¹ Последние спекулировали в первой половине августа на присоединение Румынии. Однако, и бланкисты (понижатели) имели в это время свои наибольшие победы, так что колебания курсов были весьма резки. На присоединение Румынии биржа реагировала весьма слабо некоторым повышением цен бумаг металлургической группы.

² См. № 15 «Нов. Экономиста» за 1916 г.

О ТВЕРДЫХЪ ЦѢНАХЪ И АГГРАРНЫХЪ ВОЗДЕЛЪВАНІЯХЪ.

Врядъ-ли аграріи ожидали въ началѣ войны, что она отвереть имъ такая блестящія перспективы. Угнать и объявляется, очевидно, то, что въ началѣ войны боевое настроеніе ихъ было бодрѣе, чѣмъ сабо. Да вѣдь и весь широкій знатокъ русскаго сельскаго хозяйства разсуждали осенью 1914 г. бодрѣе о томъ, какъ боротья съ грабущимъ перешоля-годеволь и обезпеченіемъ хлѣба, а не о томъ, какъ быть съ недостат-комъ и дороговизной его. Между тѣмъ, уже къ декабрю 1914 г. овесъ вздорожалъ въ полтора раза, къ январю 1915 г.—въ 1¾ раза, къ апрѣлю—квѣе. Но вѣдь сортали хлѣбовъ въ среднемъ вздорожаніе вы-ходили къ апрѣлю въ полтора раза¹.

Для «сельскихъ хозяевъ» прозидъ часть. Чѣмъ, въ сакомъ дѣлѣ, они хуже металлурговъ, угольщиковъ, суконщиковъ, кожевенниковъ, тѣ-стлячниковъ, спичечныхъ, табачныхъ, бумажныхъ, фабрикантовъ и т. д., и т. д.?.. Началась третья всероссійская мобилизація—аграрная мо-близация.

Не буреель останавливаться на ея перекъхъ шагахъ, не совѣтъ еще ирннтельныхъ и откровенныхъ (отклоненіе законопроекта объ убѣе те-лѣтъ, заимствъ о твердыхъ цѣнахъ). Полную ясность дѣло подучило съ назначеніемъ новаго министра земледѣлія и постановкой на очередь во-проса о повышеніи твердыхъ цѣнъ. На этомъ послѣднемъ характерномъ эпизодѣ, т. е. на выработкѣ мѣстныхъ совѣщаніями новыхъ твердыхъ цѣнъ² мы и хотимъ специально остановитъ наше вниманіе.

Мы собрали для семи южныхъ черноморскихъ губерній свѣдѣнія о твердыхъ цѣнахъ, дѣйствовавшихъ за весеннее полугодіе 1916 г. и о требуемыхъ аграріями на осеннее. Сопоставили эти данныя только для ржи и овса, которыхъ закупается казнаю больше всего (въ коп. за пудъ):

	Курская.	Полтавская.	Херсонская.	Екатеринослав.	Харьковская.	Дон. область.	Кіевская.	Среднее.	
Рожи.	Сушество. цѣна	120	115	115	120	115	98—120	115	116
Трелуек.	»	140	150	165	170	140	150	155	153
Овесь.	Сушество, цѣна	110	112	120	112	112	100—110	112	112
	Тр. б. дум.	»	140	169	170	170	160	170	163

¹ Востокъ союзъ горловъ, эконом. отдѣль. «Обзоръ состоянія тракт-сисрѣа и рынковъ», вып., V, 11, 1916 г., статья Ф. Дипкина, с. 6.

² Эти совѣщанія (при цѣтнхъ участіемъ членовъ центральнаго про-повольств. совѣщанія) должны были навѣти въ желательныя мѣстныя хо-зяева «твердыя», т. е. револьвы цѣны, не дороже которъхъ заку-пается равнѣствомъ хлѣбовъ для арміи и населенія. Эти цѣны ковенно влѣкты и на частныи рынокъ, дѣйствуя подобно таксамъ.

Въ среднемъ аграріи хотять поднять цѣну на рожь съ 116 коп. до 153 коп., т. е. на 32%, или на одну треть; цѣну на овесъ—съ 112 до 163 коп., т. е. на 45% или почти въ полтора раза.

Также неумѣренны ихъ аппетиты и въ отношеніи пшеницы и ячменя: съ 154 и 102 коп. за пудъ они хотять поднять цѣны до 199 и 135 коп., т. е. на 29% (пшеница) и 32% (ячмень). Въ общемъ по этимъ четыремъ хлѣбамъ они требуютъ возвышенія предѣльной цѣны на 34½%, т. е. больше, чѣмъ на треть.

Для того, чтобы оцѣнить смыслъ всѣхъ этихъ требованій, сопоставимъ проектируемый приростъ таксы съ фактическимъ приростомъ цѣнъ на хлѣбъ. Мы сравнивали до сихъ поръ твердыя цѣны за весеннее полугодіе 1916 г. съ проектируемыми твердыми цѣнами на осеннее полугодіе 1916 г. Спрашивается, насколько возрасли фактическія цѣны отъ весенняго полугодія къ осеннему хотя бы въ прошломъ, 1915 году (твердыхъ цѣнъ тогда еще не было)?

По даннымъ Ф. Липкина, средній показатель цѣнъ на хлѣба за весенніе мѣсяцы 1915 г. былъ 148,2; тотъ же показатель за осенніе мѣсяцы (авг.—дек.) 1915 г. былъ 155,6. Возрастаніе составляетъ всего пять процентовъ, вмѣсто *тридцати четырехъ*, требуемыхъ аграріями.

Если сравнивать намѣчаемый помѣщиками скачокъ съ уже пережитыми раньше скачками, то окажется, что повышеніе цѣнъ за весь послѣдній годъ (весна 1915 г.—весна 1916 г.; данныя т. Липкина) меньше—оно составляетъ только 28%. Также и полугодичный приростъ послѣдняго времени (осень 1915 — весна 1916 г.) меньше — 18,5%.

Этотъ скачокъ можетъ идти въ сравненіе только съ наблюдавшимся въ самомъ началѣ войны прыжкомъ цѣнъ — съ осени 1914 къ веснѣ 1915 г. (онъ составилъ около 35%). Но это было во времена сильнѣйшей пертурбаціи хозяйства и выступленія г. Маклакова въ роли борца съ дороговизной. Беря нормы послѣдняго, болѣе уравновѣшеннаго времени, можно сказать, что помѣщики въ полгода хотять снять сливки за годъ или болѣе впередъ.

Но, можетъ быть, старыя предѣльныя цѣны были слишкомъ низки, и теперешнимъ увеличеніемъ помѣщики хотять исправить ранѣе испытанное притѣсненіе? По этому пункту достаточно взять такія данныя. Не только введенныя въ январѣ 1916 г. твердыя цѣны были выше декабрьскихъ рыночныхъ цѣнъ, т. к. на дальнѣйшее повышеніе былъ оставленъ запасъ,—но если сравнить эти цѣны съ тѣмъ, что просили тогда тѣ же мѣстные совѣщанія, получится, что изъ 28 цифръ, выставленныхъ мѣстными людьми тѣхъ же семи губерній, 19 цифръ было повышено. Это повышеніе въ среднемъ составило 9%. Иначе сказать, высшее продовольственное совѣщаніе при выработкѣ предѣльныхъ цѣнъ на 9% опередило требованія южныхъ аграріевъ. Въ частности, что касается гречихи, то здѣсь особое совѣщаніе накинуло цѣныхъ 25%. Отсюда проистекаетъ сравнительная скромность въ «запросѣ» аграріевъ по отношенію къ гречихѣ. Иначе сложилось дѣло съ овсомъ, на который

предельныя цѣны были назначены раньше всѣхъ — еще прошлой осенью, при Кривошеинѣ. Окончательныя твердыя цѣны были установлены на 2% ниже противъ запроса мѣстныхъ совѣщаній. Эти 2%, надо думать, сильно способствовали тому, что г. Кривошеинъ разстался съ министерскимъ портфелемъ.

Любопытно сравнить ликвидироваемыя сейчасъ твердыя цѣны съ фактическими весенними цѣнами на мѣстахъ. Мы возьмемъ послѣднія (по тѣмъ же губерніямъ) изъ сборника Деп. Земледѣлія «1916 г. въ сел.-хоз. отношеніи», выш. I, II. 1916. Беремъ сразу среднія числа по всѣмъ семи губерніямъ (въ коп. за нудь):

	Рожь.	Пшеница.	Овесь.	Ячмень.	Гречиха.
Твердая цѣна	116	154	112	102	170
Фактич.	119	154	136	116	данныхъ нѣтъ.
Выше или ниже въ % .	+2,6	^{Расси- нѣтъ.}	+21,4	+13,7	—

Было бы понятно, если бы цѣны свободнаго «частнаго» рынка въ теперешнее спекулятивное время выходили на 5 — 10% выше твердыхъ цѣнъ, регулирующихъ привилегированныя правительственныя закупки (подъ угрозой реквизиціи). Но, оказывается, для ржи и пшеницы этого нѣтъ. Мѣстныя и твердыя цѣны почти одинаковы. Значитъ, онѣ были назначены съ хорошимъ запасомъ. И, тѣмъ не менѣе, гг. аграріи собираются поднять ихъ на 29 — 32%. Что касается овса, то этотъ, наиболѣе вздорожавшій во всѣхъ странахъ хлѣбъ, спросъ на который война специфически обостряетъ, всего на 20% выпшелъ изъ нормы; на этомъ основаніи аграріи хотятъ поднять ее на 45%. Все это очень показательно.

Но если что-нибудь особенно хорошо обрисовываетъ характеръ всей кампаніи аграріевъ въ пользу повышения цѣнъ, такъ это дѣйствие, которое она оказала непосредственно на рынокъ. Колебаніе политическаго курса тотчасъ же вызвало колебаніе курса биржевого. Политика дала обратное отраженіе въ экономикѣ.

Цѣны подымались до апрѣля. Въ май-іюнь начался обратный процессъ, какъ это всегда бываетъ передъ началомъ новой сельск.-хоз. кампаніи и какъ это было, напр., и въ прошломъ году (по тѣмъ же индексамъ г. Липкина). Но въ прошломъ году наибольшій упадокъ и затишье наблюдались въ юлѣ. Совершенно иначе теперь: въ юлѣ цѣны начали быстро расти. Напомнимъ — въ началѣ іюля опредѣлился окончательно уходъ г. Наумова, а въ 20-хъ числахъ іюля выяснилось назначеніе гр. Бобринскаго.

Соотвѣтственно съ тѣмъ, если еще въ серединѣ іюня цѣны на пшеницу въ Харьковѣ были 155 к., то 8-го іюля уже небольшое повышение — 159 — 164 к.; 21-го іюля цѣна доходить уже до 176 к., затѣмъ до 185, до 192 (29 іюля), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 2 рублей и даже 2 р. 25 к.

Исторія съ твердыми цѣнами обозначила одинъ фактъ большой общественной важности: въ Россіи стала возможна активная «аграрная» политика и соответственно съ тѣмъ сразу возросла активность и классовая сплоченность аграріевъ. Кстати, надо отмѣтить, что благодаря этому весьма солидную основу получаетъ въ дворянскихъ кругахъ боевой патриотизмъ. Въдѣ воинственный духъ промышленниковъ опирается отънюдь не на одни мечтанія о рынкахъ, источникахъ сырья и будущихъ контрибуціяхъ; внутри страны въ наше время промышленники производятъ завоеванія гораздо болѣе грандіозныя, чѣмъ во внѣ. И эти завоеванія безусловно гарантированы, никогда не уйдутъ отъ нихъ. Марксъ отмѣтилъ, что военные займы и поставки — прекрасный методъ «первоначального накопленія», превращенія народнаго богатства въ капиталъ, отдѣленія средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей. Нѣтъ сомнѣнія, процессъ капитализаціи и концентраціи въ огромномъ масштабѣ совершается и теперь, а потому духъ гг. Гучковыхъ твердъ и безтрепетенъ, внѣ зависимости отъ внѣшнихъ «плодовъ» и «условій».

Однако, движенію этому поставлены предѣлы. И они воздвигаются, какъ это нетрудно замѣтить, даже въ средѣ самихъ русскихъ землевладѣльцевъ. Если вслѣдствіе дезорганизации хозяйства и усиленія спроса на хлѣбъ производство плохо покрываетъ потребность, если стали возможны игра на цѣнахъ, реализація спекулятивныхъ прибылей и даже появились перспективы «абсолютной ренты», то кто отъ этого выигрываетъ, какіе аграріи, всѣ ли владѣльцы земли и всѣ ли обрабатывающіе ее своею и чужою наемной силой?

Въдѣ прежде всего самое несоотвѣтствіе предложения и спроса создается разстройствомъ хозяйства. Чье же хозяйство разстраивается въ деревнѣ въ первую голову? Хозяйство тощихъ слоевъ крестьянства и болѣе устойчивыхъ группъ его, но все же лежащихъ около или ниже средняго уровня. Немногочисленная рабочая сила и рѣдкій рабочий скотъ исчезли здѣсь изъ оборота. Затѣмъ — немалое число отсталыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ: всѣ тѣ, которые работали крестьянскимъ инвентаремъ, всѣ тѣ, которые жили слачей земли въ аренду тѣмъ же тощимъ слоямъ крестьянства. Словомъ, какъ разъ тѣ хозяйства, которыя больше всего связаны съ феодальными отношеніями. Съ другой стороны еще и тѣ помѣщичьи хозяйства болѣе высокаго типа, которыя слабо примѣняли машинную работу и нуждались для обработки въ большемъ количествѣ рабочей силы. Изъ среды этой части помѣщиковъ, вѣроятно, исходятъ различныя секретныя записки и задается тонъ писателямъ «Русскаго Знамени» и «Земщины».¹

Вполнѣ использовать и оцѣнить моментъ способны, съ одной сто-

¹ Въ № 30 казенной «Землед. Газеты» въ статьѣ «Сельскій хозяинъ о пережитыхъ годахъ войны (письмо изъ Самарской губ.)» г. Г. Костромитиновъ сообщаетъ весьма интересныя данныя, подтверждающія сдѣланную характеристику.

роны, частью «хозяйственные мужички» — при помощи кредитных союзовъ, а съ другой стороны, такіе сельскіе хозяева, какъ владѣльцы экономіи «Смѣла» и др., т. е. крупныхъ и развитыхъ сельск.-хоз. предприятий. Главная ихъ забота — недостатокъ рабочей силы — превосходно устраняется массовымъ использованием высококультурныхъ заграничныхъ рабочихъ въ мундирѣ военноплѣннаго. Кстати, военноплѣнные и вообще-то на работы отпускаются лишь большими партиями.

Отсюда понятно, почему въ балашовскомъ земскомъ собраніи крестьяне голосовали противъ установленія себѣстоимости пшеницы въ 5 руб. 50 коп. (!). Это, повидимому, крестьяне, которымъ приходится прикупать хлѣбъ и которымъ, можетъ быть, придется прикупать его и въ этомъ неурожайномъ для нижеволжскихъ губерній году. Наоборотъ, въ Черниговѣ крестьяне голосовали за болѣе высокія цѣны и противъ представителей горожанъ въ земскомъ собраніи (профессора, врача, чиновниковъ и др.). Очевидно, это другой типъ крестьянъ, а, можетъ быть, и фиктивные крестьяне.

Итакъ, не только намѣчается, благодаря укрѣпленію аграрнаго курса, большое различіе въ интересахъ сельскаго и городского населенія (особенно неимущаго), но еще завязывается сложный узелъ въ самой деревнѣ. И чѣмъ энергичнѣе будетъ поворотъ въ сторону активной аграрной политики, тѣмъ скорѣе онъ выдвинетъ на очередь необходимость разрѣшенія назрѣвающихъ противорѣчій, очень серьезныхъ и глубокихъ¹.

Н. Осинскій.

¹ Газетныя извѣстія, пришедшія уже послѣ написанія этой статьи, показываютъ, что аппетиты аграріевъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше разгораются. Черноземный югъ теперь кажется умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ послѣ выступленія Приволжья и Заволжья. Въ Саратовской губ. земское собраніе (которыя вообще оказались куда «радикальнѣе» мѣстныхъ совѣщаній), хочетъ повысить цѣну на пшеницу ни много ни мало, какъ на 1130/0 (съ 1 р. 75 к. до 3 р. 72 к.); на овесъ ее желаютъ увеличить болѣе чѣмъ втрое (110—343 к.). Не меньшей энергіей отличаются аграріи сѣвера и центра: въ Тульской губ. хотятъ получить за хлѣбъ вдвое дороже, въ Нижегородской за овесъ въ 2½ раза и т. д.

Все это только усиливаетъ высказанныя выше соображенія. Средній уровень прибавокъ при добавленіи указанныхъ районовъ доходить для ржи до 380/0, для пшеницы до 470/0, для овса до 610/0; для ячменя и гречихи онъ остается неизмѣннымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (Тамбовская, Саратовская губ. и др.) дикія цѣны получились путемъ явственной фальсификаціи расчетовъ (пониженіе урожайныхъ цифръ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фальсификація кромѣ того строила свое зданіе на почвѣ плохого сбора: дѣло въ томъ, что воспѣтый нашими шовинистами урожай кое-гдѣ показываетъ прорѣхи. Однако, если выработанныя въ этомъ случаѣ цѣны, доходящая въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ до 5 р. за пудъ хлѣба, правильно выражаютъ издержки производства, то выводъ получается только одинъ: по такимъ голоднымъ цѣнамъ нельзя въ данной мѣстности закупать хлѣбъ, наоборотъ, его надо везти туда для потребления гг. голодающихъ помѣщиковъ.

Такъ, напр., если въ Таврич. губ. цѣна на пшеницу выставлена въ 1 р. 80 к., а въ Саратовской. губ. 3 р. 43 к., то ясное дѣло, надо воздержаться отъ закупокъ въ Саратовской губ. и везти въ нее хлѣбъ изъ Крыма. Если только расчеты гг. саратовскихъ земцевъ соответствуютъ дѣйствительности.

БИБЛИОГРАФИЯ.

* * *

Т. Ефименко. Жадное сердце. Стихи 1916 г. Пгг. 62 стр. ц. 1 руб. Скл. изд. кн. маг. б. Попова.

Книга издана въ 1916 году, въ Россii, — и на нашихъ глазахъ почти чудесное преображение современнаго намъ человѣка — въ мирнаго поселянина времянь успокоенной античности и мира Элады съ «домашними ларами», съ «другомъ, берущимъ свирѣль», съ «сыромъ домашнихъ козъ» и съ другими прекрасными и успокаивающими образами чуждой и, можетъ быть, кому нибудь и завидной жизни...

... «Веселый фавнъ, изваянный убого

Пастушескимъ ножемъ,
Межь двухъ оливъ у моего порога
Ты охраняешь домъ»...

...«Встань на порогъ съ водою въ широкогорломъ кувшинѣ.

Да полотенце льняное съ яркой каймой не сомни.

Здравствуйте, милые гости, благословенье богини

На приносящихъ намъ радость въ свѣтлые, майские дни»...

...«Я шкурами двери и тканями стѣны закрою,

Попрячу оливки въ кувшинахъ широкихъ и красныхъ.

Дѣтей убаяю, огонь мы при- тушимъ золою,

И праздникъ нашъ мирный окон- чится въ ласкахъ не страстныхъ»...

Можно привести цѣлыя стихотво- рения,—во всѣхъ стихахъ изъ первой части «Жаднаго сердца» — все благо- стно — ясно, все — мирно и, по хорошему, — тепло... Поэту, видимо, дано говорить неживыми словами объ этомъ не совсѣмъ для насъ правдоподобномъ бытѣ...

Но стоитъ поэту заговорить о сво-

емъ, о сегодняшнемъ — полныя, нужныя слова куда-то исчезаютъ, и читаешь такое:

...«Съ Вами готова я быть веселой во всякій день и часъ.

Можетъ быть, даже нѣжиѣ мой голосъ

становится для Васъ...

Въ этой симпатii, во все безгнѣв- ной

И холодъ есть большой...

«Душа, лишенная крылъ!» «Душа безъ огня!» «Щитъ мой былъ — не- довѣрье!» «Желанье одно: побороть, омочить губы въ крови!» Словомъ, даже и не вѣрится, что вся эта вы- думанная и захватанная достаточно риторика умѣщается, рядомъ съ художественными хоть и чуждыми намъ первыми страницами!

И непонятно, почему у поэта для всякихъ «домашнихъ ларъ» слова есть, — а для «своего, для сегод- няшняго» — такъ мало.

Вѣдь въ сущности изъ всей кни- ги трогаетъ единственное, хоть и описательное, но живое:

...«Немилый день сквозь шторы натекаетъ,

И вещи означаются, какъ пятна Зеленой сырости на потолкѣ под- вала.

Тамъ мимо стула кинуто бѣлье, Здѣсь платье смятое и туфли вверхъ подошвой..

...Ахъ, не было любовнаго сви- данья,

Ахъ, не было и никогда не будетъ!

...Брожу, какъ кошка въ опустѣв- шей дачѣ»...

Несомнѣнно одно: у Т. Ефименко есть данныя. И отъ нея читатель вправѣ ожидать не громкой, но под- линно — женской лирики.

Натанъ Венгровъ.

Франсуа Вийонъ. Отрывки изъ «Большого завѣщанія», баллады и разныя стихотворенія. Переводы и биогрфическй очеркъ И. Эренбурга. Издательство «Зерна». Москва. 1916 г. Стр. 54. Ц. 1 р.

Франсуа Вийонъ—явление исключительное въ литературѣ не только своей страны и не только своего времени. Вѣрный сынъ своей эпохи (онъ родился въ 1431 г.), эпохи безконечныхъ и беспорядочныхъ войнъ, черной смерти, разбойничьего меча и религиознаго экстаза, Вийонъ предстаетъ передъ нами ея живымъ символомъ, со всѣми ея, казалось бы несомнѣстимыми въ одномъ человѣкѣ, противорѣчiями.

Бродяга и школяръ, «мать-кормилица» парижскихъ воровъ, завсегда-тай самыхъ грязныхъ притоновъ, всю жизнь свою проведшй въ обществѣ босяковъ и пьяныхъ дѣвокъ, самъ убійца, сутенеръ и развратникъ, опытный въ «любовномъ ремеслѣ», окончившй свою многотрудную и многогрязную жизнь едва-ли не на висѣлицѣ — Вийонъ умѣлъ скорбѣть о тлѣнности земного существованiя, объ обреченности плоти, прозрѣвалъ сквозь ея тяжесть вѣчный духъ, умѣлъ не только создать идеаль вѣчно-женственнаго, но и воплотить его въ образъ вѣчно-женственной Матери. Тѣми-же устами, которыми онъ воспѣваетъ прелести «толстой Марго» и «кружевницы Бланшъ», онъ возноситъ пламенные и глубоко-искреннiя молитвы неизмѣнной Заступницѣ и Сыну ея.

До сихъ поръ русскй читатель былъ знакомъ съ Вийономъ только по отдѣльнымъ стихотворенiямъ, находившимъ случайнаго переводчика (въ наши дни—въ лицѣ В. Брюсова и Н. Гумилева). Поэтому мысль г. Эренбурга дать цѣлый сборникъ, посвященный ему, можно только приветствовать. Тѣмъ болѣе, что переводчикъ очень удачно произвелъ выборъ материала и въ свой, небольшой, сравнительно съ наслѣдiемъ Вийона, сборникъ включилъ все наиболѣе характерное для него.

Однако, отнесшись такъ внимательно къ выбору стихотворенiй для перевода, г. Эренбургъ, къ сожалѣнiю, не проявилъ той-же внимательности въ передачѣ отдѣльныхъ стихотворенiй и отдѣлкѣ строфъ, и въ смыслѣ близости къ оригиналу его стихи оставляютъ желать очень многого. Ничѣмъ не оправдываемые пропуски, не всегда умѣстныя вставки, замѣна однихъ образовъ другими, перенесение строкъ изъ одной строфы въ другую — все это встрѣчается у переводчика на каждомъ шагу. Съ внутренней стороны этому соотвѣтствуетъ сглаживание грубостей Вийона, нарушение его наивности и очевидное стремление модернизировать его. Такъ, напр., въ «Балладѣ о дамахъ былыхъ временъ» строки:

«La reine Blanche comme un lys Qui chantait à voix de sirenne».

(«Подобная лили королева Бланшъ которая пѣла голосомъ сирены») онъ передаетъ:

«Я королеву Бланшъ узрю-ль во снѣ?»

По пѣснямъ равная былой сиренѣ,

Что запѣвала на морской волнѣ,
Въ какомъ краю она — какихъ плѣненiй?» (Стр. 25).

То-же стремление къ модернизации и въ замѣнѣ такой простой строки: *Piech, corbeaux, nous ont les yeux savés* («Сороки, вороны долбили намъ глаза») — изысканнымъ, быть можетъ, красивымъ, но отнюдь не Вийоновскимъ образомъ

«Вороны выпили глаза изъ черныхъ ямъ» (Стр. 78).

Все это весьма значительно уменьшаетъ цѣнность сборника. Это уничтожаетъ характерность отдѣльныхъ стихотворенiй, сглаживаетъ ихъ, нивелируетъ. И если все-таки за невѣрными строками г. Эренбурга четко вырисовывается обчкъ мэтра Вийона, то въ этомъ заслуга не переводчика, а самого поэта, оригинальность и самобытность котораго таятся глубже отдѣльныхъ словъ и образовъ.

Д. Выгодскй.

Д. Дарский. «Радость земли». Изследование лирики Фета. Издательство К. Ф. Некрасова. Москва. 1916. Стр. 267. Цѣна 2 руб.

Говоря о поэтѣ, всегда очень соблазнительно бываетъ найти для него какое-нибудь одно «слово», магическое слово—опредѣленіе, въ которое замкнулся бы весь кругъ переживаний поэта, дать ему кличку, нацѣпить ярлычекъ. И почти неизбѣжно подчинение этому соблазну приводитъ къ ошибкѣ, потому что нельзя однимъ словомъ объять весь міръ поэта, если онъ хоть сколько-нибудь значителенъ.

Въ такую ошибку впалъ г. Дарский въ своемъ опредѣленіи поэзии Фета. Для послѣдняго найти «слово» трудно, чѣмъ для любого другого поэта. Дѣло въ томъ, что Фетъ былъ совершенно лишенъ чувства исторической постепенности событій, причинно-слѣдственной ихъ зависимости. Для него міръ состоялъ изъ непрерывнаго потока отдѣльныхъ мгновений, самодовлѣющихъ и ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныхъ. «Каждый моментъ Фетъ стремился объять въ немъ самомъ, вполне самостоятельнымъ, въ себѣ замкнутымъ, единственнымъ — самобытной монадой» (стр. 24). Его стихи не капли воды, сливающиеся въ одну струю, а самоцвѣтные камешки, сохраняющие свою отдѣльность, отличающиеся другъ отъ друга и формой, и величиной, и цвѣтомъ. Нанизать ихъ на одинъ стержень невозможно безъ внутренняго насилия надъ ними. Этого не избѣжалъ г. Дарский, и въ этомъ его главная ошибка.

Назвавъ свою книгу «Радостью земли», г. Дарский представилъ и всю поэзію Фета, какъ неизмѣнную радость земли, какъ ничѣмъ не нарушаемый восторгъ земного существованія. Въ основѣ своей этотъ взглядъ настолько же безспоренъ, насколько не новъ. Однако, желая придать облику Фета идеально-гармоническій образъ, авторъ оставилъ безъ вниманія все, что могло бы нарушить эту цѣльность. Фетъ, дѣйствительно, вѣчно радостный, захле-

бывавшійся порою отъ блаженства, дошедшій до муки чрезмѣрнаго счастья, не могъ, однако, избѣжать печалей и тревогъ земного существованія. И онъ порою чувствовалъ, что «устало все кругомъ», и въ его грудь вливалося «горячее жало», и онъ «кусалъ губы въ кровь» и безумно плакалъ въ ночи. Съ его славословяшаго языка срывался иногда стонъ безысходнаго отчаянія:

«Бѣжать? Куда? Гдѣ правда, гдѣ ошибка?

Опора гдѣ, чтобъ руки къ ней простерть?

Что ни разсвѣтъ живой, что ни улыбка

Уже надъ ними торжествуетъ смерть».

И слишкомъ поспѣшно заявляетъ г. Дарский о подобныхъ настроеніяхъ: «но это—милолетное» (стр. 184). Совсѣмъ не такой безобидной казалась Фету «злая старость». А его примиренность со смертью, его спокойное и увѣренное ожиданіе «послѣдняго новоселья», отнюдь не говоритъ о радости земли, какъ доказываетъ г. Дарский, а только о вѣрѣ въ неземную жизнь и о тоскѣ земного существованія. Да и примиреніе со смертью звучитъ, напомнимъ, въ такихъ словахъ (ихъ г. Дарский не приводитъ): «гдѣ взять разрывъ травы, чтобъ съ плечъ свалить обузу головы?» («Хандра»).

Если оставить въ сторонѣ эту недодуманность общаго плана, да еще недоѣдающее иногда многословіе, то въ остальномъ надо признать книгу очень удачной. Чуткій и вдумчивый читатель, г. Дарский изъ отдѣльныхъ словъ и намековъ поэта выводитъ обще мотивы и настроенія его творчества, выявляетъ черты его лица. Порой пересказывая его, порой объясняя и развивая, порой удачно подобранными и обильными цитатами заставляя его самого говорить за себя, г. Дарский, дѣйствительно, воссоздаетъ образъ поэта. Въ частности весьма умѣло и убѣдительно написана первая глава, разбирающая вѣчную двойственность Фета—поэта и помѣщика. Эта двойственность доходила у Фета до полнаго разъединенія

двухъ половинокъ его души, дѣйствовавшихъ совершенно самостоятельно, внѣ зависимости другъ отъ друга, и — главное — нисколько не мѣшая другъ другу, не вступая никогда во вражду. Онъ, ничуть не стѣняясь, изливаетъ въ письмѣ къ Льву Толстому «чувства скорби о томъ, что керосинъ сталъ стоить 12 коп.», на томъ-же листкѣ, на которомъ пишетъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній. Хорошо прослѣжена г. Дарскимъ смѣна мотивовъ и способовъ воспріятія міра у Фета, постепенный переходъ отъ «упругаго и тонкаго перебирания ногами» въ «Лирическомъ пантеонѣ» къ мудрой уравновѣшенности и прозрѣнію «Вечернихъ огней».

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ нашей крайне скудной литературѣ о Фетѣ изслѣдованіе г. Дарскаго является первой книгой о немъ. (Недавно вышедшая работа г. Федина состоитъ изъ отдѣльныхъ этюдовъ и не имѣетъ цѣльности книги). Это еще больше увеличиваетъ его цѣнность, и безъ того весьма значительную.

Д. Выгодскій.

Н. Каржанскій. Парижъ. Романъ. Ц. 1 руб. 25 к. Москва. «Печатное производство». 1916.

Политическая эмиграція—одна изъ характерныхъ «бытовыхъ явленій» русской жизни—имѣетъ въ нашей литературѣ весьма скромное—и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ—отраженіе. Ни винниченковскій романъ, ни повѣсть Золотарева «Во едину отъ субботы», ни тѣмъ паче бульварно-кинематографическая «Разбитая армія» Амфитеатрова не дали достаточно полной и объективной картины того своеобразнаго бытового уклада, который характеризуетъ современную эмиграцію.

Н. Каржанскій своимъ фрагментарнымъ «романомъ», впервые увидѣвшимъ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ сборниковъ «Знанія», ближе и пристальнѣе другихъ заглянулъ въ «душу» эмиграціи.

Въ одномъ изъ его очерковъ есть

такія строки: «Мѣсяцъ тому назадъ мы надумали издать сборникъ «Парижъ». Въ немъ мятущаяся душа русскаго эмигранта должна отразиться какъ въ зеркалѣ,—такъ мы рѣшили». Н. Каржанскій написалъ книгу «Парижъ», и если въ ней «мятущаяся душа» эмигранта и не отражена, «какъ въ зеркалѣ»,—все же въ ней многое даетъ представленіе о трагизмѣ жизни людей, оторванныхъ отъ родины, обреченныхъ голоду, бесплоднымъ поискамъ работы или непосильному труду, нравственному оскудѣнію... Жуткимъ призракомъ запоминается образъ женщины-эмигрантки, которая, симулируя голодный обморокъ, падаетъ на холодныя и мокрыя плиты парижскихъ мостовыхъ и этимъ добываетъ себѣ средства къ жизни... Есть еще рядъ другихъ картинъ и образовъ, ярко обрисовывающихъ драму опустошенія души, порождаемую голодной изгнаннической жизнью. Переживания «неизвѣстнаго человѣка», отъ чьего лица ведутся записки, гордая «панна Запельская», съ жадной судорогой голода глотающая супъ, горькія сѣтованія Алексѣя на «проклятую скотскую живучесть», поддерживающую «мозглявую належдишку» на жизнь—все это цѣнные осколки зеркала, отражающіе куски эмигрантскаго быта.

Но г. Каржанскій считаетъ недостаточнымъ передавать человѣческія страданія просто, безъ ломанія.—онъ находитъ нужнымъ ихъ «стилизовать».—и въ результатѣ цѣнное ядро правды облачается въ такой огромный ворохъ словесной мишуры, что порой до этого ядра трудно добраться. Изъ 60-ти слишкомъ очерковъ лишь немногіе написаны просто и своимъ языкомъ,—все же остальное слѣлано авторомъ «подъ кого-нибудь».—больше всего «подъ Гамсуна». Героя «Голода» невольно вспоминаешь, читая очерки: «Паркъ Монсури», «Однажды вечеромъ», «Дирижабль» и въ особенности «Въ бвлочной», гдѣ авторъ пытается овладѣть своеобразной капризной формой гамсуновскаго діалога. Но все

это хоть съ внѣшней стороны сдѣлано сносно, безъ рѣжущихъ ухо «литрическихъ» безвкусицъ, вродѣ слѣдующей: «Витишь свѣтлую звѣзду, зажженную надъ бездною? Это моя звѣзда, и за ней я пойду. Быть можетъ въ бездну, но я пойду. И если звѣзда не обманетъ меня, я самъ стану звѣздой» и т. д. въ этомъ-же стилѣ. Ся вымученная декларация не что иное, какъ бездарное «переложение» бальмонтскихъ стиховъ:

«Если къ пропасти прійду я, загля-
дѣвшись на звѣзду,
«Буду падать не жалѣя, что на кам-
ни упаду...» («Воля»).

Не болѣе удачны попытки автора имитировать Ремизова. Вотъ, напр., какъ «обремизилъ» онъ очеркъ «Ночью»: «На старомъ плѣ, задумавшись, сидѣлъ лѣшій. Я подкрался къ нему сзади, сунулъ ему въ ухо сухую соломинку и подломилъ гнилой кряжъ. Лѣши взвылъ и бросился въ мою сторону». Очеркъ «Гадалка» выдержанъ въ стилѣ «пикантности» а Іа Анатолий Каменскій—вплоть до тѣлеснаго обнаженія героя...

Словомъ, книга, которая могла бы быть очень хорошей—у автора наблюдательность и несомнѣнное дарование—въ достаточной мѣрѣ испорчена.

Тѣмъ не менѣе, прочесть ее слѣдуетъ: въ ней, повторяемъ, есть цѣнные осколки хорошаго зеркала, къ тому же она напоминаетъ объ основательно теперь позабытыхъ «военнопленныхъ» недавней великой войны... 1905 года.

Раф. Григорьевъ.

С. А. Золотаревъ. Синхронистическая диаграмма по исторіи русской литературы. Кн-во бывш. М. В. Попова. Петроградъ. Ц. 80 к.

Въ небольшомъ предисловіи къ своей работѣ г. С. Золотаревъ объясняетъ, что ею хотѣлъ онъ, во-первыхъ, дать представление о развитіи русской литературы и, во-вторыхъ— вмѣстѣ съ развитіемъ этимъ показать хронологическую преемственность или близость отдѣльных писателей.

Насколько цѣнной кажется намъ первая часть задачи, настолько-же излишней представляется вторая. Въ самомъ дѣлѣ: какой теоретическій смыслъ можетъ имѣть хронологическая преемственность или близость отдѣльных писателей? Никакого. А, между тѣмъ, упорное желаніе именно эту близость показать—безповоротно погубило интересный и весьма полезный трудъ г. Золотарева. Оно заставило составителя расположить авторовъ такимъ образомъ, что въ одномъ продольномъ ряду оказались: Посошковъ, Екатерина II, Полевой и Н. К. Михайловскій; въ другомъ—Ломоносовъ, Карамзинъ и Л. Толстой, въ третьемъ—Тредьяковскій, Мерзляковъ и Чернышевскій; въ четвертомъ—Княжнинъ, Пушкинъ и Глѣбъ Успенскій. Случайная близость дать смерти одного писателя и рождения другого—сблизила въ диаграммѣ Гавриила Каменева, Лермонтова, Рѣшетникова и Леонида Андреева; Герцена поставила рядомъ съ Гусевымъ-Оренбургскимъ, Федора Сологуба—съ Сенковскимъ и т. д. Въ концѣ концовъ—диаграмма г. Золотарева оказалась лишенной всякой наглядности, т.-е. того самаго качества, ради котораго и была предѣлана составителемъ весьма кропотливая работа. Никакого представления о развитіи литературныхъ теченій, объ идейномъ родствѣ литературныхъ поколѣній, о литературныхъ группировкахъ и т. п. явленіяхъ нашего литературнаго прошлаго—диаграмма не даетъ. А казалось бы, что въ наглядномъ (графическомъ) изображеніи этихъ явленій и заключена была задача составителя.

Диаграмма, кромѣ того, и не полна. Правда, г. Золотаревъ оговаривается, что работа его охватываетъ большой кругъ писателей и наиболѣе выдающихся критиковъ и историковъ литературы, но количество именъ ихъ не выходитъ за предѣлы знаній, «предполагаемыхъ у средняго образованнаго и литературно-начитаннаго человѣка». Но эта оговорка его не спасаетъ. Прежде всего: причѣмъ тутъ средняя образованность и ли-

литературная начитанность читателя? Если диаграмма обѣщаетъ дать графически расположенный матеріалъ по истории русской литературы,—то въ этой диаграммѣ долженъ быть данъ соотвѣтственный матеріалъ, независимо отъ уровня знаній и начитанности читателя. Очевидно, г. Золотаревъ руководился ложнымъ критеріемъ. Но если мы даже и примемъ его оговорку, то и тогда намъ не будетъ ясно, почему въ диаграммѣ помѣщена, на примѣръ, г-жа Щепкина-Куперникъ, и отсутствуетъ г-жа Зинаида Гиппиусъ, или Ольга Шпиръ, или Поликсена Соловьева (Аллегро)? Или г. Золотаревъ полагаетъ, что названныя писательницы выходятъ за предѣлы знаній средне-начитаннаго читателя? То-же самое можно сказать про рядъ другихъ писателей. Въ диаграммѣ имѣется, напр., Юшкевичъ, и нѣтъ Айзмана, есть Априѣлева и нѣтъ Любови Гуревичъ, есть Апухтинъ, и нѣтъ Иннокентія Анненскаго, есть Бѣлый, и нѣтъ Александра Блока. Нѣтъ, затѣмъ, Акима Волынскаго, Ал. Будищева, В. В. Розанова, Евг. Соловьева, Льва Шестова, Н. В. Шелгунова и многихъ другихъ. Наконецъ,—непростительно и непонятно забыть Т. Н. Грановскій—хотя имѣются Надеждинъ и Станкевичъ,—и т. д. Если эти пропуски умысленны—они означаютъ, что г. Золотаревъ пользовался плохимъ методомъ; если-же они случайны—то... тѣмъ хуже для диаграммы г. Золотарева.

Вяч. П.

В. Майскій. Германия и война. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1916 г. 250 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Вопросы внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній въ Германии во время войны пробудили огромный интересъ въ читающей публикѣ. Къ сожалѣнію, тотъ вполне понятный и законный интересъ не былъ удовлетворенъ: все, что писалось о Германии во время войны, за весьма немногочисленными исключениями, представляетъ сомнительную цѣн-

ность. Отъ всей этой литературы выгодно отличается книга В. Майскаго.

Мысли автора и его трактовка вопроса не новы: съ ними русская читающая публика встрѣчалась уже въ журналахъ «Современный Миръ», «Русскія Записки» и др., но здѣсь онѣ собраны вмѣстѣ, представлены въ болѣе компактномъ видѣ и потому оставляютъ болѣе цѣльное и полное впечатлѣніе. Германия сравнительно поздно вступила на поприще капиталистическаго развитія, но это не помѣшало ей идти впередъ гигантскими шагами и опередить въ темпѣ капиталистическаго развитія Англию, Францію и Соединенные Штаты—страны, являвшіяся наиболѣе капиталистически развитыми промышленными организмами. Естественно, что молодая германская промышленность должна была стремиться къ реализаціи прибавочной стоимости за своими предѣлами и искать рынковъ сбыта не только въ отдаленныхъ тропическихъ странахъ, но и въ Европѣ, и на этомъ пути конкурировать съ Англией. Разумѣется, Германия въ этомъ отношеніи не составляетъ какого-нибудь исключения: общей формой развито-го капитализма является именно эта империалистическая политика погони за рынками. И въ этомъ смыслѣ линія развитія всѣхъ безъ исключения капиталистическихъ странъ одинакова. Поэтому приписывать германскій милитаризмъ исключительно только особенностямъ прусскаго политическаго и общественнаго строя—является общественнымъ дальтонизмомъ, и отъ этого, къ сожалѣнію, не свободенъ Майскій въ своемъ безусловно серьезномъ и интересномъ трудѣ. Въ общественномъ и политическомъ отношеніи интересы Германии болѣе всего и тѣснѣе всего переплетаются съ интересами Австріи, Франціи и Россіи. Бисмаркъ, являющійся воплощеніемъ политической и империалистической политики Германии, предопредѣлилъ ея развитие на многія десятилѣтія. Наиболѣе яркимъ фактомъ направленія этой политики была вой-

на Германи съ Австріей 1866 г. изъ-за гегемонии въ нѣмецкомъ союзѣ и заключение мира съ Австріей, обезпечивающаго ея дальнѣйшее развитіе, а не разгромъ, какъ этого многие ожидали. Германия Бисмарка предпочла союзъ съ Австріей союзу съ Россіей. Двѣ же послѣднія страны въ смыслѣ конкуренци являлись наиболѣе послѣдовательными врагами. Обѣ онѣ боролись за преобладание и власть на Балканахъ. Союзъ Германи съ Австріей исключалъ возможность союза съ Россіей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ у Германи появились империалистическіе интересы въ сѣверной части Азіатской Турци, связаные съ постройкой Багдадской желѣзной дороги, т. е. именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя издавна считались сферой русскаго вліянія.

Традиционную ненависть между Франшей и Германіей, начавшуюся со времени Наполеоновскихъ войнъ, углубила и усугубила война 1870 года и военный разгромъ Франци. Послѣ войны во Франци возникла идея реванша. Въ дѣйствительности дѣло было не въ реваншѣ, а въ борьбѣ за жизнь и смерть изъ-за африканскихъ колоній, изъ-за участія въ мировой империалистической политикѣ, — и эти стремления должны были, въ концѣ концовъ, привести къ вооруженному конфликту.

Наиболѣе сложными и запутанными являются отношенія между Англией и Германіей: это типическія отношенія двухъ империалистическихъ державъ. Пока капиталистическое развитіе Германи не достигло размѣровъ, угрожающихъ интересамъ Англи, эта послѣдняя относилась къ ней доброжелательно и даже поддерживала ее и въ борьбѣ съ Франшей, и въ конкуренци съ Россіей, желая ослабить вліяние и силу этихъ державъ. Когда же Германия вступила на путь агрессивнаго империализма, то взаимоотношенія ея съ Англией кореннымъ образомъ измѣнились. Англия начала опасаться за свои колоніи, особенно со времени начала постройки Багдадской желѣзной дороги. Англия издавна проводила мысль о

необходимости ликвидаци наслѣдства Турци: при этомъ она, конечно, рассчитывала захватить ея богатые земли, находящіяся въ сферѣ своего вліянія. Германия, напротивъ, стояла за сохранение Оттоманской Империи и даже за извѣстное реформированіе ея и укрѣпленіи, извлекая изъ этого огромныя экономическія выгоды. Вполнѣ понятно поэтому, что правительство Турци охотнѣе склонялось къ союзу съ Германіей, какъ со страной, которая хочетъ поднять и укрѣпить ее, чѣмъ съ Англией, явно стремящейся къ ея уничтоженію. Торговые интересы нѣмецкаго и англійскаго капитала переплетаются также и на Балканахъ, и нерѣдко служатъ яблокомъ раздора между конкурирующими странами. Послѣднее обстоятельство сыграло немаловажную роль въ ростѣ и развитіи империалистическаго столкновения послѣдняго времени. Такъ складывались международныя отношенія до войны...

Вспыхнувшая въ юль 1914 года война внесла много новаго и неожиданнаго въ политическую и общественную жизнь странъ, захваченныхъ ею, вмѣстѣ съ тѣмъ, многое измѣнила она и въ чисто-человѣческихъ отношеніяхъ. Она пробудила и разнузда дикіе инстинкты массъ. Началась эра погромовъ, шпиономани и взаимной національной травли. Были привнесены ею и элементы того духовнаго одичанія, которое такъ ярко выразилось въ прессѣ этого времени, въ газетахъ, журналахъ, тысячахъ стихотвореніи и пр. Потокъ «массоваго безумія» не пощадилъ даже многихъ серьезныхъ мыслителей и ученыхъ, и это, въ значительной степени, непоправимое зло, причиненное самими нѣмцами духовному облику Германи. Не пощадилъ война и германскаго рабочаго движенія. До войны въ Германи была могучая политическая партія съ вліятельнымъ парламентскимъ представительствомъ, сильныя профессиональныя союзы, были и другія формы, въ которыя выливалось классовое движеніе И, однако, ни одинъ

изъ отрядовъ этой армии послѣ объявленія войны не удержался на прежней позиціи — за весьма немногочисленными, чуть не единичными, исключениями. Впрочемъ, авторъ слишкомъ легко расправляется съ самимъ фактомъ существованія этихъ исключеній, или совсѣмъ игнорируя ихъ, или считая ихъ роль слишкомъ ничтожной.

Болѣе серьезно и вдумчиво онъ относится къ происхожденію социаль-шовинизма, причинами котораго, по его мнѣнію, является сила національнаго чувства, заинтересованность рабочаго класса въ тѣхъ крохахъ, которыя при развитіи империализма падаютъ рабочимъ съ богатаго стола буржуазіи, и оппортунизмъ праваго крыла рабочей партіи. Но и въ этой части книги съ аргументаціей автора и съ конечными выводами его не всегда можно согласиться, какъ нельзя согласиться и съ излюбленнымъ аргументомъ социаль-шовинистовъ, представляемымъ въ защиту своей позиціи, что болѣе развитое государство, въ случаѣ послѣдовательной оппозиціи широкихъ слоевъ, проигрываетъ гораздо болѣе, чѣмъ отстало. Достоинство книги Майскаго составляетъ обиліе приводимыхъ въ ней фактическихъ и цифровыхъ данныхъ. Мы находимъ здѣсь богатый матеріалъ, дающій яркую картину состоянія профессиональнаго и кооперативнаго движенія, а также и положенія промышленности Германіи.

Профессиональное движеніе съ начала войны пережило глубокий внутренній кризисъ. Причиной его явились призывы въ армию, постепенно охватывавшіе все болѣе широкіе слои демократіи. Каждый изъ этихъ призывовъ вырвалъ все новыхъ членовъ профессиональныхъ союзовъ; и все же они сумѣли справиться съ тяжелой задачей, выпавшей на ихъ долю. Профессиональные союзы не погибли ни подъ ударами мобилизаціи, ни въ тискахъ промышленнаго кризиса и продолжаютъ играть серьезную роль въ жизни страны. Изъ нихъ же главнымъ образомъ рекрутируется шови-

нистическое крыло рабочаго движенія. Народное хозяйство Германіи не погибло въ минуту невзгоды. Теперь даже для неисправимыхъ оптимистовъ ясно уже, что Германія вступила въ войну серьезно подготовленной. Но не ограничилась она и этимъ. Почти съ первыхъ дней войны въ Германіи была проведена полная мобилизація промышленныхъ силъ, давшая серьезные положительные результаты. При этой мобилизаціи интересы промышленности не пострадали. Даже, наоборотъ, дивиденды и доходы промышленныхъ предприятий весьма значительно возрасли, несмотря на тенденцію промышленниковъ и акционерныхъ компаній замолчать этотъ фактъ. Относительно пострадали лишь тѣ отрасли промышленности, которыя были непосредственно связаны съ транспортомъ и которыя не сумѣли быстро приспособиться къ новымъ запросамъ и нуждамъ государства, какъ, напримѣръ, угольная промышленность. Вообще же промышленность Германіи дѣлаетъ сейчасъ блестящія дѣла.

Германія произвела опытъ монополизациі предметовъ питанія въ очень широкихъ размѣрахъ и достигла въ этой области весьма внушительныхъ результатовъ. Дороговизна значительно уменьшилась, что авторъ иллюстрируетъ многочисленными цифрами. Та же монополизациія уберегла Германію отъ угрозы голода. Въ будущемъ война грозитъ Германіи колоссальнымъ увеличеніемъ государственнаго долга, съ тяжестью котораго она сможетъ справиться лишь при условии монополизациі многихъ отраслей промышленности. Къ этому выводу приходятъ ея финансисты и этотъ путь намѣченъ ею для будущаго.

Таковы общія положенія автора, такова нарисованная его рукой картина положенія Германіи во время войны и перспективы ея будущаго. Въ общемъ и цѣломъ трудъ В. Майскаго является цѣннымъ вкладомъ въ современную литературу, выгодно отличающійся своей серьезностью

и объективностью отъ того «бараннаго боя», который часто преподносится вмѣсто научныхъ изслѣдованій.

Р. Арскій.

Б. Л. Богаевскій. Земледѣльческая религія Аѳинъ. Томъ I. Петроградъ. 1916. VIII+240 стр. Цѣна 1 р. 75 к.

Работа г. Богаевского носитъ по своему заданію довольно узкій характеръ: это изслѣдование земледѣльческой религіи Аѳинъ и окружавшей ихъ равнины, а не всей Греціи, для чего, по мнѣнію автора, еще не настало время. Но выводы, къ которымъ онъ приходитъ, несравненно шире этой темы и могутъ быть, несомнѣнно, примѣнены въ значительной своей части не только къ другимъ государствамъ древней Греціи, но и вообще къ социальнымъ группамъ, стоявшимъ на той же приблизительно ступени развитія, что и древнія Аѳины. Изслѣдование г. Богаевского цѣнно далѣе тѣмъ, что авторъ сумѣлъ возсоздать живую античность, а не—пользуясь его выраженіемъ—«лапласовскаго» человѣка древней Греціи и не традиціоннаго эллина, творца жизнерадостнаго Олимпа. Передъ читателемъ проходитъ трудолюбивый, съ ограниченнымъ кругозоромъ, земледѣлецъ атической равнины, фанатикъ—какъ и крестьяне всѣхъ широтъ и долготъ—своей «землицы», съ помыслами, вѣчно направленными на разныя стороны его разнообразнаго земледѣльческаго хозяйства. Находясь всецѣло подъ «властью земли», онъ создалъ и соотвѣтственную религію, вызвавъ къ жизни обширный пантеонъ земледѣльческихъ божествъ, завѣдывавшихъ каждое особой стороной процесса производства: посѣвомъ, проведеніемъ бороздъ, молотбой и пр. Значительная часть лежащаго передо мной тома посвящена выясненію соотвѣтственныхъ функций этихъ божествъ и героев: Ге, Деметры, Коры, Триптолема, Эреختеля и т. д. Только специалистъ—филологъ сможетъ оцѣнить по до-

стоинству ту эрудицію и то научное остроуміе, которое обнаружилъ при этомъ въ своемъ анализѣ г. Богаевскій. Не касаясь этой, выходящей за предѣлы моей компетенціи, части труда г. Богаевского, я остановлюсь на общихъ взглядахъ его, имѣющихъ значительный интересъ съ точки зрѣнія теории религіи.

Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что при описаніи религіозной мысли аѳинскаго земледѣльца г. Богаевскій не слѣдуетъ ходить теоріи анимизма. Вслѣдъ за Марреттомъ онъ говоритъ объ аниматизмѣ, о взглядѣ на природу, какъ на оживленную, а не непременно одухотворенную. «Представленіе аниматизма вовсе не заставляло человѣка необходимымъ образомъ видѣть въ явленіи присутствіе духовнаго начала и какого-то особаго незримаго существа. Явленіе признавалось оживленнымъ лишь постольку, поскольку человѣкъ считалъ, что оно могло измѣняться согласно его волѣ. Оживленное явленіе природы, не переставая быть обычнымъ физическимъ явленіемъ, приобрѣтало въ сознаніи человѣка способность воспріятія его желаній и ихъ выполненія, согласно стремленіямъ человѣка. При этомъ человѣкъ могъ и не придавать явленію образа или чертъ человѣка» (8). Но этотъ древнѣйшій аниматизмъ—пантелизмъ, какъ сказалъ бы Гюйо,—переплетался уже и съ чисто анимистическими представленіями, согласно которымъ явленію приписывалось духовное начало. Въ итогъ возрѣнія древняго грека на окружающую дѣйствительность складывались изъ трехъ слоевъ представленій, на нашъ взглядъ совершенно различныхъ, но мирно уживавшихся въ головѣ аѳинскаго пахаря. Этотъ симбіозъ идей различнаго содержанія особенно удачно описанъ на страницахъ, изображающихъ греческія представленія о землѣ и почвѣ. Земля для грека была, съ одной стороны, совокупностью опредѣленныхъ физическихъ явленій. Разсматривая же происходяще въ ней процессы, онъ анима-

тистически видѣлъ въ нихъ явленія женскаго организма: земля была мать, родильница, отъ которой земледѣлецъ требовалъ рождений, и, если, глядя на небо и обращаясь къ Зевсу, онъ говорилъ: «проливайся дождемъ» (Ge) то по отношенію къ землѣ онъ потомъ произносилъ: «будь беременна» (Koe).. Наконецъ, какъ анимистъ, грекъ создалъ образъ богини земли, Ге, и думалъ, что она наполовину выходила изъ олицетворяемой ею земли. Это совмѣщеніе въ одномъ объектѣ трехъ различныхъ «иностаей» — физической, анимагистической и анимистической — могло бы послужить превосходной иллюстраціей къ учению Леви-Брюля о мистичности, до-логичности первобытной мысли, нисколько не считающейся съ повелительнымъ для насъ закономъ противорѣчія.

Такъ же сложны и своеобразны были сношенія древняго грека съ окружающей его природой. Поскольку онъ замѣчалъ въ явленіи присутствіе божества, онъ вступалъ съ послѣднимъ въ общеніе при помощи культа; когда же онъ его рассматривалъ, какъ просто оживленное, онъ прибѣгалъ къ содѣйствию симпатической магіи, имѣвшей цѣлью понудить явленіе исполнить желаніе земледѣльца. Наряду съ этимъ былъ, конечно, и объективный подходъ къ явленію, какъ части міра физической дѣйствительности.

Не касаясь другихъ интересныхъ частныхъ, я перейду къ заключительнымъ выводамъ книги г. Богачевскаго о соотношеніяхъ, существовавшихъ между религиозными и бытовыми представленіями аѳинскаго земледѣльца. Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ на длинныя выписки:

«Простой человекъ, пишетъ авторъ въ своемъ резюме, какъ можно было убѣдиться, избѣгалъ созданія крупныхъ и всеобъемлющихъ божествъ, составлявшихъ закрѣпленные образы официального Олимпа государственной религіи. Земледѣлецъ чувствовалъ, что эти божества отстояли слишкомъ далеко отъ его повседневной жизни для того, чтобы

къ нимъ можно было обратиться съ просьбой, содержащей личное, скромное по существу, но очень важное для отдѣльнаго человѣка желаніе. Такое же направленіе религиозной мысли простаго человѣка можно услѣдить и въ его обращеніяхъ къ землѣ. Въ ней земледѣлецъ видѣлъ не одну какую-либо богиню, но выдѣлилъ цѣлый рядъ характерныхъ чертъ земли, снабжая ихъ особыми отдѣльными божествами.. Въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ аѳинянинъ преслѣдовалъ чисто матеріальную, конкретную цѣль: свои главныя заботы онъ прилагалъ къ тому, чтобы снять полный урожай» (230). Для этого приходилось тщательно обрабатывать поля, продѣлывая аккуратно весь рядъ связанныхъ съ этимъ операций. Данныя условіями земледѣльческаго быта отношенія, претворяясь въ сознаниіи поселянина, выходили изъ него окрашенныя силой религиозныхъ представленій. Въ землѣ чаще всего человекъ «подчеркивалъ главную ея особенность, какъ матери всего сущаго, и видѣлъ въ ней также весьма неясное существо, которое онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ зналъ. Свое отношеніе къ землѣ, какъ таковой, аѳинянинъ воплощалъ въ образѣ Матери Земли, позднѣе и рѣдко—въ образѣ Деметры, перенесшей на себя нѣкоторыя черты Ге. Но главное вниманіе земледѣльца поглощала воздѣлываемая земля, составлявшая основной элементъ его бытія. Съ этой землей, представлявшей вполнѣ конкретное данное, которое онъ видѣлъ передъ собою и съ которымъ ежедневно находился въ тѣсномъ отношеніи, аѳинянинъ связывалъ образы Земли Почвенной. Это божество суживало представленіе Матери Земли такъ же, какъ почва суживала понятіе земли. Неразрывно съ почвой и вспаханнымъ полемъ находились божества, родившіяся отъ него, какъ тѣ посѣвы, которыхъ ожидалъ земледѣлецъ. Кора, Плутосъ, Триптолемъ и Эрихтоній являлись свѣтлыми дѣтьми божественныхъ родительницъ. Они оказывались божественными рожденіямъ

афинскихъ полей. Въ этомъ благодатномъ потомствѣ Земли и Деметры афинскій земледѣлецъ воплощалъ урожаи хлѣбныхъ злаковъ. Какъ можно видѣть, афинянинъ старательно обставлялъ каждое явленіе бытовой жизни земли особыми божествами, которыя, по существу являлись не чѣмъ инымъ, какъ религиозными образами повседневной жизни. Видя передъ собой землю, лежащую подъ раскинувшимся надъ нею небомъ, воздѣлывая ея почву, проводя въ ней плодородныя борозды и ожидая отъ нея урожая, земледѣлецъ претворялъ дѣйствія и образы въ религиозныя представленія» (231).

Это анимистически - религиозное удвоеніе дѣйствительности и создало циклъ связанныхъ съ землей и почвой божествъ. Но ими не исчерпывался земледѣльческій Олимпъ. Особенности почвы въ Греціи, въ особенности въ Атикѣ, выдвигали на первое мѣсто роль атмосферическихъ явленій. Безъ содѣйствія небесной влаги сухая известковая почва аттической равнины не приносила бы урожая. Это не осталось незамѣченнымъ религиозной мыслью, которая въ своемъ слѣдованіи за явленіями бытовой жизни создала цѣлый рядъ образовъ «небесныхъ земледѣльцевъ». Небеснымъ земледѣльцамъ и божествамъ земной и почвенной влаги и будетъ посвященъ второй томъ изслѣдованія г. Богачева.

П. Юшкевичъ.

Проф. В. Н. Твердохлѣбовъ. Финансовыя очерки. Вып. I. Петроградъ, 1916 г., 168 стр. Цѣна не обозначена.

Эти очерки составились изъ статей, частью печатавшихся въ разныхъ мѣстахъ ранѣе, частью появляющихся впервые. Всѣхъ очерковъ семь: 1) задачи финансовой науки, 2) методъ финансовой науки, 3) принципы обложения, 4) переложение налоговъ (догматическій очеркъ), 5) теории череложения налоговъ (историко-литературный очеркъ), 6)

влияние налоговъ на экономическую жизнь и 7) о реформѣ прямыхъ налоговъ въ Россіи.

Первые шесть очерковъ имѣютъ георетическій характеръ и могутъ быть разсматриваемы, какъ введеніе къ курсу финансовой науки, — нуждаясь, конечно, въ дополнительныхъ главахъ, которыя были бы посвящены доходамъ неналоговаго характера. Послѣдній очеркъ имѣетъ болѣе животрепещущій интересъ, т. к. посвященъ важному практическому вопросу финансовой политики Россіи въ ближайшемъ будущемъ.

Первые два очерка обнаруживаютъ у автора большую эрудицію въ области не только финансовой, но и научной методологии вообще. Четвертый и пятый трактуютъ самыя трудныя вопросы ф. науки, касающіяся переложения налоговъ, съ обстоятельностью, до сихъ поръ нашей ф. литературѣ несвойственной, и знакомятъ въ частности съ малоизвѣстными у насъ воззрѣніями на эти вопросы итальянскихъ финансистовъ. 6-й очеркъ однороденъ съ двумя предыдущими, т. к. влияние налоговъ на народное хозяйство происходитъ, какъ черезъ уклоненіе или уплату налога первымъ плательщикамъ, такъ и черезъ переложение его. Обсужденіе теоретическихъ вопросовъ у проф. Твердохлѣбова гораздо основательнѣе, чѣмъ въ лучшемъ изъ нашихъ курсовъ—проф. Озерова. Однако, не лишнее отвергнуть всѣ тѣ сужденія автора, которыя продиктованы боязнью «марксизма», исходятъ изъ «надъ-классовыхъ» соображеній вообще, и П. Б. Струве въ частности, а также многія сужденія, идущія отъ авторской школы.

Необходимость такого отверженія можно показать на примѣрѣ—главнаго принципа обложения, защищаемого авторомъ вслѣдъ за англичанами въ 3-емъ очеркѣ.

«Развитіе производительныхъ силъ—вотъ тотъ высшій объективный принципъ обложения, который долженъ лечь въ основу

всякой податной системы, и съ точки зрѣнія котораго наука имѣетъ право оцѣнивать эти системы, не вторгаясь въ область этики и сохраняя свой политическій нейтралитетъ». Въ результатѣ авторъ приходитъ къ весьма плодотворному выводу о необходимости перенесения центра тяжести обложения на земельную ренту, сельскую и городскую. Прекрасно, но не говоря уже о томъ, что съ этимъ выводомъ не согласятся заинтересованныя группы, развитие производительныхъ силъ—принципъ черезчуръ формальный, и потому выводы изъ него при всякихъ оцѣнкахъ налоговъ могутъ быть разные, и даже при согласии съ высшимъ «объективнымъ» принципомъ проф. В. Н. Твердохлѣбова, можно сдѣлать изъ него совсѣмъ «субъективное употребление». Что же касается «правъ науки» и возможности для нея сохранения политическаго нейтралитета, то нельзя отказать себѣ въ удовольствии процитировать слѣдующія содержательныя строчки съ 17-ой страницы очерковъ проф. В. Н. Твердохлѣбова, раздѣляемая и Максимумъ Веберомъ. «Участвуя въ политической жизни, ученый долженъ помнить, что онъ говорить отъ имени партии, общественной группы, но

не отъ имени науки. Если же онъ пытается стать внѣ окружающихъ его общественныхъ группъ въ роли объективнаго судьи, то онъ обманываетъ и другихъ, и себя, т. к. въ борьбѣ не можетъ быть объективныхъ рѣшеній. Многие склонны считать научными тѣ средня компромиссныя рѣшенія, которыя предлагаются «чуждыми политическихъ страстей» профессорами, но это жестокая ошибка: «только (слова М. Вебера) антимистическій синкретизмъ, являясь продуктомъ историческаго релятивизма, можетъ обманываться на этотъ счетъ...; политическій политикъ ищетъ компромисса между противоположными взглядами, но это не имѣетъ ничего общаго съ научной объективностью. «Средняя линия» ни на волосъ не интереснѣе, чѣмъ самые крайне идеалы правыхъ или лѣвыхъ партий». Къ этому прибавить, пожалуй, нечего.

О желательныхъ съ точки зрѣнія проф. Твердохлѣбова реформахъ въ нашемъ прямомъ обложении здѣсь говорить — не мѣсто. Но и этотъ очеркъ можетъ быть прочтенъ каждымъ съ большою пользою. Въ виду всего сказаннаго «Очеркамъ» можно пожелать успѣха.

А. Никитский.

РУССКО-АЗІАТСКІЙ БАНКЪ

ПРАВЛЕНІЕ въ Петроградѣ, Невскій. 62.

Складочный капиталъ	Руб.	55.000.000
Командита Кит. Прав.	Куп. Таэлей	3.500.000
Запасные капиталы	Руб.	27.200.000

ГОРОДСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ БАНКА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
на Садовой ул., домъ № 42 (близъ Свѣнной площади).

ОТДѢЛЕНІЯ И АГЕНТСТВА

Въ Европейской и Азіатской Россіи и заграничѣй.

Андижанъ	Ейскъ	Минскъ	Ростовъ-на-Дону
Армавиръ	Екатеринбургъ	Минусинскъ	Рыбинскъ
Астрахань	Екатеринадаръ	Москва	Самара
Асхабадъ	Елецъ	Наманганъ	Самаркандъ
Ачинскъ	Ефремовъ	Нижній-Новгородъ	Саратовъ
Баку	Иркутскъ	(во время ярм.)	Семипалатинскъ
Балашовъ	Токогама	Николаевскъ на	Сочи
Барнауль	Казань	Амуръ	Срѣтенскъ
Батумъ	Карачи	Николаевскъ Сам. г.	Старый Осколъ
Бискъ	Кашгаръ	Новоыбковъ	Ташкентъ
Благовѣщенскъ	Керки	Ново-Николаевскъ	Тверь
Бомбей	Кишиневъ	Новороссійскъ	Троицкосавскъ
Борисоглѣбскъ	Клиппы	Ново-Ургенчъ	Туапсе
Бутурлиновка	Козловъ	Новочернаскъ	Тяньцзинь
Бухара	Кокандъ	Ньючангъ	Усть-Чарышская
Бѣжецкъ	Коломбо	Одесса	Пряст.
Верхнеудинскъ	Константиноградъ	Омскъ	Хабаровскъ
Вильна	Красноуфимскъ	Орель	Хайларъ
Витебскъ	Красноярскъ	Парижъ	Ханькоу
Владивостокъ	Кронштадтъ	Пекинъ	Харбинъ
Владикавказъ	Куанченды	Пенза	Харьковъ
Воронежъ	Кузнецкъ	Петровскъ (Даг.)	Херсонъ
Вѣрный	Кульджа	Покровская Сло-	Череповець
Гомель	Либава	бода	Чита
Гонгконгъ	Лондонъ	Прилуки	Чифу
Грозный	Маргеланъ	Разказово	Чугучакъ
Дальний(Дайрель)	Маруполь	Рига	Шанхай
Дербентъ	Мервъ	Рославль	Якутскъ

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ «СИНОРУСЪ»

Банкъ имѣетъ корреспондентовъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и заграничѣй

ПРИРОДАПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ,
подъ редакціей

проф. Н. К. Кольцова и проф. Л. А. Тарасевича.

Вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу

№ 5—6 Май—Іюнь.

СОДЕРЖАНІЕ: Проф. П. П. Лазаревъ. Всплы и ихъ роль въ природѣ. В. Б. Шестаковичъ. Вѣчная мерзлота. Н. Н. Давыдовъ. А. О. Ковалевскій и его роль въ созданіи сравнительной эмбриологіи. Пр.-доц. А. В. Немилевъ. Внутренняя секретация и ея значеніе для биологіи. Проф. Д. Д. Плетневъ. Спортъ и сердце. Проф. П. П. Сушкинъ. Къ шестидесятилѣтнему юбилею М. А. Менъзбира. И. В. Новопокровскій. Памяти проф. В. А. Ротерта. Проф. В. А. Михельсонъ. Расширеніе и национальная организація научныхъ изслѣдованій въ Россіи. Андрей Григорьевъ. Отъ Закавказья до Средиземнаго моря (Малая Азія и Европа). Научныя новости и замѣтки. Неврологи. Природныя богатства Россіи. Астрономическія извѣстія. Географическія извѣстія. Библиографія.

Продолжается подписка на 1916 годъ.

Подписная цѣна (съ дост. и перес.): на годъ—6 р., на 9 мѣс.—4 р. 50 к., на 1/2 года—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—60 к. За границу—8 р. Отд. книжка съ перес. 76 к., налож. плат. 90 к.

Адресъ редакціи и Конторы: Москва, Моховая, 24.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ СИБИРСКАГО ТОРГОВАГО БАНКА

ва 1-го Іюля 1916 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аксерманѣ, Акимоліанскѣ, Андижанѣ, Архангельскѣ, Барбискѣ (Томской губ.), Бираулѣ, Бирскѣ, Біскѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (старой), Верхнеудинскѣ, Верхнеуральскѣ, Владивостокѣ, Вѣрномѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитскѣ, Ярмаркѣ (съ 25 Января по 24 Февраля), Иркутскѣ, Камнѣ (Томской губ.), Кокандѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанаѣ, Минусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 Іюля по 31 Августа), Никольскѣ-Уссурийскомѣ, Ново-Николаевскѣ, Одесскѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Пермѣ, Петропавловскѣ (Акимоліанск. обл.), Проскуровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Сарapulѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбургск. губ.), Тюмени, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ—на Калашниковской Биржѣ и при Ското-промышленной и Мясной Биржѣ и въ Москвѣ—близъ Мясной Биржи, въ Гавриковомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчѣ, на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской пл., на Серпуховской пл., у Сухоаревой Башни, на Таганской пл. и въ Марьиной Рощѣ.

Коммисіонеры: на Зѣв пристани, въ Канскѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Котласѣ, Николаевскѣ и Амурѣ и **Городскіе:** въ Петроградѣ—на Знаменской пл. и въ Москвѣ—на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе. Руб. К.	Отдѣленія. Руб. К.	В С Е Г О. Руб. К.
А К Т И В Ъ.			
Касса: наличность и текущіе счета въ Госуд. и частныхъ Банкахъ	6.121.942 89	10.431.004 63	16.552.947 52
Учетъ векселей, торг. обяз., тиражн. цѣнныхъ бум. и текущ. купоновъ	33.055.096 16	31.784.777 95	64.789.874 11
Ссуды подъ обезпеченіе	92.360.823 95	69.681.355 24	162.042.159 19
Покупка золота и драгоцѣн. метал.; принадл. Банку тратты на загр. мѣста и иностр. денежн. знаки	1.018.335 88	620.682 29	1.639.068 17
Цѣнныя бумаги, принадл. Банку	11.447.042 37	9.12.083 75	20.459.126 12
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	— —	96.645.230 33	96.645.230 33
Корреспонденты Банка:			
1) По ихъ счетамъ (лого)	202.749.647 42	13.164.235 72	215.913.883 14
2) По счетамъ Банка (постго): свободн. суммы въ распор. Банка	11.737.878 61	677.208 89	12.415.087 50
Протестованные векселя и торгов. обязательства	12.879 82	272.400 66	285.280 48
Просроченныя ссуды	53.087 46	308.639 31	361.716 77
Текущіе расходы	957.464 76	1.688.040 57	2.645.505 33
Расходы, подлежащіе возврату	— —	19.342 28	19.342 28
Недвижимое имущество	3.779.213 63	2.294.506 48	6.073.720 11
Движим. имущ. обзавед. и устройство	154.995 64	495.541 52	650.537 16
Переходящія суммы	3.826.527 50	3.043.944 51	6.870.472 01
И Т О Г О	356.774.986 09	240.088.984 13	606.863.970 22
П А С С И В Ъ.			
Складочный капиталъ	20.000.000 —	— —	20.000.000 —
Запасный капиталъ	10.000.000 —	— —	10.000.000 —
Запасная прибыль	1.000.000 —	— —	1.000.000 —
Запасной дивидендъ	4.000.000 —	— —	4.000.000 —
Вклады: на текущ. счета, безсрочн. и срочные	125.494.856 58	217.453.665 95	342.948.522 53
Капиталъ погашенія затратъ по недвиж. имущ. Банка	294.562 02	384.221 78	678.783 80
Долгъ Государств. Банку: 1) по спец. сч. подъ векс. и % бумаги	— —	284.522 22	284.522 22
2) по перзучету векселей	— —	3.381 —	3.381 —
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	98.557.622 76	— —	98.557.622 76
Корреспонденты Банка:			
1. По ихъ счетамъ (лого): свободныя суммы въ распоряжен. корресп.	64.788.723 88	4.636.786 93	69.425.510 81
2. По счетамъ Банка (постго): суммы, остающ. за Банкомъ	35.594.994 34	1.108.379 69	36.701.374 03
Диспетованныя тратты	2.612.950	2.628.322 53	2.864.432 03
Невыплаченный по акціямъ Банка дивидендъ	642.286 83	— —	642.286 83
Проценты, подлежащіе уплатѣ по текущимъ счетамъ и вкладамъ	2.004.917 74	3.774.625 47	5.779.543 21
Полученныя % и комиссіи за исключен. % и исчисленныя по вкладамъ и текущ. счетамъ	5.298.532 48	2.978.078 28	8.276.610 76
Переходящія суммы	3.862.359 96	6.839.000 28	10.701.360 24
И Т О Г О	356.774.986 09	240.088.984 13	606.863.970 22
Цѣнности на храненіи	164.103.062 47	1.909.160 34	278.205.223 01
Векселя на комиссіи	6.499.546 22	19.993.231 41	26.498.777 63

Номинальная стоимость ацціи Р. 250.

Уплата дивиденда производится въ Правленіи Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣленіяхъ.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
ЛѢТОПИСЬ

ПРИНИМАЕТСЯ

только со 2-ой четверти года

(съ апрѣля мѣсяца), такъ какъ (первыя три книги (январь, февраль и мартъ) разошлись цѣликомъ.

Новыя подписчики, внесшіе подписную плату за журналъ съ 1-го апрѣля **ДО КОНЦА 1916 года**, получаютъ первыя главы (I—IV) «Въ людяхъ» М. ГОРЬКАГО бесплатно.

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

Литература и искусство. Литературно-критическіе очерки. Театръ. Музыка. Живопись.

Иностранная жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденци: изъ Франціи, Англии, Швейцарии, Германіи, Дании, Голландіи, Швеции, Соед. Штатовъ.

Внутреннее обозрѣніе. Политическая жизнь. Экономика, финансы. Самоуправленіе. Окраины. Рабочій вопросъ. Школа. Церковь.

Наука и философія.

По Россіи. Бытъ провинціи. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библиографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензіи.

Подписная цѣна: — на — **1** — на — **3** — на — **6** — на — **9**
съ 1 апрѣля: 1 мѣс. 1 р. 3 мѣс. 3 р. 6 мѣс. 6 р. 9 мѣс. 9 р.

Предполагаемое содержаніе сентябрьской книги:

Стихотворенія—Вл. Маяковского Поэма «Война и миръ», III часть. Беллетристика—М. Горькаго «Въ людяхъ», Вяч. Шипкова «Тайга», М. Кисина «Фабричная», Волкъ-Фенрисъ (финансовая повѣсть), Г. Дж. Уэллсъ «Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна».

Статьи—В. Базарова, И. Манухина, Проф. К. Тимирязева, Ю. Каменева, Ст. Вольскаго, Л. Орлова, М. Смитъ, Р. Григорьева, В. Волгина, Д. Иванцова, Р. Арсваго и др.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 75 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакци:

Петроградъ, Б. Монетная, 18. — Телеф. 108-91.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ө. Радзишевскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

ПЕТРОГРАДЪ, БОЛ. МОНЕТНАЯ, 18, кв. 4.

Поступилъ въ продажу:

Сборникъ **АРМЯНСКОЙ** литературы подъ ред. **М. Горькаго**. Цѣна 2 руб.

Печатаются:

Сборникъ **ЛАТЫШСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительной статьей **И. Янсона**.

Сборникъ **ФИНЛЯНДСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительными статьями д-ра **Таркйайнена** и д-ра **Э. Невалинна**.

М. ГОРЬКІИ. Статьи 1905—1915 г.г. Сборникъ.

М. ГОЛЬДШМИДТЪ. **Еврей**, романъ. Переводъ **М. П. Благовѣщенской**.

В. МАЯКОВСКІЙ. **Простое, какъ мычаніе**. Сборникъ стихотвореній.

○○○○○○○○○○

Готовятся къ печати:

Сборникъ **ЕВРЕЙСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ЛИТОВСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **Ю. К. Балтрушайтиса**.

Сборникъ **УКРАИНСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ТАТАРСКОЙ** литературы.